Монография написана коллективом молодых ученых-юристов из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Суда Евразийского экономического союза, а также зарубежными учеными из Аргентины, Бразилии, Эквадора.

Представленные в книге главы посвящены изучению отдельных публично-правовых и частноправовых аспектов интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки, выявлению, обоснованию и оценке правовых моделей интеграционных объединений государств указанных регионов, рассмотрению проблем региональных интеграций государств Евразии и Латинской Америки с точки зрения правового, экономико-правового, политико-правового и философско-правового анализа.

Сравнительно-правовое и сравнительно-историческое изучение интеграции в Евразии и Латинской Америке, представленное в монографии, вносит вклад в теоретико-правовое изучение правовых систем данных регионов, а также подтверждает гипотезу о возможности сопоставления интеграционных процессов в государствах Евразии и Латинской Америки с целью взаимного обмена позитивным опытом. Сформулированные авторами выводы могут быть использованы в качестве рекомендаций для дальнейшего развития интеграции в Евразии, а также для обоснования расширения различных форм сотрудничества России со странами Латинской Америки и латиноамериканскими интеграционными объединениями.

Проведенное исследование заинтересует специалистов в сфере сравнительного правоведения, международного публичного и частного права, общей теории права, а также всех изучающих вопросы международной интеграции и гармонизации права.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

МОНОГРАФИЯ

Издание подготовлено при поддержке РГНФ — проект 15-33-01214
«Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки:
компаративный анализ»

РИОР

НАУКА

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

REGIONAL INTEGRATION OF THE STATES OF EURASIA AND LATIN AMERICA

PUBLIC LAW AND PRIVATE LAW ASPECTS

MONOGRAPH

This publication was prepared with the support of RGNF — project 15-33-01214 «Regional integration of the Eurasian and Latin American states: a comparative analysis»

Moscow
RIOR

**Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

МОНОГРАФИЯ

Издание подготовлено при поддержке РГНФ —
проект 15-33-01214 «Региональная интеграция государств
Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ»

Москва
РИОР

УДК 340.5:341.17:340.137.3:341.1
ББК 67
Р32

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1

Рецензенты:

Чиркин В.Е. — д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

Толстых В.Л. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Новосибирского государственного университета

Р32 **Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты**: монография / М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, Н.В. Власова [и др.]. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : РИОР, 2016. — 367 с.

ISBN 978-5-369-00827-0

Монография написана коллективом молодых ученых-юристов из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Суда Евразийского экономического союза, а также зарубежными учеными из Аргентины, Бразилии, Эквадора.

Представленные в книге главы посвящены изучению отдельных публично-правовых и частноправовых аспектов интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки, выявлению, обоснованию и оценке правовых моделей интеграционных объединений государств указанных регионов, рассмотрению проблем региональных интеграций государств Евразии и Латинской Америки с точки зрения правового, экономико-правового, политико-правового и философско-правового анализа.

Сравнительно-правовое и сравнительно-историческое изучение интеграции в Евразии и Латинской Америке, представленное в монографии, вносит вклад в теоретико-правовое изучение правовых систем данных регионов, а также подтверждает гипотезу о возможности сопоставления интеграционных процессов в государствах Евразии и Латинской Америки с целью взаимного обмена позитивным опытом. Сформулированные авторами выводы могут быть использованы в качестве рекомендаций для дальнейшего развития интеграции в Евразии, а также для обоснования расширения различных форм сотрудничества России со странами Латинской Америки и латиноамериканскими интеграционными объединениями.

Проведенное исследование заинтересует специалистов в сфере сравнительного правоведения, международного публичного и частного права, общей теории права, а также всех изучающих вопросы международной интеграции и гармонизации права.

УДК 340.5:341.17:340.137.3:341.1
ББК 67

© Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016

ISBN 978-5-369-00827-0

Reviewers:

Chirkin V.E. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

Tolstykh V.L. — Doctor of Law, Professor, Head of the International Law Department of the Novosibirsk State University

Regional integration of the states of Eurasia and Latin America: public law and private law aspects: monograph / M.V. Zaloilo, E.E. Rafalyuk, N.V. Vlasova, etc. — Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: RIOR, 2016. — 367 p.

ISBN 978-5-369-00827-0

The monograph is written by a group of young legal scholars from the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Court of the Eurasian Economic Union, and foreign scientists from Argentina, Brazil, Ecuador.

The chapters of the book are devoted to the study of the public law and private law aspects of integration communities of Eurasia and Latin America, the identification, justification and evaluation of legal models of regional integration communities, examination of the problems of regional integration in Eurasia and Latin America in terms of legal, economic, political, philosophical analysis.

The study of integration in Eurasia and Latin America from the angle of comparative law and comparative history methods makes a contribution to the theoretical examination of the regional legal systems and also confirms the hypothesis about the possibility of comparing the processes of integration in the states of Eurasia and Latin America for the purpose of mutual exchange of positive experience.

The conclusions which were formulated by the authors can be used as guidelines for the further development of integration in Eurasia, as well as to the basis of the expansion of various forms of cooperation between Russia and the states of Latin America and their integration communities.

The study will be interesting for the specialists of comparative law, international public and private law, general theory of law, as well as everybody who are interested in studying of international integration and harmonization of law.

ISBN 978-5-369-00827-0

© Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2016

CONTENTS

Introduction
The comparison of integrative processes in the focus of legal science 13

Section 1. LATIN AMERICAN AND EURASIAN REGIONAL INTEGRATION ON THE LEGAL MAP OF THE WORLD 20

Chapter 1. The formation and development of integrative cooperation in Latin America and Eurasia 20

Chapter 2.The legal models of integrative associations of Latin America and Eurasia. Prognostic evaluation 78

Section 2. THE MULTIVARIABILITY OF REGIONAL INTEGRATION PROBLEMS OF THE LATIN AMERICAN AND EURASIAN STATES 95

Chapter 3. The legal aspects of Latin American and Eurasian integration 95

Chapter 4. Prospects of the integrative and communitarian law development in Latin America 127

Chapter 5. Economic-legal analysis of the Latin American and Eurasian integration 145

Chapter 6. Political-legal analysis of the Latin American and Eurasian integration 177

Chapter 7. The conceptual basis of the Latin American and Eurasian integration 194

Section 3. PUBLIC LAW AND PRIVATE LAW ASPECTS OF THE REGIONAL INTEGRATION OF THE EURASIAN AND LATIN AMERICAN STATES 220

Chapter 8. The mutual influence of globalization, integration and transformation of the states and their constitutions 220

Chapter 9. Integrative processes in the field of human rights in Latin America and Eurasia 247

Chapter 10. A private person in the system of public integrative relations 269

Chapter 11. Trends and peculiarities of harmonization and unification of private law in the context of Eurasian integration 291

Chapter 12. The development of family law in Latin America and Eurasia (on the example of Brazil and Russia) 304

CONCLUSION
Latin American and Eurasian integration in comparative legal and comparative historical measurements: trends, challenges, prospects and prognostic evaluation of development 320

BIBLIOGRAPHY 337

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Сравнение интеграционных процессов в фокусе юридической науки 13

Раздел 1. ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРАВОВОЙ КАРТЕ МИРА 20

Глава 1. Становление и развитие интеграционного сотрудничества в Латинской Америке и Евразии. 20

Глава 2. Правовые модели интеграционных объединений государств Латинской Америки и Евразии. Прогнозные оценки. 78

Раздел 2. МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ЕВРАЗИИ 95

Глава 3. Правовые аспекты латиноамериканской и евразийской интеграций. . . 95

Глава 4. Развитие интеграционного и коммунитарного права в Латинской Америке 127

Глава 5. Экономико-правовой анализ латиноамериканской и евразийской интеграций 145

Глава 6. Политико-правовой анализ латиноамериканской и евразийской интеграций 177

Глава 7. Концептуальные основы латиноамериканской и евразийской интеграций 194

Раздел 3. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ. 220

Глава 8. Взаимовлияние глобализации, интеграции, трансформации государств и их конституций 220

Глава 9. Процессы интеграции в области прав человека в Латинской Америке и Евразии 247

Глава 10. Частное лицо в системе публичных интеграционных правоотношений 269

Глава 11. Тенденции и особенности гармонизации и унификации частного права в условиях евразийской интеграции 291

Глава 12. Развитие семейного законодательства на латиноамериканском и евразийском пространстве (на примере Бразилии и России) 304

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Латиноамериканская и евразийская интеграции в сравнительно-правовом и сравнительно-историческом измерениях: тенденции, вызовы, перспективы и прогнозные оценки развития. 320

БИБЛИОГРАФИЯ 337

AUTHORS

Zaloilo Maksim Viktorovich — senior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, PhD.

Rafalyuk Elena Evgenyevna — counsellor of the Department of the examination and analysis of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union, PhD.

Alimova (Paigina) Dina Rifatovna — junior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Barbieri Waquim Bruna — doctor of law of the University UNICEUB/DF, magister of the discipline “Law and the institutes of judicial system” of the Federal university Maranhao (UFMA), consultant of the Court of the state Maranhao, lecturer of the University UNDB/MA, vice-president of Brazilian Institute of family law (IBDFAM/MA) (Brazil).

Barbosa Ramos Paulo Roberto — doctor of law, Pontifical Catholic University of São Paulo (PUC/SP), coordinator of the Research Center of constitutional law of the University of Granada (Spain), coordinator of the magistracy "Law and institutions of the judicial system" of the Federal University Maranhao, researcher of the University UniCEUMA, the Prosecutor (Brazil).

Barros Pinheiro Rossana — bachelor of law and magister of the Federal University Maranhao, a member of the Research Center of constitutional law, attorney (Brazil).

Ermakova Kseniya Petrovna — senior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, PhD.

Malutin Nikita Sergeevich — leading consultant of the direction of the international relations and consolidation of constitutional control’s practice of the Constitutional Court’s of the Russian Federation Registry, PhD.

Montaño Galarza César — president and associate professor of Andean Simon Bolivar University in Ecuador (UASB-E), doctor of law, magister of the international economic law, advocate, doctor of jurisprudence of the University UNL (Ecuador).

Muratova Olga Vyacheslavovna — junior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Orrego Hoyos Gloria — lawyer of the San-Andreas University (Argentina).

Pareja Cucalón Francisco — head of the Germanico Salgado department of regional integration of Andean Simon Bolivar University in Ecuador (Ecuador).

Strukov Konstantin Viktorovich — post-graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Vlasova Nataliya Viktorovna — research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Залоило Максим Викторович — старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук (введение в соавторстве с Е.Е. Рафалюк, глава 1 в соавторстве с Н.В. Власовой, Ц. Монтаньо Галарзой, Е.Е. Рафалюк, глава 2 в соавторстве с Н.В. Власовой, Ц. Монтаньо Галарзой, Е.Е. Рафалюк, глава 3 в соавторстве с Н.В. Власовой, Е.Е. Рафалюк, глава 9 в соавторстве с Н.С. Малютиным, Г. Оррего Ойос, заключение в соавторстве с Н.В. Власовой, Ц. Монтаньо Галарзой, Ф. Пареха Кукалоном, О.В. Муратовой (Белоусовой), Е.Е. Рафалюк).

Рафалюк Елена Евгеньевна — советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук (введение, глава 1 в соавторстве с Н.В. Власовой, Ц. Монтаньо Галарзой, М.В. Залоило, глава 2 в соавторстве с Н.В. Власовой, Ц. Монтаньо Галарзой, М.В. Залоило, глава 3 в соавторстве с Н.В. Власовой, М.В. Залоило, глава 4 в соавторстве с Ц. Монтаньо Галарзой, глава 10, заключение в соавторстве с Н.В. Власовой, Ц. Монтаньо Галарзой, М.В. Залоило, Ф. Пареха Кукалоном, О.В. Муратовой (Белоусовой)).

Алимова (Пайгина) Дина Рифатевна — младший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (глава 6 в соавторстве с К.П. Ермаковой, О.В. Муратовой (Белоусовой)).

Барбиери Ваким Бруна (Barbieri Waquim Bruna) — доктор права университета UNICEUB/DF, магистр программы «Право и институты судебной системы» Федерального университета Мараньяу (UFMA), консультант Суда штата Мараньяу (Бразилия), преподаватель Университета UNDB/MA, вице-президент Бразильского института семейного права (IBDFAM/MA) (гл. 12).

Барбоса Рамос Паулу Роберту (Paulo Roberto Barbosa Ramos) — доктор конституционного права Папского католического университета Сан-Паулу (PUC/SP), координатор Центра исследований конституционного права Университета Гранады (Испания), координатор магистратуры «Право и институты судебной системы» Федерального университета Мараньяу (Бразилия), исследователь Университета UniCEUMA, прокурор (глава 8 в соавторстве с Р. Барроса Пинейру).

Баррос Пинейру Россана (Rossana Barros Pinheiro) — бакалавр права и магистр Федерального университета Мараньяу (Бразилия), член Центра исследований конституционного права, адвокат (глава 8 в соавторстве с П.Р. Барбоса Рамосом).

Власова Наталия Викторовна — научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (глава 1 в соавторстве с Ц. Монтаньо Галарзой, М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, глава 2 в соавторстве с Ц. Монтаньо Галарзой, М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, глава 3 в соавторстве с М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, заключение в соавторстве с Ц. Монтаньо Галарзой, М.В. Залоило, Ф. Пареха Кукалоном, О.В. Муратовой (Белоусовой), Е.Е. Рафалюк).

Ермакова Ксения Петровна — старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук (глава 6 в соавторстве с Д.Р. Алимовой (Пайгиной), О.В. Муратовой (Белоусовой)).

Малютин Никита Сергеевич — ведущий консультант Управления международных связей и обобщения практики конституционного контроля Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук (глава 9 в соавторстве с М.В. Залоило, Г. Оррего Ойос).

Монтаньо Галарза Цезарь (Montaño Galarza César) — ректор и доцент Андского университета им. Симона Боливара в Эквадоре (UASB-E), доктор права, магистр международного экономического права, адвокат, доктор юриспруденции Университета UNL (глава 1 в соавторстве с Н.В. Власовой, М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, глава 2 в соавторстве с Н.В. Власовой, М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, глава 4 в соавторстве с Е.Е. Рафалюк, заключение в соавторстве с Н.В. Власовой, М.В. Залоило, Ф. Пареха Кукалоном, О.В. Муратовой (Белоусовой), Е.Е. Рафалюк).

Муратова (Белоусова) Ольга Вячеславовна — младший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (глава 5 в соавторстве с Ф. Пареха Кукалоном, глава 6 в соавторстве с Д.Р. Алимовой (Пайгиной), К.П. Ермаковой, глава 11, заключение в соавторстве с Н.В. Власовой, Ц. Монтаньо Галарзой, М.В. Залоило, Ф. Пареха Кукалоном, Е.Е. Рафалюк).

Оррего Ойос Глория (Gloria Orrego Hoyos) — юрист Университета Сан-Андреас (Буэнос-Айрес, Аргентина) (глава 9 в соавторстве с М.В. Залоило, Н.С. Малютиным).

Пареха Кукалон Франсиско (Francisco Pareja Cucalón) — заведующий кафедрой региональной интеграции им. Германико Салгадо Андского университета им. Симона Боливара (эквадорский филиал) (глава 5 в соавторстве с О.В. Муратовой (Белоусовой), заключение в соавторстве с Н.В. Власовой, М.В. Залоило, Ц. Монтаньо Галарзой, О.В. Муратовой (Белоусовой), Е.Е. Рафалюк).

Струков Константин Викторович — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (глава 7).

ВВЕДЕНИЕ
СРАВНЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ФОКУСЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Книга «Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты» стала результатом научного исследования, проведенного коллективом молодых ученых-юристов в рамках научного проекта РГНФ 15-33-01214 «Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации)[1]. Она посвящена историческим аспектам, особенностям и тенденциям развития отраслей и институтов публичного и частного права в условиях региональной экономической интеграции.

Начало XXI в. в международной общественной жизни характеризуется тенденциями трансформации сложившейся системы международных отношений, формирования многополярного мира, установления диалога между странами различных регионов. Исключением не являются государства Евразии и Латинской Америки, развивающие стратегическое партнерство в различных областях. Все большее значение приобретает налаживание взаимодействия между региональными интеграционными объединениями евразийских и латиноамериканских стран. Перспективность движения в данном направлении заключается в выработке новых форматов международного общения государств.

Реформа многосторонней системы мирового управления происходит на фоне укрепления региональных экономических, политических и культурных связей.

Регионы — Евразия и Латинская Америка — выбраны для исследования в данной монографии не случайно, так как здесь в течение длительного времени с разной степенью интенсивности и успешности протекали интеграционные процессы, развивающиеся и по сей день.

---

[1] В 2015 г. коллективом молодых ученых — исполнителей научного проекта РГНФ 15-33-01214 был опубликован промежуточный результат исследования — сборник научных статей (см.: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015).

Интеграционные процессы в Евразии и Латинской Америке имеют свои особые исторические корни, проявляются в особенностях форм межгосударственной интеграции, различном правовом обеспечении и экономических условиях. Признавая географическую отдаленность латиноамериканского и евразийского регионов и уникальность интеграции в каждом из них, следует отметить отдельные схожие черты в ее характеристике: длинный исторический путь развития, противоречивость и сложность, многоуровневость и многовекторность интеграции. Наличие как самобытных, так и общих черт латиноамериканской и евразийской интеграции создает предпосылки для сравнительно-правового анализа интеграции в данных регионах.

Анализ современного состояния исследований по данной научной проблеме показывает, что интеграция в российской правовой доктрине представляет собой комплексный объект исследования, который изучается рядом юридических наук, в том числе теорией государства и права, сравнительным правоведением, международным публичным правом, международным частным правом и другими отраслевыми юридическими науками.

Если в отечественной правовой доктрине «право интеграционных объединений» рассматривается как региональное международное право, то в зарубежной (например, латиноамериканской) оно изучается в качестве автономного правопорядка (интеграционного права, коммунитарного права). В этом ключе проблемы интеграционного права рассматривались, например, такими учеными, как Алонсо Гарсия (Alonso R. García), Альварес Гарсия (Alvares J. García), Р. Барра (R. Barra), М.А. Экмекдиан (M.A. Ekmekdjian), С. Фельдштейн (S. Feldstein), П. Отермин (Pérez J. Otermín), П. Пескаторе (P. Pescatore), У. Рестрепо (Uribe F. Restrepo) и др.

В российской юридической науке традиционно уделяется внимание рассмотрению таких аспектов интеграции, как обеспечение государственного суверенитета в условиях интеграции, пределы делегирования внутригосударственных полномочий на наднациональный уровень, распределение компетенции между национальными и наднациональными структурами, разрешение коллизий между наднациональными и внутригосударственными правовыми регуляторами (А.Я. Капустин, Ю.С. Кашкин, И.И. Лукашук, О.И. Тиунов, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин и др.).

Приоритетным направлением исследований остается изучение унификации и гармонизации международного частного права в условиях интеграции государств. Общетеоретические вопросы унификации международного частного права отражены в работах дореволюционных отечественных ученых — Л.А. Комаровского, А.Н. Мандельштама, Ф.Ф. Мартенса, в трудах советских и российских ученых — С.В. Бахина, М.И. Брагинского, Н.Г. Вилковой, И.А. Грингольца, Г.К. Дмитриевой, Н.Г. Дорониной, В.П. Звекова, О.П. Коровиной, С.Н. Лебедева, Л.А. Лунца, А.Л. Маковского, О.Н. Садикова, Н.А. Шебановой и др.

Унификацию международного частного права изучали специалисты в области сравнительного правоведения: зарубежные ученые — М. Ансель, Р. Давид, А.Х. Саидов, К. Цвайгерт и Х. Кетц; российские авторы — С.С. Сафронова, Ю.А. Тихомиров, А.А. Тилле и др.

Унификации международного частного права в рамках интеграционных объединений посвящены научные работы российских ученых-юристов — А.А. Маковской, Л. Неделин, Г.А. Пакерман. Методы унификации международного частного права в условиях интеграции государств исследовали латиноамериканские авторы — Ф. Арроя (F. Arroyo), А. Вильяльта (A. Villalta), Марко Герардо Монрой Кабра (Marco Gerardo Monroy Cabra), Хоакин Каиседо Кастилья (Joaquín Caicedo Castilla), Г. Парра-Арангурен (G. Parra-Aranguren), Татьяна Маекельт (Tatiana Maekelt), А.М. Гарро (A.M. Garro) и др.

Одна из первых работ в области изучения влияния судов на развитие интеграции на примере Суда Европейских сообществ была подготовлена М.Л. Энтиным[1]. На современном этапе вопросам организации и практики деятельности судов интеграционных объединений посвящается все большее число научных трудов видных представителей отечественной юридической науки: Т.Н. Нешатаевой, А.С. Смбатян, В.Л. Толстых и др.

Имеются исследования по данной тематике зарубежных авторов — А.М. Пуньялы, Г.Ч. Лизкано и др.[2]

---

[1] Энтин М.Л. Суд Европейских сообществ. Правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987.

[2] Bloch R.D. e Iglesia D.O.: Solución de controversias en el Mercosur. Buenos Aires. 1995; Herrera Orlando Mejía. Los métodos alternos de solución de controversias comerciales entre los estados miembros del sistema de la inte-

Правовое обеспечение региональной экономической интеграции — актуальная задача. Международный договор представляет собой юридическую основу и базу интеграционного сотрудничества государств, определяя его цели, задачи, форму, организационную и институциональную структуры. При этом роль права в условиях интеграции не сводится только лишь к обеспечению интеграционных процессов.

Право как социокультурное явление и развивающаяся система, подобная, например, языку, эволюционирует вместе с развитием общественных отношений.

В системе международного правового регулирования возрастает роль регионального регулирования.

Так, с возникновением интеграции как нового общественного и экономического явления сформировалось интеграционное (совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе интеграции) и коммунитарное право (автономная правовая система интеграционных объединений), наметились новые направления взаимодействия международного и национального права, усилилась конвергенция публичного и частного права. Модифицируется не только право, но и государство: развиваются наднациональные институты, происходит делегирование внутригосударственных полномочий на наднациональный уровень, меняются функции государства, т.е. устоявшаяся, «классическая» концепция государства и права эволюционирует.

Европейский союз, наиболее устойчивый и эффективный интеграционный проект, в 2015–2016 гг. подвергся различного уров-

---

gración centroamericana (SICA) // Revista Española de Derecho Internacional. Núm. LX-1, Janeiro 2008; Gallardo C.G. La Corte de Justicia de la Comunidad Centroamericana y la consulta prejudicial.Seminario sobre “La Consulta Prejudicial”. Granada. Nicaragua. 9–10 de octubre. 2006; Manual de Procedimientos del Sistema Andino de Solución de controversias. Lima. 2008. URL: www.comunidadandina.org; Martínez P.B., Perotti A.D. La teoría del acto aclarado ¿resulta necesaria su aplicación en el marco de la interpretación prejudicial Andina? Quito-Buenos Aires. 13 de mayo de 2003; Mora R.Ch. La Corte de Justicia de la Comunidad Centroamericana. Managua: Imprimátur. 2000; Peralta R.A. La Corte Centroamericana de Justicia: Organo principal y permanente del Sistema de Integración Centroamericana // Seminario “La Normativa Jurídica del SICA y la Consulta Prejudicial” 22 de marzo. 2007; Perotti A.D. Algunas consideraciones sobre la interpretacion prejudicial obligatoria en el derecho andino.Buenos Aires 2001. URL: http://www.comunidadandina.org.

ня угрозам и вызовам как внутреннего, так и внешнего характера: волна экономических кризисов, «наплыв» мигрантов, террористические акты во Франции и Бельгии. Все это свидетельствует о необходимости пересмотра отдельных положений и направления развития интеграционного взаимодействия.

Государства не готовы к передаче всех национальных полномочий и отказу от своего суверенитета. В связи с этим интеграция, скорее всего, будет развиваться не «вглубь», а «вширь», охватывая новые континенты и страны. Развитие интеграции «вглубь» может сталкиваться с опасениями государств, вызванными боязнью потери своего суверенитета, невозможностью унификации отдельных сфер общественных отношений, различиями в правовой культуре и правосознании граждан государств-участников интеграционного объединения.

Несмотря на сказанное выше, уже сегодня очевидно, что интеграция внесла свой вклад в эволюцию учения о праве и государстве, способствовала развитию и обогащению юридической доктрины.

Книга написана коллективом молодых ученых-юристов, состоящим из научных сотрудников и аспирантов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, представителей важнейшего органа Евразийского экономического союза — Суда Союза — и зарубежных ученых из Аргентины, Бразилии, Эквадора.

Представленные в книге структурные элементы (разделы, главы) посвящены истории становления и развития интеграционного сотрудничества в Латинской Америке и Евразии, выявлению, обоснованию и оценке правовых моделей интеграционных объединений государств указанных регионов, рассмотрению многоаспектных проблем региональных интеграций государств Евразии и Латинской Америки с точки зрения правового, экономико-правового, политико-правового и философско-правового анализа, изучению отдельных публично-правовых и частноправовых аспектов интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки.

Методологическую основу проведенного авторами научного исследования в области сравнительно-правового анализа публично-правовых и частноправовых аспектов региональной интеграции государств Евразии и Латинской Америки составило положе-

ние о взаимосвязи международного частного и международного публичного права, что позволило сформулировать гипотезу о существовании интеграционного права, регулирующего общественные отношения, складывающиеся в процессе интеграции, и включающего как частноправовые, так и публично-правовые институты.

Применение сравнительно-правового метода позволило авторам провести компаративный анализ развития интеграционных процессов в Евразии и Латинской Америке, изучить особенности функционирования различных интеграционных объединений в Евразии и Латинской Америке, выявить особенные и схожие черты, предложить возможные варианты заимствования положительного опыта интеграции, а также потенциальные формы межгосударственного сотрудничества в рамках интеграционных проектов.

Сравнительно-исторический метод был применен с целью изучения этапов интеграции в Евразии и Латинской Америке, характеристики каждого из них, обоснования влияния различных факторов (идеологии, политики, экономики и др.) на развитие интеграции и с учетом исторического прошлого прогнозирования возможных сценариев развития интеграции в будущем.

Использование формально-юридического метода стало необходимым для изучения нормативно-правового содержания международных договоров, правовых актов органов интеграционных объединений, модельных законов, решений международных судов с целью выработки рекомендаций по дальнейшему развитию и совершенствованию правового обеспечения интеграции в современных условиях.

Полученные в результате научного исследования выводы могут быть использованы в качестве рекомендаций для дальнейшего развития интеграции в Евразии, а также для обоснования расширения различных форм сотрудничества России со странами Латинской Америки, в том числе с латиноамериканскими интеграционными объединениями.

Авторы книги убеждены в том, что сравнительно-правовое и сравнительно-историческое изучение интеграции в Евразии и Латинской Америке позволит внести вклад в теоретико-правовое изучение правовых систем данных регионов, а также подтвердить гипотезу о возможности сопоставления интеграционных процессов в государствах Евразии и Латинской Америки с целью взаимного обмена позитивным опытом.

Признавая идеалистичность идеи интеграции, важно подчеркнуть, что в ее основе лежит естественно-правовая теория сотрудничества государств. В наши дни, когда международные вооруженные конфликты обостряются, мы, авторы книги, выражаем надежду, что это издание продемонстрирует разнообразные формы и способы сотрудничества во имя общего блага. Мы бы очень хотели, чтобы наша монография способствовала утверждению и повышению ценности мира между государствами, решению конфликтов мирными способами, развитию сотрудничества и взаимопонимания между государствами, так как это и есть истинная цель международного права и права вообще.

Залоило М.В., Рафалюк Е.Е.

РАЗДЕЛ 1
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРАВОВОЙ КАРТЕ МИРА

Глава 1
Становление и развитие интеграционного сотрудничества в Латинской Америке и Евразии

(Власова Н.В., Залоило М.В., Монтаньо Галарза Ц., Рафалюк Е.Е.)

Интеграционное сотрудничество государств как отражение идеи естественного права о международном общении государств. Сотрудничество государств восходит к идее естественного права о том, что государства стремятся к общению между собой. Хотя философ Т. Гоббс и писал, что естественным состоянием человека является состояние войны всех против всех, в качестве основного естественного закона он провозгласил: «Следует искать мира и следовать ему»[1]. С. Пуфендорф, развивая мысли Г. Гроция и Т. Гоббса, полагал, что государства не признают над собой власти и находятся в естественном состоянии мира. Согласно мнению Х. Вольфа целью государства является совершенствование, и для этого государства вступают в международные отношения. Государства должны образовать одну республику, в которой им вместе принадлежит верховная власть над каждым отдельным государством[2]. По мнению Э. де Ваттеля, сообщество государств находится в естественном состоянии. Данное естественное состояние предполагает сотрудничество и взаимопомощь государств: «Целью естественного общества, установленного между всеми людьми, является их взаимная помощь для усовершенствования себя самих и усовершенствования их государства; нации, рассматриваемые как свободные личности, живущие вместе в естественном состоянии, обязаны развивать между ними это человеческое общество; поэтому целью большого сообщества, установленного природой среди всех наций, является также взаимопомощь для самоусовершенствования»[3].

---

[1] Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010. С. 57–58.

[2] Там же. С. 59.

[3] Там же. С. 60.

Таким образом, корни международно-правового принципа сотрудничества государств уходят к естественно-правовой идее общения, взаимного развития и взаимодействия государств.

Региональное интеграционное сотрудничество, понимаемое как установление экономических связей на основе международных договоров между государствами одного региона в силу их близкой географической расположенности, также можно рассматривать как проявление естественно-правовой идеи сотрудничества государств.

Принцип сотрудничества не обязывает государство вступать в конкретные виды сотрудничества или определенные договорные отношения с любым другим государством по требованию последнего, что являлось бы нарушением принципов свободы договоров и суверенитета государства.

Принцип сотрудничества государств, в том числе в сфере взаимного экономического сближения (интеграции), исходит из свободного волеизъявления государств.

Рассматривая интеграционное сотрудничество как проявление естественно-правовой идеи сотрудничества государств, следует выделить несколько особенных черт, характерных для сотрудничества государств в области интеграции.

С развитием интеграционных процессов в мире во второй половине XX в. — начале XXI столетия появляется новая специфическая область сотрудничества государств — интеграция. В качестве сферы межгосударственного сближения в уставных документах интеграционных объединений указывается, как правило, экономика и торговля. Так, исторически Европейский союз (ЕС) сформировался на базе экономических соглашений между Бельгией, Германией, Нидерландами, Люксембургом, Францией и Италией (договоры об учреждении Европейского объединения угля и стали, Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии), а сегодня ЕС представляет собой не только экономическое, но и политическое объединение 28 европейских государств. Аналогичную картину можно проследить и в других интеграционных объединениях. Например, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) создавалось с целью эффективного продвижения процесса формирования договаривающимися сторонами Таможенного союза и Единого экономического пространства[1]. А цели деятельности

[1] Ст. 2 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. (Договор утратил силу) // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 632.

Евразийского экономического союза (ЕАЭС), хотя и основаны на экономике, но более широки по своему содержанию[1].

Таким образом, под интеграционным межгосударственным сотрудничеством понимается, прежде всего, экономическое сближение государств, которое может развиваться и затрагивать иные сферы общественной жизни, например, политику, культуру и др.

Из анализа практики деятельности современных интеграционных объединений следует, что большинство из них создано на основе соглашений между государствами, расположенными в одном географическом регионе: на территории Европы, Евразии, в Латинской Америке или в Азии. Такая особенность имеет под собой, прежде всего, экономические причины, связанные с защитой и развитием национальных экономик в условиях высокой конкуренции, стремлением к поддержанию и укреплению связей между соседними государствами, как правило объединенными сходством культур и правовых систем, упрощением интеграции в мировую экономику.

Развитие регионального сотрудничества с точки зрения права отражает тенденцию регионализации международных отношений, что является следствием кризиса глобального международного управления, которое уступило место региональному.

В настоящее время отмечается развитие взаимоотношений между различными региональными интеграционными объединениями, которые, возможно, создадут новые формы интеграционных соглашений, «связывающих» между собой государства различных континентов Земного шара[2]. Между тем и такие межгосу-

---

[1] Ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. URL: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.01.2015).

[2] Например, подготовлен проект меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 240 «О проекте Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана» (принято в г. Москве 29 октября 2013 г.) // СПС КонсультантПлюс); обсуждается меморандум о взаимопонимании между МЕРКОСУР и ЕАЭС; подписаны меморандумы о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Чили (Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством

дарственные союзы, состоящие из государств различных континентов, «проходят проверку на прочность» в настоящее время (например, ситуация с выходом Бразилии из Брикс в 2016 г. ставит под угрозу существование данного объединения).

Государства свободны во вступлении в то или иное региональное интеграционное объединение и ни одно государство не может принудить другое вступить в межгосударственный союз. Современная международная обстановка показывает примеры ситуаций (политический кризис на Украине), когда вопрос о присоединении к той или иной интеграционной группе (Европа либо Евразия) может служить поводом для разворачивания вооруженных конфликтов.

Решение государства о вступлении в то или иное интеграционное образование связано с различными факторами, среди которых ведущая роль принадлежит политическому фактору: «при принятии решений в международной интеграции все ее субъекты стремятся удовлетворить собственные интересы. Условие взаимовыгодности, имеющее явный политический и экономический контекст, — одно из ключевых при разрешении вопроса о вступлении государств в интеграционный процесс»[1].

Кроме того, членство государства в том или ином интеграционном объединении может служить предметом манипулирования во внутренней и внешней политике. Так, политический кризис в Парагвае привел к тому, что его членство в МЕРКОСУР было приостановлено до апреля 2013 г. — времени проведения президентских выборов (на основании примененных положений Протокола Монтевидео по вопросу приверженности демократии в МЕРКОСУР от 20 декабря 2011 г.)[2]. В апреле 2016 г. Президент Бразилии Дилма Русеф еще до объявления ей импичмента заявляла о своем намерении обратиться к странам Южноамериканского

Республики Чили (подписан в г. Санкт-Петербурге 19 июня 2015 г.) // СПС КонсультантПлюс); между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Перу (Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Перу (подписан в г. Лиме 6 октября 2015 г.) // СПС КонсультантПлюс) и др.

[1] Пайгина Д.Р. О роли политического фактора в интеграционных процессах (на примере МЕРКОСУР) / Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М., 2015. С. 57.

[2] Пайгина Д.Р. Указ. соч. С. 60.

общего рынка с просьбой приостановить членство Бразилии в МЕРКОСУР [1].

Развитие региональных интеграционных объединений и появление в их организационно-правовой структуре наднациональных черт актуализировали вопрос о нарушении либо не нарушении таких принципов международного права, как суверенитет, невмешательство во внутренние дела государства. Доктрина международного права по этому вопросу основывается на том, что государства договариваются о том, полагают ли они целесообразным передачу своих внутригосударственных компетенций на надгосударственный уровень и в каких сферах. Такая уступка возможна в целях общего, обоюдного интереса и развития интеграции. Передача части суверенных компетенций (полномочий) государством в пользу наднациональных органов не влечет за собой каких-либо отрицательных последствий для его суверенитета[2]. Напротив, посредством участия в международных организа-

---

[1] Русеф намерена приостановить членство Бразилии в МЕРКОСУР. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2016/04/23/n_8546993.shtml

[2] Несмотря на добровольность участия государств в интеграционном объединении, правомерными остаются вопросы: сохраняют ли суверенитет его государства-члены; обладает ли интеграционное объединение наднационального типа суверенитетом? Концепцию «мифа о суверенитете» применительно к Карибскому сообществу (КАРИКОМ) предложил KarenE. Bravo (KarenE. Bravo. CARICOM, the Myth of Sovereignty, and Aspirational Economic Integration. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=996443). По его мнению, для государств-членов Сообщества, бывших колоний, миф о суверенитете — это одновременно и сущностная истина, и фактическая ложь. «Истиной» является их характеристика как свободных государств и возможность заявить об этом в общении с остальным миром, в том числе с бывшими колониальными хозяевами. «Ложью» «миф о суверенитете» является в том смысле, что экономические, политические, геостратегические реальности накладывают ограничения на способность постколониальных государств действовать извне (и даже внутри) (Karen E. Bravo. CARICOM, the Myth of Sovereignty, and Aspirational Economic Integration//http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=996443. P. 162). «Все суверенные государства равны. Но одни более равны, чем другие» (George Orwell, Animal Farm: A Fairy Story. Цит. по: Karen E. Bravo. CARICOM, the Myth of Sovereignty, and Aspirational Economic Integration. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=996443. P. 162). Так, карибские государства сохраняют суверенные полномочия, вытекающие из территориального верховенства, включая право предоставлять или отказывать в предоставлении гражданства, принимать и применять внутреннее законодатель-

циях, наделенных наднациональными полномочиями, государства не только не претерпевают умаления своего суверенитета, но «приобретают право расширять сферу своих действий далеко за пределы территориального верховенства»[1].

Таким образом, «в XX веке концепция государственного суверенитета приобрела новый смысловой оттенок, государственный суверенитет перестал быть абсолютной категорией, а государства в рамках международного сотрудничества ограничили свой суверенитет на взаимной и добровольной основе»[2].

В настоящее время ограничение суверенитета государства в целях интеграции посредством передачи части внутригосударственной компетенции на надгосударственный уровень является не только допустимым, но и обязательным условием во всех интеграционных объединениях наднационального типа. Главными

ство с целью обеспечения соблюдения внутреннего правопорядка, содержать армию, осуществлять эмиссию денег. По другим направлениям, таким как право отказывать в принятии «депортированных» граждан, высланных из США за преступную деятельность, контролировать свои территориальные воды от действий контрабандистов и незаконной промысловой деятельности, вмешиваться в хаотичную политику беспорядков соседнего государства (беспорядки в Гаити, например), регулировать свое экономическое будущее без направления извне, они не могут принимать самостоятельные решения.

Применительно к анализу Карибской интеграции KarenE. Bravo приводит высказывание Л. Хенкина (Louis Henkin): «Сотрудничество государств не происходило легко, и оно будет продолжаться сложно. Я упрекаю иллюзию и миф о суверенитете за отказ государств сотрудничать более широко. <…>. У нас было некоторое сотрудничество, но оно было ограничено во имя суверенитета… ограничено не только в достижении, но даже в стремлении к суверенитету» (Henkin Louis, Lecture, That “S” Word Sovereignty, and Globalization, and Human Rights, Et Cetera (1999).

Karen E. Bravo делает вывод о том, что даже если полная интеграция была бы достигнута, реальные масштабы объединенного суверенитета региональной группы, возможно, не достигли бы мифических характеристик, желаемых ее членами. Группа из пятнадцати относительно небольших государств с общей численностью населения 14 млн чел. создает сравнительно небольшой рынок с ограниченным влиянием в мировом сообществе (Karen E. Bravo. CARICOM, the Myth of Sovereignty, and Aspirational Economic Integration. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=996443. P. 166).

[1] Колосов Ю.М. К вопросу о примате международного права // Международное право в современном мире. М., 1991. С. 8.

[2] Клюев П.А. Европейская интеграция и ее влияние на суверенитет государств — членов Европейского союза // Юридические науки. 2006. № 4.

критериями правомерности ограничения суверенитета государства в силу участия в интеграционном объединении являются добровольность такой формы межгосударственного сотрудничества и действие в рамках международного договора. Региональная интеграция не предполагает установления какой-либо формы подчинения одного государства другому; по своей цели она направлена на организацию особой формы взаимодействия государств посредством создания общих органов управления и ведения единой либо скоординированной политики для решения совместных задач.

Итак, по нашему мнению, региональное сотрудничество отражает естественно-правовую идею сотрудничества государств, которая по-разному зарождалась и развивалась в различных регионах мира, в том числе в Латинской Америке и Евразии.

Становление и развитие интеграционного сотрудничества в Латинской Америке. Замысел объединения латиноамериканских государств принадлежит Симону Боливару, руководителю борьбы за независимость испанских колоний в Латинской Америке; по его инициативе в июне 1826 г. открылся Панамский конгресс, в работе которого приняли участие представители Великой Колумбии, Перу, Мексики и Центральной Америки. В итоге были подписаны четыре соглашения, самым важным из которых стал договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации», согласно которому предполагалось организовать совместную оборону республик, создать общую постоянную армию и флот, ввести единое гражданство, запретить работорговлю, гарантировать сохранение в каждой стране свободы и демократии. Однако вопрос о верховном органе власти так и не был решен, а соглашения, подписанные в Панаме, были ратифицированы лишь Великой Колумбией[1].

Неудачные попытки политической интеграции в XIX в. не смогли «подорвать» идею региональной экономической интеграции латиноамериканских государств, получившую свое основное развитие уже в XX в. В XX столетии можно выделить несколько этапов в развитии латиноамериканской интеграции. Во-первых, послевоенный (с 1945 г.) период, когда она рассматривалась главным образом как средство преодоления экономической неразвитости латиноамериканского региона. На данном этапе, проходившем под эгидой ООН, инициатором создания зоны свободной торговли

[1] Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). М., 2005. С. 150–151.

(на основе всеобъемлющего договора), которая охватила бы все латиноамериканские страны, выступила Экономическая комиссия для Латинской Америки (ЭКЛА), но попытки реализации такого договора успехом не увенчались.

В итоге в 1960–70-х гг. на смену первому пришел второй этап — формирование региональных и субрегиональных группировок.

Первым серьезным шагом к региональной интеграции стало создание в 1961 г. на основе Договора Монтевидео 1960 г., подписанного Аргентиной, Бразилией, Мексикой, Парагваем, Перу, Уругваем и Чили, Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ), в которую вошли 11 государств Южной Америки[1]. Целью Ассоциации было учреждение зоны свободной торговли между сторонами-участниками договора для исключения таможенных пошлин и образования общего рынка в Латинской Америке. К сожалению, такие устремления не совпали с политикой и реалиями государств-членов, которые имели различные уровни развития[2]. Спустя два десятилетия (в 1980 г.) на основе Договора Монтевидео, подписанного 12 августа 1980 г., ЛАСТ была преобразована в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции (ЛАИ). Несостоятельность ЛАСТ заключалась в отсутствии реального и эффективного механизма концентрации национальных интересов вместе. Кроме того, государства-члены организации с некоторой опаской относились к образованию такого рода объединений, так как процессы интеграции явно служили интересам США.

В настоящее время ЛАИ, объединяющая 13 государств Латинской Америки, все больше рассматривается как исключительно консультативный механизм, функции которого сводятся к отслеживанию выполнения двусторонних и многосторонних торгово-экономических соглашений, выработке рекомендаций по урегулированию связанных с ними проблем, учету и обобщению статистических данных.

---

[1] Колумбия и Эквадор присоединились к ЛАСТ в 1961 г., Венесуэла — в 1966 г., Боливия — в 1967 г.

[2] Лобер В.Л. Рост и укрепление региональных интеграционных структур в Западном полушарии // Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / Под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова, Л.О. Терновой. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 99.

ЛАИ, по мнению М.А. Экмекдиана (Ekmekdjian M.A.), предоставляет своим государствам-членам две возможности:

1) заключать двусторонние и многосторонние соглашения с селективной фокусировкой;

2) устанавливать связи посредством заключения соглашений с интеграционными группировками и латиноамериканскими государствами-не членами, а также с экономическими группировками и странами высокого уровня экономического развития, которые не принадлежат латиноамериканскому континенту[1].

Как отмечает Л.Б. Лопес (Leonardo Barriga López), нынешняя ситуация, которая складывается в ЛАИ, не продвигает вперед «многостороннюю» интеграцию[2]. Роль ЛАИ в условиях современности сосредоточена на «покровительстве» созданию новых субрегиональных объединений, таких как МЕРКОСУР, Группа Трех[3].

Кроме того, Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК; до 1984 г. — Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки, ЭКЛА) по этому вопросу отметила, что ЛАИ продолжает существовать, создавая институциональные и законодательные рамки для процессов интеграции и для многочисленных двусторонних договоров, подписанных между ее государствами-членами[4].

К 1960-м гг. относится образование Центральноамериканского общего рынка (ЦАОР), образованного Гватемалой, Гондурасом, Коста-Рикой, Никарагуа и Сальвадором[5].

В 1968 г. появился новый центр интеграции — Карибская ассоциация свободной торговли (КАСТ)[6], послуживший базой для образования в 1973 г. Карибского сообщества (КАРИКОМ).

---

[1] Ekmekdjian M.A. Introducción al Derecho Comunitario Latinoamericano, 2 da. Edición Editorial Desalma, Buenos-Aires, Argentina, 1996. P. 34.

[2] Barriga López, Leonardo. Comprendio Integración y Mercados Económicos, Editorial Pedro Jorge Vera, Quito-Ecuador, 2001. P. 105.

[3] Группа Трех — это региональный экономический блок, в который входят Колумбия, Мексика, Венесуэла, их целью является создание зоны свободной торговли между государствами-членами.

[4] Barriga López, Leonardo. Comprendio Integración y Mercados Económicos, Editorial Pedro Jorge Vera, Quito-Ecuador, 2001. P. 121.

[5] Лобер В.Л. Рост и укрепление региональных интеграционных структур в Западном полушарии // Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / Под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова, Л.О. Терновой. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 99.

[6] Лобер В.Л. Указ. соч. С. 100.

Кроме того, на основе Картахенского договора 1969 г. еще в рамках ЛАСТ сформировалось субрегиональное торгово-экономическое объединение Боливии, Перу, Колумбии, Чили и Эквадора, получившее название Андский пакт (ныне — Андское сообщество).

В том же 1969 г. возникла еще одна субрегиональная экономическая группировка — так называемая Лаплатская группа (Договор бассейна Ла-Платы), объединившая Аргентину, Боливию, Бразилию, Парагвай и Уругвай.

В 1978 г. восьмью государствами, расположенным в бассейне реки Амазонки (Боливией, Бразилией, Венесуэлой, Гайаной, Колумбией, Перу, Суринамом и Эквадором), был подписан Амазонский пакт, цель которого — ускоренное и рациональное освоение совместными усилиями бассейна реки Амазонки, предусматривающее свободу торгового судоходства, совместное освоение гидроресурсов, изучение и рациональное использование флоры и фауны, сотрудничество в области науки и техники, создание инфраструктуры, средств транспорта и связи, развитие торговли в пограничных областях, культуры, туризма и др.

Окончание гражданских войн и национальное примирение в Центральной Америке, крах военных диктатур в странах Южного конуса, общее улучшение международного климата в середине 1980-х гг. дали новый импульс интеграционному движению в Латинской Америке.

Отражая новые реалии, интеграционные процессы 1990-х гг. стали способом подключения стран региона к формирующейся единой мировой экономике[1].

В начале 1990-х гг. были существенно обновлены и реформированы Андское сообщество (ранее — Андский пакт, Андская группа), Центральноамериканский общий рынок; в 1991 г. был основан МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки).

Таким образом, в конце XX — начале XXI в. интеграционные процессы в странах Латинской Америки вступили в новую фазу развития, связанную с формированием более глубоких форм интеграции (от зоны свободной торговли к таможенному союзу и общему рынку) и эволюцией институтов интеграционных объединений (совершенствование межгосударственных механизмов и появление наднациональных органов).

---

[1] Лобер В.Л. Указ. соч. С. 99–103.

Андское сообщество, одно из устойчивых современных интеграционных объединений Латинской Америки, прошло длительный путь развития. Изначально проект интеграционного объединения начал воплощаться в жизнь с созданием Андского пакта 26 мая 1969 г., после переговоров и подписания Соглашения по субрегиональной интеграции в Андах, более известного под названием Картахенское соглашение, правительствами Боливии, Колумбии, Чили, Эквадора и Перу. Важнейшей целью данного международного соглашения в своей изначальной версии являлось создание общего рынка в соответствии с целями, определенными другой международной организацией: Латиноамериканской ассоциацией свободной торговли (ЛАСТ), в настоящее время носящей название Латиноамериканской ассоциации интеграции (ЛАИ). Это подчеркивает то, что Андский пакт с самого начала задумывался как механизм достижения наивысших норм интеграции, в особенности в экономической сфере в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. Этот вопрос отражает также идеал достижения большей независимости странами-участниками пакта, поскольку суть договора выходит за рамки простого торгового обмена, она включает в себя также важные аспекты в политическом и социальном плане.

Спустя несколько лет, в 1973 г. Венесуэла присоединилась к Пакту и стала его полноправным членом. С другой стороны, в 1976 г. из Пакта вышло Чили из-за несоответствия экономической модели времен правления Аугусто Пиночета интеграционному процессу в субрегионе. Для этого процесса был характерен протекционизм и государственное регулирование, особенно в области инвестиций, что явилось следствием «Решения 24» — наднациональной юридической нормы второстепенного или производного характера, которая была принята по данной проблематике. Стоит отметить, что с сентября 2006 г. благодаря оговоркам оригинального договора Чили заявило о том, что является ассоциированным членом АС, тогда как в том же самом году из организации вышла Венесуэла из-за разногласий между президентом Венесуэлы Уго Чавесом с руководителями Колумбии и Перу по вопросам переговоров и подписания соглашения о свободной торговле с США.

Не стоит упускать из виду, что процесс создания организации, ранее называемой Андский пакт, был во многом начат под сильнейшим влиянием интеграционных процессов, активно прохо-

дивших в Западной Европе (путем создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Евроатома и Европейского экономического сообщества). Из этого следует, что Андский пакт с самого начала имел развитую институциональную основу для соответствия преимущественно экономическим целям интеграции, которые были поставлены перед объединением с самого начала. В те времена одним из главных исполнительных органов организации была Хунта Картахенского соглашения, которая на данный момент реформирована и носит название Главного секретариата Андского сообщества. Де-факто в настоящее время институциональная основа Андского сообщества более сложная и разветвленная, чем в любом другом интеграционном объединении на континенте.

Спустя несколько лет существования организации был принят ряд важных деклараций в сфере внешней политики. Также была подписана серия протоколов и новых соглашений правительствами стран-участников, принятых в основном на саммитах на высшем уровне, совещаниях глав государств или в рамках Президентского совета андских стран, высшего органа сообщества, ответственного за определение и направление интеграционной политики АС.

Справедливо также отметить, что на протяжении истории можно выделить несколько периодов в субрегиональной андской интеграции. В этом ключе Херманико Салгадо выделяет следующие этапы: формирование (1971–1976), период нарастания противоречий и потеря скорости интеграции (1976–1982), время финансового кризиса и замедления интеграционных процессов (1983–1988), период реактивации объединительных процессов и большая открытость акторам из других субрегионов (начиная с 1989 г.)[1]. Именно на последнем этапе были достигнуты значительные подвижки в согласовании единого внешнеторгового тарифа, рост взаимной торговли внутри организации и согласование аспектов внешнеэкономической политики.

Уже в 1990-е гг. полномочия политических органов Картахенского соглашения были усилены, так что интеграционный процесс получил новые, более прагматичные цели. В этом плане благодаря Трухильскому протоколу, подписанному в 1996 г., Андский пакт

[1] Cfr. Germánico Salgado, El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica, segunda edición, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional, 2007, p. 22.

поменял название на Андское сообщество, стал реальной интеграционной организацией с Системой Андской интеграции (САИ) в виде институциональной структуры, составленной из органов и организаций исполнительной власти. Также то десятилетие отмечено увеличением количества двусторонних соглашений между латиноамериканскими странами в области торговли. Этот вопрос значительно осложняет странам-участникам АС выполнение юридических обязательств, принятых в Сообществе.

До середины 1990-х гг. Андское сообщество делало особый акцент на достижении экономических целей, если выражаться точнее, то целей в сфере макроэкономики, путем принятия общей политики и ее закрепления в ряде правовых актов, обязательных для участников организации, что будет влиять на экономические системы стран-членов. И только со второй половины 1990-х гг. согласованная политика нашла свое отражение в дорожных картах по достижению задач в социальной сфере.

В действительности так называемая Андская повестка дня в социальной сфере обрела реальные очертания только в самом начале XXI в. вслед за политическими декларациями правительств (Протокол Кито 1995 г. и Протокол Гуаякиль 1998 г.) и подписанием Социального устава андских наций в 1999 г., который затрагивает вопросы трудовых отношений, образования, здравоохранения, жилищной политики. Однако очевидно, что страны-участники не были полностью готовы к углублению интеграции. Это стало скорее подготовкой к участию в новых политических процессах, имевших место в Латинской Америке, как было в случае с Южноамериканским сообществом наций, трансформированным в будущем в УНАСУР.

Этот новый документ, принятый странами Андского субрегиона, включает ряд вопросов высокой важности и значимости, которые затрагивают не только вопросы, связанные с ролью государства, но и актуальные чувствительные проблемы, интересующие современные конституционные государства. Среди прочих можно выделить следующие четыре: защита окружающей среды, права наемных работников, участие Совета индейских народов в принятии решений и участие Круглого стола африканских народностей в принятии решений по формированию региональной политики.

На встрече на высшем уровне в Тарихе в 2007 г. правительства стран-членов АС отметили необходимость углубления и раз-

вития интеграционных процессов в рамках Сообщества при учете мнений каждой из стран наиболее эффективным образом для достижения единства в различных подходах улучшения жизненных условий народов стран региона, заботе об окружающей среде. Также было высказано желание выстроить полноценную и всеобъемлющую систему интеграции, уравновешенную по нескольким показателям: социальному, культурному, экономическому, торговому и экологическому. Начиная с 2007 г. имеется достаточно оснований для поддержания выработанного курса, чем сейчас и занимается Андское сообщество. С одной стороны, углубляется нормативно-правовая база интеграции, но в ограниченной сфере, без чрезмерного углубления в экономические цели и задачи, с другой — ставка на увеличение кооперации в других аспектах развития: образовании, свободном перемещении граждан, установлении общеандского гражданства, энергетике и др. в соответствии с конституционным договором УНАСУР.

Таким образом, рабочие вопросы наибольшей важности и те, которые являются вызовами для Андского сообщества, следующие: вовлечение гражданского общества, отношения с другими региональными международными организациями, экономическая и торговая интеграция, пограничная интеграция, социальное развитие, вопросы защиты окружающей среды, туризм, безопасность, культура, сотрудничество, энергетическая интеграция и развитие общих институтов.

Таким образом, видно, что Андский пакт имел протекционистскую ориентацию, страны-участницы искали драйверы роста при опоре на внутренние ресурсы, достигая прогресса разными способами, в первую очередь за счет усиления производственной интеграции и улучшения экспортной товарной номенклатуры, а также при помощи субрегиональной специализации и планирования, за которую отвечала Хунта Картахенского соглашения. С течением времени акценты в экономическом аспекте интеграции начали смещаться в сторону большей открытости и повышения конкурентоспособности с более развитыми странами, которые лучше встроены в глобальные цепочки производства. При этом внутри стран АС сохраняется повышенное внимание к социальному аспекту развития. В настоящее время АС находится перед необходимостью пересмотра и реформирования своей институциональной структуры, чтобы она лучше соотносилась с нынешними

темпами интеграции и поставленными целями, а также с общим курсом внешней политики стран-участниц, которая в последние 15 лет сосредоточена на укреплении национального суверенитета и прагматичной диверсификации внешних связей[1], например, создание и усиление организации АЛБА, начиная с 2004 г.

Достижения АС на протяжении своего существования возможны в значительной степени благодаря эволюции юридических норм интеграции, которые содержатся в договорах и протоколах, а также новых соглашениях, подписанных государствами-членами, и нормами второго порядка, так называемыми решениями и резолюциями, принимаемыми на институциональном уровне организации, что подробнее освещено в следующей части.

В экономических и институциональных вопросах прогресс наиболее заметен, хотя и не всегда достигается в полной мере. Это объясняется в первую очередь тем, что страны-участники не всегда выполняют взятые на себя обязательства. Половину истории существования организации основные усилия как правительств, так и институтов самой организации были направлены на создание и укрепление внутрирегионального рынка, поэтому основные цели, которые были выполнены в первую очередь, относятся к экономике, во вторую — к социальной и другим сферам.

Судя по описанной выше картине некорректно утверждать, что Андское сообщество деградирует или активно развивается, особенно в последние годы. Препятствием в дальнейшей эволюции и углублении интеграции, без сомнения, является отсутствие политической воли полностью выполнять обязательства, особенно тех, которые подразумеваются необходимостью формирования общего рынка. Это связано с постоянным желанием любого правительства ставить интересы своего государства, своей внешней политики с функциональной точки зрения, адекватно отвечать на вызовы разного порядка, в первую очередь в вопросах национальной экономики, внутреннего рынка и вопроса, в какой степени открываться внешним рынкам. В этом плане похвально желание Боливии стать полноправным членом МЕРКОСУР, не выходя при этом из Андского сообщества. Колумбия и Перу начали активные переговоры по расширению своих двухсторонних соглашений о

[1] César Montaño Galarza, «Ecuador y la integración. Una revisión a la posición official», en Revista de Derecho FORO, No. 11, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador / CEN, 2009, pp. 71–125.

свободной торговле, например с США, об активном участии в Тихоокеанском альянсе с Чили, Колумбией и Мексикой. Эквадор, в свою очередь, ведет активные переговоры по торговому сотрудничеству с Европейским союзом, который, как ожидается, будет подписан в конце 2016 г.

На данный момент история интеграции в Андском субрегионе насчитывает практически 45 лет истории. Однако до сих пор не достигнуто соглашение об установлении общего рынка — главной цели данной интеграционной группы. То, чем является сегодня Андское сообщество, мало похоже на то, чем являлся Андский пакт, особенно если сравнивать с изначальными целями, моделью интеграции и институциональной структурой. Однако он не представляет собой успешную модель наднациональной интеграции, так как страны-участники Сообщества в последнее время заморозили все инициативы по углублению интеграции. В определенной степени можно констатировать, что подобное ощущение паралича или, по крайней мере, паузы заметны и в других интеграционных процессах в регионе.

Под Андской системой интеграции понимается система органов и институтов, которые представляют собой административную и исполнительную структуру Андского сообщества. Некоторые из них имеют полномочия определения самых важных политических и юридических аспектов, от которых зависит существование проекта и достижение намеченных целей. Другие отвечают за исполнение интеграционных задач меньшей значимости.

АСИ создано и управляется отдельным договором о создании. Согласно этому договору каждый орган в системе наделен специфическими полномочиями. Ключевым является наличие суда, чьи решения обязательны для исполнения. Это важно для того, чтобы решать возможные споры относительно положений основополагающего договора и компетенций органов.

Органы и организации, которые составляют АСИ: Президентский андский совет, Андский совет министров иностранных дел, Комиссия, Генеральный секретариат, Суд, Андский парламент, Консультативный совет предпринимателей, Консультативный рабочий совет, Андская корпорация развития, Латиноамериканский резервный фонд, Конвент им. Симона Родригеса, Социальные конвенты и другие, входящие в систему. Также в систему входят Андский университет им. Симона Боливара, Консультационные

советы, создаваемые комиссией, а также другие органы и институты, создаваемые в рамках субрегиональной интеграции[1]. Совокупность органов и институтов такой разветвленности не существует ни в одном другом интеграционном объединении континента.

Согласно ст. 7 Картахенского соглашения Андская система интеграции имеет целью эффективную координацию входящих в нее органов и институтов для углубления субрегиональной андской интеграции, продвижения международной проекции стран, консолидации и укрепления действий в рамках интеграции.

Несмотря на сложности андской интеграции, выражающиеся порой в декларативности поставленных целей, Андская система интеграции существует уже 47 лет (с 1969 г.), и за это время силами политиков и ученых в ней создана мощная идеологическая платформа в поддержку региональной интеграции, а также выработана научная доктрина в области интеграции. Так, в 1982 г. в Боливии и в 1992 г. в Эквадоре был учрежден Андский университет им. Симона Боливара — учебное заведение, занимающееся исследованиями, обучением, предоставлением услуг, преимущественно в сфере научно-технических знаний, а также способствующее установлению сотрудничества и координации между университетами субрегиона, также как и укреплению принципов Андского сообщества[2].

---

[1] Art. 6 AC.

[2] Universidad Andina Simón Bolívar // Официальный сайт Андского сообщества. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=53&tipo=SA&title=universidad-andina-simon-bolivar

В штаб-квартире Андского университета в Эквадоре функционирует кафедра интеграции Германико Сальгадо (Cátedra de Integración Germánico Salgado) (Официальный сайт кафедры интеграции Германико Сальгадо. URL: http://portal.uasb.edu.ec/contenido_proyecto.php?cd_programa=383&pagpath=5&swpath=cat), экс-члена Совета Картахенского соглашения, одного из идеологов латиноамериканской интеграции, созданная в сентябре 2013 г. по решению Ученого совета Университета. Целью создания кафедры стала необходимость получения и распространения знаний о процессах интеграции, сотрудничестве, регионализме и региональном управлении в Латинской Америке.

Региональная интеграция, согласно официальной позиции кафедры, не ограничивается только лишь развитием интеграционного сотрудничества в области экономики и политики стран-членов; она охватывает также такие вопросы, как энергетическое сотрудничество, сохранение и устойчивое ис-

К наиболее перспективным интеграционным объединениям Латинской Америки относится МЕРКОСУР. В 1991 г. был подписан Асунсьонский договор о создании Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР)[1]. Эта группировка объединила четыре страны — Аргентину, Бразилию, Парагвай (членство было приостановлено 29 июня 2012 г. до апреля 2013 г.) и Уругвай. К современному периоду состав членов МЕРКОСУР изменился: в 2012 г. к Общему рынку присоединилась Венесуэла[2], Боливия находится в стадии присоединения (в 2015 г. был подписан Протокол о присоединении, который вступает в силу через 30 дней после сдачи на хранение последней ратификационной грамоты)[3].

пользование биоразнообразия и водных ресурсов, преодоление бедности и социального неравенства, развитие приграничных районов, продовольственная безопасность и суверенитет, выработка общей внешней политики, способствующей миру и демократическому международному управлению.

Такая позиция согласуется с высказыванием Германико Сальгадо по поводу интеграции: «Не существует шаблонных форм интеграции, к которым нужно было бы приспосабливаться. Цели, инструменты и последовательность процесса должны соответствовать участникам. Интеграция должна строить новое общество и социальное действо не может ограничиваться исключительно экономическими феноменами».

Признавая андскую интеграцию в качестве главной цели, деятельность кафедры ориентируется на исследование тенденций и альтернатив интеграции и регионального управления в целом, а также применительно к андским странам, так как латиноамериканский интеграционный процесс, характеризующийся динамизмом в развитии, ослаблен изобилием схем и соглашений внутри и вне региона, неопределенностью и центробежными тенденциями.

Кафедра интеграции учредила информационную сеть REGIRAS для налаживания и поддержания диалога с различными механизмами интеграции в рамках региона с участием университетов, организаций, экспертов.

Представляется, что создание подобных информационно-образовательных «каналов общения» в рамках Евразийской интеграции способствовало бы укреплению идеи регионального сотрудничества и формированию интеграционной культуры и общественного сознания.

[1] Официальный сайт МЕРКОСУР: Portal Oficial Mercosur. URL: http://www.mercosur.int

[2] Протокол о присоединении Венесуэлы к МЕРКОСУР от 4 июля 2006 г. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/MRCSRS/ProtAdhVenezuela_s.pdf

[3] Протокол о присоединении Боливии к МЕРКОСУР от 17 июля 2015 г. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4054/1/2015_protocolo-adhesion-de-bolivia-al-mcs_es.pdf

МЕРКОСУР согласно учредительному договору 1991 г. имеет три фундаментальные цели своей деятельности:

1) свободное обращение товаров, услуг и факторов производства между странами-участниками Асунсьонского договора посредством исключения таможенных пошлин и тарифов;
2) установление общего таможенного тарифа и принятие общей коммерческой политики для третьих стран и региональных блоков;
3) координация политик — сельскохозяйственной, индустриальной, фискальной, денежной, валютной, таможенной — в сфере услуг, транспорта и связи и других с целью обеспечения адекватных условий конкуренции между государствами-участниками.

В Асунсьонском договоре закреплены три стадии сближения государств: создание зоны свободной торговли, создание Таможенного союза и учреждение общего рынка. Однако по оценке латиноамериканских специалистов, МЕРКОСУР в настоящее время представляет собой «таможенный союз со стремлением к общему рынку»[1]. Таким образом, та первоначальная цель интеграции, заявленная в уставных документах, к сожалению, пока не достигнута.

Институциональная структура МЕРКОСУР сложна. Высшим органом МЕРКОСУР, отвечающим за проведение политики интеграции и принимающим решения для обеспечения реализации целей, провозглашенных Асунсьонским договором[2], является Совет общего рынка[3]. Он принимает решения, обязательные для всех государств-членов организации.

Группа Общего рынка, являющаяся главным исполнительным органом МЕРКОСУР р и состоящая из четырех членов и четырех

---

[1] Engaña C. Derechos humanos y empresas: una relación dificil. De la oposición a la convergencia. Cuadernos de Epoca, Serie Integración Económica. Buenos Aires — Madrid. 2001. P. 30.

[2] Договор об учреждении Общего рынка между Республикой Аргентиной, Федеративной Республикой Бразилия, Республикой Парагвай и Республикой Восточный Уругвай (Асунсьонский договор) от 26 марта 1991 г. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/719/1/CMC_1991_TRATADO_ES_Asuncion.p

[3] Ст. 3 Дополнительного протокола к Асунсьонскому договору об институциональной организации МЕРКОСУР (Протокол Оуро-Прето) от 17 декабря 1994 г. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/v/3878/2/innova.front/organos-decisorios-y-derivados-de-textos-fundacionales

заместителей, назначаемых соответствующими правительствами, среди которых должны быть обязательно представители министерств иностранных дел, министерств экономики (или эквивалентных) и центральных банков, принимает обязательные для государств-членов организации резолюции. Одной из главных функций Группы Общего рынка, помимо контроля за исполнением Асунсьонского договора, протоколов и соглашений к нему, является подготовка проектов решений для Совета Общего рынка, а также принятие соответствующих мер для исполнения решений, принимаемых Советом.

Органом, содействующим Группе Общего рынка в реализации ее функций, является Комиссия по торговле МЕРКОСУР (далее — Комиссия). Комиссия ответственна за применение инструментов общей торговой политики, согласованной государствами-участниками, для функционирования Таможенного союза, а также за мониторинг и анализ тем и вопросов, касающихся общих торговых политик по торговле внутри МЕРКОСУР и с третьими странами. Комиссия по торговле принимает директивы, являющиеся обязательными для стран-членов МЕРКОСУР, а также рекомендации.

Компетенция Комиссии, так же как и Совета Общего рынка, Группы Общего рынка и других органов, определена Протоколом Оуро-Прето[1] (ст. 16–21). К ней относятся, в том числе, анализ эволюции инструментов общей торговой политики для функционирования Таможенного союза и формулировка предложений в этой связи для Группы Общего рынка; информирование Группы Общего рынка об обработке полученных материалов в отношении развития и применения общих инструментов торговой политики и принимаемых решениях; формулирование предложений для Группы Общего рынка об изменении действующих норм в сфере торговли и таможни в МЕРКОСУР; рассмотрение вопросов и вынесение решений по запросам, представленным государствами-участниками через свои национальные секции; рассмотрение и вынесение решений по претензиям, представленным национальными секциями, происходящими от государств-участников или частных лиц, связанных с толкованием, применением

[1] Дополнительный протокол к Асунсьонскому договору об институциональной структуре МЕРКОСУР от 17 декабря 1994 г. (Протокол Оуро-Прето). URL: http://www.mercosur.int/

или исполнением нормативного корпуса МЕРКОСУР или с законодательными или административными мерами государств-участников, которые имеют ограничительный или дискриминационный характер в нарушение обязательств, согласованных в рамках МЕРКОСУР в соответствие со ст. 21 и Приложением к Протоколу Оуро-Прето.

Реализация функций Комиссии осуществляется с помощью органов или форумов, обозначаемых как «технические комитеты», образуемых специально для реализации задач Комиссии.

Комиссия действует на основании Внутреннего регламента Комиссии по торговле МЕРКОСУР от 24 мая 1996 г.[1], в соответствии с которым в ней строится процедура согласования и принятия решений.

Экономико-социальный консультативный форум является органом МЕРКОСУР консультативной природы, представляет экономический и социальный секторы и состоит из равного числа представителей от каждого государства-участника организации. Он правомочен принимать рекомендации, которые представляются перед Группой Общего рынка.

Административный секретариат МЕРКОСУР является органом оперативной поддержки деятельности организации. Секретариат является ответственным за предоставление услуг другим органам МЕРКОСУР; его постоянное место пребывания находится в городе Монтевидео. К видам деятельности, осуществляемым Секретариатом МЕРКОСУР, относятся: ведение официального архива документации МЕРКОСУР; опубликование и распространение актов, принимаемых в рамках МЕРКОСУР; организация материально-технического обеспечения заседаний Совета Общего рынка, Группы Общего рынка и Комиссии по торговле МЕРКОСУР; регулярное информирование государств-участников о мерах, осуществляемых в каждой стране-участнице по включению норм, принимаемых органами МЕРКОСУР, в свою правовую систему; регистрация национальных списков арбитров и экспертов и выполнение других задач, определенных Бразильским протоколом от 17 декабря 1991 г.; выполнение работ по запросу Совета Общего рынка, Группы Общего рынка и Комиссии по торговле МЕРКОСУР.

---

[1] MERCOSUR/GMC/Res. 61/96, Reglamento Interno de la Comisión de Comercio del Mercosur. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/v/3878/2/innova.front/organos-decisorios-y-derivados-de-textos-fundacionales

Деятельность Административного секретариата МЕРКОСУР возглавляется директором, который является гражданином одного из государств-участников, избирается Группой Общего рынка на основе ротации по предварительной консультации с государствами-членами и назначается Советом Общего рынка.

В 2005 г. был подписан Протокол о создании Парламента МЕРКОСУР [1], который заменил собой Объединенную Парламентскую комиссию, предусмотренную ст. 22–27 Протокола Оуро-Прето. Целями деятельности Парламента согласно Протоколу провозглашено: представлять народы стран-участниц МЕРКОСУР, учитывая их идеологическое и политическое многообразие; распространять и укреплять демократию, свободу и мир; способствовать консолидации латиноамериканской интеграции через углубление и расширение МЕРКОСУР. Реально свою деятельность Парламент начал в 2007 г.

Бразильским Протоколом по разрешению споров от 17 декабря 1991 г.[2] предусмотрено создание арбитражей ad-hoc для разрешения споров, возникающих из-за применения Асунсьонского договора, тремя арбитрами, избираемыми из сорока. Поскольку такой арбитражный порядок рассмотрения споров не дал желаемых результатов для укрепления и развития интеграции посредством арбитражной практики, Протоколом Оливос от 18 февраля 2002 г.[3] был создан Постоянный апелляционный суд со штаб-квартирой в г. Асунсьон (Парагвай), состоящий из 5 арбитров, четыре из которых избираются на период 2 года и пятый избирается единогласно государствами-членами на 3 года.

МЕРКОСУР является лидером современной латиноамериканской интеграции. Однако процесс экономической интеграции, испытывающий трудности, связанные с асимметрией экономического развития государств-участников организации, в настоящее время отягощен еще и политическим фактором. Курс развития МЕРКОСУР, направленный на построение наднациональной моде-

---

[1] Учредительный Протокол Парламента МЕРКОСУР от 9 декабря 2005 г. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/1104/1/2005_protocolo parlamentomcs_es.pdf

[2] El Protocolo de Brasília para la solución de controversias. URL: http://www2.uol.com.br

[3] El Protocolo de Olivos para la solución de controversias en el Mercosur. URL: http://www.mercosur.org.uy

ли интеграции, может быть изменен в связи с политическими событиями в Бразилии (импичмент президенту Дилме Русеф) весной 2016 г. Новый внешнеполитический ориентир страны может быть связан с развитием более тесного сотрудничества Бразилии с ЕС и США; приоритетностью двусторонних международных соглашений взамен многостороннему сотрудничеству в рамках МЕРКОСУР; переменой во взаимоотношениях Бразилии с государствами-членами организации. Однако МЕРКОСУР, как экономически устойчивое латиноамериканское интеграционное объединение с достаточно длинной историей развития, обладает потенциалом для дальнейшего функционирования даже в модифицированном виде.

МЕРКОСУР является участником «внешних» взаимоотношений с другими интеграционными объединениями. Так, отношения МЕРКОСУР и Андского сообщества складывались на протяжении многих лет в направлении развития взаимопонимания, установления коммерческого и политического диалога, что нашло отражение в различных формах соглашений о сотрудничестве[1].

---

[1] 1998 г. — подписание рамочного соглашения о создании зоны свободной торговли между Андским сообществом и МЕРКОСУР, предусматривающего два этапа: переговоры по поводу заключения соглашения о тарифных преференциях, учреждение соглашения о свободной торговле.

1999 г. — модель соглашения «МЕРКОСУР + Андское сообщество» заменяется на соглашение Андского сообщества с каждым из государств-участников МЕРКОСУР. В результате этого Колумбия, Эквадор, Перу и Венесуэла подписали с Бразилией в том же году соглашение о тарифных преференциях в качестве первого шага на пути к созданию зоны свободной торговли между Андским сообществом и МЕРКОСУР.

2000 г. — страны-члены Андского сообщества и Аргентина подписали соглашение об экономической взаимодополняемости, которое вступило в силу с 1 августа того же года.

2001 г. — министры иностранных дел стран Андского сообщества и МЕРКОСУР создали механизм для диалога и политического взаимодействия, направленный на содействие координации совместных усилий в области политического сотрудничества, экономической интеграции, внешних отношений, обмена информацией, социальных и культурных аспектов.

2004 г. — к соглашению об экономической взаимодополняемости между Боливией и государствами-участниками МЕРКОСУР (1996 г.) и соглашению между Перу и государствами-членами МЕРКОСУР (2003 г.) добавилось соглашение, согласно которому Колумбия, Эквадор и Венесуэла, государства-участники Андского сообщества, и МЕРКОСУР решили создать зону свободной торговли за счет расширения и диверсификации тор-

Установлены отношения между МЕРКОСУР и Европейским союзом[1]. В конце 2014 г. состоялось обсуждение текста меморандума о взаимопонимании в экономической и торговой сферах между МЕРКОСУР и Евразийским экономическим союзом[2].

Одним из важных импульсов к формированию южноамериканской интеграции стал Договор о создании УНАСУР от 23 мая 2008 г. С его помощью была создана новая интеграционная организация на континенте. В преамбуле данного международного договора среди прочего 12 стран-участников выражают следующее: «сознают, что южноамериканская интеграция должна быть достигнута через инновации, которые включают в себя все достижения МЕРКОСУР и АС, а также опыт Чили, Гайаны и Суринама»[3]. Подтверждена официальная позиция Андского сообщества о том, что оно — только переходный этап к комплексному интеграционному процессу на всем континенте. Однако существует тенденция

говли и ликвидации тарифных и нетарифных барьеров, которые мешают взаимной торговле.

2005 г. — Андский Совет министров иностранных дел принял решение о предоставлении государствам-членам МЕРКОСУР статуса ассоциированных членов Сообщества.

2010 г. — Андский Совет министров иностранных дел принял решение, в соответствии с которым Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай могут участвовать в органах, механизмах Андского сообщества на правах ассоциированных членов.

См.: Hechos clave en las relaciones CAN — MERCOSUR. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=111&tipo=TE&title=mercosur

[1] С 1991 г. Европейский союз оказывает МЕРКОСУР техническую помощь по различным вопросам экономической интеграции, и в 1992 г. между ними было подписано соглашение о передаче соответствующих технологий. В 1994 г. была принята Совместная декларация Советом ЕС и Комиссией ЕС и государствами-членами МЕРКОСУР о намерении создать ассоциацию свободной торговли. В 1995 г. в Мадриде подписано Межрегиональное рамочное соглашение между Европейским сообществом и его членами и Южноамериканским общим рынком и его членами.

[2] МЕРКОСУР и ЕАЭС обсуждают меморандум о взаимопонимании. URL: http://eurasiatx.com/mercosur-and-eeu-to-sign-a-cooperation-agreement-soon-2/?lang=ru. Кроме того, подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Чили (г. Санкт-Петербург, 19 июня 2015 г.).

[3] Договор подписан Аргентиной, Боливией, Бразилией, Колумбией, Чили, Эквадором, Гайаной, Парагваем, Перу, Суринамом, Уругваем и Венесуэлой.

использовать самые важные институты УНАСУР для политического диалога, а не для ускорения полноценного интеграционного процесса[1]. Иными словами, в этом отношении как интеграционное право Андского сообщества, так и юридические системы УНАСУР и МЕРКОСУР не получили должного развития и консолидации в практическом плане. Особенно юридические системы последних двух отмечены отсутствием атрибутов интеграционного права, например, прямого и незамедлительного применения комунитарных норм на практике.

В дополнение к этому некоторые моменты внешней политики стран-членов АС показывают, что желание укреплять интеграцию уменьшается. То же самое можно отметить и в отношении стран Южного Конуса. Примером тому является явное неприятие идеи применения международных механизмов при разрешении споров в случае отказа выполнять обязательства. К этому добавляется неэффективное выполнение решений Суда Андского сообщества. Другим важным элементом является позиция, направленная на отстаивание личных интересов, что характерно в особенности для Колумбии и Перу в вопросах открытия рынков, это спровоцировало выход из организации Венесуэлы в 2006 г. Тенденции к протекционизму внутренних рынков также наблюдаются в Боливии и Эквадоре, но при этом они стремятся к восстановлению суверенитета в свете принятия новых конституций в 2009 и 2008 гг. соответственно. Поэтому в некоторых вопросах они также начали занимать более сильную позицию по вопросам защиты национальных интересов.

К изложенному выше необходимо добавить, что правительства стран-участников АС продемонстрировали неспособность выработать общую повестку дня по вопросам переговоров с Европейским союзом. Известно, что Колумбия и Перу уже подписали торговые соглашения с ЕС вне блоковых рамок, Эквадор в настоящее время завершает аналогичные переговоры. Такая ситуация может создать сложности в выполнении норм андского интеграционного права, особенно в вопросе обязанностей участников в рамках организации. Важно также напомнить, что в 2012 г. Боливия подписала протокол об ассоциированном член-

[1] См. также: Juan Gabriel Tokatlian, «¿Unasur pierde el norte?», en El País, 7 de mayo de 2014, en. http://elpais.com/elpais/2014/04/23/opinion/1398278994_215974.html

стве в МЕРКОСУР. Данная ситуация, определенно, усложняет существование Андского сообщества. Ожидается, что к 2016 г. Боливия станет полноправным членом МЕРКОСУР. Необходимо отметить, что Венесуэла вступила в МЕРКОСУР 29 июня 2012 г.

Парадоксально, что в последние годы идея интеграции в Южной Америке занимает очень важное место в повестке дня не только в переговорах межгосударственного уровня, но и в национальных концепциях внешней политики и некоторых конституциях, что дает наибольшую поддержку таким инициативам со стороны государства[1]. Это связано, с одной стороны, с перезапуском интеграционных проектов в Латинской Америке, а с другой, способствовало созданию новых интеграционных блоков или пространств разной направленности, размеров и степени проработанности. Обращает на себя внимание то, что эти изначально позитивные элементы для интеграции не смогли поспособствовать углублению интеграции или полемике относительно юридической ответственности внутри этих проектов[2].

Латиноамериканская интеграция не ограничивается двумя рассмотренными интеграционными объединениями — Андским сообществом и МЕРКОСУР. На латиноамериканском интеграционном пространстве действуют также Карибское сообщество и Центральноамериканская система интеграции.

Карибское сообщество — КАРИКОМ, было создано по Договору Чагуарамас в 1973 г.[3] (Договор пересмотрен 5 июля 2001 г.,

---

[1] César Montaño Galarza, Problemas constitucionales de la integración, pp. 168 y ss.

[2] Alberto Pérez Calvo, «Características del nuevo Constitucionalismo latinoamericano», en Materiales sobre neoconstitucionalismo y nuevo constitucionalismo latinoamericano, Claudia Storini y José Francisco Alenza, directores, Navarra, ARANZADI, 2012, pp. 57 y 58. Утверждает следующее: «Меня удивило малое внимание, которое уделяют латиноамериканской интеграции конституции Эквадора и Боливии. Прописаны самые общие положения, а инструментов передачи части суверенных полномочий создаваемым наднациональным интеграционным структурам не предусмотрено». См. также: César Montaño Galarza, «Las relaciones internacionales y los tratados en la Constitución de Bolivia de 2009: una respuesta innovadora», en Innovación y continuismo en el modelo constitucional boliviano de 2009, Roberto Viciano Pastor y Claudia Storini, editores, Valencia, Tirant lo Blanch, 2016, pp. 417 y ss.

[3] Договор Чагуарамас принят 4 июля 1973 г., вступил в силу 1 августа 1973 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/es/regeco_treaties/details.jsp?group_id=24&treaty_id=316

вступил в силу 4 февраля 2002 г.) в составе 11 стран и территорий Карибского бассейна — Антигуа и Барбуда, Багамских островов, Барбадоса, Белиза, Доминики, Гайаны, Сент Китс и Невиса, Ямайки, Сент Люсии и Гренадин, Тринидад и Тобаго, Монтсеррат. С 1995 г. в состав вошли Суринам, в 1997 г. — Гаити[1].

Фактически интеграционные процессы в КАРИКОМ начали развиваться в 1990-е гг. после подписания нового соглашения о зоне свободной торговли и приема новых членов. Несмотря на поставленную стратегическую цель создания единого рынка, в КАРИКОМ до сих пор сохраняются многочисленные препятствия в отношении свободного перемещения товаров, услуг, капитала и лиц, негативно сказываются различия в уровне развития инфраструктуры и услуг, что мешает интенсификации взаимных потоков. На сегодняшний день КАРИКОМ остается Таможенным союзом.

Карибское сообщество развивает внешние связи и с другими интеграционными объединениями. Например, КАРИКОМ имеет специальные торговые соглашения с Венесуэлой (1992 г.) и Колумбией (1994 г.), соглашение о зоне свободной торговли с Доминиканской республикой (1998 г.). Инициировано соглашение о зоне свободной торговли с Центральноамериканским общим рынком. В 2000 г. подписан Акт о торговом сотрудничестве между странами Карибского бассейна и США. Страны-участницы КАРИКОМ входят в состав других интеграционных объединений, например, Ассоциации карибских государств (1994 г.), объединяющей Карифорум[2], КАРИКОМ, Группу трех (Колумбия, Венесуэла, Мексика), Панаму и Кубу. Семь стран (Антигуа и Барбуда, Доминика, Гренада, Сент Китс и Невис, Сент Люсия, Сент Винсент и Гренадины, Монтсеррат) входят в состав Организации восточнокарибских государств[3].

---

[1] Ливенцев Н.Н., Костюнина Г.М. Интеграция в Латинской Америке // Международная экономическая интеграция. М.: Экономистъ, 2006. С. 286.

[2] Карифорум действует с 1991 г. в целях координации региональной финансовой помощи со стороны ЕС странам Карибского бассейна, участвующим в IV Ломейской конвенции. Страны КАРИКОМ входят в состав Карифорума.

[3] Организация восточнокарибских государств создана в 1981 г. на основе Договора Бассетерре в целях содействия экономическому сотрудничеству, углубления интеграционного сближения, достижения максимально возможной гармонизации внешней политики стран-членов. В 1991 г. по-

Достигли ли страны-участницы КАРИКОМ реальной региональной экономической интеграции после многих лет исканий и проб в развитии Карибской интеграции? Согласно мнению Karen E. Bravo, КАРИКОМ не отреагировал на вызовы экономической интеграции, поставленные перед ним исключительными обстоятельствами, характерными для данного региона. Вместо этого, государства-члены позволили соблазнить себя «мифом о суверенитете», не сумев развить силу, которая могла бы быть придана экономической интеграции. Вместе с тем пересмотренный Договор и структурные изменения, которые наблюдаются в Карибском сообществе, указывают на движение интеграции в сторону сближения лидеров сообщества. Между тем слабость институциональной основы, которая служит помехой для принятия решений, способность государств-членов уклоняться от исполнения обязательных решений вместе с механизмом разрешения споров, промедлением с имплементацией Договора и трансформацией обязательств Сообщества в национальное законодательство рисуют мрачную картину отсутствия решительности и неспособности проводить фундаментальные идеи интеграции, заложенные в Договоре 1973 г. и в пересмотренном Договоре 2001 г. Государства-члены, как представляется, в большей степени готовы к объединению суверенитетов для достижения политических целей или для формирования символических позиций[1].

Система Центральноамериканской интеграции была учреждена на основе Протокола Тегусигальпа, подписанного в г. Тегусигальпа (Республика Гондурас) 13 декабря 1991 г. президентами Коста-Рики, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Панамы. Целью Протокола стало реформирование Организации Центральноамериканских государств (ЦАОР), учрежденной на основе Договора об экономической интеграции в Центральной Америке от 1 декабря 1960 г. (г. Манагуа), которая в свою очередь явилась предшественницей Организации центральноамериканских государств, созданной на основе Хартии Сан-Сальвадора 1951 г.

ставлена цель создания единого рынка (Organisation of Eastern Caribbean States. URL: http://www.oecs.org).

[1] Karen E. Bravo. CARICOM, the Myth of Sovereignty, and Aspirational Economic Integration. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=996443. P. 202.

На сегодняшний день государствами-членами организации являются восемь государств: Белиз, Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Панама, Доминиканская Республика[1].

Высший орган ЦАИС — Совещание глав государств. Между саммитами работу ЦАИС координирует Генеральный секретариат, который занимается практической реализацией решений, принимаемых на саммитах и заседаниях Совета министров (штаб-квартира — в г. Сан-Сальвадор)[2].

В рамках ЦАИС действуют Центральноамериканский парламент (г. Гватемала), решения которого носят рекомендательный характер, и Центральноамериканский суд (г. Манагуа), главный постоянный судебный орган ЦАИС, чья региональная юрисдикция и компетенция носят обязательный характер для стран-участниц.

Функционируют Центральноамериканский банк экономической интеграции, Центральноамериканский институт управления, Центральноамериканский институт исследований и промышленных технологий, Техническая комиссия по телекоммуникациям, Координационный центр по предотвращению стихийных бедствий и др.

Центральноамериканская интеграционная система создавалась прежде всего для решения задач экономического сотрудничества. Однако страны-участницы преследуют цели и политической интеграции. В 1997 г. была подписана Декларация Никарагуа о политическом союзе стран субрегиона.

ЦАИС располагает развитой договорно-правовой базой, охватывающей практически все вопросы интеграции стран субрегиона (учредительный Протокол Тегусигальпы, Протокол Гватемалы об экономической интеграции, рамочный Договор о демократической безопасности, Договор о социальной интеграции). Так, в Договоре о социальной интеграции указывается, что страны-участницы Договора признали существование социального сектора, который образует платформу для интеграции в этой сфере. В социальном секторе есть свои органы: Совет социальной интеграции, Совет министров социальной сферы, Секретариат социальной ин-

---

[1] Официальный сайт Центральноамериканской системы интеграции. URL: http://www.sica.int/miembros/miembros.aspx

[2] Информация подготовлена с использованием Официального сайта Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://archive.mid.ru//bdomp/ns-rlat.nsf/b4f178bc327e9abb432569e70033efc6/5c94566b 511fffd143256a2900441105!OpenDocument

теграции[1]. Подобно социальному сектору интеграции в ЦАИС действует экономическая подсистема[2].

Большие надежды в субрегионе возлагаются на реализацию так называемых инвестиционных «мегапроектов», которые могли бы позволить существенно продвинуться в вопросе развития общей инфраструктуры стран Центральной Америки и их экономик в целом. Особое место в этом вопросе отводится разработанному по мексиканской инициативе плану Пуэбла-Панама, равно как и самой Мексике, которую в странах ЦАИС рассматривают в качестве своеобразного локомотива всех интеграционных процессов в субрегионе.

В контексте процесса, направленного на создание межамериканской зоны свободной торговли, страны ЦАИС (кроме Белиза и Панамы) пошли на заключение соглашения о свободной торговле с США (ратифицирован Палатой представителей американского Конгресса в июле 2005 г.).

Ведутся переговоры с Евросоюзом о заключении соглашений о политическом сотрудничестве. На IV саммите Евросоюз-ЛАКБ (май 2006 г., Вена) достигнута договоренность о начале переговоров по соглашению об ассоциации, включая создание общей зоны свободной торговли.

Предполагается развитие экономического сотрудничества между государствами ЦАИС и Россией. О расширении такого сотрудничества велась дискуссия на Межрегиональном форуме «Укрепление международных альянсов МСП между Российской Федерацией и странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ)», прошедшем в июне 2016 г[3]. По мнению участников дискуссии, для реализации планов по расширению сотрудничества с Россией необходимо создавать стратегические союзы для развития интеграционных процессов[4].

---

[1] Tratado de la Integración social centroamericana. URL: http://www.sica.int/busqueda/centro%20de%20documentación.aspx?IdItem=963&IdCat=10&IdEnt=401

[2] Protocolo al Tratado general de integración económica centroamericana. URL: http://www.sica.int/busqueda/centro%20de%20documentación.aspx?IdItem=963&IdCat=10&IdEnt=401

[3] SIECA — Система Центральноамериканской интеграции. Петербургский международный экономический форум 16–18 июня 2016 г. URL: https://www.forumspb.com/ru/2016/sections/22/materials/196/news/518

[4] Все страны выразили заинтересованность в сотрудничестве в областях сельского хозяйства (органический и ароматизированный кофе, табак,

Интеграционные процессы в Латинской Америке на протяжении всей истории своего развития испытывали мощное влияние своего северного соседа — США. В конце 1980-х гг. США был предложен план по расширению Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) за счет стран Латинской Америки и созданию Всеамериканской зоны свободной торговли — ФТАА (АЛКА)[1]. Однако после многих лет работы в этом направлении на Всеамериканском саммите, прошедшем в ноябре 2005 г. в г. Мар-дель-Плата (Аргентина), Соглашение о всеамериканской зоне свободной торговли так и не было подписано[2]. Главная причина неудачи интеграции в масштабах полушария связана с препятствиями в виде асимметрий экономик и интересов государств. В этой связи, по мнению латиноамериканских специалистов, интеграция в рамках АЛКА будет возможна только при соблюдении условий, отвечающих национальным интересам и развитию экономики государств-участников крупных интеграционных объединений Латинской Америки, например, МЕРКОСУР[3].

Становление и развитие интеграционного сотрудничества в Евразии. Интеграция государств на евразийском пространстве представляет собой масштабный социальный феномен. С точки зрения юридической науки она выражается в усилении взаимодействия и взаимопроникновении правовых систем государств, входящих в евразийский регион. Евразийской интеграции способствовал ряд факторов, к которым причисляют прежде всего рас-

---

сахар, алкоголь), туризма (в том числе медицинского), рыбной отрасли, машиностроении, химической и электронной промышленностях, энергетике (в том числе альтернативной). Участники дискуссии высказали общее мнение, что для повышения качества взаимовыгодного сотрудничества необходимо организовать постоянный обмен информацией с заинтересованными партнерами в России, создать базы данных о рынках стран ЦАИС и России, подготовить информацию об органах, которые обеспечивают взаимный торговый оборот.

[1] ФТАА (от англ. TAA — Free Trade Area of Americas) и АЛКА (от исп. ALCA — Asociacion del Libre Comercio de las Amercicas).

[2] Шабалов П. Не сошлись характерами. Всеамериканской зоны свободной торговли пока не будет // Труд. 2005. № 207.

[3] Рафаэль Альберто Патригнани. АЛКА и МЕРКОСУР в интеграционных процессах Латинской Америки // Обозреватель — Observer. 2006. № 12. С. 104.

пад СССР[1], когда перед бывшими союзными республиками встали задачи по определению дальнейшего пути развития, укреплению межгосударственного сотрудничества, усилению экономического и военно-стратегического потенциала.

В литературе евразийская интеграция определяется как «совокупность неоднолинейных и достаточно неравномерных процессов по правовому, экономическому и политическому сближению и объединению под эгидой международной межправительственной организации (Таможенного союза, ЕврАзЭС, ЕАЭС) государств, созданных на базе бывших республик СССР и являющихся готовыми по своим внутренним и внешним характеристикам к принятию на себя международных обязательств, вытекающих из членства в данной организации»[2].

Вместе с тем отмечается, что интеграция государств на постсоветском пространстве евразийского региона «протекает медленно и противоречиво, скачкообразно и неравномерно в различные периоды. Это связано в первую очередь с той “суверенной” разобщенностью государств — бывших республик СССР, которая при распаде Союза дала мощный импульс дезинтеграции республик — новых независимых государств, получившей в политологии название “парад суверенитетов”. Это явление, безусловно, имеет под собой политический каркас, в то же время следует учитывать, что благодаря усилиям ряда государств на постсоветском пространстве происходит медленное, но ощутимое интегративное сближение стран, прежде всего России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии»[3].

Евразийская интеграция в новое время (после распада Советского Союза) прошла несколько базовых этапов в своем развитии:

---

[1] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 74.

[2] Там же. С. 75; Каширкина А.А., Морозов А.Н. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 91–103.

[3] Каширкина А.А. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 163.

1) образование Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) в 1991 г.[1];
2) создание Таможенного союза (1995[2], 1999[3], 2007[4] гг.);
3) создание Единого экономического пространства (1999, 2003[5] гг.);
4) учреждение Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) в 2000 г.;
5) создание качественно нового интеграционного объединения — Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) в 2014 г.

В литературе часто именно образование СНГ связывают с началом интеграционных процессов на постсоветском пространстве[6]. 8 декабря 1991 г. Республика Беларусь, РСФСР и Украина подписали Соглашение о создании СНГ. С декабря 1991 г. по 1994 г. в состав СНГ вошли Республика Азербайджан, Республика Армения, Грузия, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан. 18 августа 2009 г. Грузия вышла из состава СНГ, однако продолжает участвовать в отдельных международных договорах, подписанных в рамках СНГ и перечисленных в Перечне № 1, являющемся Приложением к Решению Совета глав государств СНГ об участии Грузии в международных договорах и решениях органов Содружества Независимых Государств от 9 октября 2009 г.[7]

---

[1] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. // Содружество. Информационный вестник Советов глав государств и правительств СНГ. 1992. Выпуск первый. С. 6–8, 11.

[2] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь от 6 января 1995 г. «О Таможенном союзе» // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5057; Соглашение стран СНГ от 20 января 1995 г. «О Таможенном союзе» // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 4938.

[3] Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. // СЗ РФ. 2001. № 42. Ст. 3983.

[4] Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. // СЗ РФ. 2011. № 12. Ст. 1552.

[5] Соглашение о формировании Единого экономического пространства от 19 сентября 2003 г. // СПС КонсультантПлюс.

[6] Тиунов О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 92–98.

[7] СПС КонсультантПлюс.

Согласно ст. 1 Устава Содружества Независимых Государств, принятого Советом глав государств СНГ в г. Минске 22 января 1993 г.[1], Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов. Государства-члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права. СНГ не является государством и не обладает наднациональными полномочиями.

Целями СНГ являются:

1) осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях;
2) всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция;
3) обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и документами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе;
4) сотрудничество между государствами-членами в обеспечении международного мира и безопасности, осуществление эффективных мер по сокращению вооружений и военных расходов, ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения, достижению всеобщего и полного разоружения;
5) содействие гражданам государств-членов в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве;
6) взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правовых отношений;
7) мирное разрешение споров и конфликтов между государствами Содружества (ст. 2 Устава СНГ).

Одним из принципов построения отношений государств-членов СНГ является согласно ст. 3 Устава СНГ развитие взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества, расширение интеграционных процессов.

Государства-члены СНГ, как предусмотрено ст. 19 Устава СНГ, осуществляют сотрудничество в экономической и социальной областях по следующим направлениям:

---

[1] Бюллетень международных договоров. 1994. № 1.

1) формирование общего экономического пространства на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы;
2) координация социальной политики, разработка совместных социальных программ и мер по снижению социальной напряженности в связи с проведением экономических реформ;
3) развитие систем транспорта и связи, а также энергетических систем;
4) координация кредитно-финансовой политики;
5) содействие развитию торгово-экономических связей государств-членов;
6) поощрение и взаимная защита инвестиций;
7) содействие стандартизации и сертификации промышленной продукции и товаров;
8) правовая охрана интеллектуальной собственности;
9) содействие развитию общего информационного пространства;
10) осуществление совместных природоохранных мероприятий, оказание взаимной помощи в ликвидации последствий экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций;
11) осуществление совместных проектов и программ в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры и спорта.

Уставом СНГ разграничены полномочия между органами Содружества.

Высшим органом СНГ является Совет глав государств, который обсуждает и решает принципиальные вопросы, связанные с деятельностью государств-членов в сфере их общих интересов.

Совет глав правительств координирует сотрудничество органов исполнительной власти государств-членов в экономической, социальной и иных сферах общих интересов.

Совет министров иностранных дел на основе решений Совета глав государств и Совета глав правительств осуществляет координацию внешнеполитической деятельности государств-членов, включая их деятельность в международных организациях, и организует консультации по вопросам мировой политики, представляющим взаимный интерес.

Постоянно действующим исполнительным и координирующим органом СНГ является Координационно-консультативный

комитет, который вырабатывает и вносит предложения по вопросам сотрудничества в рамках Содружества, развития социально-экономических связей; способствует реализации договоренностей по конкретным направлениям экономических взаимоотношений; организует совещания представителей и экспертов для подготовки проектов документов, выносимых на заседания Совета глав государств и Совета глав правительств; обеспечивает проведение заседаний Совета глав государств и Совета глав правительств; содействует работе других органов Содружества.

В сфере военного сотрудничества действуют Совет министров обороны (орган Совета глав государств по вопросам военной политики и военного строительства государств-членов), Главное командование Объединенных Вооруженных Сил (осуществляет руководство Объединенными Вооруженными Силами, а также группами военных наблюдателей и коллективными силами по поддержанию мира в Содружестве), Совет командующих пограничными войсками (орган Совета глав государств по вопросам охраны внешних границ государств-членов и обеспечения стабильного положения на них).

Консультативным органом Содружества, наблюдающим за выполнением обязательств по правам человека, взятым на себя государствами-членами в рамках СНГ, является Комиссия по правам человека.

На основе соглашений государств-членов о сотрудничестве в экономической, социальной и других областях могут учреждаться органы отраслевого сотрудничества, которые осуществляют выработку согласованных принципов и правил такого сотрудничества и способствуют их практической реализации.

С началом активного формирования правовой основы межгосударственного сотрудничества в рамках СНГ, а также в связи с юридическими коллизиями, вызванными тем, что на протяжении нескольких лет с момента создания СНГ продолжали действовать отдельные законодательные акты СССР, остро встал вопрос о создании эффективного международного судебного органа, обладающего полномочиями по разрешению дел, не относящихся к компетенции национальных судов государств-участников СНГ[1]. В связи с указанными обстоятельствами в 1992 г. был учрежден

[1] См. подробнее: Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2014 // СПС КонсультантПлюс.

Экономический суд СНГ, к ведению которого относится разрешение споров, возникающих при исполнении экономических обязательств, а также других споров, отнесенных к его ведению соглашениями государств-членов. Помимо этого, в соответствии с Положением об Экономическом суде Содружества Независимых Государств, утвержденным Соглашением о статусе Экономического суда Содружества Независимых Государств от 6 июля 1992 г.[1], Экономический суд разрешает межгосударственные экономические споры о соответствии нормативных и других актов государств-участников СНГ, принятых по экономическим вопросам, соглашениям и иным актам Содружества.

По результатам рассмотрения спора Экономический суд принимает решение, в котором устанавливается факт нарушения государством-участником соглашений, других актов СНГ и его институтов (либо отсутствие нарушения) и определяются меры, которые рекомендуется принять соответствующему государству в целях устранения нарушения и его последствий. Государство, в отношении которого принято решение Суда, обеспечивает его исполнение.

Решение Экономического суда должно соответствовать положениям соглашений и иным актам СНГ, а также применимым нормативным актам.

Экономический суд осуществляет толкование применения положений соглашений, других актов СНГ и его институтов, а также актов законодательства бывшего Союза ССР на период взаимосогласованного их применения, в том числе о допустимости применения этих актов как не противоречащих соглашениям и принятым на их основе иным актам СНГ. Толкование осуществляется при принятии решений по конкретным делам, а также по запросам высших органов власти и управления государств, институтов Содружества, высших хозяйственных, арбитражных судов и иных высших органов, разрешающих в государствах экономические споры.

Решения Экономического суда СНГ имеют рекомендательный характер, что дает многим авторам основание утверждать, что Экономический суд СНГ, несмотря на свое название, не является

[1] Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1992. № 6.

судебным органом[1]. Помимо этого, некоторые авторы полагают, что Экономический суд «работает довольно активно, однако отмечается неравномерность: он довольно редко занимается разрешением споров как таковых и занят в основном толковательной работой», хотя теми же авторами делается вывод, что «благодаря его толковательной компетенции» «Экономический суд занимает важное место в развитии СНГ. Он способствует развитию не только внутреннего права СНГ, но и национального права государств-членов»[2].

На начальном этапе становления СНГ предполагалось, что для восстановления хозяйственных связей достаточно подписания учредительного договора. Соглашение о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. и Алма-Атинская декларация, принятая в г. Алма-Ате 21 декабря 1991 г.[3], не только подтвердили распад СССР и оформили создание СНГ, но и провозгласили приверженность сотрудничеству в формировании общеэкономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков.

24 сентября 1993 г. большинством государств-участников СНГ в г. Москве был подписан Договор о создании Экономического союза[4]. Целями Экономического союза согласно этому Договору являются:

---

[1] См., в частности: Кембаев Ж.М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2016. № 2. С. 30–45; Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 21–28; Danilenko G.M. (1999) The Economic Court of the Commonwealth of Independent States. New York University Journal of International law & Politics. №. 4. P. 907; Сафиуллин Д. Статус Экономического суда Содружества Независимых Государств и юридическая сила его решений // Хозяйство и право. 1998. № 7. С. 61–67. О том, что Экономический суд СНГ не является судебным органом, пишет также Г.Г. Шинкарецкая (Шинкарецкая Г.Г. К вопросу об Экономическом суде Содружества Независимых Государств // Евразийский юридический журнал. 2009. № 7).

[2] Шинкарецкая Г.Г. Суд СНГ — не судебное учреждение? // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42 // СПС КонсультантПлюс.

[3] Содружество. Информационный вестник Советов глав государств и правительств СНГ. 1992. Выпуск первый. С. 15–16.

[4] Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1993. № 4. С. 20–31.

1) формирование условий стабильного развития экономик Договаривающихся Сторон в интересах повышения жизненного уровня их населения;
2) поэтапное создание общего экономического пространства на базе рыночных отношений;
3) создание равных возможностей и гарантий для всех хозяйствующих субъектов;
4) совместное осуществление экономических проектов, представляющих общий интерес;
5) решение совместными усилиями экологических проблем, а также ликвидация последствий стихийных бедствий и катастроф.

Экономический союз согласно ст. 3 рассматриваемого Договора предполагает: свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; согласованную денежно-кредитную, бюджетную, налоговую, ценовую, внешнеэкономическую, таможенную и валютную политику; гармонизированное хозяйственное законодательство Договаривающихся Сторон; наличие общей статистической базы.

Экономический союз создается путем поэтапного углубления интеграции, координации действий в осуществлении экономических реформ через межгосударственную (многостороннюю) ассоциацию свободной торговли; таможенный союз; общий рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; валютный (денежный) союз.

Для каждой формы интеграции предусматривается комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые должны быть приняты и осуществлены в соответствии с отдельными соглашениями (ст. 4 Договора о создании Экономического союза).

Однако в современной литературе подчеркивается «декларативность данных норм, отсутствие воли на их реализацию и их несоответствие уровню взаимодействия государств-членов СНГ на начальном этапе его развития»; отмечается, что «данные устремления реализованы почти через 20 лет при последовательной интеграции наиболее экономически сопоставимых государств (насколько это возможно для государств со столь разной территорией и численностью населения), таких как Россия, Беларусь и Казахстан»[1].

---

[1] Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М., 2015 // СПС КонсультантПлюс.

15 апреля 1994 г. в г. Москве было заключено Соглашение о создании зоны свободной торговли[1], а 21 октября 1994 г. также в г. Москве было подписано Соглашение о создании Платежного союза государств-участников Содружества Независимых Государств[2] и утвержден Перспективный план интеграционного развития Содружества Независимых Государств[3]. Однако, как отмечается в литературе, эти и многие другие решения так и остались нереализованными, а потенциал возможностей успешного взаимодействия оказался невостребованным[4].

Названные и иные международные договоры в рамках СНГ не учитывали различную готовность к интеграции разных государств-участников СНГ. Содружество должно было способствовать через сотрудничество различным формам экономической интеграции государств: общему экономическому пространству и евразийскому рынку[5], но этого не случилось. Как отмечается, «в качестве еще одной особенности Содружества можно назвать его дезинтеграционный характер, поскольку его возникновение (создание) было обусловлено распадом единого федеративного государства — Советского Союза, — которое имело единую правовую и экономическую систему; СНГ стало инструментом не столько сближения, сколько разделения единого народнохозяйственного комплекса, единой правовой системы и иных систем входящих в него государств»[6].

---

[1] Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1994. № 1(14). С. 113–124.

[2] Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1994. № 3.

[3] Решение Совета глав государств СНГ «О Меморандуме Совета глав государств Содружества Независимых Государств “Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств” и Перспективном плане интеграционного развития Содружества Независимых Государств», принятое в г. Москве 21 октября 1994 г.//Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1994. № 3(16). С. 23–26.

[4] Астапов К.Л. Формирование единого экономического пространства в государствах-участниках СНГ. URL: http://www.iep.ru/files/text/confer/2004_09_13-14/astapov_ru.pdf

[5] Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции//Журнал российского права. 2014. № 12. С. 99.

[6] Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС):

Вместе с тем уже в 1994 г. Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым был предложен проект интеграции государств на евразийском пространстве. Идея состояла в том, чтобы наряду с дальнейшим совершенствованием СНГ создать новую интеграционную структуру, целью которой стало бы формирование согласованной экономической политики и принятие совместных программ стратегического развития. Предполагалось, что интеграцию будут обеспечивать более четкая и развернутая институциональная структура и достаточный объем регулятивных полномочий нового интеграционного объединения в ключевых секторах экономики, а также в политической, оборонной, правовой, экологической, культурной, образовательной сферах[1].

Начиная с 1995 г. на пространстве СНГ сформировалось несколько организаций с более конкретными целями и задачами: Таможенный союз, Единое экономическое пространство и ЕврАзЭС.

Формирование Таможенного союза прошло несколько этапов. Начальный этап связан с подписанием Соглашения между Белоруссией, Россией и Казахстаном от 20 января 1995 г. о Таможенном союзе. Тем самым определилось «интеграционное ядро» государств, к которым позднее присоединились Киргизия и Таджикистан.

Неудовлетворенность экономическими связями на уровне всего СНГ предопределила подписание Договора между Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Россией об углублении интеграции в экономической и гуманитарных отраслях от 29 марта 1996 г.[2]

26 февраля 1999 г. был подписан Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, участниками которого стали Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

С 2000 г. в качестве идейной основы построения нового интеграционного объединения была взята концепция «Евразии» как особой цивилизации, имеющей собственный культурно-исторический путь развития, основанный на духовных традициях народов, проживающих на ее территории. В 2000 г. было учреждено

Монография / под ред. В.Ю. Лукьяновой. М., 2012 // СПС КонсультантПлюс.

[1] Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М., 2014. С. 10.

[2] Российская газета. 1996. № 62.

Евразийское экономическое сообщество, преследовавшее в качестве цели эффективное продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства. Учредительный договор ЕврАзЭС подписали Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. В 2006 г. к Договору об учреждении ЕврАзЭС присоединился Узбекистан[1].

Органами ЕврАзЭС согласно ст. 3 Договора об учреждении ЕврАзЭС являлись: Межгосударственный совет (Межгоссовет), Интеграционный комитет, Межпарламентская ассамблея (МПА), Суд Сообщества.

Межгоссовет являлся высшим органом ЕврАзЭС. В его состав входили главы государств и главы правительств государств-участников Договора об учреждении ЕврАзЭС. В компетенцию Межгоссовета входило рассмотрение принципиальных вопросов Сообщества, связанных с общими интересами государств-участников, определение стратегии, направлений и перспектив развития интеграции, принятие решений, направленных на реализацию целей и задач ЕврАзЭС.

Постоянно действующим органом ЕврАзЭС являлся Интеграционный комитет, в основные задачи которого входили:

1) обеспечение взаимодействия органов ЕврАзЭС;
2) подготовка предложений по повестке дня заседаний Межгоссовета и уровню их проведения, а также проектов решений и документов;
3) подготовка предложений по формированию бюджета ЕврАзЭС и контроль за его исполнением;
4) контроль за реализацией решений, принятых Межгоссоветом.

В целях выполнения перечисленных задач Интеграционный комитет:

1) принимал решения в пределах полномочий, определенных Договором об учреждении ЕврАзЭС, а также делегированных ему Межгосударственным советом;
2) ежегодно представлял Межгоссовету доклад о положении дел в Сообществе и ходе реализации его целей и задач, от-

[1] Протокол о присоединении Республики Узбекистан к Договору об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г., подписанный в г. Санкт-Петербурге 25 января 2006 г. // СЗ РФ. 2007. № 5. Ст. 559.

чет о своей деятельности, а также об исполнении бюджета ЕврАзЭС;

3) рассматривал меры, направленные на достижение целей Сообщества, в том числе на заключение соответствующих договоров и проведение государствами-участниками ЕврАзЭС единой политики по конкретным вопросам, и готовил соответствующие предложения;
4) имел право обращаться с рекомендациями в Межгоссовет, с рекомендациями и запросами в Межпарламентскую ассамблею и правительства государств-участников ЕврАзЭС, с запросами в Суд Сообщества.

В состав Интеграционного комитета входили заместители глав правительств государств-участников ЕврАзЭС.

Органом парламентского сотрудничества в рамках ЕврАзЭС являлась Межпарламентская ассамблея. В ее компетенцию входило рассмотрение вопросов гармонизации (сближения, унификации) национального законодательства государств-участников ЕврАзЭС и приведения его в соответствие с договорами, заключенными в рамках ЕврАзЭС в целях реализации задач Сообщества.

Межпарламентская ассамблея формировалась из парламентариев, делегируемых парламентами государств-участников ЕврАзЭС.

Межпарламентская ассамблея в пределах своих полномочий:

1) разрабатывала основы законодательства в базовых сферах правоотношений, подлежавшие рассмотрению Межгоссоветом;
2) принимала типовые проекты, на основе которых разрабатывались акты национального законодательства;
3) могла обращаться с рекомендациями к Межгоссовету, запросами и рекомендациями к Интеграционному комитету и парламентам государств-участников ЕврАзЭС, с запросами к Суду Сообщества.

Статья 8 Договора об учреждении ЕврАзЭС была посвящена Суду ЕврАзЭС. Согласно этой статье Суд Сообщества был уполномочен:

1) обеспечивать единообразное применение государствами-участниками ЕврАзЭС Договора об учреждении ЕврАзЭС и других действующих в рамках Сообщества договоров и принимаемых органами ЕврАзЭС решений;

2) рассматривать споры экономического характера, возникавшие между государствами-участниками ЕврАзЭС по вопросам реализации решений органов ЕврАзЭС и положений договоров, действующих в рамках Сообщества, давать по ним разъяснения, а также заключения.

Было предусмотрено, что Суд Сообщества формируется из представителей государств-участников ЕврАзЭС в количестве не более двух представителей от каждого государства.

Однако долгое время Суд Сообщества не функционировал. 3 марта 2004 г. в г. Минске было заключено Соглашение между Евразийским экономическим сообществом и Содружеством Независимых Государств о выполнении Экономическим Судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества[1]. Однако опыт делегирования Экономическому суду СНГ полномочий по разрешению споров в рамках ЕврАзЭС в литературе признается неудачным: «за период с 2004 по 2011 г. данный Суд принял к рассмотрению лишь один спор в рамках ЕврАзЭС, который завершился отзывом искового заявления»[2].

Фактически Суд ЕврАзЭС начал функционировать с 1 января 2012 г. Он был создан на основе Статута Суда Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 г.[3] и Договора об обращении в Суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 9 декабря 2010 г.[4]

Компетенция Суда ЕврАзЭС, имевшая важнейшее значение для углубления интегративного сближения государств-членов ЕврАзЭС, была определена в ст. 13–14 Статута Суда ЕврАзЭС. Так, было предусмотрено, что Суд ЕврАзЭС:

1) обеспечивает единообразное применение Договора об учреждении ЕврАзЭС и других действующих в рамках Сообщества международных договоров и принимаемых органами ЕврАзЭС решений;
2) рассматривает споры экономического характера, возникающие между сторонами по вопросам реализации решений

---

[1] СПС КонсультантПлюс.

[2] Евразийская интеграция: роль Суда // СПС КонсультантПлюс.

[3] СЗ РФ. 2011. № 38. Ст. 5322.

[4] Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. 2013. № 2.

органов ЕврАзЭС и положений договоров, действующих в рамках ЕврАзЭС;

3) осуществляет толкование положений международных договоров, действующих в рамках ЕврАзЭС, и решений органов ЕврАзЭС (толкование осуществляется при принятии решений по конкретным делам, а также по запросам Сторон, высших судебных органов Сторон, Межгосударственного Совета, Межпарламентской ассамблеи и Интеграционного комитета ЕврАзЭС).

Также в Статуте была закреплена компетенция Суда ЕврАзЭС в связи с формированием Таможенного союза. Суд был уполномочен:

1) рассматривать дела о соответствии актов органов Таможенного союза международным договорам, составляющим договорно-правовую базу Таможенного союза;
2) рассматривать дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов Таможенного союза;
3) давать толкование международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза, актов, принятых органами Таможенного союза;
4) разрешать споры между Комиссией Таможенного союза[1] и государствами, входящими в Таможенный союз, а также между государствами-членами Таможенного союза по выполнению ими обязательств, принятых в рамках Таможенного союза.

К ведению Суда были отнесены и иные споры, разрешение которых могло быть предусмотрено международными договорами в рамках ЕврАзЭС и Таможенного союза.

Важное значение имела также ст. 20 Статута Суда ЕврАзЭС, согласно которой Суд принимал решения по спорам, указанным в п. 2 (споры экономического характера, возникающие между сторонами по вопросам реализации решений органов ЕврАзЭС и положений договоров, действующих в рамках ЕврАзЭС) и п. 4 (компетенция Суда в связи с формированием Таможенного союза) ст. 13 Статута, обязательные для исполнения сторонами спора. Установленное в Статуте наделение Суда полномочиями по принятию юридически обязательных решений по указанному пе-

[1] Впоследствии (об этом сказано ниже) полномочия Комиссии Таможенного союза были переданы Евразийской экономической комиссии.

речню дел способствовало, по экспертным оценкам, «осуществлению целей интеграции и упорядочиванию функционирования ЕврАзЭС и Таможенного союза, а также единообразному и гармоничному применению международно-правовых актов, принятых обеими организациями»[1]. Тем самым интеграция евразийского экономического пространства была продвинута на более высокий уровень.

Процесс расширения единого экономического пространства приобрел новую силу с подписанием 19 сентября 2003 г. в г. Ялте Белоруссией, Казахстаном, Россией и Украиной Соглашения о формировании Единого экономического пространства. Позднее Белоруссией, Казахстаном и Россией был подписан Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. — базовый международно-правовой акт, определивший основы взаимодействия государств-участников в процессе формирования Таможенного союза. В этот же день был подписан Договор о Комиссии Таможенного союза, которым был учрежден единый постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза[2]. С этого момента начался второй этап евразийской интеграции.

ЕврАзЭС оказалось более эффективным интеграционным объединением по сравнению с СНГ: в его рамках было принято около 200 международных договоров; государства-участники ЕврАзЭС унифицировали национальные правовые системы в части регулирования торговли и экономики в целом. Вместе с тем имелись и негативные моменты: отдельные государства не ратифицировали или не выполняли те или иные договоры в рамках Содружества. Проблема, по мнению исследователей, оказалась в методе принятия и реализации решений, в связи с чем Россия, Белоруссия и Казахстан как наиболее подготовленные государства решили изменить указанный метод и передать некоторую часть компетенции на наднациональный уровень[3].

---

[1] Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012 // СПС КонсультантПлюс.

[2] Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции. С. 100–101.

[3] Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе//Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 4. С. 88–89.

2010 г. был ознаменован началом функционирования Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, были введены в действие Единый таможенный тариф и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, на внутренних границах Таможенного союза были отменены таможенное оформление и таможенный контроль, вступил в силу Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г.[1]

18 ноября 2011 г. Россией, Белоруссией и Казахстаном был заключен Договор о Евразийской экономической комиссии[2], сменившей Комиссию Таможенного союза и учрежденной как единый постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза и Единого экономического пространства с наднациональными полномочиями. Таким образом, как отмечают А.А. Каширкина и А.Н. Морозов, в рамках евразийской интеграции был осуществлен переход от сравнительно несложных интеграционных форм (зона свободной торговли, таможенный союз) к комплексным (единое экономическое пространство, экономический союз)[3].

С 1 января 2012 г. начался следующий этап — функционирование Единого экономического пространства, представляющего собой более высокую ступень интеграции, предусматривающую не только свободное движение товаров и унифицированный торговый режим в отношении третьих стран, но и свободное движение услуг, капитала и рабочей силы, единые правила и принципы конкуренции, регулирования естественных монополий.

Новый этап в развитии интеграции на евразийском пространстве стартовал с 1 января 2015 г., когда начал свою деятельность ЕАЭС. Таким образом, «произошла оптимизация системы управления интеграцией посредством международно-правового инструментария»[4], а также была устранена отмечавшаяся в юриди-

---

[1] СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

[2] СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 1275.

[3] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации. С. 76.

[4] Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе. С. 89.

ческой литературе «множественность» интеграционных структур, имевшая место до создания ЕАЭС[1].

Участниками ЕАЭС являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия[2].

В рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной[3], согласованной[4] или единой[5] политики в отраслях экономики, определенных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Основными целями ЕАЭС являются:

1) создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;

---

[1] Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства: научное издание / Доронина Н.Г., Лукьянова В.Ю., Семилютина Н.Г., Тиунов О.И. М., 2012. С. 27.

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., заключенный Белоруссией, Казахстаном и Россией; Договор от 10 октября 2014 г. о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 13.01.2015; Договор от 23 декабря 2014 г. о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 13.08.2015.

[3] Под скоординированной понимается политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором о ЕАЭС (ст. 2 Договора о ЕАЭС).

[4] Под согласованной понимается политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных Договором о ЕАЭС (ст. 2 Договора о ЕАЭС).

[5] Под единой понимается политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором о ЕАЭС, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий (ст. 2 Договора о ЕАЭС).

2) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
3) всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

ЕАЭС наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. Государства-члены ЕАЭС осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. В иных сферах экономики государства-члены стремятся к осуществлению скоординированной или согласованной политики в соответствии с основными принципами и целями Союза.

Органами Союза являются:
1) Высший Евразийский экономический совет (далее — Высший совет);
2) Евразийский межправительственный совет (далее — Межправительственный совет);
3) Евразийская экономическая комиссия (далее — Комиссия, ЕЭК);
4) Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд Союза).

Руководящие органы ЕАЭС формируются на основе паритета и, как правило, принимают свои акты консенсусом[1].

Высший совет является высшим органом Союза. В его состав входят главы государств-членов. Высший совет рассматривает принципиальные вопросы деятельности Союза, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза.

Межправительственный совет является органом Союза, состоящим из глав правительств государств-членов. Межправительственный совет осуществляет следующие основные полномочия:
1) обеспечивает реализацию и контроль за исполнением Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета;
2) рассматривает по предложению Совета Комиссии вопросы, по которым при принятии решения в Совете Комиссии не достигнут консенсус;

[1] Об актах органов ЕАЭС см. гл. 3 настоящей монографии.

3) дает поручения Комиссии;
4) представляет Высшему совету кандидатуры членов Совета и членов Коллегии Комиссии;
5) одобряет проекты бюджета Союза, Положения о бюджете Евразийского экономического союза и отчета об исполнении бюджета Союза;
6) утверждает Положение о ревизии финансово-хозяйственной деятельности органов Евразийского экономического союза, стандарты и методологию ревизий финансово-хозяйственной деятельности органов Союза, принимает решения о проведении ревизий финансово-хозяйственной деятельности органов Союза и определяет сроки их проведения;
7) рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо, в случае недостижения согласия, вносит их на рассмотрение Высшего совета;
8) принимает решение о приостановлении действия решений Совета или Коллегии Комиссии;
9) утверждает порядок проверки достоверности и полноты сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера членов Коллегии Комиссии, должностных лиц и сотрудников Комиссии, а также членов их семей;
10) осуществляет иные полномочия, предусмотренные Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза.

Постоянно действующим регулирующим органом ЕАЭС является Комиссия (ЕЭК), основными задачами которой являются обеспечение условий функционирования и развития ЕАЭС, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в его рамках.

Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза, в следующих сферах:
1) таможенно-тарифное и нетарифное регулирование;
2) таможенное регулирование;
3) техническое регулирование;
4) санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры;

5) зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин;
6) установление торговых режимов в отношении третьих сторон;
7) статистика внешней и взаимной торговли;
8) макроэкономическая политика;
9) конкурентная политика;
10) промышленные и сельскохозяйственные субсидии;
11) энергетическая политика;
12) естественные монополии;
13) государственные и (или) муниципальные закупки;
14) взаимная торговля услугами и инвестиции;
15) транспорт и перевозки;
16) валютная политика;
17) интеллектуальная собственность;
18) трудовая миграция;
19) финансовые рынки (банковская сфера, сфера страхования, валютный рынок, рынок ценных бумаг);
20) иные сферы, определенные Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза.

В пределах своих полномочий Комиссия обеспечивает реализацию международных договоров, входящих в право Союза. Также она выполняет функции депозитария международных договоров в рамках Союза, решений Высшего совета и Межправительственного совета. Комиссия может быть наделена Высшим советом правом подписывать международные договоры по вопросам, входящим в ее компетенцию.

Комиссия отвечает за составление бюджета Союза и подготовку отчета о его исполнении, является распорядителем средств бюджетной сметы Комиссии.

Комиссия состоит из Совета Комиссии и Коллегии Комиссии. Совет Комиссии осуществляет общее регулирование интеграционных процессов в Союзе, а также общее руководство деятельностью Комиссии. Коллегия Комиссии является исполнительным органом Комиссии.

Суд ЕАЭС (далее также — Суд) является судебным органом ЕАЭС, который образуется и действует на постоянной основе в соответствии с Договором о ЕАЭС и Статутом Суда ЕАЭС, являющимся Приложением № 2 к Договору о ЕАЭС (далее — Статут).

Целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положениями Статута единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза:

1) по заявлению государства-члена:

- о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС;
- о соблюдении другими государствами-членами Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;
- о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;
- об оспаривании действия (бездействия) Комиссии;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

- о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;
- об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Государства-члены могут отнести к компетенции Суда иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках Союза, международными договорами Союза с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами.

Вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

Статутом предусмотрены положения о досудебном урегулировании споров. Спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором о ЕАЭС. Если государство-член или Комиссия в течение трех месяцев со дня поступления к ним обращения заявителя не приняли мер по урегулированию вопроса в досудебном порядке, заявление о рассмотрении спора может быть направлено в Суд.

Помимо перечисленных выше вопросов, в компетенцию Суда входит разъяснение положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза (по заявлению государства-члена или органа Союза), а также положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями (по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда). Осуществление Судом разъяснения означает предоставление консультативного заключения и не лишает государства-членов права на совместное толкование ими международных договоров.

Кроме того, Суд осуществляет разъяснение положений международного договора Союза с третьей стороной, если это предусмотрено таким международным договором.

Обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о рассмотрении спора или с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-

члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Суд при осуществлении правосудия применяет:

1) общепризнанные принципы и нормы международного права;
2) Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства — стороны спора;
3) решения и распоряжения органов Союза;
4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Как отмечает А.С. Исполинов, государства-члены ЕАЭС «пошли на самое серьезное переформатирование юрисдикции нового Суда по сравнению с той, которой обладал Суд ЕврАзЭС»[1]. Анализ положений, регулирующих деятельность Суда ЕАЭС, демонстрирует, что Суд (по сравнению со своим предшественником) лишился полномочий выносить обязательные преюдициальные заключения по запросу национальных судов. Такой инструмент, к примеру, успешно используется Судом Европейского союза в деле развития и защиты автономного правопорядка ЕС и в диалоге с национальными судами и органами ЕС. Кроме того, у Суда ЕАЭС отсутствуют полномочия по рассмотрению споров по заявлению Комиссии о нарушении государством-членом права Союза; он не может непосредственно отменять или прекращать действие решений Комиссии, присуждать компенсации на нарушение права Союза и пр.[2]

Вместе с тем, даже имея существенно ограниченный юридический инструментарий по сравнению как со своим предшественником (Судом ЕврАзЭС), так и с другими интеграционными судами (в частности Судом ЕС), Суд ЕАЭС тем не менее обладает хорошим потенциалом для того, чтобы стать авторитетным судебным органом, обеспечивающим единство, актуальность и востребованность права Союза[3].

---

[1] Исполинов А. Договор о Евразийском Союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕврАзЭС (ч. 1). URL: https://zakon.ru/blog/2014/06/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1

[2] Там же.

[3] Кожеуров Я.С. Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: «смотр правовых сил» // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 94–112 // СПС КонсультантПлюс.

Согласно п. 102 Статута решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых. Таким образом, Суд ЕАЭС рассматривается только как орган по разрешению споров. В связи с этим интересно высказывание Н.А. Соколовой: «международный опыт свидетельствует, что в случае усиления интеграционных процессов роль Суда неизбежно возрастает за счет того, что называют судейским активизмом», и «в будущем... фактически судебного нормотворчества вряд ли удастся избежать»[1]. Так, применительно к международным судам под судейским активизмом понимают «случаи, когда суд выходит в своих решениях за пределы формулировок, сферы действия и намерений государств, лежащих в основе соответствующих положений международных договоров, которые толкуются и применяются этим судом»[2].

Подводя итог анализу становления и развития интеграционного сотрудничества государств в Латинской Америке и Евразии, следует подчеркнуть, что идея региональной интеграции не нова и более того — в качестве темы исследования представляет собой «классический сюжет» теории международных отношений, ведущий свою историю от Дэвида Митрани (David Mitrany), Эрнста Б. Хааса (Ernst B. Haas), Карла В. Дойча (Karl W. Deutsch). Одним из главных вопросов остается роль государств в интеграционном процессе, поскольку именно они являются интегрирующейся «инстанцией» как обладатели международно-правового суверенитета. Содействуя наднациональной интеграции, государства изменяют свое отношение к распределению и осуществлению своих традиционных полномочий, отказываясь по некоторым аспектам от фундаментальных определений своего суверенитета[3].

Интеграция латиноамериканских стран черпает свои истоки в начале XIX в. и продолжается в XXI столетии. Факторами, осложняющими латиноамериканскую интеграцию, являются общая эко-

---

[1] Соколова Н.А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // Lex Russica. 2015. № 11. С. 99–100.

[2] Исполинов А.С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. 2015. № 1. С. 82.

[3] Picazo P.G. Teoría breve de relaciones internacionales.Madrid, 2006. P. 225.

номическая и политическая нестабильность государств региона, асимметрии в экономико-политическом, правовом развитии и ресурсном обеспечении, а также внешние обстоятельства (мировые экономические кризисы, давление США).

На современном этапе процессы интеграции в Латинской Америке характеризуются динамизмом, которые, однако, ослаблены вновь вспыхнувшей политической нестабильностью в ряде стран региона (Бразилия, Парагвай и др.), а также финансово-экономическими трудностями, вызванными волнами мирового экономического кризиса.

Несмотря на заимствование опыта интеграции в ЕС, интеграционные объединения латиноамериканских государств во многом самобытны, что проявляется, например, в использовании механизма координационного сотрудничества (а не наднациональности) в МЕРКОСУР, создании особых органов управления (например, Консультативный совет коренных народов в Андском сообществе, Консультативный андский совет по труду и др.), развитии доктрины интеграционного и коммунитарного права в трудах латиноамериканских юристов.

Потенциал латиноамериканской интеграции раскрыт не полностью. Возможно, новым витком в ее развитии станет не столько углубление регионального сотрудничества, сколько установление связей с региональными интеграционными объединениями других континентов (например, в Европе, Евразии, Азии), а также развитие более тесного экономического взаимодействия с северным соседом (США).

Интеграция государств на евразийском пространстве предопределена их общей историей, особенно в период существования СССР. Распад Советского Союза побудил ставшие независимыми государства к укреплению сотрудничества с целью противостоять вызовам нового времени (прежде всего экономическим). Однако с момента объявления об интеграции государств на постсоветском пространстве до ее фактической реализации прошло почти 20 лет. На начальном этапе создания и деятельности СНГ «интеграционные устремления больше декларировались, чем выполнялись на деле»[1]. В связи с этим обьединение и сотрудничество государств в рамках СНГ до перехода некоторых из них к созданию таможен-

[1] Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза / К.А. Бекяшев и др. М., 2015. С. 138.

ного союза именуется в литературе «не столько интеграцией, сколько координацией их деятельности»[1].

Объединение государств на евразийском пространстве в рамках СНГ, Таможенного союза, Евразийского экономического сообщества, Единого экономического пространства продемонстрировало различный уровень интеграции от отказа от идей наднационализма в СНГ до приобретения наднациональных полномочий Евразийской экономической комиссией в ЕврАзЭС, неравномерность интеграционных процессов, различный субъектный состав образуемых интеграционных объединений (к примеру, из пяти государств-членов ЕврАзЭС участниками Таможенного союза и Единого экономического пространства стали только три государства).

С созданием Евразийского экономического союза интеграция на евразийском пространстве перешла на качественно иной уровень, методы «двустороннего и группового регулирования» интеграционных процессов были заменены на «системное многостороннее регулирование»[2].

Углубление экономических отношений с третьими странами и интеграционными объединениями является приоритетным направлением развития ЕАЭС. 29 мая 2015 г. было подписано Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны[3]. 31 мая 2016 г. главы государств-членов ЕАЭС на саммите в Астане приняли решение о начале переговоров с Сербией об унификации торгового режима, итогом которых должно стать создание зоны свободной торговли между Сербией и ЕАЭС. 20 декабря 2016 г. в Москве на заседании Консультативного совета по взаимодействию Евразийской экономической комиссии и Делового совета ЕАЭС обсуждались параметры переговоров с Китаем в рамках подготовки Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой (в октябре 2016 г. состоялся пер-

---

[1] Евразийская интеграция: роль Суда // СПС КонсультантПлюс.

[2] Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе. С. 98.

[3] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 11.10.2016 (на русском и английском языках). См. об этом Соглашении подробнее гл. 2 настоящего раздела.

вый полноформатный раунд переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем), а также проект сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Помимо Китая и Сербии, ЕАЭС определил для себя еще пять государств для приоритетного внешнего сотрудничества: Израиль, Индия, Иран, Египет и Южная Корея. Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на пленарном заседании российско-японского бизнес-диалога в декабре 2016 г., сообщил о планах обсудить на экспертном уровне вопрос формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией.

Глава 2
Правовые модели интеграционных объединений государств Латинской Америки и Евразии. Прогнозные оценки

(Власова Н.В., Залоило М.В., Монтаньо Галарза Ц., Рафалюк Е.Е.)

Интеграционные объединения современного мира, под которыми условимся понимать группу государств, объединенных на основе международного договора для достижения целей интеграции, разнообразны и непохожи друг на друга. Данная характеристика применима и к интеграционным объединениям государств Евразии и Латинской Америки.

Совокупность признаков (цели интеграции, система органов и их компетенция, порядок принятия решений, глубина экономико-правового сближения и др.) формируют так называемую «модель интеграционного объединения».

Каждая модель интеграционного объединения уникальна и может сочетать в себе различные свойства.

Одной из составляющих характеристик модели интеграционного объединения является тип интеграционного сотрудничества (координационный или наднациональный)[1].

Большинство интеграционных объединений, как и международных организаций современного мира[2], представляют собой межгосударственные союзы координационного типа, в которых решения принимаются на основе принципа согласования воль государств посредством достижения консенсуса или большинством голосов. Другие же интеграционные объединения, оставаясь в своей основе межгосударственными союзами, наделены наднациональными признаками, к которым следует отнести следующие:

1) право органа, организации или сообщества обязывать своих членов без их согласия и против их согласия путем принятия обязательных решений большинством голосов;
2) право своими решениями обязывать и управомочивать физических или юридических лиц или государственные орга-

---

[1] Курс международного права: В 7 т. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире / М.П. Бардина, С.А. Войтович, Ю.М. Колосов и др. М.: Наука, 1993. С. 26–27.

[2] Евразийская интеграция: роль Суда // СПС КонсультантПлюс.

ны государств-членов непосредственно без трансформации этих решений в национальное право государств;

3) наделение правом принимать решения, указанные в п. 1 и 2, непредставительных органов, т.е. органов, состоящих из независимых от государств международных чиновников;
4) право органа и организации на вмешательство в важные вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государств[1].

Если рассматривать интеграционные объединения государств Латинской Америки, то *объединением координационного типа можно назвать Организацию американских государств* (ОАГ), основанную в 1948 г. в г. Боготе (Колумбия), представляющую собой, согласно Уставу[2], международную организацию, созданную для достижения мира и справедливости, утверждения общих интересов, укрепления сотрудничества и защиты суверенитета, территориальной целостности и независимости.

В настоящее время ОАГ объединяет 35 независимых государств Северной и Южной Америки и является главной политической, юридической и социальной силой в полушарии. По справедливому замечанию Marcelo Rozas Garay, «ОАГ превратилась преимущественно в политический орган и форум, на котором страны континента согласовывают свою политику по внешним связям. Эта организация, имевшая большую активность в течение XX в., создала различные институты, которые способствовали построению и поддержанию имиджа единой и интегрированной Америки, хотя фактические шаги нередко осуществлялись по другим каналам взаимодействия»[3].

Высшими органами ОАГ являются Генеральная ассамблея, Постоянный совет, Консультативное совещание министров иностранных дел, Генеральный секретариат. В соответствии со ст. 53 Устава ОАГ, одной из основных функций Генеральной ассамблеи является вынесение решений относительно координации деятель-

---

[1] Шибаева Е.А. Право международных организаций: Вопросы теории. М., 1986. С. 36.

[2] Устав Организации американских государств, принят в г. Боготе 30 апреля 1948 г. // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 305–335.

[3] Marcelo Rozas Garay. UNASUR — Un nuevo modelo de cooperación e integración. URL: http://www.mercojuris.com/category/doctrina/?id=8110

ности между органами, организациями и учреждениями Организации, а также между ними и другими учреждениями межамериканской системы. Резолюции Генеральной ассамблеи принимаются большинством голосов государств-членов, за исключением тех случаев, когда требуется две трети голосов в соответствии с положениями Устава, и случаев, определенных Генеральной ассамблеей в соответствии с ее регламентом (ст. 58). Консультативное совещание министров иностранных дел представляет собой консультативный орган (ст. 60), что предопределяет рекомендательный характер его решений. Постоянный совет также действует как консультативный орган (ст. 82) и вправе выносить рекомендации.

Кроме того, в системе ОАГ действует Межамериканский суд по правам человека, учрежденный в 1978 г. со вступлением в силу Американской конвенции о правах человека, который представляет собой региональный международный суд по правам человека, что отличает его правовую природу от региональных интеграционных судов, созданных с целью защиты интеграционного правопорядка.

Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР)[1], объединяющий Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай (членство было приостановлено до апреля 2013 г.), Венесуэлу и Боливию, завершающую процесс присоединения[2], является *международной организацией координационного типа с отдельными наднациональными чертами.*

Институциональная структура МЕРКОСУР сложна и представлена следующими органами: Совет общего рынка, высший совещательный орган МЕРКОСУР, состоящий из министров иностранных дел государств-участников; Группа Общего рынка, высший исполнительный орган МЕРКОСУР, призванный исполнять решения, принятые Советом Общего рынка; Комиссия по торговле МЕРКОСУР, содействующая Группе Общего рынка в реализации ее функций.

---

[1] Договор об учреждении Общего рынка между Республикой Аргентиной, Федеративной Республикой Бразилия, Республикой Парагвай и Республикой Восточный Уругвай (Асунсьонский договор) от 26 марта 1991 г.; Дополнительный протокол к Асунсьонскому договору об институциональной организации МЕРКОСУР (Протокол Оуро-Прето) от 17 декабря 1994 г.

[2] Информация о составе государств-членов МЕРКОСУР на сайте МЕРКОСУР: URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/v/3862/4/innova.front/en-pocas-palabras

В 2005 г. был подписан Протокол о создании Парламента МЕРКОСУР, который реально начал свою деятельность в 2007 г.[1]

Протоколом Оливос от 18 февраля 2002 г.[2] был создан Постоянный апелляционный суд со штаб-квартирой в г. Асунсьон (Парагвай), что изменило сложившуюся на основании Бразильского протокола от 17 декабря 1991 г. систему разрешения споров посредством арбитражей ad-hoc.

Следует отметить, что в латиноамериканской литературе не раз выражалось мнение по поводу необходимости создания не только постоянного апелляционного суда, но и постоянного суда по типу Суда ЕС, наделенного широкой компетенцией в области обеспечения единообразия правопорядка интеграционного объединения.

Однако государства-учредители МЕРКОСУР обосновывают различные мнения по поводу перспектив развития организации по наднациональной модели. В связи с чем институциональная эволюция МЕРКОСУР зависит в большей степени от той политики, которую проводят государства-члены в управлении интеграцией, а также от размера их национальных экономик и степени экономической взаимозависимости в блоке.

Отдельные шаги в направлении движения к наднациональности уже стартовали в МЕРКОСУР (реформирование Парламента (Парласур) и создание Суда Южной Америки к 2019 г.). Однако успешность их реализации неизвестна в связи с возможным изменением политического курса в МЕРКОСУР ввиду политических событий в Бразилии весной-летом 2016 г., связанных с импичментом президенту Бразилии Дилме Русеф и приходом к власти другого политически ориентированного руководства страны (Мишел Темер).

Стремление к *наднациональной модели международной организации реализуется в Андском сообществе*. С юридической точки зрения Андское сообщество представляет собой международную организацию открытого типа, предполагающую интеграцию

---

[1] Целями деятельности Парламента согласно Протоколу являются: представительство народов МЕРКОСУР, учитывая их идеологическое и политическое многообразие; распространение и укрепление демократии, свободы и мира; содействие консолидации латиноамериканской интеграции через углубление и расширение МЕРКОСУР.

[2] Протокол Оливос о разрешении споров в МЕРКОСУР от 18 февраля 2002 г.

входящих в нее государств. Во многих элементах видны сходства с Европейским союзом, самой развитой и сложной (как по форме, так и по содержанию) международной интеграционной группировкой, более глубокой по своей сути, чем классическая международная организация, как, например, ООН, ОЭСР или организация особой природы, как, например, Международный уголовный суд. Схожим образом можно охарактеризовать другие интеграционные группировки в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, например, МЕРКОСУР и УНАСУР.

Согласно ст. 48 Картахенского соглашения: «Андское сообщество — это субрегиональная организация с международной правосубъектностью». Эта характеристика позволяет ей вести переговоры и подписывать соглашения с другими субъектами международного права, обладающими схожими правами. Данная организация имеет большой накопленный потенциал интеграции и, без сомнения, АС является одной из самых динамично развивающихся организаций интеграционного характера после Европейского союза.

В распоряжении Андского сообщества имеются многочисленные компоненты, позволяющие утверждать, что в нем воплощается интеграционный процесс с очевидной тенденцией к усилению наднациональных институтов в Боливии, Колумбии, Эквадоре и Перу на всей их континентальной и морской территории. Однако необходимо отметить, что не обходится и без классического межправительственного сотрудничества. Независимо от достижений в этом направлении, бесспорно, что Андское сообщество позиционируется как основа для развития того, что, как ожидается, в будущем станет более широкой организацией[1] (Germánico Salgado, 2008) межамериканского, латиноамериканского или южноамериканского характера[2] совместно с МЕРКОСУР.

Следует принять во внимание, что на актуальную ситуацию в Андском сообществе в сильнейшей степени влияет проекция

---

[1] SalgadoG. El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica, segunda edición, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional, 2007. P. 22.

[2] Pampillo BaliñoJ. P. La integración americana. Expresión de un nuevo derecho global. Reflexiones y propuestas filosóficas, históricas y jurídicas para un nuevo derecho común americano, México, Porrúa / Escuela Libre de Derecho, 2012.

внешней политики государств-участников. В связи с этим будущее этого интеграционного объединения может пойти по одному из трех сценариев: сохранение достигнутого, что, по сути, означает существование серьезной институциональной структуры, в которой присутствуют как межправительственные, так и наднациональные органы, наличие уникальной развитой коммунитарной нормативной системы с самым динамичным ростом взаимной торговли, но также с частичной либерализацией, согласованием внешнего таможенного тарифа и усилением некоторых органов и институтов Андской системы интеграции. Вторым сценарием (в нынешних условиях он менее вероятен) является углубление процесса интеграции до уровня общего рынка. Третий заключается в том, что АС сможет поспособствовать более глубокому процессу интеграции в рамках УНАСУР, что, однако, на данный момент не видится вероятным.

Интеграционные объединения различаются между собой в зависимости от той или иной формы обеспечения экономической интеграции (зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и др.), что также характеризует индивидуальную модель каждого интеграционного союза.

Сегодня основными формами латиноамериканской экономической интеграции являются зона свободной торговли и Таможенный союз. Общий рынок как форма экономического сотрудничества латиноамериканских стран — явление не полностью сложившееся, а только формирующееся, несмотря на его провозглашение в уставных документах МЕРКОСУР и Андского сообщества.

За годы своего существования с 1991 г., когда был подписан Асунсьонский договор о создании Общего рынка стран Южной Америки, МЕРКОСУР достиг определенной международной значимости как участник международного общения прежде всего за счет своего экономического потенциала и роста. На сегодняшний день МЕРКОСУР реализует треть внешней торговли латиноамериканских стран и привлекает треть иностранных инвестиций в эту экономическую зону[1].

В Асунсьонском договоре закреплены три стадии сближения государств (создание зоны свободной торговли, таможенного со-

[1] Martínez Puñal A. El Sistema Institucional del Mercosur: de la intergubernamentalidad hacia la supranacionalidad. Santiago de Compostela. 2005. P. 22.

юза и, наконец, общего рынка). Однако по оценке латиноамериканских специалистов, МЕРКОСУР в настоящее время представляет собой «таможенный союз со стремлением к общему рынку»[1]. Таким образом, первоначальная цель интеграции, заявленная в уставных документах, к сожалению, пока не достигнута.

Без сомнения, МЕРКОСУР — один из лидеров латиноамериканской интеграции. Однако в силу наличия противоречий внутри союза в отношении формы экономической интеграции процесс ее углубления испытывает трудности. С самого начала у партнеров не было единства по этому вопросу. Если Бразилия выступала за таможенный союз, то Аргентина и Парагвай склонялись к идее зоны свободной торговли в целях сохранения автономности и гибкости внешнеторговой политики, чтобы иметь право самостоятельно участвовать в переговорах с другими группировками и странами. До сих пор сохраняются некоторые барьеры во взаимной торговле, в основном это технические правила, фитосанитарные меры, налоговые и финансовые ограничения, таможенные и административные процедуры, действие монополий. Неравномерность экономического развития стран-членов МЕРКОСУР также тормозит развитие данного интеграционного объединения, так как Уругвай и Парагвай зависят от двух «гигантов» — Аргентины и Бразилии. Негативное действие оказывает и значительная политическая нестабильность внутри каждого из участников МЕРКОСУР.

В 2000 г. государства-участники МЕРКОСУР провозгласили новый этап развития, обозначив его как «восстановление МЕРКОСУР», который имеет своей целью укрепление Таможенного союза как на «внутрикоммунитарном» уровне, так и во внешних отношениях. В своем программном документе государства-члены отразили важнейшие направления, которые должны служить укреплению Общего рынка стран юга[2].

---

[1] Engaña C. Derechos humanos y empresas: una relación dificil. De la oposición a la convergencia. CuadernosdeEpoca, SerieIntegraciónEconómica. BuenosAires — Madrid. 2001. P. 30.

[2] Направления укрепления общего рынка: доступность рынка; стимулирование инвестиций, экспорта, включая зоны со специальным режимом; общие таможенные пошлины; коммерческая безопасность; разрешение споров; защита институционального порядка МЕРКОСУР; инкорпорирование правовых актов МЕРКОСУР во внутреннее законодательство государств-членов; внешние связи (Una nueva etapa del Mercosur. http://www.mercosur.org.uy)

Другое интеграционное объединение Латинской Америки, Андское сообщество, с момента своего учреждения в 1969 г. прошло сложный путь развития от зоны свободной торговли к таможенному союзу и формируемому ныне общему рынку. Согласно конституционным нормам[1] (положениям Картахенского соглашения 1969 г. об андской субрегиональной интеграции), АС нацелено на создание латиноамериканского общего рынка, углубление экономической интеграции до уровня соответствующего таможенному союзу и экономическому союзу, что вписывается в критерии традиционной шкалы экономической интеграции[2].

Успехи Таможенного союза во взаимной торговле в рамках Андского пакта были минимальными. Основные причины неудач были связаны с проблемой внешнего долга (пик пришелся на 1982 г.) и спецификой положений Картахенского договора, в котором содержалось большое число исключений, лимитировавших эффект интеграции.

В 1989 г. на саммите в Галапагосе президенты стран-членов предприняли попытку оживить интеграционную группировку, подписав Декларацию о мире, безопасности и сотрудничестве, нацеленную на консолидацию совместных усилий, укрепление внешних связей, объединение Латинской Америки на основе формирования общего рынка. В 1990 г. был подписан Ла-Плазский акт о формировании зоны свободной торговли[3].

В 1991 г. в Протоколе Барахоны была поставлена цель движения от поэтапной интеграционной зоны свободной торговли к общему рынку — Андскому сообществу. Среди мер по оживлению интеграционных процессов, принятие Протокола Кито (1995 г.), предусмотревшего реформирование институциональной структуры и создание Андского общего рынка в рамках концепции «от-

---

[1] Основополагающие интеграционные договоры — юридические инструменты, которые устанавливают цели и задачи процесса и другие базовые параметры объединения. Обычно эти инструменты являются неполными, они требуют будущего развития путем принятия новых договоров схожего характера или более низких юридических норм. Из этого следует, что для изучения интеграционного права необходимо исследование как первичных, так и вторичных юридических норм интеграционного процесса.

[2] Ramón Tamames, Estructura Económica Internacional, Madrid, Alianza, 1999.

[3] Ливенцев Н.Н., Костюнина Г.М. Интеграция в Латинской Америке // Международная экономическая интеграция. М.: Экономистъ, 2006. С. 278.

крытого регионализма», укрепление экономических связей с Европейским союзом.

Протокол Трухильо (1996 г.)[1] также внес существенные изменения в институциональную структуру органов. Андский пакт был переименован в Андское сообщество, была создана Андская система интеграции.

На современном этапе страны Андского сообщества в развитии интеграции руководствуются Руководящими принципами и Стратегией, принятыми в 2010 г. Кроме того, в июле 2011 г. на саммите в г. Лима (Перу) президенты Боливии, Колумбии, Эквадора и Перу договорились об укреплении интеграции и придании ей нового импульса, которые должны быть основаны на анализе деятельности институциональной структуры и функционирования системы Андской интеграции. В ноябре того же года на саммите в г. Боготе (Колумбия) было ратифицировано соответствующее соглашение[2].

То, что будет происходить с Андским сообществом и с другими интеграционными процессами в Латинской Америке, будет зависеть от многих элементов разных аспектов (политического, экономического, социального). До того как приступать к следующему этапу интеграции правительства стран-участников должны предельно серьезно проанализировать каждый из них в отдельности и в совокупности, поскольку желание проводить интеграцию явно присутствует в общественном мнении стран континента, поэтому необходимо развивать интеграционные процессы, а не останавливаться на месте. В этом отношении задача состоит в осмыслении степени проникновения Китая в экономики стран региона, позиции США, роли Бразилии и некоторых других быстроразвивающихся экономик, новых отношений по линиям Юг-Юг и Север-Юг, а также вопросов актуальной геополитики. Важно отметить, что тенденция к построению так называемого социализма XXI в., начавшаяся несколько лет назад в Аргентине, Боливии, Эквадоре и Венесуэле, в настоящее время находится в плачевном состоянии из-за клиентелизма, бюджетной недисциплинированности и всепроникающей коррупции. Однако эти правительства заявляли о необходимости интеграции латиноамериканских народов при од-

---

[1] Модифицирующий протокол к Соглашению о субрегиональной андской интеграции (Трухильский протокол) от 10 марта 1996 г.

[2] Reseña histórica. URL: http://www.comunidadandina.org/Resena.aspx

новременном укреплении суверенитета, что противоречит друг другу и в итоге привело к структурному кризису в отдельных странах.

Современные государства находятся в поиске наилучших форм интеграционного сотрудничества, в связи с этим появляются новые модели интеграционных объединений, основанные на соглашениях между ними.

В конце 2014 г. состоялось обсуждение текста меморандума о взаимопонимании в экономической и торговой сферах между МЕРКОСУР и Евразийским экономическим союзом[1].

Заключаются международные договоры между интеграционным объединением и государством. Например, между Россией и интеграционными объединениями Латинской Америки (МЕРКОСУР, Андское сообщество) было подписано несколько документов о взаимодействии[2].

События, связанные с проведением референдума в Великобритании о выходе страны из ЕС в июне 2016 г. и его итоги[3], всколыхнувшие Союз, наметили «трещину» в углублении наднациональной интеграции, что для развития интеграционных процессов в целом может означать «переориентировку» на установление связей между интеграционными сообществами различных континентов, т.е. на развитие интеграции «не вглубь, а вширь».

---

[1] МЕРКОСУР и ЕАЭС обсуждают меморандум о взаимопонимании. URL: http://eurasiatx.com/mercosur-and-eeu-to-sign-a-cooperation-agreement-soon-2/?lang=ru. Кроме того, подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Чили (г. Санкт-Петербург, 19 июня 2015 г.).

[2] Меморандум о взаимопонимании относительно создания механизма политического диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и государствами-участниками и государствами ассоциированными членами Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) (г. Бразилиа, 15 декабря 2006 г.); постановление Правительства Российской Федерации от 10 мая 2001 г. № 354 «О подписании протокола о создании механизма политического диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и Андским сообществом».

[3] См., например: Roberto Ruiz Díaz Labrano. La salida de un Estado Miembro en el proceso de integración. El Reino Unido y la Unión Europea; Werner Miguel Kühn Baca.Aspectos jurídicos y perspectivas políticas de una posible retirada de la Unión Europea por parte del Reino Unido // Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión. 2016. № 8. URL: http://www.revistastpr.com/index.php/rstpr/issue/view/13

Модели интеграционных объединений государств Евразии. 29 мая 2014 г. Россией, Белоруссией и Казахстаном было учреждено качественно новое интеграционное объединение на евразийском пространстве — Евразийский экономический союз. Позднее к ЕАЭС присоединились Армения и Киргизия. ЕАЭС согласно ч. 2 ст. 1 учредительного договора является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, в рамках которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных этим Договором и международными договорами в рамках Союза.

ЕАЭС наделен компетенцией в пределах и объемах, установленных учредительным договором и международными договорами в рамках Союза. Государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. В иных сферах экономики государства-члены стремятся к осуществлению скоординированной или согласованной политики в соответствии с основными принципами и целями Союза.

Право ЕАЭС формируют два вида источников:

1) первичное право (Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной);
2) вторичное право (акты органов ЕАЭС: решения, содержащие положения нормативно-правового характера, и распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер)[1].

Организационная структура ЕАЭС выглядит следующим образом. Высшим органом ЕАЭС является Высший Евразийский экономический совет (Высший совет), состоящий из глав государств-членов Союза, уполномоченный рассматривать принципиальные вопросы деятельности Союза, определять стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимать решения, направленные на реализацию целей Союза.

Евразийский межправительственный совет (Межправительственный совет), состоящий из глав правительств государств-

[1] См. подробнее гл. 3 данной монографии.

членов ЕАЭС, в частности, обеспечивает реализацию и контроль исполнения Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета, осуществляет ряд других полномочий.

Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК) является наднациональным постоянно действующим регулирующим органом ЕАЭС. Основными задачами Комиссии являются обеспечение условий функционирования и развития ЕАЭС, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в его рамках. Комиссия состоит из Совета, осуществляющего общее регулирование интеграционных процессов в ЕАЭС, а также общее руководство деятельностью Комиссии, и Коллегии — исполнительного органа Комиссии.

Постоянно действующим судебным органом ЕАЭС является Суд Евразийского экономического союза (Суд Союза). Целью его деятельности является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС источников права Союза. Споры, возникающие по вопросам реализации источников права Союза, рассматриваются Судом по заявлению государств-членов и хозяйствующих субъектов. По результатам их рассмотрения Суд выносит решения, обязательные для исполнения сторонами спора либо Комиссией. Решение Суда не изменяет и не отменяет действующих норм права ЕАЭС, законодательства государств-членов и не создает новых. Важным полномочием Суда является разъяснение положений источников права Союза, что означает предоставление консультативного заключения, имеющего рекомендательный характер, и не лишает государства-членов права на совместное толкование ими международных договоров.

Иерархия актов органов ЕАЭС — источников вторичного права — выстраивается следующим образом: более высокую юридическую силу имеют решения Высшего совета, затем — решения Межправительственного совета, затем — решения ЕЭК. Решения Высшего совета и Межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. В то же время решения ЕЭК подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов, что говорит о наднациональном характере полномочий ЕЭК и принимаемых ею решений[1].

---

[1] См. подробнее гл. 3 данной монографии.

Таким образом, исходя из предложенной классификации интеграционных объединений, *Евразийский экономический союз представляет собой объединение, развивающееся по наднациональному типу*.

Формами обеспечения евразийской экономической интеграции выступают *Таможенный союз* и *Единое экономическое пространство.* В рамках Таможенного союза государств-членов ЕАЭС функционирует внутренний рынок товаров, в котором обеспечиваются свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов; применяются Единый таможенный тариф ЕАЭС и иные единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами; действует единый режим торговли товарами в отношениях с третьими сторонами; осуществляется единое таможенное регулирование и свободное перемещение товаров между территориями государств-членов.

Согласно ст. 32 Договора о ЕАЭС единое таможенное регулирование в Союзе должно осуществляться в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС, проект которого разрабатывается в настоящее время[1] (предполагается подписание Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза на заседании Высшего Евразийского экономического совета в декабре 2016 г.). Согласно проектируемой ст. 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее — проект Таможенного кодекса ЕАЭС) в ЕАЭС осуществляется единое таможенное регулирование, включающее в себя установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу Союза, их нахождения и использования на таможенной территории Союза или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию Союза, их убытием с таможенной территории Союза, временным хранением товаров, их таможенным декларированием и выпуском, иных таможенных операций, порядка уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин и проведения таможенного контроля, а также регламентацию властных отношений между таможенными органами и ли-

[1] Проект Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (распоряжение Евразийского межправительственного совета от 12 августа 2016 г. № 13) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://eaeunion.org, 15.08.2016.

цами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории Союза или за ее пределами.

Таможенное регулирование в ЕАЭС, как это предусмотрено проектом Таможенного кодекса ЕАЭС, основывается на принципах равноправия лиц при перемещении товаров через таможенную границу Союза, четкости, ясности и последовательности совершения таможенных операций, гласности в разработке и применении регулирующих таможенные правоотношения международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, и их гармонизации с нормами международного права, а также на применении современных методов таможенного контроля и максимальном использовании информационных технологий в деятельности таможенных органов.

Таможенное регулирование в ЕАЭС согласно проекту Таможенного кодекса ЕАЭС осуществляется в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, включая Таможенный кодекс ЕАЭС, и актами, составляющими право ЕАЭС, а также в соответствии с Договором о ЕАЭС. В случае возникновения противоречий между Таможенным кодексом ЕАЭС и иными регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, входящими в право Союза, применяются положения Таможенного кодекса ЕАЭС. Таможенные правоотношения, не урегулированные международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, до установления соответствующих правоотношений такими международными договорами и актами регулируются законодательством государств — членов ЕАЭС о таможенном регулировании.

До вступления Таможенного кодекса ЕАЭС в силу таможенное регулирование осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства.

В рамках Единого экономического пространства ЕАЭС функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и

применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура.

29 мая 2015 г. в г. Бурабай было заключено Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами — с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам — с другой стороны (Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом). Надо отметить, что соглашения о свободной торговле отличаются от более глубоких форм интеграции — таможенного или экономического союзов, вместе с тем заключение подобных соглашений является весьма эффективным инструментом, с помощью которого можно расширять и упрощать доступ отечественных производителей на рынки других стран. Ожидается, что Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом откроет перед производителями государств-членов ЕАЭС новые возможности как в самом Вьетнаме, так и на рынках других стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом[1].

Таким образом, *Евразийский экономический союз является объединением наднационального типа* с *формирующимся общим рынком*. Помимо отмены таможенных пошлин во взаимной торговле, что является основой зоны свободной торговли, в рамках ЕАЭС также действует единый таможенный тариф в торговле с третьими странами, формируются единые рынки товаров, услуг и капиталов и завершается формирование единого рынка в целом, т.е. осуществляется функционирование экономического союза. Это «не просто международная организация, а определенное экономическое пространство (общий рынок, проведение скоординированной, согласованной или единой отраслевой политики), которое с учетом его правовых основ можно назвать экономико-правовым пространством»[2].

---

[1] Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Вопросы%20и%20ответы%20по%20Соглашению%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf

[2] Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции. С. 104–105.

Я.В. Калиш отмечает, что «проект ЕАЭС позиционируется как лишенный политической составляющей, и, по сути, интеграция ограничена торгово-промышленной сферой и сопутствующими ей необходимыми надстройками. Но красной нитью через весь Договор о ЕАЭС проходит его политическое содержание... Это проявляется как семантически, в терминах, используемых в Договоре, так и в существе многих его положений... Культурные и экономические связи между этими странами складывались десятилетиями и даже столетиями, каждое из государств существенно проигрывает, отказываясь от кооперации с соседями... Экономический блок, образованный Россией, Белоруссией и Казахстаном, имеет потенциал для преобразования в полноценную конфедерацию. База для этого есть, может появиться и новое идеологическое содержание в форме ренессанса евразийской теории. Важно не дать историческим страхам и различным дестабилизирующим факторам расшатать молодое интеграционное образование и обеспечить условия, чтобы создающиеся евразийские механизмы были эффективны»[1].

Вызовы времени, связанные в том числе с подписанием 4 февраля 2016 г. в Окленде (Новая Зеландия) под эгидой США Соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства[2] и подготовкой проекта Соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве между ЕС и США, диктуют необходимость более тесного правового сотрудничества между государствами евразийского региона, что обусловливает важность создания наднационального правового регулирования (коммунитарного права) в рамках ЕАЭС с опорой на соответствующую наднациональную институциональную структуру, а в перспективе — трансформацию ЕАЭС в более сплоченное интеграционное объединение наднационального типа, преследующее цели формирования единой экономической, валютной, социальной, культурной, а также скоординированной внешней политики. Перспективный этап развития евразийской интеграции связан с преобразованием

---

[1] Калиш Я.В. Договор о Евразийском экономическом союзе // Обозреватель — Observer. 2014. № 12. С. 18, 32.

[2] В Транстихоокеанском партнерстве участвуют Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, США, Сингапур, Чили и Япония. Соглашение предполагает полную отмену таможенных пошлин на товары и услуги в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Евразийского экономического союза в Евразийский союз[1], созданием таких новых институтов, как Евразийский парламент[2], Евразийский суд по правам человека[3], формированием самостоятельного наднационального правопорядка.

---

[1] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации. С. 78.

[2] Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 13.

[3] Бусурманов Ж.Д. Евразийский экономический союз как новая гуманистическая ценность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4. С. 619–621; Бусурманов Ж.Д. Евразийская декларация прав человека и народов — поиск разрешения межцивилизационных противоречий // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 382–388.

РАЗДЕЛ 2
МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ЕВРАЗИИ

Глава 3
Правовые аспекты латиноамериканской и евразийской интеграций

(Власова Н.В., Залоило М.В., Рафалюк Е.Е.)

Одной из главных целей каждого интеграционного объединения является создание гармонизированного (т.е. единообразного, непротиворечивого) правового пространства. Не являются исключением и региональные международные организации Евразии и Латинской Америки, в уставных документах которых сближение законодательства государств-участников закреплено в качестве приоритетной задачи.

Сближение законодательства достигается посредством гармонизации и унификации права. Гармонизация основывается «на обязательстве государства при разработке национального законодательства следовать определенному направлению (принципу) правового регулирования, сформулированному в международном соглашении, … и абсолютно самостоятельно в соответствии с законодательной компетенцией, основанной на его конституции, определять содержание нормы или системы норм правового регулирования, а также их место в своей правовой системе»[1]. Таким образом, гармонизация предполагает создание своего рода «каркаса» — примерных формулировок нормативно-правовых предписаний, которые должны быть установлены на национальном уровне.

Унификация права в собственном смысле слова означает единообразное нормативное регулирование в различных странах тех или иных общественных отношений[2].

---

[1] Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 58–60.

[2] Лебедев С.Н. Унификация правового регулирования международных хозяйственных отношений (некоторые общие вопросы) // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей. Труды кафедры международного частного и гражданского права МГИМО. М., 1979. С. 18.

Опыт гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства имеет некоторые общие черты: разнообразие используемых методов и форм унификации и гармонизации права; особый порядок имплементации унифицированных правовых актов в национальные правовые системы; асимметрия между юридически провозглашенными задачами в области гармонизации права и фактически реализуемыми темпами формирования единого правового поля. Присутствуют особые черты в создании гармонизированного правового пространства, присущие как интеграционным объединениям Евразийского пространства, так и Латинской Америки, выражающиеся в компетенции органов, уполномоченных принимать унифицированные акты, их видах и юридической технике.

Особое значение для достижения целей экономической интеграции вне зависимости от региона имеет гармонизация и унификация международного частного права, регулирующего международные частные, в том числе торговые отношения. Будучи сущностным элементом интеграции, нормы международного частного права имеют непосредственный резонанс в деятельности физических лиц, фирм и экономической активности в целом, облегчая ежедневный оборот товаров, услуг, капиталов, сотрудничество между судьями и национальными властями различных государств[1]. Таким образом, международное частное право выступает как регулирующая основа, инструмент достижения сближения, гармонизации законодательств государств-участников интеграционного объединения[2].

Традиции гармонизации и унификации международного частного права в Латинской Америке уходят корнями в историю. Первое международное соглашение по унификации международного частного права — Конвенция об установлении единообразных норм международного частного права — было принято еще в конце XIX в. (в 1878 г.) в г. Лима (Перу) на Американском конгрессе юристов.

---

[1] Rodriguez M.A. Las Conferencias Interamericanas especializadas en Derecho Internacional Privado (CIDIP). Boletin Electronico, no. 7 (bol7.htm) [Электронный ресурс]. URL: http://sala.clacso.org.ar (дата обращения: 01.09.2015).

[2] Feldstein de Cárdenas S.L., Scotti L.B. Armonización legislativa en el MERCOSUR: La interacción entre el Derecho Internacional Privado y el Derecho Comparado. [Электронный ресурс]. URL: www.caei.com.ar (дата обращения: 27.08.2015).

Последующая работа по унификации международного права проходила в рамках Южноамериканского конгресса по международному частному праву (1888 и 1889 гг.), а также на конференциях Американских государств (с 1890 по 1948 г. было проведено 9 конференций).

Большую роль в унификации международного частного права в рамках всего континента сыграла Специализированная конференция по международному частному праву (CIDIP), первое заседание которой состоялось в г. Панама (Панама) в январе 1975 г.

С этого времени конференции созывались примерно каждые четыре-шесть лет, и в течение 6 конференций, проведенных с 1975 по 2002 г., было принято 26 межамериканских конвенций[1].

---

[1] CIDIP — I (Панама, 1975 г.) приняты конвенции по следующей тематике: о судебных поручениях; о получении свидетельских показаний за границей; правовом режиме доверенности для пользования ею за границей; о коллизионном праве простых и переводных векселей и счетов; о международном коммерческом арбитраже; о коллизионном праве чеков;

CIDIP — II (Монтевидео, 1979 г.) приняты конвенции об общих нормах МЧП; о домициле физических лиц в международном частном праве; Дополнительный протокол к Конвенции о судебных поручениях 1975 г.; об экстерриториальном действии иностранных судебных и арбитражных решений; об осуществлении превентивных мер; о коллизионном праве чеков; о коллизионном праве торговых компаний; о доказывании и информации об иностранном праве;

CIDIP — III (Ла Пас, 1984 г.) приняты конвенции по вопросам усыновления несовершеннолетних; о правосубъектности и правоспособности юридических лиц в международном частном праве; о международной юрисдикции в вопросах, касающихся экстерриториального действия иностранных судебных решений; Дополнительный приговор к Конвенции о получении доказательств за границей 1975 г.;

CIDIP — IV (Монтевидео, 1989 г.) приняты конвенции об алиментных обязательствах; о международной реституции; о международном перемещении товаров;

CIDIP — V (Мехико, 1994 г.) приняты: Межамериканская конвенция о применимом праве к международным контрактам и Конвенция о противодействии международной торговле несовершеннолетними;

CIDIP — VI (Вашингтон, 2002г.) приняты следующие международные документы: Межамериканский Модельный закон об обеспечении обязательств (в отношении движимого имущества); Хартия о (прямой и оборотной) перевозке для международной транспортировки товаров наземным путем и Хартия о прямой и необоротной унифицированной межамериканской перевозке для международной транспортировки товаров наземным путем.

В 2009 г., на первом этапе (части) VII Конференции, созванной в октябре 2009 г., был принят Типовой регламент о регистрации, разработанный в соответствии с Модельным межамериканским законом об обеспечении сделок[1].

Таким образом, можно видеть глобальную работу в области гармонизации и кодификации международного права во всем Западном полушарии, проводимую Специализированной конференцией по международному частному праву под эгидой Организации американских государств. Между тем нельзя не учитывать того, что появление и развитие интеграционных объединений на пространстве Латинской Америки придало новый импульс процессу унификации международного частного права на континенте.

Гармонизация и унификация права в МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки) является актуальной задачей развития и совершенствования интеграционного объединения. Подписание Асунсьонского договора[2], учредившего МЕРКОСУР, наметило основу для создания общего рынка, установив в ст. 1 Договора средства для достижения этой цели, гарантируя свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов. Свободное движение товаров означает товарообмен между государствами, который нуждается в гармонизации законов в соответствующих сферах, и, как записано в финальной части ст. 1, «обязанность государств-участников гармонизировать свои законодательства в соответствующих сферах, чтобы достичь укрепления процесса интеграции»[3].

В целом гармонизация законодательства государств, входящих в МЕРКОСУР, может осуществляться различными методами. Например, посредством унификации права достигается выработка единственного, единообразного правового акта для всех госу-

---

[1] Derecho Internacional Privado. Departamento de Derecho Internacional. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oas.org/dil/esp/derecho_internacional_privado.htm (дата обращения: 26.08.2015).

[2] Договор об учреждении Общего рынка между Республикой Аргентиной, Федеративной Республикой Бразилия, Республикой Парагвай и Республикой Восточный Уругвай (Асунсьонский договор) от 26 марта 1991 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/719/1/CMC_1991_TRATADO_ES_Asuncion.p (дата обращения: 26.08.2015).

[3] Feldstein de Cárdenas S.L., Scotti L.B. Armonización legislativa en el Mercosur: La interacción entre el Derecho Internacional Privado y el Derecho Comparado. [Электронный ресурс]. URL: http://www.caei.com (дата обращения: 27.08.2015).

дарств. Между тем используется метод простого сближения, координации внутригосударственного законодательства стран-участниц МЕРКОСУР[1].

Кроме того, гармонизация права достигается посредством международного договора, он должен иметь необходимое число ратификаций для его вступления в силу, которыми могут быть даже все члены блока. Гармонизация права достигается также посредством принятия решений органами интеграционного объединения[2]. И, наконец, гармонизация достигается за счет гармонизации внутреннего законодательства государств-участников.

---

[1] Luciana B. Scotti. Instrumentos de integración juridical en el Mercosur: El rol del Derecho Internacional privado // Academia 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/5194909/INSTRUMENTOS_DE_INTEGRACI%C3%93N_JUR%C3%8DDICA_EN_EL_MERCOSUR_EL_ROL_DEL_DERECHO_INTERNACIONAL_PRIVADO (дата обращения: 05.09.2015).

[2] Правовую систему МЕРКОСУР (в соответствии с положениями Асунсьонского договора и Протокола Оуро Прето) образуют: 1) Асунсьонский договор, протоколы к нему и дополнительные инструменты; 2) соглашения, заключенные в рамках Асунсьонского договора и его протоколов; 3) Решения Совета, Резолюции Группы Общего рынка, Директивы Комиссии по торговле МЕРКОСУРа, принятые с момента вступления в силу Асунсьонского договора.

Совет Общего рынка является высшим органом МЕРКОСУР, в обязанности которого входит политическое руководство процессом интеграции и принятие решений для обеспечения выполнения задач, обозначенных Асунсьонским договором, а также достижение окончательного учреждения общего рынка. Совет Общего рынка выражает свою волю посредством решений, которые являются обязательными для государств-членов МЕРКОСУР.

Кроме того, Совет Общего рынка принимает рекомендации, которые согласно их названию, имеют рекомендательную силу для государств-членов объединения.

Группа Общего рынка представляет собой исполнительный орган МЕРКОСУР. Группа принимает резолюции, которые имеют обязательную силу для государств-членов.

Комиссия по торговле МЕРКОСУР является органом, призванным оказывать содействие Группе Общего рынка, она также является компетентной в применении инструментов общей торговой политики государств-членов с целью обеспечения функционирования таможенного союза, а также организует исследование и пересмотр тем, связанных с общей торговой политикой, с торговлей внутри сообщества и с третьими странами. Торговая комиссия выражает свою волю посредством принятия решений, которые являются обязательными для государств-членов.

Выбор метода гармонизации права зависит в целом от степени компромисса, на который готовы пойти государства-участники интеграционного объединения. Из опыта интеграции известно, что наиболее подходящими методами гармонизации права являются те, которые, принимая во внимание существующие нормативные рамки, отвечают особенностям интегрируемого пространства и примиряют интересы и правовые принципы, которые являются наиболее значимыми для государств-членов МЕРКОСУР.

Учитывая сказанное выше, задача по созданию правовой и институциональной инфраструктуры МЕРКОСУР и гармонизации законодательства в соответствующих сферах может показаться простой для государств субрегиона, разделяющих общие границы, исторические корни, культуру и общие ценности, а также принадлежащих к одной правовой семье. Тем не менее на практике нелегко осуществить такую работу. Гармонизация права должна осуществляться в соответствии с надлежащими требованиями, предъявляемыми к данному процессу, и так, чтобы «покрывать» те различия, которые могут оказывать непосредственное влияние на функционирование общего рынка. Таким образом, государства-члены МЕРКОСУР должны стремиться к гармонизации соответствующих областей законодательства для того, чтобы выполнить обязательства, заявленные в ст. 1 Асунсьонского договора, которые напрямую связаны с построением интегрированного пространства[1].

В действительности общий рынок, который предполагается развивать в МЕРКОСУР, призван устранить барьеры, препятствующие свободному движению людей, капитала, товаров и услуг. В связи с этим становится очевидным, что сферы общественных отношений, подлежащие гармонизации в МЕРКОСУР, многочисленны. Среди них: международное процессуальное право; международно-правовой режим контрактов; международная электронная торговля; альтернативные способы разрешения споров; меры защиты прав потребителей; интеллектуальная собственность; иностранные инвестиции; международно-правовой

[1] Luciana B. Scotti. Instrumentos de integración juridical en el Mercosur: El rol del Derecho Internacional privado // Academia 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/5194909/INSTRUMENTOS_DE_INTEGRACI%C3%93N_JUR%C3%8DDICA_EN_EL_MERCOSUR_EL_ROL_DEL_DERECHO_INTERNACIONAL_PRIVADO (дата обращения: 05.09.2015).

режим предпринимателей, юридических лиц, экономических групп; международно-правовой режим несостоятельности.

Механизм инкорпорации унифицированных норм в национальные правовые системы государств-членов МЕРКОСУР непрост. Протокол Оуро Прето[1] (ст. 42) устанавливает, что нормы МЕРКОСУР, которые являются нормами производного права, однажды одобренные государством-членом, должны быть инкорпорированы в национальный юридический порядок, становясь для него обязательными. При этом сроки для такой инкорпорации не устанавливаются.

В целом отмечается небольшой процент инкорпорированных норм МЕРКОСУР во внутренние юридические порядки. Причины этого следующие: неоднозначное отношение государств-членов к правовым установлениям МЕРКОСУР; существование конституционных асимметрий между государствами-участниками; отсутствие сроков инкорпорирования норм, исходящих от органов сообщества; недостатки официального опубликования правовых актов МЕРКОСУР; различная форма вступления в силу дополнительных протоколов и норм вторичного права и др.

С целью совершенствования системы инкорпорации норм МЕРКОСУР в национальное законодательство Совет Общего рынка предпринял некоторые действия. Так, Решением № 23/00 Совета Общего рынка установлена обязанность государств-участников оповещать Административный секретариат МЕРКОСУР об инкорпорировании норм в свои национальные юридические порядки. Решение № 20/02 Совета установило обязанность проведения внутренних консультаций в государствах-членах по проектам норм МЕРКОСУР с целью подтвердить их техническое и юридическое соответствие и установить порядок и сроки, необходимые для инкорпорирования во внутренние правопорядки.

Юридический правопорядок Андского сообщества (АС) состоит из системы коммунитарных юридических норм, провозглашенных волей государств-членов и выраженных в учреди-

---

[1] Дополнительный протокол к Асунсьонскому договору об институциональной организации МЕРКОСУР (Протокол Оуро-Прето) от 17 декабря 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/v/3878/2/innova.front/organos-decisorios-y-derivados-de-textos-fundacionales (дата обращения: 26.08.2015).

тельных договорах сообщества (Картахенское соглашение, Договор о создании Суда Андского сообщества и Договор об учреждении Андского парламента с модифицирующими протоколами), а также в производных актах, созданных органами, компетентными в области нормотворчества (Решения Андского совета министров иностранных дел и Комиссии, Резолюции Генерального секретариата).

Иерархическая структура юридического правопорядка АС такова:

1) Картахенское соглашение, протоколы к нему и дополнительные инструменты;
2) Договор о создании Андского суда и модифицирующие его протоколы;
3) Договор об учреждении Андского Парламента;
4) Решения Совета министров иностранных дел; Решения Комиссии АС;
5) резолюции Генерального секретариата АС;
6) конвенции о промышленной взаимодополняемости и другие конвенции, которые принимаются странами-членами между собой и в рамках процессов субрегиональной андской интеграции[1].

Таким образом, к инструментам унификации права в Андском сообществе можно отнести: учредительный международный договор о субрегиональной андской интеграции (Картахенское соглашение), другие учредительные международные договоры (о создании Суда, Парламента), Решения органов Андского сообщества, международные соглашения, заключаемые государствами-членами Андского сообщества между собой в процессе интеграции.

Основу интеграционного сотрудничества государств Андского сообщества и сближения законодательств образует Картахенский договор, определяющий цели и задачи субрегиональной андской интеграции. Среди механизмов для достижения целей соглашения названо постепенное согласование экономической и социальной политики и сближение национального законодательства в соот-

[1] См. ст. 1 Договора о создании Суда Андского сообщества от 28 мая 1996 г. (См. также Arteaga W.K. La necesidad de la integración y el orden y ordenamiento jurídico comunitario. Testimonio comunitario. Primera edición. Quito-Ecuador. 2004. P. 63–64).

ветствующих областях (п. «b» ст. 3 Картахенского соглашения). Кроме того, к функциям Андского парламента отнесено «содействие гармонизации законов стран-членов Андского сообщества» (п. «f» ст. 43 Картахенского соглашения). Кроме того, Картахенским соглашением (ст. 58) предусмотрено, что «Комиссия по предложению Генерального секретариата и с учетом прогресса и потребностей субрегиональной интеграции и сбалансированного соблюдения механизмов Соглашения, принимает правила и определяет сроки постепенной гармонизации экономического законодательства, инструментов и механизмов регулирования и поощрения внешней торговли государств-членов, которые влияют на положения, предусмотренные в настоящем Соглашении по созданию субрегионального рынка»[1].

Таким образом, Картахенское соглашение 1969 г., а также Модифицирующий протокол к нему (Трухильский протокол 1996 г.), Договор о создании Андского суда 1996 г. подтвердили задачу по сближению законодательства государств-членов Андского сообщества.

Органы Андского сообщества (Комиссия и Генеральный секретариат) наделены соответствующей компетенцией для реализации задач, связанных со сближением законодательства стран-участниц Сообщества.

Комиссия Андского сообщества в соответствии с ее Регламентом (ст. 1)[2] представляет собой один из органов принятия решений Андского сообщества, ответственных за разработку, реализацию и оценку политики субрегиональной интеграции в области торговли и инвестиционной сферы и принятие мер, необходимых для достижения целей Картахенского соглашения. В числе полномочий и обязанностей Комиссии (ст. 11): координация совместных позиций стран-членов на международных форумах и переговорах в рамках своих полномочий; обеспечение гармоничного соблюдения обязательств в рамках Картахенского соглашения и Договора Монтевидео 1980 г.; утверждение, отклонение или изменение предложений, представленных государствами в индивидуальном

---

[1] Соглашение о субрегиональной андской интеграции (Картахенское соглашение) от 26 мая 1969 г. URL: http://www.comunidadandina.org/Normativa.aspx?link=TP

[2] Регламент Комиссии Андского сообщества (утвержден Решением № 471 12 августа 1999 г.). URL: http://www.comunidadandina.org/

или коллективном порядке, или Генеральным секретариатом для их рассмотрения, и др.[1]

---

[1] В состав Комиссии Андского сообщества входят: уполномоченный представитель каждого из правительств стран-членов, один из которых председательствует; на расширенных заседаниях Комиссии — министр или государственный секретарь соответствующей области каждого из государств-членов. Следует заметить, что согласно ст. 10 Регламента на заседаниях Комиссии Андского сообщества на основе консенсуса стран-членов и по предложению любого члена Комиссии могут присутствовать в качестве наблюдателей консультанты, советники или представители государственных и частных учреждений, осуществляющих свою деятельность в рамках или за пределами Андского сообщества, или представители третьих стран в качестве приглашенных (гостей).

Глава VIII Регламента «О совещаниях экспертов, советов и комитетов властей и группах Ad-hoc» закрепляет за Комиссией Андского сообщества право создания Советов, состоящих из отраслевых органов на уровне министерств или государственных секретарей стран-членов, которые имеют поддержку Генерального секретариата (ст. 35 Регламента).

Кроме того, Комиссия своим решением может создать Технические комитеты, состоящие из высших отраслевых органов стран-членов или должностных лиц, если это не противоречит их статусу, которые будут координироваться Генеральным секретариатом (ст. 36 Регламента).

Советы являются созданными на постоянной основе и призваны формулировать (выражать) мнение, не имеющее обязательного характера, по вопросам, для которых они были созданы Комиссией или Генеральным секретариатом. Данное мнение (заключение) является независимым от предложений, которых придерживаются Генеральный секретариат или государства-члены для их представления в органы принятия решений Андского сообщества.

Комитеты в свою очередь также являются постоянно действующими и предназначены для составления технических заключений, не имеющих обязательного характера, по той тематике, для которой они были созданы Комиссией или Генеральным секретариатом.

Их деятельность осуществляется в период мандата, на который они были учреждены. Технический секретариат заседаний обеспечивается должностными лицами, назначаемыми для этой цели Генеральным секретарем.

Комиссия и Генеральный секретариат могут образовывать консультативные группы Ad-hoc или организовывать заседания правительственных и неправительственных экспертов при координации Генерального секретариата для того, чтобы подвергнуть рассмотрению специальные технические вопросы в пределах своей компетенции.

Такие группы или заседания носят временный характер, и по их итогам составляется техническое заключение, не имеющее обязательной силы. Оно

Тематика, по которой были приняты Решения Комиссии АС, разнообразна и включает следующие направления: таможня, пошлины, социальная программа, АС-Латинская Америка, АС-международные организации, АС-третьи страны, АС-ЕС, наука и технологии, защита торговли, права человека, территориальное развитие, пограничное развитие, образование и культура, статистика, институциональная структура, инвестиции, свободная конкуренция, борьба с наркотиками, окружающая среда, миграция, номенклатура, технические нормы, внешняя политика, индустриальная политика, энергетическая политика, фискальная и экономическая политика, политика поддержки Боливии и Эквадора, программа либерализации, развитие экспорта, интеллектуальная собственность, здоровье, мир и безопасность, Андская система интеграции, ценовые пояса, услуги, торговля, телекоммуникации, транспорт, туризм, гражданское общество, труд и социальная сфера, сельскохозяйственная сфера.

Согласно ст. 1 Регламента Генерального секретариата Андского сообщества[1], Генеральный секретариат есть исполнительный орган Андского сообщества, действующий в рамках своих полномочий, для управления процессом субрегиональной андской интеграции, разрешения вопросов, относящихся к его компетенции, обеспечения выполнения коммунитарных обязательств и для представления инициатив и предложений при принятии решений. Генеральный секретариат должен действовать исключительно в интересах субрегиона.

В числе полномочий Генерального секретариата: обеспечивать применение норм, которые составляют правопорядок Андского сообщества; формулировать предложения для решений Совета мини-

---

является независимым от предложений на этот счет, представленным странами-членами или Генеральным секретариатом, однако последний может созывать заседания экспертов, которые он сочтет целесообразными, с тем, чтобы помочь в усилиях по разработке предложений.

После выполнения своей функции группа или заседание автоматически прекращают свою деятельность. Технический секретариат заседаний также обеспечивается должностными лицами, назначаемыми для этой цели Генеральным секретарем (ст. 37–38 Регламента).

[1] Регламент Генерального секретариата Андского сообщества (принят на Первом заседании Совета министров иностранных дел Андского сообщества 25 июня 1997 г. (Решение № 409). URL: http://www.internationaldemocracywatch.org/index.php/andean-community-of-nations-treaties-and-protocols/212-reglamento-de-la-secretaria-general-de-la-comunidad-andina

стров иностранных дел Андского сообщества и Комиссии и представлять инициативы и предложения для Расширенного заседания Совета министров иностранных дел Сообщества; оказывать техническую поддержку органам и системам Андской интеграции; поддерживать и управлять нормативным корпусом Андского сообщества, будучи депозитарием актов заседаний и других документов органов системы андской интеграции; издавать Официальный бюллетень Картахенского соглашения и др. (ст. 3 Регламента).

Тематику резолюций, принимаемых в рамках АС, можно разделить на следующие группы: институциональная структура; административные вопросы; свободное обращение товаров; внешняя таможенная политика; технические нормы; свободное обращение услуг; политическая гармонизация; интеллектуальная собственность; свободное передвижение людей; внешние связи.

В Договоре о создании Андского суда, помимо закрепления в ст. 1 структуры правопорядка Андского сообщества, зафиксированы правила о юридической обязательности принимаемых решений. Так, ст. 2 Договора провозглашает, что «Решения обязывают государства-члены с момента их принятия Андским советом министров иностранных дел или Комиссией Андского сообщества». Статья 3 Договора указывает, что «Решения Андского совета министров иностранных дел и Комиссии и резолюции Генерального секретариата являются применимыми напрямую в государствах-членах с даты их опубликования в Официальном издании Соглашения, если только сами они не указывают на более позднюю дату. Когда их тексты предписывают соответствующим образом, решения требуют инкорпорации во внутреннее право посредством официально издаваемого акта, в котором отмечается их дата вступления в силу в каждом государстве-члене». Статья 4 Договора устанавливает, что государства-члены связаны обязательствами принимать меры, которые посчитают необходимыми для того, чтобы обеспечить исполнение норм, которые составляют правопорядок Андского сообщества. Договариваются, таким образом, не принимать и не использовать каких-либо средств, которые противоречили бы соответствующим нормам или каким-либо образом затрудняли их применение.

Приведенные выше положения Договора о создании Андского суда имеют большое значение для понимания места и роли актов Андского сообщества в образовании унифицированного андского

правопорядка. Так, в отличие от актов органов МЕРКОСУР, акты Андского сообщества применяются в государствах-членах напрямую, и только в случаях, прямо указанных в самих актах, они требуют инкорпорации во внутреннее право стран-участниц Сообщества. Кроме того, государства-члены принимают на себя обязательство обеспечить исполнение норм Андского сообщества. Следовательно, можно сделать вывод о том, что декларативно в Андском сообществе провозглашена более глубокая степень интеграции государств-членов, предполагающая существование единого правопорядка и прямое применение его норм, в отличие от МЕРКОСУР, где преобладает подход к созданию гармонизированных источников права, а также к обязательной инкорпорации (но не прямому применению) принимаемых норм.

Правовую основу интеграции образует единое таможенно-тарифное регулирование, которое создает условия для беспрепятственного перемещения товаров (отмена таможенных тарифов и количественных ограничений в торговле между странами-участницами таможенного союза и установление общего внешнего тарифа) в рамках таможенного союза.

Хотя в Андском сообществе не принят единый таможенный кодекс Андского сообщества, правовое регулирование таможенно-тарифных отношений внутри Сообщества осуществляется комплексом нормативных правовых актов.

В Андском сообществе принят ряд правовых документов, которые позволяют таможенным органам государств-членов развивать таможенное регулирование как в торговле внутри Сообщества, так и с третьими странами, в рамках общей и гармонизированной процедуры в соответствии с инструментами и международными стандартами, которые существуют в этой области, имея в качестве цели содействие внешней торговле и повышение эффективности мер, принятых в целях соблюдения законодательства и таможенного контроля.

Так, в Андском сообществе принята Единая таможенная номенклатура товаров (NANDINA), которая облегчает процесс идентификации и классификации товаров, ведения внешней статистики и других средств коммерческой политики Андского сообщества, связанных с импортом и экспортом товаров. Единая таможенная номенклатура Андского сообщества базируется на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, разработанной

Советом Таможенного сотрудничества в 1988 г. С момента своего вступления в силу в 1991 г. Единая номенклатура Андского сообщества постоянно актуализируется в соответствии с потребностями интеграции в Андском сообществе. В настоящее время Номенклатура гармонизирована на основе 8 знаков.

Нормы Андского сообщества о таможенных режимах позволяют гармонизировать процедуры и формальности при въезде и выезде товаров и транспортных средств так же, как и при помещении товаров под таможенные процедуры. Такие нормы приняты в Андском сообществе на уровне Единого таможенного документа (el Documento Único Aduanero, DUA).

Хотя страны-члены Андского сообщества являются членами Всемирной таможенной организации, они еще не присоединились к Международной конвенции по упрощению и гармонизации таможенных процедур (в ред. Протокола 1999 г.). По рекомендации Андского комитета по таможенным вопросам в июле 2005 г. было принято Решение Комиссии АС № 618, которое предписывает включить в законодательство Сообщества Общее приложение и ссылки на конкретные приложения к этой Конвенции.

С целью обеспечения большей гармонизации законодательства в сфере таможенно-тарифного регулирования, а также соответствующих систем, процедур и мер таможенного контроля, Решением Комиссии АС от 13 июля 2007 г. № 671 была утверждена «Гармонизация таможенных режимов»[1]. «Гармонизация…» регулирует правовые отношения между таможенными органами и физическими либо юридическими лицами, которые участвуют в процессе въезда, пребывания, перемещения, выезда товаров в (из) общей таможенной территории. Документ применяется:

1) на всей таможенной территории, не затрагивая специальных коммунитарных положений и положений международных соглашений или договоров;
2) на всей территории таможенного союза, не затрагивая специальные коммунитарные положения, национальные положения, действующие в государствах-членах Андского сообщества, которые не противоречат установленному данным Решением и положениям международных соглашений и договоров;

[1] В этот документ были внесены поправки Решением Комиссии АС № 761, которые вступили в силу с 1 июня 2010 г.

3) в торговле между государствами-членами Андского сообщества, между ними и третьими государствами.

По сути, «Гармонизация…» является таможенным кодексом Андского сообщества, хотя и не имеет официально такого наименования и статуса.

Кроме того, в Андском сообществе действует Андский интегрированный таможенный тариф (ARIAN), принятый Решением Комиссии АС № 657, — это система, которая позволяет собирать, проверять и инкорпорировать в одну базу данных всю информацию и нормативные акты, которые создаются, принимаются органами Андского сообщества.

В Андском сообществе действует и система единой таможенной оценки, т.е. установлены правила определения таможенной стоимости, которые позволяют странам-членам Сообщества иметь общие стандарты для определения налогооблагаемой суммы таможенных пошлин и налогов на импортируемые товары. Решением от 12 декабря 2003 г. № 571 Комиссия АС в качестве регионального норматива оценки таможенной стоимости установила положения Соглашения о таможенной стоимости товаров ВТО. Генеральный секретариат АС в августе 2004 г. на основе Резолюции № 846 принял Общий Регламент о применении таможенной оценки импортируемых товаров на территорию Таможенного союза, который содержит сведения и процедуры для осуществления Решения № 571.

Страны-члены Андского сообщества с января 2006 г. на основании Решения Комиссии АС № 617 применяют общий таможенный транзит (с изменениями, внесенными Решением № 636), т.е. таможенный режим, который позволяет перемещать на основе одной таможенной операции товары из таможни одного государства-члена на таможню другого государства-члена, в процессе чего пересекается одна или несколько границ государств-участников. Этот таможенный режим содействует укреплению свободного обращения товаров между государствами-членами, облегчая их перемещение из места происхождения в место назначения без дополнительных действий на границе, в портах и аэропортах, что обеспечивается за счет использования унифицированных документов и системы обмена информацией между таможнями государств — членов Сообщества[1].

---

[1] См. о таможенном регулировании в Андском сообществе. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?tipo=TE

В МЕРКОСУР, в отличие от Андского сообщества, Решением Совета Общего рынка от 2 августа 2010 г. №º27/10 принят Таможенный кодекс МЕРКОСУР[1]. Таможенный кодекс и дополнения к нему образуют общее таможенное законодательство МЕРКОСУР, провозглашенное Асунсьонским договором от 26 марта 1991 г. Таможенное законодательство МЕРКОСУР применяется на всей территории государств-членов и регулирует международную торговлю стран-участниц МЕРКОСУР с третьими странами или с блоками государств. Национальное таможенное законодательство каждого государства-члена применяется дополнительно в рамках своей юрисдикции по вопросам, специально не урегулированным Кодексом и дополнениями к нему.

В МЕРКОСУР действует Единая Товарная номенклатура[2], введенная в действие с 1995 г. и базирующаяся на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, а также Общий внешний тариф (установлен в 1994 г. посредством принятия Решения Совета Общего рынка № 22/94). Общий внешний тариф МЕРКОСУР основывается на Единой Товарной номенклатуре МЕРКОСУР и соответствует коду из 8 знаков[3].

Таким образом, в МЕРКОСУР и в Андском сообществе приняты и действуют унифицированные акты в области таможенно-тарифного регулирования, что подтверждает существование таможенных союзов в рамках данных объединений. Внесение многочисленных поправок и изменений в данные документы свидетельствует о развитии таможенно-тарифного регулирования в направлении устранения имеющихся барьеров, а значит, и постепенное движение к созданию общего рынка. Также следует отметить, что унифицированные правовые акты («Гармонизация таможенных режимов» в Андском сообществе и Таможенный кодекс МЕРКОСУР) были приняты в рассматриваемых интеграционных объединениях не так давно, что может указывать на наличие формирующегося, развивающегося единого таможенно-тарифного пространства.

---

[1] URL: http://www.iri.edu.ar/images/Documentos/CENSUD/boletines/23/codigo_aduanero.pdf

[2] Единая Товарная номенклатура МЕРКОСУР. URL: http://www.aduanaargentina.com/nc.php

[3] В Единую товарную номенклатуру и основанный на ней Общей внешний тариф неоднократно вносились изменения, модифицирующие их. URL: https://www.impo.com.uy/bases/decretos-internacional/406-2009/1

Унификация и гармонизация права в евразийских интеграционных объединениях. Содружество Независимых Государств. В соответствии со ст. 4 Устава СНГ одной из основных сфер совместной деятельности государств-участников данной международной организации является сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, таможенной политики. Кроме того, сферы совместной деятельности включают обеспечение прав и основных свобод человека, координацию внешнеполитической деятельности, сотрудничество в развитии систем транспорта, связи, в области оборонной политики и охраны внешних границ, охрану здоровья и окружающей среды, вопросы социальной и миграционной политики, борьбы с организованной преступностью.

После образования СНГ перед государствами-участниками стояла задача создания единых правовых норм. «Сохранившиеся в значительной мере кооперационные и иные связи между хозяйствующими субъектами этих стран, входивших прежде в единое экономическое и правовое пространство, и намерение большей части ставших независимыми государств развивать дальнейшее сотрудничество на новых принципах придали актуальность этой проблеме»[1].

Сотрудничество в экономической и социальной областях (формирование общего экономического пространства на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; координация социальной политики, разработка совместных социальных программ и мер по снижению социальной напряженности в связи с проведением экономических реформ; координация кредитно-финансовой политики; содействие развитию торгово-экономических связей государств-членов; поощрение и взаимная защита инвестиций; содействие развитию общего информационного пространства; осуществление совместных проектов и программ в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры и спорта и пр.) опосредуется согласно ст. 19–20 Устава СНГ правовым сотрудничеством государств-членов.

Нормативно-правовой базой сотрудничества в рамках СНГ являются согласно ст. 5 Устава СНГ многосторонние и двусторонние соглашения. Высшими органами Содружества — Советом

[1] Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М., 2012. С. 197.

глав государств и Советом глав правительств — принимаются решения, являющиеся актами наивысшей юридической силы среди актов других органов СНГ. Кроме того, в СНГ разрабатываются модельные акты.

Целям интеграции в области права в СНГ служат прежде всего многосторонние и двусторонние договоры, разработанные в рамках унификации права, в частности, договоры об оказании правовой помощи. Так, 22 января 1993 г. в г. Минске была заключена Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам[1], участницей которой является и Россия. Конвенция охватывает широкий круг вопросов: правовую защиту граждан и юридических лиц, порядок сношений при оказании правовой помощи, исполнение поручений учреждений юстиции, разграничение компетенции судов, признание и исполнение иностранных судебных решений. Она сыграла «поистине историческую роль в деле укрепления и расширения международного сотрудничества, обеспечения прав и свобод граждан суверенных государств одного региона»[2]. 7 октября 2002 г. большинство стран СНГ, участвующих в Минской конвенции, подписали в г. Кишиневе Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам[3], призванную заменить Минскую конвенцию в отношениях между странами-участницами и ставшую новым шагом на пути развития теории и практики международного сотрудничества в рамках отдельного региона (Россия пока не ратифицировала ее).

Для хозяйственных (арбитражных) судов государств-участников СНГ большое значение имеет Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности»[4], в котором решаются вопросы правовой защиты хозяйствующих субъектов, разграничивается компетенция судов (общих и арбитражных), рассматривающих их споры, определяется порядок оказания судами право-

---

[1] СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

[2] Быкова Е.В. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Российский судья. 2013. № 9. С. 40.

[3] СПС КонсультантПлюс.

[4] Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1992. № 4.

вой помощи, предусматривается взаимное признание и исполнение решений, вынесенных судами одной из стран-участниц, на территории других стран-участниц, решаются вопросы подлежащего применению права и предоставления информации о праве.

В соответствии со ст. 20 Устава СНГ государства-участники «способствуют сближению национального законодательства». В связи с этим 9 октября 1992 г. было заключено Соглашение «О принципах сближения хозяйственного законодательства государств-участников Содружества»[1], в котором стороны договорились проводить работу по сближению законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, по следующим направлениям: гражданское законодательство (в части, регулирующей хозяйственную деятельность); законодательство об изобретениях, промышленных образцах и товарных знаках; законодательство о предприятиях и предпринимательской деятельности, о порядке рассмотрения хозяйственных споров, антимонопольное законодательство; законодательство об охране окружающей среды; законодательство, регулирующее межгосударственное движение товаров и услуг, включая законодательство о качестве и стандартизации товаров и услуг; законодательство о денежной, банковской системе и ценных бумагах; законодательство о финансах, налогах и ценах; транспортное законодательство; законодательство о внешнеэкономических отношениях, включая законодательство об иностранных инвестициях и валютном регулировании; законодательство, регламентирующее таможенные правила и тарифы.

Сближение законодательства осуществляется с учетом соглашений, заключенных в рамках СНГ, и международных договоров, которые имеют приоритет по отношению к национальному законодательству стран СНГ. В свою очередь, Договором стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза» (ст. 26) были предусмотрены следующие мероприятия: работа по координации и сближению действующего национального законодательства на основе модельных проектов и норм международного права с целью устранения противоречий в них; принятие новых национальных законодательных актов по экономическим вопросам; проведение предварительной экспертизы проектов нормативных актов, обеспечивающей соответствие этих актов нормам меж-

[1] Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1992. № 7.

дународного права, данному Договору, двусторонним и многосторонним соглашениям.

К модельным (рекомендательным) актам, регулирующим хозяйственные взаимоотношения в рамках СНГ, относятся:

1) общие (основные) принципы;
2) основы единой политики;
3) модельные законы как типовые законодательные акты Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (далее — МПА), содержащие нормы, которые регулируют определенную сферу общественных отношений;
4) модельные кодексы.

Под рекомендательным (модельным) законодательным актом понимается типовой законодательный акт, разрабатываемый институтами СНГ в сфере их общих интересов, имеющий рекомендательный характер и направляемый Верховным Советам (Парламентам) государств-участников СНГ для использования его в их законодательной деятельности[1].

Модельные акты представляют собой образцы нормативных правовых актов, разрабатываемые с целью их воспроизведения с большей или меньшей точностью в рамках национальной системы законодательства. Вместе с тем, как отмечается, такие акты в большей степени служат унификации гражданско-правового регулирования, т.е. стабильно развивающихся отношений, чем целям координации внешнеэкономической политики, основывающейся на принятии оперативных мер административного воздействия[2].

В настоящее время в СНГ приняты модельные гражданский (ч. 1–3), библиотечный, налоговый (общая и специальная части), лесной, земельный, экологический (общая и особенная части), рыбохозяйственный, водный, образовательный (общая часть), исполнительный (общая часть), таможенный, торговый, информационный, инновационный кодексы, а также модельные кодексы ин-

---

[1] Протокол Консультативного совещания председателей Верховных Советов (Парламентов) Содружества Независимых Государств от 27 марта 1992 г. «О подготовке рекомендательных (модельных) законодательных актов государств-участников Содружества Независимых Государств» // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901606931

[2] Проблемы унификации международного частного права. С. 36–37.

теллектуальной собственности, о недрах и недропользовании, о судоустройстве и статусе судей, при этом многие из них были изложены в новой редакции.

Принятие модели Гражданского кодекса СНГ[1] (далее — Модельный ГК) обусловило высокую степень сближения гражданского законодательства стран СНГ. Модельный ГК был положен в основу национальных гражданских кодексов Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана, оказал определенное влияние на гражданское законодательство других бывших союзных республик. Однако следование национального законодателя Модельному ГК, принятому в середине 1990-х гг., не приводит к полной унификации гражданского законодательства. Национальные гражданские кодексы стран СНГ претерпели с момента их принятия множество изменений, в то время как сам Модельный ГК менялся лишь 16 июня 2003 г., когда МПА приняла новую редакцию раздела V «Интеллектуальная собственность» части третьей этого документа. Помимо этого, рекомендательный характер модельных кодексов не налагает на государства обязанность дословного воспроизведения текста модели в национальном нормативном правовом акте, не обязаны государства и вносить изменения в национальное законодательство, когда соответствующие изменения вносятся в модельный кодекс либо принимается его новая редакция[2]. Следовательно, в этом случае можно говорить о достижении цели гармонизации, но не унификации законодательства стран СНГ в областях, входящих в сферу регулирования модельных актов.

Многими исследователями отмечается, что модель гармонизации правового регулирования в рамках СНГ не достигла желае-

---

[1] Часть первая была принята 29 октября 1994 г. (см.: Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государства. 1995. № 6. С. 3–192), часть вторая — 13 мая 1995 г. (см.: Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государства. 1995. № 8. С. 3–228), часть третья — 17 февраля 1996 г. (см.: Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государства. 1996. № 10. С. 3–84).

[2] См. более подробно об этом: Богустов А.А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ // Российская юстиция. 2012. № 3 // СПС КонсультантПлюс.

мого интеграционного эффекта[1], а право СНГ не имеет четкой структуры по значимости и силе принимаемых документов[2].

Унификация и гармонизация права в евразийских интеграционных объединениях. ЕврАзЭС. В Договоре об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. (далее — Договор об учреждении ЕврАзЭС) не был определен четкий перечень источников правового регулирования в рамках этого интеграционного объединения, которые в связи с этим выводились доктринально и включали в себя:

1) международные договоры, заключенные в рамках ЕврАзЭС;
2) решения органов ЕврАзЭС (Межгосударственного совета, Евразийской экономической комиссии), имевшие обязательный характер;
3) основы законодательства ЕврАзЭС, которые предполагалось принимать в качестве приложений к международным договорам[3].

При этом в Договоре об учреждении ЕврАзЭС отсутствовали правила реализации решений Межгосударственного совета ЕврАзЭС (далее — Межгоссовет) в национальном законодательстве государств-членов. Статьей 5 указанного Договора было предусмотрено, что Межгоссовет принимает решения, направленные на реализацию целей и задач ЕврАзЭС. Эта норма была конкретизирована в п. 5 Положения о Межгосударственном совете Евразийского экономического сообщества, утвержденного Решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 31 мая 2001 г. №3[4], согласно которому Межгоссовет был уполномочен принимать решения по вопросам, касающимся регулирования условий взаимной торговли между государствами-членами, таможенной политики Сообщества по отношению к третьим государствам, упрощения и унификации таможенных правил и процедур, применяемых в государствах-членах Сообщества, гармонизации (сближения и унификации) национального законодательства государств-членов ЕврАзЭС.

---

[1] Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции. С. 99.

[2] Шумский В.Н. Юридическая сила актов высших органов Содружества Независимых Государств // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 112.

[3] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография / отв. ред. А.Я. Капустин. М., 2012. С. 146.

[4] СПС КонсультантПлюс.

В свою очередь, на Евразийскую экономическую комиссию на основании ст. 5 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г.[1] налагалась обязанность принимать в пределах своих полномочий решения, имеющие обязательный характер для сторон этого Договора (России, Белоруссии и Казахстана), и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения Комиссии входили в договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства и подлежали непосредственному применению на территориях государств-членов ЕврАзЭС.

Вместе с тем не было определено соотношение решений органов ЕврАзЭС между собой, а также в правовых системах государств-членов ЕврАзЭС, что могло повлечь возникновение коллизий при применении решений указанных органов и национального законодательства в случае их противоречия[2].

Гармонизация и унификации национального законодательства государств-участников ЕврАзЭС, приведение его в соответствие с договорами, заключенными в рамках ЕврАзЭС, как было заявлено в ст. 7 Договора об учреждении ЕврАзЭС, осуществлялись посредством разработки Межпарламентской ассамблеей ЕврАзЭС (далее — МПА ЕврАзЭС) в пределах своих полномочий Основ законодательства в базовых сферах правоотношений, а также путем принятия типовых проектов, на основе которых должны были разрабатываться акты национального законодательства. Кроме того, МПА ЕврАзЭС была уполномочена разрабатывать рекомендации по гармонизации (сближению, унификации) законодательств[3]. Под Основами законодательства ЕврАзЭС, как было сказано в ст. 1 Договора о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации от 18 июня 2004 г.[4], понимались правовые акты ЕврАзЭС, которые устанавливают единые нормы правового регулирования в базовых сферах правоотношений и которые принимаются путем заключения соответствующих соглашений. Следовательно, Основы законодательства в случае их принятия имели

---

[1] СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 1275.

[2] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза. С. 157.

[3] См. подробнее: Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции. С. 12.

[4] СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6419.

бы обязательный характер и силу международного договора, однако такой документ не был принят ни в одной из сфер интеграционного сотрудничества. Были разработаны лишь Концепции Основ законодательства ЕврАзЭС, в частности, об инвестициях, об инновационной деятельности, о конкуренции и регулировании монополистической деятельности, об энергетике, Концепции Основ банковского, пенсионного, транспортного, таможенного законодательства ЕврАзЭС[1].

ЕврАзЭС преследовало в качестве цели эффективное продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства (ст. 2 Договора об учреждении ЕврАзЭС), однако не ставило своей непосредственной задачей формирование интеграционного правопорядка, хотя можно с уверенностью утверждать, что Сообщество сыграло важную роль в эволюции евразийской идеи, прежде всего, содействуя интеграционным процессам между государствами-участниками.

В Декларации «О евразийской экономической интеграции» от 18 ноября 2011 г.[2] ее участники (Россия, Белоруссия и Казахстан) заявили о стремлении завершить к 1 января 2015 г. кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, и на этой основе создать Евразийский экономический союз. Последующая трансформация ЕврАзЭС в ЕАЭС, осуществленная в 2014 г., стала важнейшим этапом евразийской интеграции.

Тенденции, вызовы и перспективы развития интеграционного права в ЕАЭС. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор о ЕАЭС) является учредительным договором международной организации региональной экономической интеграции, формирующим правовую интеграцию. ЕАЭС формирует единое экономическое пространство, основанное на применении гармонизированных и унифицированных правовых норм. Статьей 6 Договора о ЕАЭС вводится новая категория, которой не было во всех предыдущих учредительных документах иных интеграционных объединений на евразийском пространстве, — право Союза, которое составляют:

- Договор о ЕАЭС;

---

[1] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза. С. 152.

[2] СПС КонсультантПлюс.

- международные договоры в рамках Союза;
- международные договоры Союза с третьей стороной;
- решения и распоряжения органов ЕАЭС.

Следовательно, право ЕАЭС формируют два вида источников:

- источники первичного права (международные договоры);
- источники вторичного права (акты органов ЕАЭС).

Впервые в учредительном договоре ЕАЭС определены понятия гармонизации и унификации законодательства государств-членов, которые соответствуют их устоявшемуся пониманию в юридической науке. Под гармонизацией в ст. 2 понимается сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах, а под унификацией — сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных этим Договором. Следовательно, сближение правовых систем государств-членов ЕАЭС осуществляется не по всем направлениям правового регулирования, а лишь в определенных сферах.

Международные договоры составляют первичное право ЕАЭС. Основной среди них — Договор о ЕАЭС, призванный кодифицировать и заменить собой ранее действовавшие договоры Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Международные договоры в рамках Союза конкретизируют Договор о ЕАЭС и заключаются между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием ЕАЭС. В ряде случаев принятие международных договоров в рамках Союза предусматривается Договором о ЕАЭС. Например, согласно ч. 2 ст. 30 Договора о ЕАЭС функционирование общего рынка лекарственных средств в рамках Союза осуществляется в соответствии с международным договором в рамках Союза. В связи с этим 23 декабря 2014 г. в г. Москве было заключено Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза[1]. Вопрос о соотношении До-

[1] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 02.03.2016. Кроме того, в рамках Союза заключены следующие международные договоры: О координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сентября 2015 г. (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.

говора о ЕАЭС и международных договоров в рамках Союза решается следующим образом: в случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором о ЕАЭС приоритет имеет Договор о ЕАЭС.

Международные договоры Союза с третьей стороной заключаются с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями[1]. Абзацем 2 ч. 1 ст. 7 Договора о ЕАЭС предусмотрено, что «вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза», который пока не заключен. Международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам

---

gov.ru, 26.07.2016); О реализации в 2015–2016 гг. пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» от 8 сентября 2015 г. (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 17.08.2016); О перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств-членов Евразийского экономического союза от 29 мая 2015 г. (Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://eaeunion.org/, 02.06.2015); О единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 г. (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 02.03.2016); Об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала от 23 декабря 2014 г. (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 02.11.2016). Разработаны также проекты Договоров о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза (распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17 марта 2016 г. № 13 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://eaeunion.org/, 20.07.2016), о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза (распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 января 2016 г. № 4 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://eaeunion.org/, 29.01.2016).

[1] К примеру, упомянутое ранее Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны от 29 мая 2015 г.

функционирования Союза, однако о необходимости их соответствия Договору о ЕАЭС напрямую не говорится. При этом если основные принципы функционирования и цели Союза перечислены соответственно в ст. 3 и 4 Договора о ЕАЭС, то правила его функционирования в Договоре специально не обозначены и должны выводиться путем его толкования. Очевидно, что правила функционирования международной организации региональной экономической интеграции не могут быть сосредоточены в одной статье ее учредительного договора, они представляют собой всю правовую основу создания и деятельности интеграционного объединения. На наш взгляд, к правилам функционирования Союза могут быть отнесены нормы Договора о ЕАЭС о компетенции Союза, статусе и полномочиях его органов, о функционировании Таможенного союза и единого экономического пространства в рамках Союза, т.е. практически все содержание Договора о ЕАЭС. Соотношение международных договоров Союза с третьей стороной и международных договоров в рамках Союза никак не обозначено. Вместе с тем представляется, что для эффективного функционирования ЕАЭС необходимо обеспечить системное соответствие международно-правовых актов, являющихся источниками права Союза, которые должны быть согласованы между собой и не вступать в противоречие.

В право Союза включены также международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС (например, Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г.); они применяются в части, не противоречащей ему (ч. 1 ст. 99 Договора о ЕАЭС).

Функционирование международных экономических организаций универсального характера, прежде всего Всемирной торговой организации, членами которой являются большинство стран ЕАЭС, обусловило «необходимость согласования правовых регуляторов в рамках ВТО и Евразийского пространства»[1]. В связи с этим был принят Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой си-

[1] Правовое пространство и человек: монография / Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. М., 2012. С. 123.

стемы от 19 мая 2011 г.[1], который продолжает свое действие в рамках ЕАЭС, что предусмотрено Протоколом о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы (приложение № 31 к Договору о ЕАЭС).

Таким образом, основу евразийского интеграционного сотрудничества составляет международный договор — регулятор отношений между государствами, создающий в силу своего обязательного характера для государств-членов унифицированные правовые нормы в рамках интеграционного объединения. Кроме того, на основе международных договоров, являющихся источниками права Союза, возможно осуществление гармонизации законодательства государств-членов. К примеру, ч. 3 ст. 70 Договора о ЕАЭС предусмотрена гармонизация законодательства государств-членов в сфере финансового рынка в соответствии с международным договором в рамках Союза и Протоколом по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору о ЕАЭС).

Вторичное право ЕАЭС составляют акты межправительственных органов Союза: Высшего Евразийского экономического совета (далее — Высший совет) и Евразийского межправительственного совета (далее — Межправительственный совет) и «наднационального» органа Союза[2] — Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК). Согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС решение представляет собой акт, содержащий положения нормативно-правового характера, а распоряжение — это акт, имеющий организационно-распорядительный характер. Решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза. В то же время вопрос о возможных противоречиях между актами органов Союза и международными договорами Союза с третьей стороной не урегулирован.

В ЕАЭС предусмотрен порядок разрешения коллизий между актами органов Союза, имеющими нормативно-правовой характер. В случае возникновения противоречий между решениями Высшего совета, Межправительственного совета и ЕЭК решения Высшего совета имеют приоритет над решениями Межправительственного совета и ЕЭК, а решения Межправительственного сове-

---

[1] Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/ (дата обращения: 20.05.2011).

[2] Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11.

та имеют приоритет над решениями ЕЭК. Таким образом, иерархия источников вторичного права ЕАЭС выстраивается следующим образом: более высокую юридическую силу имеют решения Высшего совета, затем — решения Межправительственного совета, затем — решения ЕЭК.

Договором о ЕАЭС предусмотрено, что решения Высшего совета и Межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. В связи с этим, по мнению А.А. Каширкиной и А.Н. Морозова, «для эффективной имплементации международных обязательств, вытекающих из решений органов Евразийского экономического союза, необходима внутригосударственная нормативно-правовая база»[1].

Кроме того, не определено, устанавливают ли решения этих органов ЕАЭС единообразные нормы или являются «лишь ориентиром для национальных законодательств государств-членов в отношении результата, который требуется достичь»[2]. Нормы ст. 13 и 17 Договора о ЕАЭС, касающиеся, соответственно, решений и распоряжений Высшего совета и решений и распоряжений Межправительственного совета, сформулированы очень кратко и не поясняют их значение для целей гармонизации и унификации законодательства государств-членов Союза. Имеющаяся правовая неопределенность может тормозить сближение правовых систем в рамках евразийского интеграционного объединения.

Положением о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) определен статус актов Комиссии:

1) решений, которые имеют нормативно-правовой характер и обязательны для государств-членов;

---

[1] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография. М., 2014. С. 168. По словам авторов, в российском праве (Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации») не определено место в правовой системе и порядок действия во внутригосударственных отношениях решений международных организаций и их органов, а соответственно, и решений таких органов ЕАЭС, как Высший совет и Межправительственный совет.

[2] Муратова О.В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции // Журнал российского права. 2015. № 12.

2) распоряжений, которые имеют организационно-распорядительный характер;
3) рекомендаций, не имеющих обязательного характера (п. 13).

При этом такой вид актов ЕЭК, как решения, подлежит непосредственному применению на территориях государств-членов, что говорит о наднациональном характере полномочий ЕЭК и принимаемых ею решений. Исходя из этого, решения ЕЭК имеют унификационный характер, поскольку являются источником единообразного регулирования в государствах-членах ЕАЭС.

Источниками вторичного права ЕАЭС являются также решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и Евразийской экономической комиссии, действующие на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС: они применяются в части, не противоречащей этому Договору.

Развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве привело к расширению практики участия государств в межгосударственных объединениях. Например, в настоящее время Россия и Белоруссия являются одновременно членами Союзного государства, СНГ, ЕАЭС. В двух последних объединениях также участвуют Армения, Казахстан и Киргизия. Казахстан и Россия являются членами ВТО. На уровне таких интеграционных объединений принимаются правовые акты, направленные на сближение правовых систем государств, входящих в эти объединения. В связи с этим возникает проблема установления четкой иерархии принятых различными интеграционными объединениями международных документов между собой и с национальным законодательством государств во избежание «наслоения» регулирующего воздействия, коллизий и противоречий. Также, как отмечает Т.Я. Хабриева, «возникает проблема множественности правовых статусов в межгосударственных интеграционных объединениях, что еще более осложняет задачу создания и последующей кодификации нормативной правовой базы Евразийского экономического союза. Средством решения этой достаточно распространенной проблемы является взаимная корреляция и определение приоритетности наслаивающихся международных обязательств»[1].

[1] Хабриева Т.Я. О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 21–23.

Проведенное исследование показало, что если в СНГ унификация и гармонизация охватывает частное и публичное право, то в ЕАЭС касается преимущественно публично-правовых вопросов. В условиях существования международных договоров СНГ, содержащих нормы гражданского, международного частного права, международного гражданского процесса, модельных актов СНГ в сфере частного права принятие аналогичных документов в ЕАЭС на первый взгляд выглядит излишним, поскольку для всех государств-членов ЕАЭС, являющихся одновременно участниками СНГ, и так действует единообразное или схожее частноправовое регулирование. В то же время ряд международных договоров и модельных кодексов стран СНГ нуждается в обновлении (например, речь идет о Соглашении от 20 марта 1992 г. «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников Содружества Независимых Государств»[1], о Модельном ГК и др.), а при стремлении к более тесному правовому сотрудничеству между государствами евразийского региона, созданию наднационального правопорядка, в перспективе — к трансформации ЕАЭС в более сплоченное интеграционное объединение целесообразным было бы принятие этих обновленных актов в рамках ЕАЭС.

Трудоемкость процедуры разработки и принятия унифицированных правовых актов в форме международных договоров ставит вопрос о смещении акцента правового опосредования хозяйственных отношений с участием частных лиц в сторону «мягкого» регулирования посредством решений рекомендательного характера, типовых правил и контрактов, кодексов лучшей практики и др. В связи с этим наряду с жестким публично-правовым правовым регулированием в рамках ЕАЭС является актуальным формирование гибких частноправовых норм, изложенных в актах мягкого права, lex mercatoria eurasiatica, основу которого могут составить Принципы Евразийского частного права, разработанные по аналогии с Принципами международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010[2], Принципами Европейского договорного права[1] или Модельными правилами европейского частного права[2].

---

[1] Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1992. № 4.

[2] Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А.С. Комарова. М., 2013.

В завершение исследования правовых аспектов интеграции на евразийском пространстве следует отметить, что на данный момент, исходя из приведенного перечня источников правового регулирования в ЕАЭС, можно говорить о формировании интеграционного права Союза, обеспечивающего сам механизм интеграции, но пока не о формировании коммунитарного права.

---

[1] Принципы Европейского договорного права / пер. А.Т. Амирова, Б.И. Пугинского // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 3, 4.

[2] Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М., 2013.

Глава 4
Развитие интеграционного и коммунитарного права в Латинской Америке

(Монтаньо Галарза Ц., Рафалюк Е.Е.)

Понятие коммунитарного и интеграционного права. Понятие коммунитарного права, или права регионального интеграционного объединения возникло в ходе развития европейской интеграции. Постепенно в праве Европейских сообществ накапливались особенности, все более отдалявшие его от общего международного права, и в научной среде распространялась идея особенного права, которое стали называть коммунитарным правом, от англ. community[1], что значит «сообщество»[2].

Итак, появление концепции коммунитарного права связано с развитием права Европейского союза (ЕС) (до 1992 г. — права Европейских сообществ), обеспечивающего интеграцию экономики и политики на Европейском континенте в конце XX в.[3]

Римским и Парижским договорами, которые рассматриваются в ЕС в качестве Конституции Союза, органам ЕС были переданы широкие полномочия в правотворческой, исполнительной областях, а также по толкованию европейского права. Таким образом, европейское право (в значении права ЕС) формировалось как автономное право, отличное от международного права и национального права государств-членов ЕС, имеющее особые принципы взаимодействия с международным правом и внутригосударственным правом членов ЕС.

Мнение об особой природе коммунитарного права (или права регионального интеграционного объединения) не раз высказывалось в юридической науке. Наряду с его автономной природой отмечался его комплексный характер: «оно (право интеграционного объединения. — *Прим. авторов*) не может быть обособлено от общего международного права, но в то же время определенная его

---

[1] От франц. *communaute* — сообщество.

[2] Рыжов В.Б. Международно-правовые модели региональной экономической интеграции (Европейский союз, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС) // Международное публичное и частное право. 2006. № 4. С. 29.

[3] О понятии «коммунитарного права» см., например: Энциклопедия юриста. URL: http://eyu.sci-lib.com/article0000664.html

часть является формой координации, сближения и унификации внутреннего права государств-членов»[1].

В настоящее время понятие коммунитарного права широко распространено в доктрине и практике региональной международной интеграции, однако оно так и не получило единого понимания. Зародившись для характеристики права Европейских сообществ, на современном этапе термин «коммунитарное право» применим для описания правопорядков интеграционных объединений, развивающихся по наднациональному типу, в которых поставлена задача формирования единого права интеграционного объединения. Итак, под коммунитарным правом предлагается понимать автономную правовую систему, применяемую на основе принципов прямого действия, непосредственного применения и верховенства над нормами внутреннего законодательства государств-членов интеграционного объединения.

Идея коммунитарного права получила поддержку в латиноамериканской правовой доктрине. В монографии Л. Лопеса (Luis Fernando Arnau Lopez) «Правовая система зоны свободной торговли в Южной Америке»[2] рассматривается вопрос об автономности коммунитарного права как самостоятельной системы права. Автор приходит к выводу о том, что интеграция создала новый тип общественных отношений и для их правового опосредования необходима соответствующая нормативность, отвечающая целям новой ментальности. «Коммунитарное право, — пишет ученый, — созрело на идее создания общего права, регулирующего отношения внутри интеграционного объединения. Это некая новая философия регулирования данного типа отношений»[3].

Латиноамериканская доктрина различает термины «коммунитарное право» и «интеграционное право». По этому поводу A.R. Mario Midón пишет: «Интеграционное право представляет

---

[1] Энтин М.Л. Суд Европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987. С. 18; Олтеану О.М. Правовой механизм эволюции ЕЭС к наднациональным федеративным структурам // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 1. С. 44.

[2] Luis Fernando Arnau Lopez. Ordemamiento jurídico básicopara la constitución de la zona libre de comercio de Sudamerica // Universidad Andina Simón Bolívar de Bolivia. Facultad de Integración. Maestría de Integración y Comercio Internacional. URL: http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/BO-INT-0007.pdf

[3] Luis Fernando Arnau Lopez. Op. cit. P. 22–23.

собой совокупность норм, правил и ценностей, которые регулируют процессы интеграции и таким образом обеспечивают их развитие. Когда же интеграционное право приобретает черты наднациональности, появляется коммунитарное право, являющееся эволюционной категорией от интеграционного права. Таким образом, коммунитарное право — это возвышенная (или развитая) форма интеграционного права»[1].

Действительно, следует согласиться с мнением ученого о том, что для характеристики комплекса правовых норм, регулирующих многообразные общественные отношения, возникающие в процессе интеграции, допустимо использование понятия «интеграционного права». Когда же данный комплекс норм приобретает черты самостоятельного, автономного, упорядоченного правопорядка, действующего на основе особых принципов, то здесь речь идет о появлении коммунитарного права.

В российской правовой доктрине интеграционное право понимается как межотраслевой комплекс норм, относящийся к разным правовым системам, отраслям и правовым институтам[2].

Правовая природа интеграционного и коммунитарного права продолжает исследоваться в латиноамериканской юридической доктрине[3]. В одной из статей Brenda Luciana Maffei рассматривает коммунитарное право через призму теории права Г. Кельзена[4]. Автор приходит к выводу о том, что коммунитарное право представляет собой результат эволюции международного права, находящегося в более централизованной форме. При этом описание

---

[1] Midón Mario A. R. Derecho De La Integración. Aspectos institucionales del Mercosur. Buenos Aires. 1998. P. 50–51.

[2] Интеграционное право — совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе (внутригосударственной и международной) интеграции. См.: Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права. М., 2014.

[3] Право интеграции и коммунитарное право. Официальный сайт Постоянного апелляционного суда МЕРКОСУР. URL: http://www.tprmercosur.org/es/index.htm

[4] Brenda Luciana Maffei. El derecho comunitario: un análisis a partir de la perspectiva Kelseniana o direito comunitário: uma análise a partir da perspectiva Kelseniana. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, Nº 8; Agosto 2016; pp. 94–112. ISSN 2304-7887 (en línea) ISSN 2307-5163 (impreso) // DOI: http://dx.doi.org/10.16890/rstpr.a4.n8.p94 // http://www.revistastpr.com/index.php/rstpr/article/view/196/307

международного права как исходного децентрализованного правопорядка не препятствует восприятию им тенденций правовой эволюции и образованию мирового государства. По этой причине Кельзен утверждал, что создание промежуточных этапов (и как промежуточный этап, по мнению автора, может рассматриваться Европейский союз) может быть необходимымым инструментом в движении в этом направлении. Хотя Кельзен и не учитывал в своей теории права институты типа ЕС, ничто не мешает рассматривать появление коммунитарного права как эволюцию международного права[1].

Исследуя правовую природу правопорядка Андского сообщества, Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera указывает, что правовая система Сообщества обладает особыми характеристиками, среди которых — прямое и непосредственное применение, верховенство[2]. Автор приводит выдержки из решений Суда Андского сообщества, которые подтверждают автономность коммунитарного по отношению к национальному праву и особые принципы его применения: «Относительно влияния интеграционных норм на национальные нормы доктрина и судебная практика отмечают, что в случае конфликта внутренняя норма замещается коммунитарной. Другими словами, внутренняя норма оказывается неприменимой в пользу коммунитарной нормы… Строго говоря, речь не ведется о том, что последующая коммунитарная норма отменяет действие предшествующей национальной нормы, как это имеет место в плоскости внутреннего права ввиду того, что это два различных правопорядка, автономных и отдельных <…>. По отношению к коммунитарной норме государства-члены <…> не могут ни формулировать оговорки, ни односторонне отступать от ее применения, не могут прикрываться действующими положениями

[1] Brenda Luciana Maffei. El derecho comunitario: un análisis a partir de la perspectiva Kelseniana o direito comunitário: uma análise a partir da perspectiva Kelseniana. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, № 8; Agosto 2016; pp. 94–112. ISSN 2304-7887 (en línea) ISSN 2307-5163 (impreso) // DOI: http://dx.doi.org/10.16890/rstpr.a4.n8.p94 // http://www.revistastpr.com/index.php/rstpr/article/view/196/307

[2] Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera. La autonomía del Derecho Comunitario Andino y su relación con el Derecho Internacional. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, Nº 8; Agosto 2016; pp. 224–245. ISSN 2304-7887 (en línea) ISSN 2307-5163 (impreso). DOI: http://dx.doi.org/10.16890/rstpr.a4.n8.p224 // http://www.revistastpr.com/index.php/rstpr/article/view/197/322

или обычной практикой своего внутреннего правопорядка для того, чтобы оправдать неисполнение или нарушение обязательств, вытекающих из коммунитарного права»[1].

По поводу взаимоотношений норм андского правопорядка и международного правопорядка Суд Андского сообщества постановляет: «Что касается упомянутых отношений между коммунитарным правопорядком и международным, <…> он образует один из его источников, но из этого не вытекает, что Сообщество остается связанным указанным правопорядком»[2]. Согласно тому, что указано в этом решении Андского суда, Суд признает то, что международное право — это источник коммунитарного права, и что они взаимосвязаны, хотя кажется, что Суд хотел подчеркнуть автономность коммунитарного права в его применении государствами-членами: «Андский юридический правопорядок автономен, и применение норм, которые его образуют, не зависит от других международных правопорядков…»[3]

Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera останавливается на проблеме взаимодействия регионального и многостороннего международного правопорядков на примере изучения конкретных споров между государствами-членами Андского сообщества, в которых затрагивались вопросы применения норм Андского сообщества о защитных мерах, предусмотренные Картахенским соглашением, и норм Соглашения ВТО о защитных мерах. Так, Картахенское соглашение предоставляет возможность странам-членам Андского сообщества принять защитные меры внутри Сообщества или такие меры, которые имеют своей целью временное ограничение

---

[1] Tribunal de Justicia de la Comunidad Andina, proceso de interpretación prejudicial 2 IP 88 // Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera. La autonomía del Derecho Comunitario Andino y su relación con el Derecho Internacional. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, № 8; Agosto 2016. P. 230.

[2] Tribunal de Justicia de la Comunidad Andina, proceso de interpretación prejudicial 1-IP-96 // Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera. La autonomía del Derecho Comunitario Andino y su relación con el Derecho Internacional. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, № 8; Agosto 2016. P. 231.

[3] Tribunal de Justicia de la Comunidad Andina, sentencias 89-AI-2000 (acción de incumplimiento), 10 AN 2000 y 61 AN 2000 (acción de nulidad) // Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera. La autonomía del Derecho Comunitario Andino y su relación con el Derecho Internacional. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, № 8; Agosto 2016. P. 231.

импорта, осуществляемого из другого государства-члена Сообщества при определенных допущениях и на временной основе. В то же время государства-члены Андского сообщества могут быть стороной многостороннего Соглашения ВТО о защитных мерах, и таким образом они располагают доступом к защитным мерам в рамках регионального и многостороннего соглашений. Обе системы признают исключительный и временный характер защитных мер. Автор описывает подход Андского суда относительно применения защитных мер: «Должны предотвращаться случаи, чтобы эти исключительные ситуации делали невозможным процесс интеграции, или чтобы они его прерывали или задерживали сверх того, что строго необходимо. Необходимое *примирение интересов* государства-заявителя жалобы и интеграции тогда становится базовым критерием для толкования и применения норм Соглашения»[1]. В свою очередь в многостороннем правопорядке защитные меры состоят в том, чтобы государство-член ВТО мог временно ограничить импорт товаров, если импорт такого товара превышает то количество, которое может причинить или создать угрозу причинения вреда какой-либо отрасли национальной промышленности»[2]. Таким образом, «двойное» регулирование защитных мер привело к возникновению позиции Андского суда относительно *цели* применения региональных и многосторонних норм в области защитных мер к государствам-членам Андского сообщества. Кроме того, Суд Андского сообщества заключил, что «тот факт, что государства-члены Андского сообщества принадлежат к ВТО, не освобождает их от обязанности подчиняться андским коммунитарным нормам…»[3] Генеральный секретариат Андского сообщества совместно с Андским судом был последовательным в своих утверждениях и подтвердил обязательство государств-членов Андского сообщества выполнять положение, указанное в гл. IX Картахенского соглашения, в частности, в ст. 97, которая гласит, что корректирующие меры должны быть сообщены Генеральному секретариату и доказаны перед ним с целью подтверждения их уместности, чтобы приостановить их, изменить или придать за-

---

[1] Sentencia del Tribunal de Justicia Andino de 10 de junio de 1987, proceso 1-N-86 (acción de nulidad).

[2] См. ст. 2 Соглашения ВТО о защитных мерах.

[3] Sentencia del Tribunal de Justicia Andino de 21 de julio de 1999, proceso 7-AI-98.

конную силу[1]. Выполнение этих обязательств не зависит от действий, которые государства-члены реализуют в какой-либо другой юрисдикции, включая многостороннюю[2]. «Это было бы не больше и не меньше, чем отрицать превосходство коммунитарного андского правопорядка, который, как упоминалось ранее, является преобладающим не только по отношению к внутренним правопорядкам государств-членов, так же как и к другим международным правопорядкам, к которым они принадлежат. По этому поводу судебная практика Андского суда четко выразила природу принципа верховенства коммунитарного права»[3].

Интеграционное право в МЕРКОСУР. В качестве примера функционирования интеграционного права можно привести Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), где по свидетельству латиноамериканских исследователей отсутствует сложившееся коммунитарное право. В МЕРКОСУР, хотя и существует собственная нормативная правовая система, ориентированная на интеграцию, правовые акты нуждаются в инкорпорации во внутренне право государств-участников организации в том порядке, как это закреплено в национальных законодательствах стран-членов Общего рынка. Данную точку зрения поддерживает H. Llanos Mansilla: «Существующий правопорядок не имеет коммунитарной природы. Соглашения образуют нормативную базу для развития процессов региональной кооперации, целью которой является построение общего рынка»[4].

Таким образом, Асунсьонский договор и созданная на его основе нормативная правовая система МЕРКОСУР могут быть отнесены к так называемому интеграционному праву, которое обеспе-

---

[1] Статья 97 Картахенского соглашения от 26 мая 1969 г.: «При импорте товаров, имеющих происхождение в субрегионе, в количестве и на условиях, которые могут вызвать сбои в национальном производстве конкретных продуктов в государстве-члене, оно может применить корректирующие меры, не дискриминационные, временного характера, подлежащие последующему заключению со стороны Генерального секретариата <…>».

[2] Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera. La autonomía del Derecho Comunitario Andino y su relación con el Derecho Internacional. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, Nº 8; Agosto 2016. P. 242.

[3] Tribunal de Justicia de la Comunidad Andina, proceso № 01-AI-2001.

[4] Llanos Mansilla H. El Derecho de la Integración en el ordenamiento jurídico interno.Direito e sociedade. Vol. I. Juruá Editora, Curitiba, 1998. P. 226–227.

чивает реализацию целей межгосударственной интеграции. Об отсутствии коммунитарного права в МЕРКОСУР свидетельствуют следующие обстоятельства:

1) принятие решений осуществляется на основе консенсуса государств, которые действуют в соответствии со своими интересами;
2) отсутствует прямая связь между внутригосударственными и региональными международными правовыми актами;
3) государства вводят механизм имплементации региональных международных норм и устанавливают их иерархию с национальными актами согласно внутреннему законодательству государств-членов МЕРКОСУР.

Кроме того, в МЕРКОСУР отсутствуют юридические механизмы, которые бы гарантировали верховенство и прямое применение норм, исходящих от интеграционных институтов. Причина тому — несхожие конституционные положения стран-членов Общего рынка, регламентирующие статус норм международного права во внутригосударственных правовых системах. Например, в Конституции Бразилии и Уругвая введены положения о том, что международные договоры занимают такое же место, как и национальные законы, к которым соответственно применимо правило — *lex posterior derogat legi priori*. Между тем в Конституциях Аргентины и Парагвая после соответствующих конституционных реформ закреплен «надгосударственный» статус международных договоров. Таким образом, наблюдается конституционная асимметрия в закреплении места международного права в национальных правовых системах, в связи с чем некорректно говорить о наднациональном характере правовых актов МЕРКОСУР хотя бы с точки зрения правопорядков Бразилии и Уругвая.

Интеграционное право Андского сообщества. Как происходит в любом другом интеграционном объединении, Андское сообщество имеет особый и уникальный правовой порядок. Эта система норм и правил служит для создания наднациональной институциональной системы. При этом государства-участники выполняют требуемые от них действия или воздерживаются от выполнения некоторых других действий для выполнения задач интеграционного объединения. Эта юридическая система распространяется на физические лица и компании, которые действуют в географическом пространстве субрегионального интеграционного проекта.

Ясно, что юридический порядок Андского сообщества более развит, чем порядок любого другого интеграционного проекта в Латинской Америке.

И амбициозные цели, и задачи экономического и социального порядка разъясняются в основополагающем договоре Сообщества, в договоре о Субрегиональной андской интеграции, известного также как Картахенское соглашение.

Статья 1. Настоящее соглашение имеет целью продвигать сбалансированное и гармоничное развитие стран-членов на условиях равенства через экономическое и социальное сотрудничество и интеграцию; способствовать ускорению экономического роста и созданию рабочих мест, способствовать участию в региональном интеграционном процессе для постепенного формирования латиноамериканского общего рынка.

Одновременно с этим цели данного Соглашения заключаются в уменьшении уязвимости внешним факторам и улучшении позиции стран-членов на глобальном рынке, укреплении субрегиональной солидарности и уменьшении разницы в развитии стран-участников.

Данный международный инструмент — юридическая основа субрегиональной андской интеграции, которая, однако, привлекает внимание тем, что не содержит положений, позволяющих определять способы согласования законодательства в организации.

Это был скорее еще один инструмент будущего строительства, так же как и Договор о создании Суда Андского сообщества, который закрепляет элементы, связанные с системой и источниками комунитарного права. Статья 1 данного договора отмечает, что законодательство Сообщества включает: Картахенское соглашение, протоколы к нему и дополнительные инструменты, Договор о создании Суда Андского сообщества и поправки к нему, решения Андского совета министров иностранных дел и Комиссии Андского сообщества, резолюции Генерального секретариата, Соглашения о производственной взаимодополняемости и другие соглашения, принимаемые странами-участницами между собой в области интеграции. Без сомнения, речь идет о наиболее полноценной системе интеграционного права на континенте.

Необходимо дать некоторые разъяснения. В первую очередь необходимо указать, что некоторые нормы права создаются через соглашения между участниками (будь то договоры или пакты), то-

гда как другие создаются органами, входящими в состав Андской системы интеграции, которые имеют полномочия создавать юридические нормы, например, принимать решения или резолюции. Во-вторых, данный вид организации правовых норм предполагает иерархический порядок между ними. Так, договоры составляют первичные нормы права, а остальные (решения и резолюции) — вторичные или производные нормы интеграционного права. В-третьих, в систему норм андского субрегионального интеграционного права не входит Договор о создании Андского Парламента — инструмента, который ввиду способа своего создания (договор между странами-участниками) имеет необходимые элементы, чтобы считаться первичной нормой интеграционного права. В-четвертых, любые производные нормы права не должны противоречить первичным, что предполагает четкую иерархию существующих норм. Пятая особенность заключается в том, что Сообщество имеет возможность вести переговоры и подписывать международные договоры (например, договор об ассоциированном членстве), что создает новые юридические нормы, которые должны быть встроены в уже существующие и не противоречить основным положениям основополагающих соглашений.

В этом отношении необходимо отметить, что первичные нормы — своего рода конституционные нормы интеграционного процесса, они должны быть юридическими нормами первого порядка, как это происходит в национальных государствах при согласовании конституционных и международно-правовых норм в области гуманитарного права и защиты прав человека. Например, согласно ст. 410 конституции Боливии, международные соглашения и конвенции по правам человека входят в национальную конституцию.

В области вторичных норм права АС необходимо отметить, что решения имеют обязательную силу для стран-участников с момента их одобрения Советом министров иностранных дел, или Комиссией АС (ст. 2 Договора о создании Суда АС), однако эти решения не имеют юридической силы, а представляют собой обязательства политического характера.

Согласно ст. 3 Договора о создании Суда АС обязательный характер для государств имеют решения и резолюции. Важно отметить, что это происходит только после их публикации в Официальном вестнике Картахенского соглашения, если в тексте самого решения или резолюции не оговорена более поздняя дата. Может

случиться так, что потребуется имплементация коммунитарной нормы: «если текст решения это предполагает, то она должна быть внедрена в систему внутригосударственного права посредством акта, определяющего дату вступления решения в силу в каждом из государств-членов». Иными словами, как решения, так и резолюции вступают в силу или согласно тому, как написано в самих документах, или после публикации в Официальном вестнике. Ни в одном другом интеграционном проекте в Латинской Америке подобного процесса принятия наднациональных норм не существует.

Важно также отметить, что в ст. 4 Договора о создании Суда АС определены главные принципы международного публичного права, применимые в развитии и консолидации законодательной системы Андского сообщества как новой и особой юридической системы. Последнее положение в этом отношении определяет «добросовестное сотрудничество» между государствами-участниками интеграционного объединения, согласно которому они обязаны принимать необходимые меры для выполнения норм андского интеграционного права (позитивное обязательство), и одновременно с этим они обязуются не принимать и не использовать ни в каком виде нормы, которые несовместимы с нормами интеграционного права или каким-либо образом усложняют этот процесс (негативное обязательство). По этому положению в интеграционное право Андского субрегиона включаются два основных принципа права международных договоров, которые содержатся в Венской конвенции по праву международных договоров: принцип добросовестного исполнения и принцип *pacta sunt servanda*.

Положения, которые были рассмотрены выше, необходимы для построения прочной системы защиты интеграционного права Андского субрегиона, а также для консолидации его важнейших принципов. В особенности большая часть специальной доктрины (андской, латиноамериканской и европейской) и судебная практика Суда Андского сообщества признает интеграционное право и набор собственных элементов, происходящих из международного публичного права.

Речь идет о принципах прямого и непосредственного применения права интеграционного сообщества. Первый из этих принципов устанавливает преимущество, но не верховенство (верховенством обладает исключительно национальная конституция)

интеграционного законодательства над национальным правом каждого из государств-участников объединения в вопросах, когда нормы расходятся в своих определениях, а также в случаях, когда АС регулирует вопрос с заключением международных договоров как между государствами-членами, так и между ними и третьими странами. Второй принцип подразумевает, что юридические интеграционные нормы не требуют подтверждения национальными органами, если обратное не записано в тексте самой нормы, как было отмечено выше. В-третьих, это позволяет компаниям или физическим лицам требовать от исполнительных или судебных органов применения коммунитарных норм в случае, если они более выгодны, чем национальные.

Через Андское право регулируется большое количество юридических отраслей и аспектов, важных для интеграции, в соответствии с определенными государствами-участниками целями, которые способствуют большим успехам в интеграции. Так, принятые коммунитарные нормы важны для развития основополагающего права, а также для согласования практики их применения в государствах. Таким образом, многие решения устанавливают общий режим, например в области интеллектуальной собственности. Также важны режимы согласования некоторых разделов национальных юридических систем, например, согласование налога на добавленную стоимость (НДС) и о специальном, специфическом потреблении и приобретении предметов роскоши, которые определяются на государственном, а не надгосударственном уровне. Только в практике МЕРКОСУР можно найти в определенной степени схожее преимущество комунитарных норм, хотя там отсутствует прямое и незамедлительное применение этих норм из-за позиции Бразилии и Уругвая.

От интеграционного к коммунитарному праву Андского сообщества. Принимая во внимание дискуссионность использования термина «коммунитарное право» применительно к характеристике правопорядка Андского сообщества, следует отметить, что его применение имеет место как в юридической доктрине, так и в практике Суда Андского сообщества. Одним из главных доводов в пользу возможности характеристики права Андского сообщества как коммунитарного права является то, что судебной практикой развиты принципы его применения как автономной правовой системы.

Так, принцип непосредственного применения норм коммунитарного права состоит в том, что такие нормы автоматически инкорпорируются во внутренний правопорядок каждого государства-члена без необходимости экзекватуры, трансформации или какой-либо другой обязательной формализации и применяются в непосредственном, прямом и приоритетном порядке. В мотивировочной части решения Андского суда по иску о неисполнении, предъявленному Советом Картахенского соглашения против Республики Венесуэла от 24 марта 1997 г., отмечено следующее (со ссылкой на мнение профессора Dámaso Ruiz-Jarabo Colomer): «Непосредственное применение означает, что коммунитарная норма автоматически приобретает статус позитивного права во внутреннем правопорядке государств. То есть такая норма интегрируется во внутренний правопорядок без необходимости какой-либо специальной процедуры ее введения, и, как следствие, это налагает обязанность на национального судью применять ее»[1]. Принцип непосредственного применения, говорится далее в решении, был воспринят учредителями Андского сообщества, которые установили непосредственное применение решений Картахенского соглашения, закрепив это правило в ст. 3 Договора о создании Андского суда. При этом принцип непосредственного применения распространяется как на нормы позитивного права, так и на судебные решения[2].

Принцип прямого действия подразумевает, что нормы коммунитарного права создают права и обязанности непосредственно для граждан государств-участников сообщества. Эта черта также отличает коммунитарное право от международного, наделяющего правами и обязанностями публично-правовые субъекты. Толкование принципа прямого действия дано в ранее рассмотренном нами решении Андского суда: «нормы коммунитарного права создают права и обязанности для частных лиц подобно тому, как это происходит во внутреннем правопорядке согласно нормам национального права; это позволяет им защищать свои права в соответствующих судах»[3].

---

[1] Решение Суда Андского сообщества (дело 3-AI-96) // G.O.A.C. № 261 de 29 de abril de 1997. URL: http://intranet.comunidadandina.org/Documentos/Gacetas/Gace261.pdf

[2] Там же.

[3] Решение Суда Андского сообщества (дело 3-AI-96) // G.O.A.C. № 261 de 29 deabrilde 1997. URL: http://intranet.comunidadandina.org/Documentos/Gacetas/Gace261.pdf

Верховенство коммунитарного права — принцип, согласно которому нормы коммунитарного права, получающие непосредственное и прямое применение, имеют приоритет над нормами внутреннего права государств-членов. Андский суд не раз обращался к вопросу о верховенстве коммунитарного права в своих решениях. Например, в решении от 3 декабря 1987 г. Суд постановил: «…правопорядок Андского сообщества имеет приоритет в своем применении над нормами внутреннего права, что является неотъемлемой характеристикой коммунитарного права как основы для строительства интеграции»[1]. Данный принцип был применен Андским судом и в последующих решениях (2-IP-90, IP-6-10-93 и IP-94) о толковании ст. 27 Договора о суде в контексте того, что верховенство коммунитарного права по отношению к национальному праву государств-членов является основным принципом интеграционного развития государств.

В мотивировочной части решения Андского суда (дело 07-AI-99) по иску о неисполнении, предъявленному Генеральным секретариатом против Республики Перу за неисполнение обязательств в соответствии со ст. 5 Договора о создании суда Андского сообщества, ст. 38 Решения 344 Комиссии и Решений 079 и 106 Генерального секретариата[2] самостоятельный раздел посвящен правопорядку Андского сообщества, его природе и характеристике (в том числе вопросам первичного и производного права, иерархии норм, прямому применению и верховенству норм коммунитарного права). В решении подчеркивается роль двух фундаментальных принципов коммунитарного права, закрепленных в ст. 5 Договора о создании Андского суда, — прямого применения и верховенства. Данные принципы налагают на государства-члены сообщества ряд обязательств: принимать необходимые меры для обеспечения исполнения норм коммунитарного права; не применять ка-

---

[1] Решение Андского суда 1-IP-87 по делу «Aktiebolaget VOLVO» // Tomo I de la Jurisprudencia del Tribunal. P. 103.

[2] Решение Андского суда по иску о неисполнении, предъявленному к Республике Перу (дело 07-AI-99). URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=tribunal%20de%20justicia%20andino%3A%20%20secretaria%20general%20c%2Frepublica%20del%20peru%2C%20%2020%20de%20diciembre%20%20de%201999&source=web&cd=3&sqi=2&ved=0CC8QFjAC&url=http%3A%2F%2Fintranet.comunidadandina.org%2FDocumentos%2FProcesos%2F7-ai-99.doc&ei=ZGxxUNvVJYr74QSJkID4Bg&usg=AFQjCNErxZdOTX0MgzL4drQeKyYf_F_eI

кие-либо меры, противоречащие указанным нормам или затрудняющие их применение. Принципы действия норм коммунитарного права распространяются как на первичное право интеграционного объединения, так и на производное право. В Андском сообществе, заключает Суд, вышеназванные принципы имеют силу позитивных норм конститутивного характера.

Одновременное действие различных правопорядков (международного, коммунитарного, национального) в пространстве интеграционного объединения повлекло за собой появление различных юридических коллизий, в частности, «столкновения» норм национального и коммунитарного права.

Коллизия норм национального права и норм коммунитарного права решается преимущественно на основе примата последнего. Стоит заметить, что принцип верховенства коммунитарного права, как и статус правовых актов интеграционного объединения, редко закрепляется в национальных конституциях государств-членов сообщества. Показателен в этом отношении пример Республики Венесуэлы, которая в своей Конституции[1] закрепила не

[1] В Преамбуле Конституции Венесуэлы 1999 г. закреплено, что «народ Венесуэлы, во исполнение своей власти, <…> с целью основания Республики как демократического общества, <…> способствует мирному сотрудничеству между государствами и инициирует и консолидирует латиноамериканскую интеграцию в соответствии с принципом невмешательства и самоопределения народов…» Статья 153 Конституции Венесуэлы устанавливает, что «Республика стимулирует и способствует взаимной интеграции со странами Латинской Америки и Карибского бассейна в целях создания содружества народов и защиты его экономических, социальных, культурных, политических интересов и окружающей среды. Республика может заключать международные договоры в целях обеспечения общего развития наций и гарантии их безопасности. В политике интеграции со странами Латинской Америки и Карибского бассейна Республика отдает приоритет отношениям с Иберо-Америкой. Нормы, принятые в рамках договоров об интеграции, являются неотъемлемой частью действующей правовой системы, имеют прямое действие и верховенство по отношению к внутреннему законодательству. Согласно ст. 154 Конституции, «договоры, заключенные Республикой, должны быть утверждены Национальной ассамблеей до их ратификации Президентом Республики, за исключением тех договоров, которые направлены на выполнение или усовершенствование уже существующих обязательств Республики, на применение принципов, однозначно признанных ею, на выполнение обычных действий в области международных отношений или на осуществление полномочий, однозначно возложенных законом на исполнительную власть».

только порядок принятия и действия международных договоров об интеграции, но и правовой статус норм, принятых в рамках таких договоров: они имеют прямое действие и верховенство по отношению к внутреннему законодательству.

В других же конституциях латиноамериканских государств порядок действия правовых актов интеграционных объединений не отражен, прописан лишь порядок заключения и статус международных договоров об интеграции во внутренней правовой системе. Представляется, что, допуская саму возможность заключения международных договоров об интеграции, государства подразумевают согласие с теми обязательствами, которые они будут нести в соответствии с данными договорами, например, в части верховенства, прямого действия и непосредственного применения норм коммунитарного права.

Вопрос о коллизиях норм международного права и норм коммунитарного права не решен однозначно в правовых актах Андского сообщества, отдельные позиции по этому поводу высказываются в доктрине и в решениях Андского суда.

В одном из дел, рассмотренных Судом ЕС в 2008 г., возник вопрос о взаимодействии между коммунитарным и международным правопорядками. В решении Суда было установлено, что «взаимоотношения между международным правом и коммунитарным правопорядком «управляются» коммунитарным правопорядком, и международное право может «проникать» в правопорядок сообщества только на основе условий, установленных конституционными принципами сообщества»[1].

Аналогичную позицию занял Андский Суд справедливости в 1996 г., рассматривающий дело «о толковании Решения 344 и Решения 345 Комиссии Андского Сообщества и ст. 1 Парижской Конвенции по охране промышленной собственности»[2]. По сути, перед Андским Судом был поставлен вопрос о соотношении норм коммунитарного права (решений Комиссии) и норм международ-

---

[1] Bruno S. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner // The European Journal of International Law Vol. 20. № 2. 2009. P. 292–294.

[2] Решение Суда Андского сообщества (дело о досудебном толковании Решений 344 и 345 Комиссии в связи со ст. 1 Парижской Конвенции по охране промышленной собственности) от 09.12.1996 // GOAC 257 от 14.04.1997.

ного права (Парижской Конвенции по охране промышленной собственности). В своем решении Суд дал разъяснение, что «коммунитарное право связывает международный договор таким образом, что последний (международный договор) может служить источником для развития его регулирующей силы, но несмотря на это мы не можем сказать, что коммунитарное право подчиняется ему».

Таким образом, появляется подход, когда коммунитарная норма имеет приоритет перед международной в силу того, что:

1) решение сообщества выступает как специальная норма по отношению к норме международного права как общей;
2) норма коммунитарного права создана в целях реализации интеграции (а развитие интеграции является одним из конститутивных принципов сообщества);
3) государства, подписывая учредительный договор сообщества, выразили тем самым свое согласие на ограничение своих международных обязательств в целях интеграции.

Другой подход к преодолению конфликта норм международного и коммунитарного права — на основе принципа «согласованного толкования», когда суд приходит к выводу, что конфликта между нормами нет. Подтверждением такого подхода является уже упоминаемое нами решение Андского суда, по которому Суд постановил, что между нормами Парижской конвенции и Решениями Комиссии, устанавливающими режим промышленной собственности, противоречий нет.

Третий подход основан на примате международного права над коммунитарным. В данном случае имеет место пример с правом ВТО, когда государства-участники интеграционного объединения (таможенного союза) договариваются о том, что нормы ВТО будут иметь приоритет над положениями международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза, и решений, принятых его органами[1].

Коллизии норм различных коммунитарных правопорядков, когда государство одновременно участвует более чем в одном ин-

[1] См. ст. 2 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г. // СПС КонсультантПлюс.

теграционном объединении, решаются на основе принципа, согласно которому нормы, образующие правопорядок одного интеграционного объединения, не должны противоречить правопорядку другого интеграционного сообщества и не должны создавать препятствий для достижения целей, сформулированных в учредительных документах интеграционного сообщества[1]. Если же конфликт возникает, то суд будет его рассматривать, применяя принцип «согласованного толкования», а также исходя из целей интеграции.

[1] Protocolo de Tegucigalpa a la Carta de la Organizacion de Estados Centroamericanos. URL: http://www.sica.int/busqueda/busqueda_basica.aspx?IdCat=&IdMod=3

Глава 5
Экономико-правовой анализ латиноамериканской и евразийской интеграций

(Муратова О.В., Пареха Кукалон Ф.)

Экономико-правовой анализ интеграции стран Латинской Америки. *Экономическая интеграция для развития.* С конца 1940-х гг. приоритетом в региональном сближении государств Латинской Америки становится экономическая интеграция. Однако взгляды на процесс интеграции значительно различались. С одной стороны, существовала концепция, разработанная Экономической комиссией ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна о необходимости автономного развития, с другой — фритрейдерская, либеральная концепция, которая отдавала приоритет интересам корпораций внутри и вне региона. Ее продвигали международные финансовые организации, основанные в рамках Бреттон-Вудских соглашений, и Соединенные Штаты. Противопоставление этих двух течений, которое отчетливо ощущалось на переговорах, завершившихся созданием Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ)[1], позволило определить характеристики, прогресс и ограничения латиноамериканского регионализма.

К моменту создания Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика и в меньшей степени Колумбия продвинулись в процессе индустриализации, а что важнее всего, преуспели в создании товаров массового потребления. Эта первая фаза индустриализации быстро достигла своего потолка из-за размеров рынка, которые были недостаточны для поддержки темпов производства промежуточной продукции и капитала, что является неотвратимой следующей фазой индустриализации. Также имеет значение и растущая зависимость роста промышленного производства от импорта. К этому надо добавить сложность получения

[1] Латиноамериканская ассоциация свободной торговли создана договором Монтевидео 1960 г., подписана всеми станами региона, кроме Гайаны, Суринама и Мексики.

валюты за счет экспорта сырья[1] как прямое следствие периферийного статуса региона[2].

Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛА) под руководством Рауля Пребиша (исполнительного секретаря комиссии с 1950 г.) систематизировала достижения в области индустриализации в Латинской Америке, основываясь на опыте стран-первопроходцев, пыталась одновременно спрогнозировать, какой должен быть путь развития других стран, имея в виду их периферийный характер и малую емкость рынков. Из концептуализации, проведенной ЭКЛА как института ООН, отвечающего за продвижение развития, выходит предложение применить стратегию, основанную на индустриализации импорта для стимулирования развития в регионе.

Необходимо выделить три основных элемента стратегии индустриализации импорта. Первый заключается в необходимости интегрировать национальные рынки для преодоления ограничений, связанных с недостаточным размером каждого из них, что не позволяет производить промежуточные товары[3]. Вторым элементом является необходимость временной защиты от внешней конкуренции в новых отраслях промышленности путем введения достаточно высокой таможенной пошлины для создания преференциальной скидки на товары отечественного производства. Третьим элементом является способствование увеличению промышленной доли в экспорте между странами региона через экономическую интегра-

---

[1] Это то, что ЭКЛА определила как «внешний вызов, который вместе с внутренним (недостаточные нормы накопления для обеспечения инвестиций) препятствует росту и развитию стран региона.

[2] «Специфическая система включения в мировую экономику и динамичный внутренний рынок при возможностях роста подходит для экономического центра, но не отвечает возможностям периферии», см. подробнее: Bielschowsky, Ricardo. Cincuenta años del pensamiento de la CEPAL: una reseña/en Cincuenta años de pensamiento en la CEPAL, Vol. I. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL. Fondode Cultura Económica: Santiago de Chile. 1998. P. 15.

[3] Важно подчеркнуть, что региональная интеграция, по мнению ЭКЛА — только одно из необходимых условий, необходимых для расширения рынков и стимулирования развития, важно также эффективное перераспределение доходов. Эта рекомендация, однако, встречает большее сопротивление, чем идея продвижения региональной интеграции. Известно, что Латинская Америка — это один из самых неравных регионов мира.

цию, что увеличит взаимозависимость между ними. Предполагалось также избавиться от финансовых ограничений, что способствовало бы развитию экспортного потенциала как на региональном, так и на общемировом рынке.

Из указанного выше явно следует, что концепция региональной интеграции в концепции ЭКЛА понимается в первую очередь как способ преодоления периферийности в глобальной капиталистической системе и для экономического развития через интеграцию.

Имеет смысл выделить три главных постулата предложения ЭКЛА, проигнорированных или деформированных во время переговоров по созданию ЛАСТ[1].

Первое, что необходимо выделить — это прагматизм предложения ЭКЛА по поводу установления зоны преференциальной торговли как первого стратегического шага к формированию латиноамериканского общего рынка в будущем. Зона преференциальной торговли должна была включить в себя всю Латинскую Америку, что предполагало бы распространение режима наибольшего благоприятствования[2]. Однако, осознавая огромный дисбаланс между странами региона, также логично и различное отношение, зависящее от темпов и уровня развития, путем предоставления концессий, исключений из таможенного режима для наименее развитых стран региона. Идеи о столь гибком объединении даже если и привели к усложнению переговоров, имели изначальную цель включить все страны региона в зону преференциальной торговли[3].

Вторым важным пунктом является идея о том, что создание новых ветвей промышленности, привлекаемых идеями все расширяющегося внутреннего рынка, потребовало бы определенного планирования для предотвращения чрезмерной концентрации производства в уже индустриализированных районах[4]. Это соот-

---

[1] Подробнее см. работы Германико Салдаго и Мигеля С. Вьончека.

[2] Действующий принцип ВТО, согласно которому ни один член организации не может предоставить РНБ другому члену без предоставления его всем остальным. Исключения из этого принципа прописаны в ст. XXIV ГАТТ. Согласно этой статье исключением является группа стран, решившая создать ЗСТ или таможенный союз.

[3] Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad // Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979. P. 89–90.

[4] Wionczek, Miguel S. 1964. La historia del Tratado de Montevideo//Integración de América Latina. Fondo de Cultura Económica / En Wionczek, M. (editor). 1964. P. 85.

носится с критикой рыночных механизмов и созданием систем национального планирования, начавших распространяться в Латинской Америке в 1950-е гг.[1]

Третьим пунктом, который тесно связан с предыдущими, является рекомендация создать наднациональный технический орган, который будет заниматься вопросами регулирования и планирования. Однако перевесила точка зрения, что «наши страны не готовы создать исполнительный орган регионального рынка»[2].

Консерватизм и внешнее влияние. Переговоры по установлению регионального латиноамериканского рынка закончились в 1960 г. подписанием Договора Монтевидео и созданием Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ). Это значительно отличается от оригинальных предложений ЭКЛА и в большей степени сближается с традиционными и более распространенными в то время понятиями об экономической интеграции и функционирования экономики в целом.

Самое важное состоит в том, что предложение ЭКЛА об установлении зоны преференциальной торговли было отметено в пользу создания зоны свободной торговли, идея, лучше соотносящаяся с классической теорией интеграции, предполагающей также создание таможенного союза перед полноценным экономическим союзом. На это повлияло подписание ГАТТ в 1948 г. и давление США с идеей универсальной свободы торговли как одной из опор послевоенного экономического порядка.

Отход от прагматичной идеи ЭКЛА сопровождался отсутствием практических инструментов разработки мер внедрения интеграционных механизмов, способных свести процесс к интеграции наиболее развитых в промышленном отношении районов. Решение отказаться от внедрения элементов наднационального промышленного планирования связано с укреплением либеральной идеологии под влиянием ГАТТ и США. Это также отвечало интересам крупнейших компаний региона и, возможно, некоторых ТНК, которые почувствовали вероятность ограничения их свободы оперирования на столь обширном рынке[3].

---

[1] Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad // Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979. P. 98.

[2] Ibid. P. 100–101.

[3] Ibid. P. 99.

Идея создания какого-либо органа наднационального регулирования, способного консолидировать интеграционный процесс и защитить интерес всех стран, также была отброшена. Важным последствием было игнорирование необходимости создания механизма, способного уравновесить малые и большие страны во время переговоров по взаимной торговой либерализации.

С этими двумя исключениями было решено отказаться от практики рассчитывать на инструменты, которые могли бы снизить неравномерность развития латиноамериканских стран, а в особенности позволить наименее развитым получить максимальные выгоды от интеграции[1]. Таким образом, экономически слабые и среднеразвитые страны региона с самого начала оказались не удовлетворены интеграционными процессами. Первым серьезным последствием этих недочетов явилось решение Центральноамериканских стран создать собственную интеграционную структуру.

Следует отметить, что совокупность факторов — доминирование идеи о свободном рынке, идеи о классической интеграционной модели таможенного союза и ее проявление в виде ст. XXIV[2] ГАТТ, интересы крупных стран региона, их бизнеса, сильное давление Соединенных Штатов[3] — поспособствовала именно такому типу интеграции на континенте, который известен и стал одной из причин провала многих интеграционных начинаний в Латинской Америке.

Андская Группа как исключение. Решимость создать зону свободной торговли (ЗСТ) сделала более сложной схему интеграции и ограничила исключения из режима наибольшего благоприятствования (РНБ). Эта новая реальность и отказ южноамериканских стран, в первую очередь стран Южного Конуса создавать субрегиональные блоки внутри ЛАСТ[4], привели к фактическому

---

[1] Единственный механизм, применяемый ЛАСТ для продвижения интеграции, — отмена пошлин. См. подробнее: Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad//Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979. P. 91.

[2] Ст. XXIV определяет условия, которые должны выполнять страны, подписавшие ГАТТ для взаимного снятия ограничений в торговле в рамках ЗСТ или ТС.

[3] Wionczek, Miguel S. 1964. La historia del Tratado de Montevideo // Integración de América Latina. Fondo de Cultura Económica / En Wionczek, M. (editor). 1964. P. 82–83.

[4] Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad // Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979. P. 95.

исключению стран Центральной Америки из структуры, созданной Договором Монтевидео. Пять государств этого субрегиона в 1961 г. подписали соглашение, которое дало начало Центральноамериканскому общему рынку. И таким образом проект ЭКЛА о создании общего рынка на всем латиноамериканском пространстве был окончательно отброшен.

В свою очередь 6 стран Южной Америки, чье развитие было недостаточным, и чьи внутренние рынки были недостаточно емкими, в 1969 г. создали Андскую группу. В нее входили Боливия, Колумбия, Чили, Эквадор, Перу, позднее присоединилась и Венесуэла. Решение создать субрегиональную организацию было вызвано неудовлетворенностью моделью ЛАСТ и особенно тем, что наибольшие выгоды получают самые экономически мощные страны региона. Однако важно отметить, что, создав Андскую группу, государства не вышли из ЛАСТ. Таким образом страны показывали, что не потеряли интереса к континентальной экономической интеграции, но хотели в ней участвовать как блок стран, способный ускорить интеграцию друг с другом ввиду небольшой разницы в размерах и уровне развития.

Первый этап развития Андской группы (ныне Андское сообщество), который продолжался до конца 1970-х гг., характеризуется высокой активностью и большим количеством инноваций в политике. Интересно отметить, что изначальные идеи об интеграции Андской группы, несмотря на нежизнеспособность некоторых из них, в определенной степени сформировали модель интеграции, отличную от ЛАСТ и от актуальных в настоящее время либеральных идей.

Первое и очень важное замечание состоит в том, что хотя Андская группа не отказалась в полной мере от классической концепции экономической интеграции, разработанной Вайнером и Балашшей[1], механизм ее достижения был переработан. Как отмечалось ранее, решение участников ЛАСТ сделать основным интеграционным драйвером взаимную торговую либерализацию путем сложных переговоров имело логичным последствием то, что основные выгоды от интеграции получили наиболее крупные государства[2].

---

[1] Jacob Viner опубликовал The Customs Union Issue в 1950, Bela Balassa выпустил The Theory of Economic Integration в 1961.

[2] Переговоры отражают различия в способности договариваться между странами и, соответственно, ассиметричный подход. См. подробнее:

Альтернативой Андской группы стало разделение таможенных пошлин и тарифов на две части. В первую входили пошлины, чье снижение в последующие 10 лет планировалось сделать автоматическим и последовательным. Во вторую входили те, чье снижение должно было быть оговорено в рамках продвижения и создания интеграционных институтов. Вторая часть пошлин включала в первую очередь товары неконечного использования, и тарифы на них должны были быть оговорены в рамках переговоров как по поводу взаимной интеграции и либерализации, так и в выработке единого внешнего таможенного тарифа.

Общая производственная программа вместе с общей политикой в отношении иностранного капитала — это главная характеристика налоговой политики андской интеграции[1]. Поэтому интересно подробнее остановиться на каждом из них.

В концепции ЭКЛА, которую использовала Андская группа, целью региональной интеграции являлось в первую очередь промышленное развитие региона, а интенсификация взаимной торговли имеет вторичную значимость. Страны-участники Андской группы начали координированное и совместное развитие стратегически важных отраслей промышленности, необходимых для интегрированного развития. Важно было пользоваться сходным размером экономик, чтобы разработать специализацию каждой страны, что могло упростить интеграцию рынков. Выделенные отрасли промышленности производили около 2000 товаров металлургической, автомобильной, химической, нефтяной, электронной, оптической и других сфер[2].

Модернизация и расширение существующих отраслей промышленности вместе с созданием новых должны были осуществляться в первую очередь за счет частных инвестиций. В компетенции государства должна была входить разработка программы развития для каждого сектора, распределение по странам-участницам организации. В 1972 и 1977 гг. в рамках этих работ государства разработали и приняли три секторальных программы

Salgado, Germánico. El Grupo Andino.Eslabón hacia la integración de Sudamérica (segunda edición). Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional: Quito. 2007. P. 82.

[1] French-Davis, Ricardo. El Pacto Andino: un modelo original de integración // El Trimestre Económico. 1976. № 170. P. 298.

[2] Salgado, Germánico. La integración económica en países en desarrollo y la función de una planificación industrial conjunta // Nueva Sociedad. 1975. № 17. P. 26–27.

промышленного развития: в металлообработке, нефтехимической и автомобильной промышленности. Также велись переговоры по принятию подобной программы по металлургии, но они не увенчались успехом. Кроме этого, у программ индустриального развития был дополнительный смысл: гарантировать каждой стране участие в эффективной интеграции, чего явно не хватало в интеграционной модели ЛАСТ.

Помимо промышленных программ и либерализации взаимной торговли, в рамках Андской группы предполагалось согласовывать экономическую политику. Самым спорным аспектом стал вопрос о политике в отношении иностранного капитала. Учитывая все большую роль ТНК и технологических инноваций в технологиях и способах управления, а также их присутствия на рынках развитых стран, на которые доступ развивающимся странам затруднен, Андская группа выработала общую политику в отношении иностранного капитала. Вкратце речь шла о возможности сотрудничества с ТНК, заинтересованными в емком андском рынке, создании стратегического партнерства с ясными правилами игры и согласованием правоприменительных практик во всех шести странах в обмен на передачу андским корпорациям технологий и управленческого опыта. Таким образом, предполагалось обеспечить впоследствии собственное промышленное развитие на основе укрепления и консолидации собственных экономических акторов.

Наконец, очевидно, что для проведения такого типа промышленной политики и согласования экономических вопросов необходимо создание технического наднационального органа, который был бы независим от интересов какой-то конкретной страны. В этом плане Андская группа также дистанцировалась от ЛАСТ, где с самого начала было решено отказаться от технического органа, отвечающего за интеграцию. Андская группа внедрила элементы наднациональности, которые были одинаково далеки и от фритредерских идей, которые с некоторыми изменениями актуальны до сих пор, так и от модели, предложенной ЭКЛА.

Кризис, свободный рынок и либерализация. Было бы излишним подробно останавливаться на том, как сильно повлиял кризис внешней задолженности 1982 г. на регион. Достаточно вспомнить, что он положил начало «потерянному десятилетию» в Латинской Америке, отмеченному драконовскими мерами бюджетной эконо-

мии, серьезным бюджетным дефицитом и кризисом платежного баланса, падением ВВП и увеличением бедности.

Целесообразно также рассмотреть кризис, который явился поворотным моментом в политическом мышлении относительно направлений развития и региональной интеграции в Латинской Америке. Политика жесткой экономии, которая применялась в регионе, вышла за рамки снижения государственных расходов для высвобождения ресурсов на погашение внешней задолженности. Это была радикальная программа структурных реформ, основанных на принципах экономической либерализации, открытии реального и финансового сектора экономик региона, она получила название «Вашингтонский консенсус»[1]. Помимо отхода от принципов «девелопментализма», продвигаемых ЭКЛА, было решено отказаться от государства как центрального актора в экономике и от политики импортозамещения.

Как отмечалось ранее, идеи свободного рынка и повышения роли бизнеса в выработке решений по сравнению с государственным планированием полностью никогда не отбрасывались из политической и идеологической парадигмы в Латинской Америке, они во многом определили провал интеграции в регионе после 1970-х гг. Влияние этих идей стало особенно заметным с началом кризиса 1980-х гг., и долгое время превалировало на идеологическом поле.

В этом ключе неудивительно, что даже такая нетипичная интеграционная группировка, как Андская группа к концу 1980-х гг. претерпела фундаментальные изменения, которые сблизили ее с неолиберальными идеями, группа в достаточной степени потеряла свои характерные черты. Первый удар по оригинальной концепции Андской группы был нанесен еще до «потерянного десятилетия»; он состоял в решении Пиночета выйти из соглашения в 1976 г. Однако именно кризис 1980-х гг., который привел к срыву намеченных планов и сроков, к сокращению взаимной торговли[2],

---

[1] «Вашингтонский консенсус», принятый в 1989 г., является совокупностью мер и предложений в области экономической политики, разработанной МВФ, Всемирным Банком и Минфином США для борьбы с кризисом в Латинской Америке.

[2] Внутриандский экспорт в 1981 г. составлял 1,263 млрд долл., а в 1986 г. упал до 621 млн. См. подробнее: Salgado, Germánico. El Grupo Andino.Eslabón hacia la integración de Sudamérica (segunda edición). — Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional: Quito. 2007. P. 67–68.

вылился в необходимость вносить изменения в организацию. Они были отражены в Протоколе Кито 1987 г. и в Протоколе Трухильо 1996 г.[1] Суть документов сводилась к отказу от практики планирования в промышленной сфере, общей политики в отношении иностранного капитала, ослаблении независимости и наднационального характера технического секретариата[2].

Несколько смелой представляется попытка в нескольких фразах подвести итог развитию интеграции в Андах на настоящем этапе, однако необходимо как минимум отметить основные этапы ее развития.

Среди позитивных изменений необходимо в первую очередь отметить создание в 1993 г. зоны свободной торговли в субрегионе[3]. Также имеет смысл выделить активные, но не приведшие к видимым изменениям переговоры по целому комплексу проблем, связанных с либерализацией перемещения людей в андском пространстве, формирование общей социальной программы, некоторых элементов общей экологической политики, принятие Ушуайского протокола и Андской хартии продвижения и защиты прав человека (хотя эти документы не имеют обязывающего действия), а также наличие некоторых инструментов гражданского участия, пусть и не самых эффективных. Однако выход Венесуэлы из Андского сообщества в 2006 г. и то, что Колумбия и Перу заключили сепаратные соглашения о свободной торговле с США, затмевает эти скромные успехи[4].

Постепенная эрозия андского интеграционного процесса привела к запуску процесса перезапуска Андской системы интеграции и пересмотру ее приоритетов (Пареха). Начиная с 2013 г. АС вошла в период медленного затухания по всем направлениям, за исключением Андской корпорации содействия развитию, которая была преобразована в Банк развития Латинской Америки, и Анд-

---

[1] Трухилльский протокол установил Андское сообщество и Андскую систему интеграции, которые в настоящий момент входят в Картахенское соглашение.

[2] Salgado, Germánico. El Grupo Andino.Eslabón hacia la integración de Sudamérica (segunda edición). — Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional: Quito. 2007. P. 46–50.

[3] Хотя постепенно Перу выполнял условия вхождения в ЗСТ, процесс был завершен только к концу 2005 г.

[4] Цели скромные, особенно если сравнивать с изначальными целями проекта.

ского университета имени Симона Боливара. Только два данных наднациональных института смогли укрепиться и активно развивать свою деятельность.

За последние годы также произошло еще два важных события в области регионального сотрудничества и интеграции, которые отражают новые реалии в регионе и в мире, существовавшие с 1980-х и 1990-х гг. Первое событие — это подписание Договора Монтевидео, который заменил ЛАСТ на ЛАИ (Латиноамериканскую ассоциацию интеграции), второе — создание Общего рынка Южного Конуса, МЕРКОСУР, по Асунсьонскому договору 1991 г. (участники: Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай). Имеет смысл вкратце обратиться к этим двум событиям, которые определили смену курса латиноамериканкой интеграции на открытие рынков и либерализацию.

Замена ЛАСТ на ЛАИ в 1980 г. явилась плодом разочарования стран-членов в организации из-за отсутствия результатов, из-за того, что не удалось создать ЗСТ, как планировалось в 1960 г. Альтернативой этому стало установление режима наибольшего благоприятствования[1], признавая, пусть и с опозданием, идеи, которые продвигала ЭКЛА во время переговоров еще в 1950-е гг. Помимо упомянутого нововведения ЛАИ привнесла, как минимум формально, некоторые преимущества для менее развитых стран. Для развития интеграции в торговле были разработаны региональные (согласованные всеми членами ЛАИ) договоры и частичные (между двумя и более членами) для упрощения и стимулирования производственной интеграции, пусть и без какого-либо намека на наднациональное планирование. На практике ЛАИ стала представлять видение латиноамериканцами интеграции, пусть и не очень отчетливо.

Развитие МЕРКОСУР[2] также характеризуется метанием между либерализмом и «девелопментализмом», традиционным для

---

[1] Иными словами, соглашения о либерализации торговли в рамках ЛАСТ велись для установления взаимных пошлин на более низком уровне, чем пошлины для товаров третьих стран.

[2] Caetano, Gerardo. Breve historia del MERCOSUR en sus 20 años. Coyunturas e instituciones (1991–2011) / En Caetano, Gerardo (coordinador). MERCOSUR 20 años. CEFIR: Montevideo. 2001. P. 30-57; Salgado, Germánico. Integración latinoamericana y apertura externa // Revista de la CEPAL. 1990. № 42 (diciembre). P. 156–158; Salgado, Germánico.El Grupo Andino.Eslabón

Латинской Америки в целом. Изначально он не шел в фарватере классической схемы интеграции ни по Декларации Игуасу 1985 г., ни по Акту аргентино-бразильской интеграции 1986 г., поскольку был принят принцип выборочной интеграции, далекий от классического понимания термина. Приоритет был отдан эффективному дополнению экономик. Однако скоро, уже в середине 1990-х гг., после смены режимов и правительств в Аргентине и Бразилии была выбрана модель, «практически полностью ориентированная на торговую сферу, с забюрократизированной и неэффективной институциональной структурой»[1], кульминацией чего в 1991 г. стало подписание Асуньсонского договора и формальное зарождение МЕРКОСУР.

В настоящее время внутри организации царит высокая неопределенность из-за антагонизма венесуэльского режима и новых правительств в Аргентине и Бразилии, которые не имеют никаких идеологических связей с предыдущими кабинетами министров. Но это временное разногласие — выражение глубоких расхождений во мнениях относительно региональной интеграции, выхода на мировой рынок и даже о самой концепции демократии. Эти различия завели МЕРКОСУР в тупик, а внутренняя структура организации слишком слаба, чтобы выйти из него. На данный момент будущее МЕРКОСУР видится столь же туманным, как и будущее АС.

Интеграция и открытость: совместимость понятий. В начале 1990-х гг. ЭКЛА — возможно, самая влиятельная аналитическая структура в Латинской Америке, предложила в качестве одного из вариантов политику «открытого регионализма», которая сможет сочетать в себе интеграцию и большую конкурентоспособность экономик стран региона[2]. Идея предложения Комиссии состоит в «движении к мировому рынку и центру притяжения

---

hacia la integración de Sudamérica (segunda edición). — Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional: Quito. 2007. P. 46–50.

[1] Caetano, Gerardo. Breve historia del MERCOSUR en sus 20 años. Coyunturas e instituciones (1991–2011) / En Caetano, Gerardo (coordinador). MERCOSUR 20 años. CEFIR: Montevideo. 2001. P. 31.

[2] CEPAL.El regionalismo abierto en América Latina y el Caribe / Naciones Unidas. Comisión Económica para América Latina y el Caribe: Santiago de Chile. 1994. P. 12.

“девелопменталистской” политики»[1], а также в применении достижений технического прогресса в производстве[2].

Открытость торговли и финансового сектора, внедрение инноваций в производство всегда подразумевает создание сравнительных преимуществ, а те, в свою очередь, упрощают доступ продуктов промышленного экспорта на рынки развитых стран. Речь идет о двух крайне важных условиях, чье выполнение зависит исключительно от стран региона. Одновременно с этим для воплощения данных теорий в реальности региональная интеграция необходима всем странам региона для выхода на местные рынки[3], как начальная ступень в отработке сравнительных преимуществ.

Поэтому необходимо убедиться в частичном открытии рынков, а не спешить с всемирным открытием дверей, оставить преференциальную надбавку в тех секторах, где имеются перспективы развития и выхода на международные рынки. Полная открытость, без принципа РНБ и без учета региональных соглашений, может укрепить позиции внерегиональных акторов из-за появления у них таможенных преференций[4].

Таким образом, цель экономической интеграции стран Латинской Америки пострадала из-за постоянного колебания между двумя противоположными точками зрения на интеграцию: одна из них связана с предложениями ЭКЛА о том, что интеграция должна служить промышленному развитию региона, другая относится к ортодоксальной теории таможенного союза. Это постоянное метание между двумя концепциями определило сложную историю интеграционных процессов в регионе, сформировало отличительные особенности интеграции в Латинской Америке, но и привело к размытию этих процессов, ограничило достижения.

Экономико-правовой анализ интеграции стран евразийского региона. Как показывает анализ процессов интеграции на лати-

---

[1] Salgado, Germánico. “Integración latinoamericana y apertura externa // Revista de la CEPAL. 1990. № 42 (diciembre). P. 161.

[2] Bielschowsky, Ricardo. «Cincuenta años del pensamiento de la CEPAL: una reseña» en Cincuenta años de pensamiento en la CEPAL, Vol. I. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL. Fondo de Cultura Económica: Santiago de Chile. 1998. P. 52–54.

[3] Salgado, Germánico. Integración latinoamericana y apertura externa // Revista de la CEPAL. 1990. № 42 (diciembre). P. 154–167.

[4] Ibid. P. 166.

ноамериканском континенте, в условиях глобального рынка конкурентоспособность национальной экономики во многом зависит от ее интегрированности в состав того или иного суперрегиона — достаточно мощной группы стран, обладающих собственным научно-техническим потенциалом и развитыми человеческими ресурсами[1]. Таковым суперрегионом являются, в частности, государства, расположенные в центре евразийского экономического пространства.

Начало евразийской экономической интеграции бывших советских республик было положено 8 декабря 1991 г. в результате подписания *Соглашения «О создании Содружества Независимых Государств»* (далее — Минское соглашение). Минское соглашение ставило перед собой следующие задачи: координация внешнеполитической деятельности; сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики; сотрудничество в развитии систем транспорта и связи; сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности; вопросы миграционной политики; борьба с организованной преступностью (ст. 7).

В соответствии с *Уставом СНГ от 22 января 1993 г.* основными целями Содружества являются осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях; всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция; обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и документами СБСЕ; сотрудничество между государствами-членами в обеспечении международного мира и безопасности, осуществление эффективных мер

[1] См. подробнее: Акулов Д.М. Региональная экономическая интеграция в сфере международного права // Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Д.И. Фельдмана, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 11–12 октября 2012 г. / А. Абай, А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин и др.; ред. коллегия И.А. Тарханов, А.И. Абдуллин, Г.И. Курдюков, Р.Ш. Давлетгильдеев. М.: Статут, 2014 // СПС КонсультантПлюс.

по сокращению вооружений и военных расходов, ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения, достижению всеобщего и полного разоружения; содействие гражданам государств-членов в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве; взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правовых отношений; мирное разрешение споров и конфликтов между государствами Содружества (ст. 2). Основными направлениями экономического и социального сотрудничества государств в рамках СНГ являются: формирование общего экономического пространства на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; координация социальной политики, разработка совместных социальных программ и мер по снижению социальной напряженности в связи с проведением экономических реформ; развитие систем транспорта и связи, а также энергетических систем; координация кредитно-финансовой политики; содействие развитию торгово-экономических связей государств-членов; поощрение и взаимная защита инвестиций; содействие стандартизации и сертификации промышленной продукции и товаров; правовая охрана интеллектуальной собственности; содействие развитию общего информационного пространства; осуществление совместных природоохранных мероприятий, оказание взаимной помощи в ликвидации последствий экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций; осуществление совместных проектов и программ в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры и спорта (ст. 19).

Высшим органом Содружества является Совет глав государств, который обсуждает и решает принципиальные вопросы, связанные с деятельностью государств-членов в сфере их общих интересов, и в котором на высшем уровне представлены все государства-члены. Другим органом Содружества является Совет глав правительств, основная задача которого — координация сотрудничества органов исполнительной власти государств-членов в экономической, социальной и иных сферах общих интересов.

Устав СНГ предусматривает создание и постоянно действующего исполнительного и координирующего органа Содружества — Координационно-консультативный комитет, который во исполнение решений Совета глав государств и Совета глав правительств вырабатывает и вносит предложения по вопросам сотрудничества в

рамках Содружества, развития социально-экономических связей; способствует реализации договоренностей по конкретным направлениям экономических взаимоотношений; организует совещания представителей и экспертов для подготовки проектов документов, выносимых на заседания Совета глав государств и Совета глав правительств; обеспечивает проведение заседаний Совета глав государств и Совета глав правительств и содействует работе других органов Содружества.

Задача по обеспечению выполнения экономических обязательств в рамках Содружества Уставом СНГ возложена на Экономический суд, к ведению которого относится разрешение споров, возникающих при исполнении экономических обязательств. Суд может разрешать и другие споры, отнесенные к его ведению соглашениями государств-членов. Экономический суд также вправе толковать положения соглашений и иных актов Содружества по экономическим вопросам.

Международные соглашения служат преимущественно правовой базой экономического сотрудничества. На основе соглашений государств-членов о сотрудничестве в экономической, социальной и других областях могут учреждаться органы отраслевого сотрудничества, которые осуществляют выработку согласованных принципов и правил такого сотрудничества и способствуют их практической реализации. Для реализации поставленных перед Содружеством задач было принято внушительное количество соглашений, в частности: Соглашение «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников Содружества Независимых Государств» от 20 марта 1992 г.[1], Соглашение стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» от 20 марта 1992 г., Соглашение стран СНГ «О мерах по обеспечению улучшения расчетов между хозяйственными организациями стран-участниц Содружества Независимых Государств» от 15 мая 1992 г.[2], Соглашение СНГ «О со-

[1] Соглашение «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников Содружества Независимых Государств» от 20 марта 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.

[2] Соглашение СНГ «О мерах по обеспечению улучшения расчетов между хозяйственными организациями стран-участниц Содружества Независимых Государств» от 15 мая 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 5.

трудничестве в области внешнеэкономической деятельности» от 15 мая 1992 г.[1], Соглашение стран СНГ «О распределении всей собственности бывшего союза ССР за рубежом» от 6 июля 1992 г.[2], Соглашение стран СНГ «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности» от 9 октября 1992 г.[3], Соглашение стран СНГ «О принципах сближения хозяйственного законодательства государств-участников Содружества» от 9 октября 1992 г., Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав» от 24 сентября 1993 г.[4], Соглашение стран СНГ «Об обмене информацией в области внешнеэкономической деятельности» от 24 сентября 1993 г.[5], Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» от 24 декабря 1993 г.[6], Соглашение стран СНГ «О создании зоны свободной торговли» от 15 апреля 1994 г. и др. Всего с 1991 по 2016 г. в рамках СНГ было принято 382 документа, предусматривающих выполнение внутригосударственных процедур[7]. Некоторые из названных соглашений в целях экономико-правового анализа требуют специального внимания.

---

[1] Соглашение СНГ «О сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности» от 15 мая 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 5.

[2] Соглашение СНГ «О распределении всей собственности бывшего союза ССР за рубежом» от 6 июля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 8.

[3] Соглашение СНГ «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности» от 9 октября 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 7.

[4] Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав» от 24 сентября 1993 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 4.

[5] Соглашение СНГ «Об обмене информацией в области внешнеэкономической деятельности» от 24 сентября 1993 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 4.

[6] Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» от 24 декабря 1993 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 5.

[7] URL: http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reports/vgp/stats

Соглашение «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников Содружества Независимых Государств» от 20 марта 1992 г. (далее — ОУП СНГ), как следует из преамбулы, направлено на создание благоприятных условий для сохранения и развития хозяйственных связей между субъектами хозяйствования в рамках СНГ с учетом заключенных между ними соглашений об экономическом сотрудничестве, а также обеспечивает при этом одинаковую ответственность всех субъектов хозяйствования за выполнение ими своих договорных обязательств в их экономическом пространстве в целом. ОУП СНГ было призвано облегчить переход государств-членов СНГ к свободным рыночным отношениям.

ОУП СНГ должно было стать в известной мере аналогом Общих условий поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг.[1] (далее — ОУП СЭВ) для более узкого круга участников. В ОУП СНГ, состоящих из двух разделов (23 статей), содержатся общие положения о роли договоров в регулировании поставок, принципе свободы и широкой самостоятельности договаривающихся сторон в согласовании условий поставок, определен порядок заключения, изменения и расторжения договоров, установлены правила, относящиеся к обязанностям органов, регулирующих поставку товаров, покупателей и поставщиков по обеспечению своевременного заключения договоров поставки в рамках осуществления межгосударственных экономических связей.

Как отмечается в литературе, являясь актом комплексного характера, ОУП СНГ тем не менее затрагивает небольшой круг вопросов[2]. В ОУП СНГ отсутствуют, в частности, положения, регламентирующие порядок исполнения обязательств, не урегулирована ответственность сторон за нарушение договора и др. В то же время ряд содержащихся в ОУП СНГ статей не может применяться в условиях свободного рынка, поскольку он ориентирован на методы организации хозяйственных связей, присущие плановой экономи-

---

[1] Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. (ОУП СЭВ 1968/1988 гг.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 348–379.

[2] Шапкина Г.С. Правовое регулирование поставок в рамках СНГ // Закон. 1995. № 6. С. 78; Путинский Б.И. Коммерческое право России. М., 2000. С. 299.

ке[1]. Вследствие указанных причин некоторые авторы считают целесообразным разработать новое соглашение об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников СНГ, что содействовало бы еще более тесному экономическому общению между странами, поскольку позволит установить эффективное многостороннее правовое регулирование между партнерами стран СНГ на внешнем рынке, устраняющее недостатки, имеющиеся в действующих ОУП СНГ, а также юридические различия между национальными законами государств- участников Содружества[2].

Соглашение стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» от 20 марта 1992 г. (далее — Киевское соглашение 1992 г.) регулирует вопросы разрешения дел, вытекающих из договорных и иных гражданско-правовых отношений между хозяйствующими субъектами, из их отношений с государственными и иными органами, а также исполнения решений по ним. Под хозяйствующими субъектами понимаются предприятия, их объединения, организации любых организационно-правовых форм, а также граждане, обладающие статусом предпринимателя в соответствии с законодательством, действующим на территории государств-участников СНГ, и их объединения. При этом хозяйствующие субъекты каждого из государств-участников СНГ пользуются на территории другого государства-участника СНГ правовой и судебной защитой своих имущественных прав и законных интересов, равной с хозяйствующими субъектами данного государства. В частности, хозяйствующие субъекты каждого государства-участника СНГ имеют на территории других государств-участников СНГ право беспрепятственно обращаться в суды, арбитражные (хозяйственные) суды, третейские суды и другие органы, к компетенции которых отно-

---

[1] Шестакова М.П. Договор международной купли-продажи товаров (источники и принципы правового регулирования) // Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография. 2-е изд., перераб. и доп./В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина, И.О. Хлестова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2014. С. 16 // СПС КонсультантПлюс.

[2] Аксенов А.Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 109 // СПС КонсультантПлюс.

сится разрешение соответствующих споров, могут выступать в них, возбуждать ходатайства, предъявлять иски и осуществлять иные процессуальные действия. Таким образом, Киевское соглашение 1992 г. исходит из необходимости обеспечения хозяйственным субъектам государств-участников СНГ равных возможностей для защиты своих прав и законных интересов. В этом международном договоре решаются вопросы правовой защиты хозяйствующих субъектов (юридических лиц и граждан-предпринимателей), разграничивается компетенция судов (общих и арбитражных), рассматривающих их споры, определяется порядок оказания судами правовой помощи, предусматривается взаимное признание и исполнение решений, вынесенных судами одной из стран-участниц, на территории других стран-участниц, решаются вопросы подлежащего применению права и предоставления информации о праве.

Соглашение стран СНГ «О принципах сближения хозяйственного законодательства государств-участников Содружества» от 9 октября 1992 г. предусматривает сближение законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, по следующим направлениям: гражданское законодательство (в части, регулирующей хозяйственную деятельность); законодательство об изобретениях, промышленных образцах и товарных знаках; законодательство о предприятиях и предпринимательской деятельности, о порядке рассмотрения хозяйственных споров, антимонопольное законодательство; законодательство об охране окружающей среды; законодательство, регулирующее межгосударственное движение товаров и услуг, включая законодательство о качестве и стандартизации товаров и услуг; законодательство о денежной, банковской системе и ценных бумагах; законодательство о финансах, налогах и ценах; транспортное законодательство; законодательство о внешнеэкономических отношениях, включая законодательство об иностранных инвестициях и валютном регулировании; законодательство, регламентирующее таможенные правила и тарифы. Установление подобных задач должно было послужить предпосылкой к созданию единого экономико-правового пространства в СНГ[1].

---

[1] Современное международное частное право в России и Евросоюзе: монография / А. Алиев, Ю. Базедов, М.П. Бардина и др.; под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. Кн. 1. С. 75 // СПС КонсультантПлюс.

Тогда же было заключено *Соглашение стран СНГ «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности»,* согласно которому государства-участники СНГ взаимно признают осуществленный в соответствии с их национальным законодательством переход в их собственность имущества, в том числе финансовых ресурсов, предприятий, учреждений, организаций их структурных единиц и подразделений бывшего союзного подчинения, расположенных на территориях государств-членов Содружества. В соответствии с Соглашением каждая из сторон признает права собственности другой стороны, ее граждан и юридических лиц по отношению к расположенным на ее территории предприятиям, учреждениям, организациям и другим объектам (филиалы, доли, паи, акции и иное имущество), находившимся на 1 декабря 1990 г. в ведении органов государственного управления других бывших союзных республик в составе Союза ССР, а также являвшимся собственностью других юридических и физических лиц, за исключением объектов, построенных в целях ликвидации последствий форс-мажорных обстоятельств (ст. 2). Таким образом, Соглашение нацелено на разграничение бывшей союзной собственности, которая после прекращения существования СССР оказалась на территориях разных независимых государств[1]. Одной из целей образования СНГ была амортизация на первоначальном этапе возможных негативных последствий распада СССР, существовавшего на протяжении почти 70 лет[2]. Принятие подобных соглашений существенно уменьшило риски экономической дезинтеграции государств евразийского региона и создало благоприятную почву для дальнейшего углубленного сотрудничества.

24 сентября 1993 г. Государствами-членами СНГ был подписан *Договор «О создании Экономического союза»* (далее Договор о создании ЭС), который предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; согласованную денежно-кредитную, бюджетную, налоговую, ценовую, внешнеэкономиче-

---

[1] Козырин А.Н. Приватизация в России: правовое измерение // Реформы и право. 2012. № 2. С. 4 // СПС КонсультантПлюс.

[2] См. подробнее: Зинченко Н.Н. Региональные особенности правового регулирования процессов внешней трудовой миграции (на примере стран-участниц Содружества Независимых Государств) // Lex russica. 2013. № 9. С. 943–952.

скую, таможенную и валютную политику; гармонизированное хозяйственное законодательство; наличие общей статистической базы. Заявленные цели создания Экономического союза включают: формирование условий стабильного развития экономик стран СНГ в интересах повышения жизненного уровня их населения; поэтапное создание общего экономического пространства на базе рыночных отношений; создание равных возможностей и гарантий для всех хозяйствующих субъектов; совместное осуществление экономических проектов, представляющих общий интерес; решение совместными усилиями экологических проблем, а также ликвидация последствий стихийных бедствий и катастроф (ст. 2). Создание Экономического союза должно было происходить путем поэтапного углубления интеграции, координации действий в осуществлении экономических реформ через: межгосударственную (многостороннюю) ассоциацию свободной торговли; таможенный союз; общий рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; валютный (денежный) союз. Для каждой формы интеграции предусматривался комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые должны были быть приняты и осуществлены в соответствии с отдельными соглашениями. В качестве основных направлений деятельности в целях создания межгосударственной ассоциации свободной торговли были названы: последовательное снижение и отмена таможенных пошлин, налогов и сборов, а также количественных и всех иных равнозначных им по своим последствиям ограничений; гармонизация таможенного законодательства, механизмов тарифного и нетарифного регулирования; упрощение таможенных процедур; унификация форм таможенной документации для ведения таможенной статистики; поэтапное сближение тарифов на перевозки грузов и пассажиров, транзитных тарифов при соблюдении принципа свободы транзита; недопущение несанкционированного реэкспорта в третьи страны. Таможенный союз наряду с полной отменой тарифного и нетарифного регулирования перемещения товаров, работ и услуг предполагает установление общего таможенного тарифа в отношениях с третьими странами, а также координацию внешнеторговой политики в отношении таких государств. Переход к общему рынку в свою очередь, согласно Договору о создании ЭС, требует создания необходимых правовых, экономических и организационных условий для свободного перемещения капиталов и рабочей силы; со-

здания условий для добросовестной конкуренции, включая механизм антимонопольного регулирования; проведения согласованной политики в области развития транспорта и коммуникаций, направленной на осуществление эффективных перевозок грузов и пассажиров; обеспечения равных экономических условий для взаимного инвестирования капиталов в развитие экономик и создания действенного механизма защиты прав и интересов инвесторов.

Достижение провозглашенных в Договоре о создании ЭС целей и задач невозможно без соответствующего правового инструментария. Указание на правовые средства создания экономически интегрированного объединения содержится в ст. 26, которая предусматривает разработку модельных актов, регулирующих хозяйственные взаимоотношения, а также проведение работы по координации и сближению действующего национального законодательства на основе модельных проектов и норм международного права с целью устранения в них противоречий.

Однако не все государства-члены СНГ оказались готовы к реализации глубоких интеграционных проектов. Ряд стран (Россия, Белоруссия, Казахстан) преследовали целью создание Таможенного союза и построение системы коллективной безопасности, другая группа государств (Азербайджан, Грузия, Молдова и Украина) исключали любую форму политической интеграции и ставили перед собой в качестве задачи создание зоны свободной торговли[1]. Несмотря на то что 15 апреля 1994 г. было принято *Соглашение стран СНГ «О создании зоны свободной торговли»*, призванное запустить механизмы Договора о создании ЭС, Россия отказалась его ратифицировать[2], так как, в частности, не смогла убедить Украину рассматривать формирование зоны свободной торговли в качестве переходного этапа к Таможенному союзу[3].

---

[1] Подробнее см.: Кембаев Ж.М. Правовые аспекты экономической интеграции на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы развития // Правоведение. 2007. № 3. С. 146–155.

[2] Соглашение, однако, было ратифицировано и действует для всех государств-членов СНГ, за исключением Туркменистана. Грузия также продолжает участвовать в Соглашении.

[3] См. подробнее: Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 32–45.

Однако это не помешало углублению интеграционных процессов между отдельными государствами. 6 января 1995 г. было подписано *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь «О Таможенном союзе»*, 20 января 1995 г. — трехстороннее *Соглашение «О Таможенном союзе»* между Белоруссией, Казахстаном и Россией, к которому 29 марта 1996 г. присоединился Кыргызстан[1].

Создание Таможенного союза преследовало следующие цели: обеспечение совместными действиями социально-экономического прогресса участвующих стран путем устранения между ними разделяющих препятствий для свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами; гарантирование устойчивого развития экономики, свободного товарообмена и добросовестной конкуренции; укрепление координации экономической политики участвующих стран и обеспечение всестороннего развития национального народного хозяйства; создание условий для формирования общего экономического пространства; создание условий для активного выхода государств-членов Таможенного союза на мировой рынок.

Таможенный союз, как экономическое объединение государств, основывается на единой таможенной территории государств-участников Таможенного союза и однотипном механизме регулирования экономики, базирующемся на рыночных принципах хозяйствования и унифицированном законодательстве.

Тогда же Россия, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан подписали *Договор «Об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях»*[2] (далее — Договор об интеграции), в котором в качестве целей интеграции были заявлены: последовательное улучшение условий жизни, защита прав и свобод личности, достижение социального прогресса; обеспечение устойчивого демократического развития государств; формирование единого эко-

---

[1] Договор «О присоединении Киргизской Республики к Соглашениям о Таможенном союзе» от 29 марта 1996 г. // Российская газета («Ведомственное приложение»). 1996. № 88.

[2] Договор между Российской Федерацией, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой «Об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях» от 29 марта 1996 г. // СЗ РФ. 1997. № 17. Ст. 1915.

номического пространства, предусматривающего эффективное функционирование общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, развитие единых транспортных, энергетических, информационных систем; разработка минимальных стандартов социальной защиты граждан; создание равных возможностей получения образования и доступа к достижениям науки и культуры; гармонизация законодательства; согласование внешнеполитического курса, обеспечение достойного места на международной арене; совместная охрана внешних границ участвующих стран, борьба с преступностью и терроризмом. В рамках экономического сотрудничества Договор об интеграции предусматривает согласование основных направлений, этапов и сроков проводимых экономических реформ; создание необходимых условий функционирования общего рынка; обеспечение равноблагоприятных условий для свободной экономической деятельности хозяйствующих субъектов своих государств; создание единой модельной нормативной базы гражданского законодательства и государственного регулирования экономики; проведение согласованной политики ценообразования, исключающей ценовую дискриминацию в отношении хозяйствующих субъектов участвующих стран; применение свободных (договорных) цен, складывающихся на внутренних рынках; согласование структурной политики (имеется в виду создание промышленного и аграрного хозяйственного комплексов, основанных на взаимодополняемости экономик, максимальном использовании преимуществ рационального разделения труда); разработку и осуществление системы мер государственной поддержки развития производственной кооперации, поощрения производственных капиталовложений, включая субсидирование целевых программ и проектов, создание объектов, представляющих общий интерес; поощрение образования транснациональных объединений; усиление координации политики в денежно-кредитной и валютно-финансовой сферах; создание эффективной платежно-расчетной системы вплоть до зависимости от степени интеграции, введения единой валюты. Примечательно, что указанный вопрос актуален и 20 лет спустя.

В последнее время все чаще высказывается предложение о введении общей валюты на постсоветском пространстве. Внутри- и внешнеэкономическая роль общей межгосударственной валюты для взаиморасчетов стран СНГ была особо отмечена на Междуна-

родном экономическом форуме Содружества «Интеграция — новые возможности и пути выхода из кризиса», состоявшемся в марте 2015 г. в Москве. Как заявил заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по финансовым рынкам, президент Ассоциации региональных банков России А.Г. Аксаков[1], «снятие барьеров во взаиморасчетах в нацвалютах и введение общей валюты будут способствовать созданию единого рынка Содружества». При этом он пояснил, что «надо отказаться от ложного подхода к суверенитету. При формировании общего экономического пространства у нас должен быть прагматичный подход. Общая валюта позволит снять многие проблемы во взаиморасчетах, в том числе для мигрантов. А в целом она поможет поддержать экономики стран СНГ». Из-за взаиморасчетов в долларах США страны СНГ теряют, по имеющимся оценкам, до 10–15% своих экспортных доходов — главным образом вследствие вынужденной конвертации в доллары своих экспортных цен, первоначально исчисляемых в национальных валютах. Аналогичная ситуация происходит при импорте из стран СНГ. Следует отметить, что высказанное предложение не вызвало возражений у других стран-участниц Содружества[2].

Договор об интеграции также предусматривает учреждение специальных органов, ответственных, в частности, за гармонизацию национальных законодательств посредством принятия модельных актов.

К концу 1998 г. завышенные ожидания ускоренных темпов интеграции в рамках СНГ не оправдались, поэтому участники Таможенного союза постепенно пришли к пониманию более взвешенного и поэтапного движения по реализации поставленных целей, подписав 26 февраля 1999 г. *Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве* (далее — Договор о ТС и ЕЭП), к которому также присоединился и Таджикистан.

Целями формирования Единого экономического пространства были названы: эффективное функционирование общего (внутрен-

---

[1] В настоящее время А.Г. Аксаков — председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству.

[2] Чичкин А. Интеграционный потенциал СНГ еще даже не раскрыт, а не то, что исчерпан. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2015-03-19--integracionnyj-potencial-sng-esche-dazhe-ne-raskryt-a-ne-to-chto-ischerpan-17150

него) рынка товаров, услуг, капитала и труда; создание условий стабильного развития структурной перестройки экономики стран СНГ в интересах повышения жизненного уровня их населения; проведение согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой, таможенной и тарифной политики; развитие единых транспортных, энергетических и информационных систем; создание общей системы мер государственной поддержки развития приоритетных отраслей экономики, производственной и научно-технологической кооперации. Договор о ТС и ЕЭП предусматривал поэтапное формирование Единого экономического пространства. Первый этап имел целью завершение формирования Таможенного союза и единой таможенной территории. Второй этап предполагал создание Единого экономического пространства, включающего формирование общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведение общей экономической политики и создание единой инфраструктуры, завершение гармонизации законодательства стран СНГ, обеспечивающего функционирование Единого экономического пространства. На последующих этапах экономического сотрудничества речь шла о согласовании параметров основных макроэкономических показателей. В Договоре о ТС и ЕЭП вместе с тем отсутствовали конкретные сроки выполнения поставленных задач.

10 октября 2000 г. международно-правовая и институционная основа Таможенного союза была усилена путем подписания пятью государствами (Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном) *Договора «Об учреждении Евразийского экономического сообщества»* (далее — Договор о ЕврАзЭС), международной организации, поставившей своей целью эффективное продвижение процесса формирования его государствами — членами Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Именно в рамках ЕврАзЭС 6 октября 2007 г. было принято решение завершить построение Таможенного союза между тремя наиболее экономически развитыми государствами альянса — Белоруссией, Казахстаном и Россией — до 2011 г. (в первый раз в истории интеграционных процессов на постсоветском пространстве устанавливались конкретные сроки завершения определенного этапа их развития). Для достижения данной цели 27 ноября 2009 г. президенты Белоруссии, Казахстана и России подписали

пакет документов о применении единого таможенного тарифа с 1 января 2010 г. и вступлении в силу Таможенного кодекса Таможенного союза[1] с 1 июня 2010 г.

18 ноября 2011 г. президенты государств-участников Таможенного союза и Единого экономического пространства подписали документ, открывающий следующий этап интеграции. Речь идет о *Декларации «О евразийской экономической интеграции»*, которая заявляет о переходе с 1 января 2012 г. к следующему этапу интеграционного строительства — Единому экономическому пространству, основанному на нормах и принципах Всемирной торговой организации (ВТО) и открытому на любом этапе своего формирования для присоединения других государств. Конечная цель данного этапа — создание к 2015 г. Евразийского экономического союза. Таким образом, переходный период к новому межгосударственному объединению, а значит, к новому этапу евразийской интеграции был точно определен, хотя и не в договоре, а декларативном документе, что свидетельствует о политическом характере принятого государствами-участниками обязательства[2].

19 декабря 2011 г. Высшим Евразийским экономическим советом было принято решение о вступлении в силу с 1 января 2012 г. 17 международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации[3]. Для того чтобы эти базовые соглашения были реализованы в установленные сроки, Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) были разработаны и приняты 52 нормативных правовых акта, а правительствами государств, участвующих в формировании ЕЭП, было выполнено более 70 обязательных мероприятий в соответствии с установленными в них конкретными

---

[1] Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 17 «О Договоре о Таможенном кодексе Таможенного союза» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

[2] См. подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции.

[3] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2011 г. № 9 «О вступлении в силу международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

сроками[1]. Предполагалось, что ЕЭП впоследствии трансформируется в Евразийский союз, который будет представлять собой «мощное наднациональное объединение, способное стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[2].

Евразийское экономическое сообщество, в свою очередь, не ставило своей задачей формирование какого-либо интеграционного объединения, а преследовало более скромную цель — «продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства»[3]. Это обстоятельство и предопределило в известной мере его временный, промежуточный характер, что подтвердилось в решении, принятом на заседании Межгосударственного совета в г. Минске 10 октября 2014 г., когда главы государств-членов (России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана) приняли решение о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества[4] в связи с началом функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Договор о ЕАЭС — учредительный договор двоякого рода: международной организации интеграции (ЕАЭС) и экономико-правового пространства (Таможенного союза и Единого экономического пространства)[5].

Договор о ЕАЭС содержит отдельные положения, касающиеся учреждения самого Союза (ч. I), функционирования Таможенного союза (ч. II) и Единого экономического пространства (ч. III). ЕАЭС определяется как международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, целями создания которой являются создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах по-

---

[1] См. подробнее: Лукьянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 105–113.

[2] Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.

[3] См. подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции.

[4] Договор «О прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества» от 10 октября 2014 г. // СПС КонсультантПлюс.

[5] См. подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции.

вышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Часть I Договора о ЕАЭС содержит также положения об основных принципах функционирования Союза, его компетенции, праве, органах и бюджете.

Согласно ч. II Договора о ЕАЭС функционирование Таможенного союза основано на следующих принципах:

1) функционирование внутреннего рынка товаров;
2) применение Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза и иных единых мер регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами;
3) действие единого режима торговли товарами в отношениях с третьими сторонами;
4) осуществление единого таможенного регулирования;
5) осуществление свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного).

Отдельные разделы посвящены информационному взаимодействию и статистике, таможенному регулированию, обращению лекарственных средств и медицинских изделий, внешнеторговой политике, техническому регулированию, санитарным, ветеринарно-санитарным и карантинным фитосанитарным мерам, защите прав потребителей.

Часть III Договора о ЕАЭС устанавливает основы согласованной политики в рамках Единого экономического пространства, затрагивающие следующие сферы: макроэкономическую политику, валютную политику, торговлю услугами, осуществление инвестиций, регулирование финансовых рынков, налоги и налогообложение, правила конкуренции, естественные монополии, энергетику, транспорт, государственные (муниципальные) закупки, интеллектуальную собственность, промышленность, агропромышленный комплекс, трудовую миграцию.

Анализ Договора о ЕАЭС показывает, что поставленная задача кодификации большого пакета договоров была успешно выполнена, состоялось переключение в целенаправленном управле-

нии процессами экономической интеграции на постсоветском пространстве с методов двустороннего и группового регулирования на системное многостороннее регулирование[1].

Региональные интеграционные союзы представляют собой наиболее эффективный способ улучшения конкурентоспособности и отдельных стран, и всего региона в целом, что особенно актуально в период сложной международной политической и экономической ситуации. В рамках евразийского региона задачу всестороннего и сбалансированного экономического и социального развития государств, а также межгосударственной кооперации и интеграции выполняет СНГ — объединение суверенных государств с широкой сферой совместной деятельности и развитой организационной структурой. Однако интеграционный процесс в СНГ имеет разноскоростную направленность и разнонаправленный характер, что выражается в формировании субрегиональных групп в рамках СНГ: Союзное государство России и Белоруссии, ЕврАзЭС/ЕАЭС, ЕЭП, ГУАМ[2].

Вместе с тем следует согласиться с мнением А.Я. Капустина, что СНГ не ставило задачи евразийской интеграции, оно должно было способствовать через сотрудничество различным формам экономической интеграции государств (общему экономическому пространству и евразийскому рынку)[3]. Вступление в силу Договора о ЕАЭС свидетельствует о выполнении задачи, поставленной в начальный период развития межгосударственного сотрудничества между государствами СНГ. Следует оценить разумность такого подхода — путь совместного «продвинутого» сотрудничества в рамках евразийского региона открыт для всех государств-участников СНГ, однако определяющим критерием для совместной интеграции являются соответствующие экономико-правовые показатели, достижение которых и служит билетом в ЕАЭС.

Сравнительно-правовое исследование процессов интеграции латиноамериканских государств и стран постсоветского простран-

---

[1] Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы Договора о Евразийском экономическом союзе.

[2] См. подробнее: Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015.

[3] См. подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции.

ства показало, что успехи регионального экономического сотрудничества во многом зависят от готовности использовать не только международные, но и наднациональные инструменты, идти по пути гармонизации и унификации законодательства, принимать конкретные меры для формирования единого экономического пространства и обеспечения свободы движения рынков труда, товаров, услуг, капиталов, в том числе посредством проведения сбалансированной макроэкономической, бюджетной и конкурентной политики, учитывающей интересы всех государств экономического альянса.

Фактически стремление к единению и стран Латинской Америки, и государств евразийского региона имеет глубокие исторические и культурные корни, что в определенной степени формирует национальную самобытность народов, правовую общность, и, как следствие, способствует региональной интеграции. Более того, создание экономических союзов является одним из наиболее эффективных инструментов обеспечения конкурентоспособности национальных экономик. Однако проведение согласованной экономической политики, очевидно, является для стран Латинской Америки слишком высокой ценой. Оберегая свою политическую независимость, латиноамериканские государства почти за 70 лет так и не смогли выбрать наиболее подходящий для них путь интеграции, а имеющиеся союзы зачастую создаются с целью противостояния влиянию США и Канады, как например, Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), в который вошли все 33 страны региона, включая Кубу, а США и Канада остались за рамками объединения. СЕЛАК во многом возник как альтернатива Организации американских государств. Интеграционные процессы в латиноамериканском регионе осложняет наличие целого ряда объединений, дублирующих друг друга, а также внутренние противоречия участников, зачастую мешающие им создавать зоны глубокой интеграции и более эффективно координировать свои действия, в том числе во время кризисных ситуаций.

В этом отношении евразийский континент добился больших успехов, однако мы не можем не принимать во внимание почти 70-летнюю историю существования СССР и обусловленность экономического сотрудничества на начальном этапе амортизацией возможных негативных последствий распада Союза.

Глава 6
Политико-правовой анализ латиноамериканской и евразийской интеграций

(Алимова (Пайгина) Д.Р., Ермакова К.П., Муратова О.В.)

Глобализация во многом определяет вектор общественного развития в настоящее время и предполагает направленность на синхронизацию общественных процессов в государствах, объединение финансовых, экономических, политических и иных ресурсов. Процессы глобализации и интеграции ведут не только к взаимодействию, но и к взаимовлиянию правовых систем государств. Влияние на другие системы права может осуществляться разными способами, как правило, выделяют два: идеологический и конструктивный. Идеологический состоит в восприятии идей, начал правовой системы, а также юридических конструкций, терминологии, правил толкования права и т.д. Конструктивное влияние — это инкорпорация, включение или одобрение юридических феноменов, например, включение в систему права административного кодекса другого государства, институтов кодексов или других законов государства — образца. Следует подчеркнуть, что «государство-заимодавец» принимает законодательные акты, в том числе кодифицированные, с учетом своеобразия своих социально-экономических, политических и других обстоятельств.

Правовая система каждого государства развивалась с общими тенденциями права, включая в себя непосредственные особенности своей исторической эволюции. Этим объясняется самобытность и своеобразие каждой национальной правовой системы. Однако на сегодняшний день различия между правом разных стран значительно уменьшаются вследствие сближения, гармонизации и унификации законодательства.

В теории права процесс сближения означает выработку общего курса правового развития; преодоление правовых различий; выработку общих, совместных или единых юридических правил. Каждое из этих действий предполагает, в свою очередь, серию более конкретных и последовательных действий, связанных между собой. Сближение законодательства означает процесс, при котором определяется общий курс государств в данной сфере, направления, этапы сближения, способы сближения. В то время как гармонизация законодательства имеет место в тех случаях, когда со-

гласуются общие подходы, концепции развития национальных законодательств, вырабатываются общие правовые принципы и отдельные решения.

Представляется возможным выделить несколько способов гармонизации законодательства. Например, как обоюдное движение к получению желательного варианта правовой реальности. Группа государств создает принципиально новые правовые нормы, подлежащие дальнейшей имплементации в национальные правовые системы. Либо гармонизация законодательства понимается в основном как рецепция одними государствами уже существующих правовых норм. В настоящее время гармонизация законодательства охватывает чрезвычайно широкий круг вопросов, относящихся к различным отраслям права. Особенно интенсивно в последние десятилетия гармонизируются нормы торгового, промышленного и корпоративного права. Практически все страны мира в той или иной степени участвуют в этом процессе. Являясь необходимым условием поступательного развития современного общества, гармонизация законодательства в некоторых случаях сама подталкивает отдельные государства к более интенсивному международному сотрудничеству. Кроме того, учитывая многоуровневый и многофункциональный характер гармонизации, она позволяет противостоять навязыванию со стороны отдельных стран своей модели правового регулирования.

Правовая интеграция, как и любое правовое явление, имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, посредством правовой интеграции существенно облегчается процесс международного сотрудничества, оптимизируется торговый оборот между странами, обеспечивается мобильность, расширяются возможности научно-технического сотрудничества и т.д. С другой стороны, правовая интеграция в некоторых случаях приводит к потере национальной самобытности правовых систем отдельных государств, к насаждению в национальные правопорядки чужеродных, а иногда непонятных правовых институтов. Гармонизация законодательства позволяет не только согласовать общие направления правового развития, но и определить единые правовые принципы, в соответствии с которыми будет строиться правовая система. При этом в отличие от унификации государство оставляет за собой право сохранить отдельные национальные особенности правовой системы с тем, чтобы обеспечить историче-

скую преемственность правового развития. Являясь необходимым условием поступательного развития современного общества, гармонизация законодательства в некоторых случаях сама подталкивает отдельные государства к более интенсивному международному сотрудничеству[1].

Благодаря своей сложности и интенсивности интеграционные и глобализационные процессы затрагивают все сферы жизни общества, и в данном случае правовые инструменты играют важную роль в части координации и оформления данных процессов. Центральная идея, лежащая в основе глобализации, заключается в том, что многие проблемы невозможно адекватно оценить и изучить на национальном уровне. Вместо этого их необходимо формулировать с точки зрения интеграционных процессов, происходящих в мировом сообществе, взаимодействия и взаимовлияния современных правовых систем. Сегодня перед юридической наукой стоит вопрос осмысления интеграционных процессов, их изучения с позиции сближения правовых и политических систем государств.

При этом необходимо иметь в виду, что внутренние политические и правовые процессы в государствах имеют непосредственное влияние на межгосударственное сотрудничество, а вместе с тем — на интеграционные и глобализационные процессы, поэтому немалое значение имеют факторы, связанные со стабильностью и целостностью системы права. Так, несогласованность внутри системы права может оказать негативное влияние в случае необходимости встраивания в национальное законодательство какого-либо международного договора. Кроме того, экономическое положение, политическая стабильность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, устойчивость национальной валюты и т.д. — внутренние факторы, определяющие внешнюю политику страны и, следовательно, оказывающие влияние на интенсивность, направленность, форму и содержание интеграционных процессов.

Зачастую стратегия взаимоотношений различных субъектов международных отношений (государств, союзов государств, международных организаций) определяется политическими факторами при учете общности или конкуренции интересов в различных сферах взаимодействия.

---

[1] Тевелева В.Н. Интеграция правовых систем как форма сотрудничества государств [Электронный ресурс]. URL: http://media.miu.by/files/store/items/uses/xvii/mim_uses_xvii_31007.pdf

Условие взаимовыгодности, имеющее явный политический и экономический контекст, — одно из ключевых при разрешении вопроса о вступлении в интеграционный процесс.

Экономическая общность интересов договаривающихся государств, как правило, обусловлена геополитическим положением, в связи с чем наибольшее распространение получила форма региональной экономической интеграции. Однако степень интеграции может существенно различаться в зависимости от присущих такому интеграционному объединению элементов. В литературе можно встретить следующее определение международной организации экономической интеграции: это такая международная организация, которая имеет экономико-политические цели, обладает правосубъектностью, правовой подсистемой, развитой институциональной системой, характеризуется свойством наднациональности и формируется в определенном регионе государствами, связанными экономической, исторической и культурной общностью[1].

Процесс интеграции является формой международного сотрудничества, при которой происходит добровольное объединение субъектов в некую самостоятельную целостность (общность) для достижения определенных целей. При этом такое взаимодействие субъектов предполагает доминирование совместных поисков реализации общих интересов и исключает применение вооруженного насилия[2]. Участие в международном договоре означает для государства, с одной стороны, принятие определенных обязанностей, и, с другой стороны, достижение конкретных целей, благоприятных для данного субъекта. Принятие решений обычно происходит на условиях разумного и сбалансированного распределения компетенции между государством и международной организацией в вопросах их совместной деятельности.

Представляется, что действие политического фактора выражается в том, что при принятии решений в международной интеграции все ее субъекты стремятся удовлетворить собственные ин-

---

[1] См. подробнее: Хузиханова А.Р. О понятии международной организации экономической интеграции // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 110–117.

[2] Ведель И.А., Безбородов Ю.С. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 25–29.

тересы. Содержание данной категории составляет не только политический характер действий государств на международном уровне, но и причины и обстоятельства, при которых данные решения были приняты. Они, в свою, очередь, напрямую зависят от действующего политического режима, утвердившегося в государстве (как правило, политический режим отражен в основном законе государства, например, в конституции).

Идея создания общего рынка государств Латинской Америки, стремившихся к независимости и преодолению экономической отсталости, прозвучала еще в 1949 г. на первой сессии Экономической комиссии ООН для Латинской Америки[1]. Уже в конце 1960-х гг. в латиноамериканском регионе возникли полноценные интеграционные организации: Карибская ассоциация свободной торговли (1968), Договор Бразилиа (1969), Андская группа (1969). Фактически интеграционный процесс развивался по трем направлениям: либерализация торговли с целью создания к 1980 г. общего рынка, программирование промышленного развития, согласование и гармонизация политики, включая внешнеполитические действия[2].

Демократизация латиноамериканских стран в 1980-х гг., переход от диктаторской формы правления к представительной, проведение конституционных реформ, либерализация экономики и, как следствие, увеличение суммы внешнего долга привело к необходимости проведения более «продвинутой» интеграционной политики. В экономических отношениях между наиболее развитыми странами региона, например, Бразилией и Аргентиной, Колумбией и Венесуэлой, усилилась роль торгового обмена; создались условия для подписания соглашений в субрегионах — странах «южного конуса» (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай, Чили) и странах Андской группы (Венесуэла, Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор)[3]. Например, в 1985 г. Аргентина и Бразилия подписали «Декларацию Игуасу», целью которой являлось снижение политического недоверия друг к другу путем совместных усилий в проти-

---

[1] Княжинский В.Б. Роль политики интеграции в общественном развитии Западной Европы // Вопросы истории. 1967. № 3. С. 55.

[2] Глинкин А.Н. Тенденции и перспективы межгосударственного антиимпериалистического сотрудничества // Латинская Америка. 1973. № 5. С. 28.

[3] Беликова К.М. Исторические, политические и правовые факторы экономической интеграции стран Европы и Америки: ретроспектива и современность // Международные отношения. 2013. № 2. С. 141.

востоянии общим экономическим и политическим проблемам, возникающим при укреплении демократической системы, и учреждение для интеграции Совместной комиссии на высшем уровне[1].

В конституциях возможно установление государственной идеологии, и в случае идеологических противоречий субъекты власти конкретного государства могут отказаться от участия в каком-либо международном договоре. Так, в социалистических государствах (Китай, Куба, КНДР, Вьетнам) действующая политическая сила в той или иной степени ограничивает участие страны в международных соглашениях, если их цели не согласуются с идеологией, установленной в государстве в качестве основной. Соответственно, при отсутствии различий в идеологической направленности государства более расположены к участию в совместных международных соглашениях для экономического, политического, социального и духовно-культурного сближения. В качестве примера можно привести объединения государств, состоявшиеся в прошлом веке: ряд демократических государств стали членами НАТО, а социалистические европейские страны в ответ на это — Варшавского договора.

Интеграционные процессы, получившие свое качественно новое развитие в последнее столетие, кардинально изменили систему международных связей между ее участниками. Сближение государств приводит к усилению взаимозависимости национальных экономик, корпораций, наконец, людей. Интеграционные процессы предполагают объединение национальных экономик в единое экономическое пространство, проведение согласованной межгосударственной экономической политики, создание интеграционных объединений и т.д.[2] Изменения касаются не только внешнеэкономической деятельности стран, но и условий функционирования внутренней экономики. Так, в результате интеграционных процессов в Евросоюзе можно наблюдать заметное сближение экономик стран, входящих в него: макроэкономические показатели являются сходными, цены — стабильными и др.

Отличительной особенностью интеграционных процессов в настоящее время является, на наш взгляд, ориентирование на по-

---

[1] Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие / под общ. ред. В.В. Безбаха и В.К. Пучинского. М.: МЦФЭР, 2004. С. 74–75.

[2] Бевеликова Н.М. Развитие интеграционных процессов в Азии: правовой подход // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 7–14.

степенное и качественное функционирование единого правового поля как в рамках всего мира (ООН, ВТО), так и на региональном уровне (ЕС, ЕАЭС). Это означает формирование универсальной системы международных норм права, действующих в тесной взаимосвязи с национальными нормами права. Помимо этого, наблюдается тенденция универсализации нормативно-правовых стандартов, нивелирование национальных особенностей законодательства и права в целом[1]. Однако само по себе международное право и международные интеграционные процессы не могут использоваться без тесного взаимодействия и «сращения» с национальными правовыми нормами. В противном случае международные нормы либо не будут применяться ввиду неэффективного механизма их реализации без учета специфики того или иного региона, либо они вовсе не будут приняты, так как не получат поддержки политических сил стран.

Интеграция государств, основанная на тесном сотрудничестве и приспособлении национальных экономик к новым мировым отношениям, что выражено в объединении материальных, организационных, финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов отдельных стран, является одной их ведущих мировых тенденций в последнее время[2]. Подтверждением тому является расширение и развитие международных региональных и межрегиональных организаций. Так, в Южной Америке был создан и функционирует *Южноамериканский общий рынок* (*МЕРКОСУР*), который был учрежден в 1991 г. 4 странами (Бразилия, Аргентина, Уругвай, Парагвай) и расширился до настоящего времени почти до 6 государств-участников (в июле 2012 г. к МЕРКОСУР присоединилась Венесуэла; Боливия находится на заключительном этапе присоединения). К характеристикам данного объединения можно отнести:

1) осуществление принятия решений на основе консенсуса государств, которые действуют в соответствии со своими интересами;

---

[1] Стрельников К.А. Правовая глобализация: основные тенденции // Юридический мир. 2008. № 10. С. 23; Янков В.В. Глобализация в сфере публичного права: теоретико-методологический анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 8 и др.

[2] Беликова К.М. Институциональная структура и источники права ЕС и МЕРКОСУР: сравнительно-правовой аспект // Международное право и международные организации. 2013. № 1. С. 83–89.

2) отсутствие прямой связи между внутригосударственными и региональными правовыми актами;
3) сохранение государствами всех конституционных прерогатив, подчинение механизма имплементации региональных норм и их иерархия с национальными правовыми актами внутреннего правопорядка.

Прогресс, хотя и минимальный, латиноамериканского регионализма, который имел место в 1990-х гг., является отражением скорее политических, нежели экономических факторов. Формальные соглашения о торговле (о зоне свободной торговли, таможенном союзе и т.д.) не являются ни необходимыми, ни достаточными условиями для того, чтобы придавать импульс взаимозависимости государств. Хотя ликвидация торговых барьеров является неоспоримой для увеличения торгового обмена, она должна сопровождаться другими факторами, которые бы увеличивали торговлю в различных направлениях[1].

Одним из примеров трудностей в осуществлении интеграционного развития и «асимметрий» можно считать деятельность МЕРКОСУР. Так, в настоящий момент на вопрос о том, является ли эта организация межгосударственной или наднациональной международной, латиноамериканские специалисты отвечают скорее так: МЕРКОСУР представляет собой региональную организацию координационного и межгосударственного типа.

Экономические блоки, созданные на основе права интеграции, в числе которых и МЕРКОСУР, лишены соответствующих юридических механизмов и институтов, которые бы гарантировали верховенство и прямое применение норм, исходящих от интеграционных институтов. Кроме того, имеются различия в конституционных положениях государств. В конституциях Бразилии и Уругвая содержатся положения о том, что международные договоры занимают такое же место, как и национальные законы, к которым соответственно применимо правило *lex posterior derogat legi priori*[2]. Между тем в конституциях Аргентины и Парагвая после соответствующих конституционных реформ международным договорам был придан наднациональный характер. В связи с этими обстоятельствами некорректно говорить о «наднационально-

---

[1] См. подробнее: Рафалюк Е.Е. Интеграционные процессы: опыт России и Бразилии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 141–146.

[2] Поздним законом отменяется ранний.

сти» норм МЕРКОСУРа с точки зрения правопорядков Бразилии и Уругвая[1]. Следует отметить, что в латиноамериканской литературе не раз выражалось мнение по поводу необходимости создания не только постоянного суда пересмотра, но и постоянного суда, наделенного широкой компетенцией в области обеспечения единообразия правопорядка интеграционного объединения. Однако государства-учредители МЕРКОСУР обосновывают различные мнения по поводу перспектив развития организации по наднациональной модели. В связи с чем институциональная эволюция МЕРКОСУР зависит в большей степени от той политики, которую проводят государства-члены в управлении интеграцией, а также от размера их национальных экономик и степени экономической взаимозависимости в блоке[2].

Роль политического фактора в деятельности международных организаций ярко иллюстрирует следующий пример. Сложная политическая ситуация, сложившаяся в Парагвае, привела к тому, что его членство в МЕРКОСУР было приостановлено до апреля 2013 г. — времени проведения президентских выборов[3] (на основании примененных положений Протокола Монтевидео по вопросу приверженности демократии в МЕРКОСУР от 20 декабря 2011 г.)[4]. Как отмечается, в Парагвае фактически произошел государственный переворот, так как парламент при помощи процедуры импичмента добился прекращения полномочий главы государства, вменив ему в вину гибель 17 чел. в результате вооруженного столкновения между полицейскими и безземельными крестьянами, что произошло при крайне спорных обстоятельствах[5]. Приостановле-

---

[1] Рафалюк Е.Е. Интеграционные процессы: опыт России и Бразилии// Журнал российского права. 2013. № 12. С. 141–146.

[2] См.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168.

[3] МЕРКОСУР приостанавливает членство Парагвая и принимает Венесуэлу [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/world/20120629/688313037.html (дата обращения: 19.09.2015).

[4] Protocolo de Montevideo sobre Compromiso con la Democracia en el MERCOSUR (Ushuaia II). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/2485/1/ushuaia_ii.pdf (дата обращения: 29.09.2015).

[5] Моисеев А. Демократия дала сбой в Парагвае // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://ref.interaffairs.ru/read.php?item=8610 (дата обращения: 09.09.2015).

ние членства Парагвая в МЕРКОСУР нельзя не рассматривать через призму его политической оценки другими государствами-участниками. Ведь отрешение президента Парагвая от своих полномочий было осуществлено на основании соответствующей законной процедуры согласно нормам права данного государства, следовательно, не являлось незаконным. Однако МЕРКОСУР как международная ассоциация государств самостоятельно дала политическую оценку происшедшим событиям и пришла к выводу об их недопустимом характере. Особое положение указанной международной организации фактически придает ее решениям окончательный характер, поскольку их обжалование в какой-либо иной инстанции не предусмотрено. Таким образом, политическая целесообразность является одним из главных факторов, влияющих на принятия ключевых решений в деятельности международных организаций, в частности, МЕРКОСУР.

Как отмечает Е.Е. Рафалюк[1], полицентричность латиноамериканской культуры проявляется в правовой культуре стран региона в ее эклектичности, т.е. в объединении между собой разнородных правовых систем и культур. Так, после колониального захвата ряда догосударственных образований и раннеклассовых государств Южной Америки испанскими и португальскими завоевателями эклектизм в праве выражался в соединении традиционного индейского права и привнесенных извне элементов континентальной системы права. Вслед за обретением независимости государствами Латинской Америки развитие их национальных правовых систем происходило под влиянием французского, испанского, германского права. В силу того что в состав членов Организации американских государств, объединяющей многие латиноамериканские страны, входят и США, они же являются сторонами некоторых межамериканских конвенций, континентальная система права, к которой сегодня можно отнести Латинскую Америку, испытывает на себе влияние системы общего права.

Конституции государств Латинской Америки содержат положения, закрепляющие устремленность латиноамериканских стран к региональному интеграционному взаимодействию, что

[1] Рафалюк Е.Е. Аксиологический подход в международном праве // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 110–125.

создает базу для реального сближения государств. Опыт региональной интеграции показывает, что решения наднациональных судов (Суд ЕС, Суд Андского сообщества и др.) оказывают влияние на формирование и развитие отдельных правовых принципов, обеспечивающих региональное интеграционное сотрудничество государств. Дело в том, что в правовых позициях судов интеграционных сообществ формулируются принципы, в том числе функционирования единого рынка, имеющие большое значение для установления единообразных норм, обеспечивающих экономический оборот в пространстве интеграционного объединения.

Одним из факторов успешной реализации регионального интеграционного проекта является обеспечение взаимодействия между национальной и наднациональной правовыми системами и уровнями власти. В том числе это касается гармонизации актов различных уровней, обеспечения соответствия национальных нормативных правовых актов основополагающим актам интеграционного объединения, т.е. их принципам и ценностным составляющим[1].

Наиболее ярким примером *интеграции в рамках евразийского пространства* является Евразийский экономический союз.

По своей правовой природе ЕАЭС является динамичным образованием, выступает сложноорганизованной политико-правовой системой, жизнедеятельность которой протекает в тесном взаимодействии с внешней средой. На его развитие ощутимое влияние оказывают внешние факторы, связанные как с экономикой, так и с политикой государств, не входящих в Союз. Для нивелирования некоторых из них в правовую основу объединения помещается концепт наделения его рядом функций наднационального органа, действующего в общих интересах государств-членов. Практические проблемы функционирования могут урегулировать принципы консенсуса и субсидиарности. Теоретико-правовой анализ международно-правового статуса этого объединения показывает, что он может быть определен как конфедерация, международная организация или союзное государство. Источником такого теоретико-правового анализа является определенная коллизионность текста статьи договора, где Союз охарак-

[1] Рафалюк Е.Е. Аксиологический подход в международном праве // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 110–125.

теризован как международная организация региональной экономической интеграции, обладающая в то же время международной правосубъектностью[1].

Таким образом, ЕАЭС заявлен как одно из уникальных межгосударственных объединений, формирование которых будет свойственно грядущему этапу глобализации мировой системы национальных государств. Мировые интеграционные процессы обусловливают важность создания наднационального правового регулирования в рамках ЕАЭС с опорой на соответствующую наднациональную институциональную структуру, а в перспективе — трансформацию ЕАЭС в более сплоченное интеграционное объединение наднационального типа, преследующее цели формирования единой экономической, валютной, социальной, культурной, а также скоординированной внешней политики. В связи с этим сформирована мощная система управления, состоящая из соответствующих структур в виде Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Евразийской экономической комиссии, Суда Евразийского экономического союза. Наряду с этим Евразийский экономический союз имеет уникальную структуру и правопорядок, которые нельзя подвести ни под одну из ныне существующих политико-правовых форм. Как было отмечено выше, он имеет двойственную правовую природу и черты сразу нескольких форм межгосударственных объединений — международной организации, конфедерации, мягкой федерации.

Успехи евразийской интеграции во многом обусловлены политическими и тесно связанными с ними экономическими причинами. Прежде всего, как и в случае со странами Латинской Америки, речь идет о преобразованиях в политической сфере государств евразийского региона, связанных с распадом СССР, которые потребовали тесного экономического сотрудничества. Государства, получившие политическую независимость, находились в экономической зависимости от бывших союзных республик. Единая территория СССР и ведение плановой экономики предполагали активное экономическое сотрудничество хозяйственных предприятий. С распадом Союза сложившиеся экономи-

[1] Жумабаева М.Е., Бородаев В.Е. Евразийский экономический союз: правовая характеристика Eurasian economic union in the prism of law characteristic // Международный правовой курьер. 2016. № 1. С. 9–15.

ческие связи между отдельными хозяйственными предприятиями были разрушены. Перед вновь образованными государствами стояли непростые задачи, в числе которых проведение конституционных и экономических реформ, разграничение бывшей союзной собственности, поддержание конкурентоспособности национальных рынков и многие другие. Решение указанных вопросов было возможно только путем проведения координированной внешней политики. В конечном счете политическое решение о распаде СССР привело к принятию другого политического решения — интеграции государств на постсоветском пространстве путем создания СНГ. Одной из важнейших проблем при изучении феномена интеграции становится взаимосвязь между политическим и экономическим уровнем. Тот факт, что политические и экономические компоненты тесно переплетаются в интеграционных процессах, не вызывает сомнения. Обязательным условием успешной интеграции является политическое соответствие ее экономической составляющей[1].

В литературе встречается точка зрения, согласно которой в контексте исторических событий образование СНГ имело обратные цели — ликвидацию СССР и фактическую экономическую дезинтеграцию бывших республик Советского Союза. Создание СНГ — акт политической воли, не учитывавший экономических интересов государства. Таким образом, СНГ никогда не имело созидательного потенциала для экономической интеграции республик бывшего Советского Союза[2]. Аналогичного мнения придерживается и С.Ю. Кашкин[3], указывая на ст. 1 Устава СНГ, согласно которой Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями, а государства-члены Содружества выступают по отношению друг к другу «самостоятельны-

---

[1] См. подробнее: Соколова Н.В. Политическая интеграция: генезис и перспективы развития (на примере ЕС, СНГ, Союзного государства России и Белоруссии): автореф. дис. … канд. полит. наук, 2010. С. 11.

[2] См. подробнее: Наднациональное и национальное регулирование в Таможенном союзе ЕврАзЭС: на примере таможенной пошлины / Ю.В. Гинзбург, А.Ю. Денисова, М.Г. Енадарова и др.; под ред. А.Н. Козырина. М.: Институт публично-правовых исследований, 2014.

[3] См. подробнее: Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография / В.А. Жбанков, П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкин и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Проспект, 2015.

ми и равноправными субъектами международного права»[1]. Однако указанная точка зрения представляется спорной, прежде всего, по той причине, что соглашения, принятые в рамках СНГ в первые годы его образования, были направлены на амортизацию возможных негативных последствий распада СССР и уменьшение рисков экономической дезинтеграции. Позже к такому же выводу приходит в своих рассуждениях и С.Ю. Кашкин, ссылаясь на ст. 2 Устава СНГ, согласно которой в качестве одной из целей Содружества была провозглашена «межгосударственная кооперация и интеграция». Тем самым были заложены предпосылки для возникновения нового географического региона международной интеграции — постсоветского пространства, т.е. территории государств, возникших на месте бывшего СССР[2].

Разумеется, важными факторами сотрудничества являются общность исторического пути, культурные традиции. Нельзя не учитывать общемировой тренд экономического развития и успехи государств Европейского союза[3] в 1990-е гг., что также явилось одной из причин поиска путей интеграции стран-участниц СНГ. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что евразийская интеграция не является сугубо экономическим проектом, а ее ход с самого начала во многом предопределялся военно-политическими факторами[4]. Соглашение об образовании СНГ предусматривало сотрудничество стран евразийского региона в развитии не только общего экономического, но и общего военно-стратегического пространства (ст. 6).

Как следует из Указа Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. № 940 «Об утверждении Стратегического кур-

---

[1] Об истории создания и юридической природе СНГ подробнее см.: Моисеев Е.Г. Правовой статус Содружества Независимых Государств. М.: Юристъ, 1995; Он же. Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. М.: Юристъ, 1997.

[2] См. подробнее: Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография / В.А. Жбанков, П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкин и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Проспект, 2015.

[3] См. подробнее: Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые аспекты Европейского союза и Таможенного союза: монография. М., 2012. С. 59–60.

[4] См. подробнее: Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 32–45.

са Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств»[1], одним из важнейших путей организационного укрепления СНГ является постепенное расширение Таможенного союза, включающего государства, связанные с Россией глубоко интегрированной экономикой и стратегическим политическим партнерством. Предлагаемая Россией в рамках СНГ модель разноскоростной интеграции не является обязательной. Однако отношение к этой модели со стороны наших партнеров будет важным фактором, определяющим масштабы экономической, политической и военной поддержки со стороны России.

Роль и значение военно-технического сотрудничества для укрепления военно-политических позиций в мире трудно переоценить. Совершенно справедливо отдельные ученые указывают на тот факт, что уровень развития военно-технического сотрудничества различных государств является существенным показателем для оценки глубины политического взаимодействия. Более того, существует, вероятно, и обратная связь, т.е. при помощи такого серьезного рычага, как военно-техническое сотрудничество, можно создавать и развивать новые «площадки» для полноценных, глубоких и взаимовыгодных политических отношений, заинтересовывать потенциальных зарубежных партнеров самого высокого уровня возможными политическими и экономическими дивидендами[2].

Создание ЕАЭС подтверждает, что продвинутые формы региональных интеграционных объединений образуются лишь политическими союзниками, которые стремятся к глубокой всеобъемлющей интеграции не только в экономической сфере, но и в сфере координации основных направлений внешней и оборонной политики[3]. Так, все участники ЕАЭС, а также Таджикистан являются

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств» // СЗ РФ. 1995. № 38. Ст. 3667.

[2] Пугачев А.В. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации со странами-участниками Содружества Независимых Государств как фактор политической интеграции: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 12.

[3] Подробнее см.: Kembayev Z. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area. Berlin; Heidelberg, 2009.

членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), который был подписан в рамках СНГ 15 мая 1992 г.[1] По окончании срока действия договора, рассчитанного изначально на 5 лет, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан продолжили строительство самостоятельного военно-политического союза. 2 апреля 1999 г. они продлили действие Договора о коллективной безопасности, а 7 октября 2002 г. преобразовали свое военно-политическое объединение в полномасштабную международную организацию — ОДКБ, основными целями которой являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов[2].

Создание ОДКБ воплощает в жизнь идею так называемого многополярного мира, т.е. такой системы международного устройства, при которой в мире существует несколько полюсов силы, государств или союзов государств — центров экономического и политического влияния[3]. Подтверждением тому служит положение, согласно которому ОДКБ «содействует формированию справедливого, демократического миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права» (ст. 4 Устава Организации Договора о коллективной безопасности).

Таким образом, можно сделать вывод о зависимости интеграционных процессов на латиноамериканском и евразийском континентах от внешних экономических и политических факторов. Следует отметить тенденцию замедления интеграционного взаимодействия государств в периоды мировых кризисов, в то время как в периоды политических преобразований интеграция получает новый импульс к развитию в направлении углубления и расширения территории за счет соседних государств независимо от уровня

---

[1] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 12. С. 6–8.

[2] См., например: Кембаев Ж.М. Имплементация обязательств, принятых Республикой Казахстан в рамках Организации Договора о коллективной безопасности // Евразийский юрид. журн. 2015. № 7. С. 12–16.

[3] См. подробнее: Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 32–45.

их развития[1]. Другой закономерностью является «дифференцированный» способ интеграции и переход к «открытому регионализму», что характерно для объединения стран с различным уровнем экономического и социально-политического развития. Такой способ интеграции приводит к созданию более мелких внутренних образований, направленных на углубление интеграционных процессов между их участниками в форме продвинутого сотрудничества или к развитию интеграции на «нескольких скоростях», подтверждением чему служат, в частности, интеграционные образования, созданные на постсоветском пространстве (степень интегрированности СНГ и ЕАЭС существенно различается). Наконец стремление государств к обеспечению своей политической независимости, целостности суверенитета и становлению многополярного мира обуславливает не только экономическую интеграцию, но и формирование военно-политических союзов в рамках региональных интеграционных объединений.

[1] Беликова К.М. Исторические, политические и правовые факторы экономической интеграции стран Европы и Америки: ретроспектива и современность // Международные отношения. 2013. № 2. С. 147.

Глава 7
Концептуальные основы латиноамериканской и евразийской интеграций

(Струков К.В.)

По справедливому замечанию В.А. Гулевича, создание мощного межгосударственного объединения невозможно без выстраивания системы духовно-культурных ценностей, признаваемой всеми участниками интеграционного процесса[1]. Развивая данную мысль, можно прийти к выводу, что взаимоотношения между различными интеграционными объединениями возникают не только на основе общности экономических либо политических интересов, но в равной степени на основе общности ценностных установок и идеологических взглядов, характерных для всех участников международного сотрудничества. При этом нельзя не согласиться с И.А. Каримовым, утверждающим, что идеология, в качестве составляющей философии, по своей внутренней сути представляет собой отражение исторических вызовов, ожиданий, свершений государственно-организованного общества[2]. В этой связи выявить специфику процессов международной интеграции наиболее удобно посредством изучения философско-правовой мысли в государствах-участниках данных процессов в контексте исторических вызовов, стоявших на различных этапах их развития и стимулировавших межгосударственное сотрудничество.

Исторический анализ философских идей евразийской и латиноамериканской интеграции позволит нам выявить их общие и специфические черты, что необходимо для выстраивания продуктивного международного диалога между Российской Федерацией и странами Латинской Америки.

История развития философских идей евразийской и латиноамериканской интеграции. Примечательно, что как для евразийской интеграции на территории постсоветского пространства, так и для латиноамериканской интеграции характерно силь-

---

[1] Гулевич В.А. Гносеологические основы интеграции евразийского пространства // Международная конференция «Евразийский вектор развития: проблемы и перспективы». Официальный сайт журнала «Международная жизнь». URL: https://interaffairs.ru.

[2] Каримов И.А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1. Ташкент: Узбекистан, 1996.

ное влияние Западного мира, проявлявшееся, с одной стороны, в тесном сотрудничестве со странами Северной Америки и Европы по самому широкому спектру вопросов (экономических, политических, духовно-культурных и т.д.), а с другой стороны — в противостоянии различным формам экспансии, к которым прибегали западные партнеры.

Философские идеи, отражавшие различные аспекты сотрудничества и противостояния с Западной цивилизацией, послужившие фундаментом для выстраивания будущих межгосударственных объединений, имели место в странах Латинской Америки и странах, существующих на территории постсоветского пространства, еще до того, как вопросы интеграционного развития вышли на качественный уровень, характерный для XX–XXI вв.

У истоков философии интеграции Латинской Америки, равно как и у истоков философии интеграции России, в качестве основного двигателя объединительных процессов на территории постсоветского пространства, лежит христианство, пришедшее из Западных стран. В первом случае — со времен конкисты, под влиянием католической Испании, а во втором случае — со времен Крещения Руси, под влиянием православной Византии.

Специфическое различие общего для двух вышеуказанных частей земного шара приобщения к религиозным ценностям Западного мира состоит в том, что применительно к странам Латинской Америки христианизация происходила в принудительном порядке, проявлявшемся в действиях метрополии, первоначально чуждой по своим мировоззренческим установкам коренному населению южного континента, а на территории Древней Руси христианизация осуществлялась по собственной инициативе местных властей и без признания подчиненного положения российского государства по отношению к какой-либо из европейских стран.

Следствие данного различия проявляется в том, что идеи национального самосознания и идеи объединения мирно сосуществующих социумов перед лицом завоевателей из иных государств появились в российском самосознании в более ранние периоды, нежели в самосознании латиноамериканских народностей. Более того, некоторые исторические сведения, касающиеся развития философской мысли на территории Латинской Америки во времена конкисты, позволяют нам утверждать, что интеллектуальный центр для данного развития формировался не в среде ко-

ренного населения вышеупомянутого континента, а в среде мыслителей, представлявших собою выходцев из метрополии. В данном контексте наиболее примечательными событиями прошлого Латинской Америки можно считать, так называемую Бургосскую и Вальядолидскую хунты[1].

Обе вышеуказанные хунты касались решения вопросов административного управления, межкультурного диалога и иных форм взаимодействия двух частей Испанской империи: территорий Старого Света и территорий Нового Света.

Итогом первой хунты, проходившей в форме собрания юристов, политиков и теологов в испанском городе Бургос, стало принятие так называемых Бургосских законов, представлявших собой не только первый комплекс нормативных правовых актов, изданных Испанской монархией по вопросу управления покоренными территориями Нового Света, но также важный идеологический документ, отразивший мировоззренческие установки метрополии на постепенную интеграцию покоренных земель в состав единой империи. Бургосскими законами, характерными для европейской средневековой философии ссылками на Божественную волю, Божественное провидение и представлениями о христианстве как о единственно верной религии, было обосновано право Испанского монарха на обладание южноамериканским континентом для реализации священной миссии, угодной самому Господу Богу, по обращению коренного населения данной части земного шара в христианство. С этой целью на территории новых колоний вводилась система управления под названием «энкомьенда» (букв. перевод с испанского языка: «попечение», «защита»). Идея подобной защиты заключалась в том, что конкистадоры получали статус энкомендеро, который, с одной стороны, закреплял за каждым из них ограниченное вещное право на определенный участок земли в Новом Свете и право эксплуатировать проживающее на таком участке коренное население как в интересах Испанской короны, так и для своих личных нужд, а с другой стороны налагал на испанских завоевателей обязанность по соблюдению прав местных индейцев, принятию ряда мер по их просвещению и обращению в христианство. В частности, Бургосские законы предусматривали, что каждый энкомендеро, который владел более чем 50 коренными аме-

[1] В переводе с исп. *junta* в широком смысле означает «собрание». — *Прим. автора*.

риканцами, должен был за свой счет обучить одного индейского мальчика чтению, письму и религиозной доктрине и проследить, чтобы тот, в свою очередь, научил этим вещам своих собратьев. Важным моментом, характерным для Бургосских законов, является признание за местным населением Южной Америки правового статуса личности, определенного места в рамках единого интеграционного процесса по присоединению Нового Света к Испанской империи и приобщению коренных американцев к европейской философской мысли, западным мировоззренческим установкам. В идейном плане признавалось, что у коренных жителей новых колоний есть душа, свобода, земля, определенный набор неотъемлемых прав, была дана установка, что коренные американцы со временем должны стать верными и равноправными подданными Испанской монархии[1].

Однако на практике энкомьенда представляла собой систему жестокой эксплуатации со стороны вожделевших личного обогащения энкомендеро коренных американцев, являвшихся абсолютно бесправными перед своими «попечителями». Данное обстоятельство приводило к многочисленным восстаниям индейцев против испанских поработителей, а также к осуждению существующих порядков некоторыми представителями средневековой интеллигенции. Низкая эффективность и крупные изъяны рассматриваемой системы управления над новыми колониями, практическое невыполнение Бургосских законов стали предпосылками проведения Вальядолидской хунты — философских дебатов, имевших место в 1550–1551 гг. в испанском городе Вальядолиде. Основными участниками данной хунты были монахи-доминиканцы. Центральный вопрос, стоявший на обсуждении, касался колониальной политики Испании в отношении покоренных земель Нового Света. Наиболее известные участники полемики во время данной хунты: епископ Чиапаса Бартоломе де лас Касас и учитель наследного принца — будущего короля Испании Филиппа II Хуан Гинес де Сепульведа. Первый из упомянутых участников полемики с позиций европейского гуманизма выступал за незыблемость прав индейцев, отстаивал допустимость их исключительно добровольной христианизации, выдвинул тезис о необходимости постепенно-

[1] Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2001.

го признания их равноправного положения с гражданами метрополии, предсказывал будущий распад Испанской империи в случае избрания монархией политического курса, направленного на жестокое обращение с покоренными народами. Наиболее известная работа Бартоломе де лас Касаса, в которой он отразил свои взгляды, изложенные во время Вальядолидской хунты, — «Тридцать юридических тезисов»[1]. Его оппонент, с опорой на античную философию и средневековую схоластику, отстаивал идею «низменного» состояния души у народов, населяющих Новый Свет, и, как следствие этого, полезность закрепления их рабского по отношению к более просвещенным народам положения, а также обоснованность мер жестокой дисциплины в отношении индейцев, способных, по его мнению, на различного рода порочные поступки. Основная философская работа, в которой получили свое отражение наиболее значимые взгляды Сепульведы по данному вопросу, — «О праве ведения справедливой войны с индейцами».

Иные наиболее отметившиеся участники Вальядолидской хунты также были исключительно европейцами: Мельчор Кано, Педро де Лагаска, Доминго де Сото, Бартоломе де Карранса.

В отличие от Бургосской, Вальядолидская хунта представляла собой в большей степени характер идеологического диспута и не выработала по итогам своих заседаний конкретных законодательных мер по отношению к населению уничтоженных испанцами государств Латинской Америки[2].

В отличие от Латинской Америки философия интеграции, существовавшая в российском государстве, с самого своего зарождения, отголоски которого мы можем отметить уже с X в., отличалась тем, что философские концепты, имевшие место в Западной цивилизации, не представляли догматического значения для отечественной интеллектуальной элиты, но применялись в качестве связующих звеньев или аргументов при обосновании собственных идеологических установок, приемлемых для российского общества. При этом выбор в пользу христианского мировоззрения православного толка был сделан по собственной воле одного из российских правителей (Владимира I), в ходе тщательного сравнения религий соседних народов, а не в результате агрессивных дей-

---

[1] В другом переводе — «Тридцать предложений». — *Прим. автора*.

[2] Авдеев К.Е. Становление латиноамериканской цивилизации: социально-философский анализ: автореф. дис. … канд. философ. наук. М., 2010.

ствий со стороны западных колонизаторов, как это имело место применительно к Латинской Америке.

Как отмечает В.А. Томсинов, во времена феодальной раздробленности была сформирована концепция «Русской земли». Данная идея в понимании русских православных мыслителей, таких как Феодосий Печерский, Нестор Летописец, Илларион Киевский, Георгий Грек и некоторых других известных философов, представлялась в качестве некой культурно-географической общности определенных земель, основанной на единстве мировоззренческих взглядов, существующих параллельно с меняющимися реалиями политической конъюнктуры, а также предполагающей тесное сотрудничество правителей тех территорий, которые входят в состав данной общности, по широкому спектру вопросов международного и внутриполитического значения[1]. Впоследствии данная идея выразилась в концепции монаха Филофея под названием «Москва — Третий Рим»[2], предполагающей сразу несколько важных «интеграционных установок» для российского государства:

1) Россия является наследницей восточной (второго Рима) и западной (первого Рима) частей «Ромейского царства»: после падения Римской империи Россия стала главным оплотом православного христианства в мире, центром духовно-культурной интеграции народов, признающих данную религию в качестве своей веры;
2) Россия представляет собой последний образ идеального христианского государства, Святой Руси, в случае краха которого данный идеал может быть навсегда утрачен человечеством;
3) будучи наследницей духовной культуры Римской империи, Россия имеет основания для того, чтобы претендовать на

---

[1] Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М., 2003.

[2] Примечательно, что концепция «Третий Рим» использовалась не только в российском государстве, но также в некоторых европейских странах для обоснования притязаний их правителей на различные остатки наследия Римской империи. Среди таковых можно назвать: Сербию (один из основных идеологов — Стефан Душан), Болгарию (один из основных идеологов — Иоанн-Александр), Италию (один из основных идеологов — Джузеппе Мадзини) и некоторые другие национальные государства. — *Прим. автора*.

распространение своего влияния на территории государства-правопредшественника[1].

Начиная со времен Петра I данные идеи, дополнительно подкрепленные патриархальными взглядами на историко-юридическую природу государства, получили свое логическое воплощение в представлениях о России как об империи, имеющей право претендовать на многие земли западных государств.

Следующей наиболее значимой вехой развития философских идей евразийской и латиноамериканской интеграции можно назвать XIX в., для которого характерно окончательное укоренение философии Просвещения в Западном мире — с одной стороны, и поиск новых философских концептов — с другой.

Население Латинской Америки в XIX в. доказало, что смогло выжить в условиях кризиса, спровоцированного действиями Испанской монархии, впитав в себя идеи и культуру Западной цивилизации и при этом сохранив способность к накоплению сил для отпора иноземным эксплуататорам, проявлению собственной национальной самобытности. В начале XIX в. в Латинскую Америку проникает учение европейского либерализма, которое завоевывает влияние в тех слоях общества, которые стремятся к независимости и объединению территории Латинской Америки в рамках единого государства[2]. Наилучшим образом сложившаяся ситуация была описана со стороны А.Р. Бургете: «Латиноамериканцы в XIX в. не только сбрасывают цепи колониального рабства, но и переживают духовное обновление. Важной особенностью латиноамериканской философии этого периода является то, что разработка теоретических и методологических вопросов тесно связана с решением практических проблем национально-освободительной борьбы. Философские школы и направления рассматриваются и оцениваются с той точки зрения, как они решают основной политический вопрос для Латинской Америки — вопрос о национальной независимости»[3].

---

[1] Под распространением влияния на территории, входившие в состав Римской империи, нами понимается не столько их фактическое включение в состав российского государства, сколько принятие мер по осуществлению взаимовыгодного сотрудничества с населяющими их народами по широкому спектру вопросов общественно-государственной жизни. — *Прим. автора*.

[2] Lascaris Constantino Historia de las ideas en Centroamerica. — San Jose, 1970.

[3] Бургете А.Р., Дерюгина А.В. Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., 1965.

Под влиянием вышеуказанных идей был запущен первый крупный интеграционный процесс на территории Латинской Америки, руководство которым осуществляли сами латиноамериканцы. Речь идет о создании в 1819 г. Великой Колумбии, включившей в свой состав территорию современной Колумбии, Венесуэлы, Панамы и Эквадора. У идейных и организационных истоков создания данного государства, просуществовавшего до 1831 г., стоял генерал Симон Боливар, впитавший идеалы философии Просвещения во время своей учебы под руководством известного латиноамериканского просветителя Симона Родригеса. Примерное содержание взглядов Боливара хорошо прослеживается в составленном им «Манифесте из Картахены»: в данном документе идеалы философии Просвещения сочетаются с призывами к революционной борьбе, которая, по мнению его составителя, должна сопровождаться временным ограничением суверенитета народов-участников процесса обретения независимости. Также Симон Боливар выступал за постепенное создание единого латиноамериканского государства федеративного типа по образу США. Но Конгресс в Панаме, проходивший в 1826 г. с целью решения широкого спектра вопросов межгосударственного сотрудничества среди зарождавшихся латиноамериканских стран, определил, что будущее такого сотрудничества должно строиться, в лучшем случае, на конфедеративных началах, отраженных в следующих шести принципах:

1) нейтралитет и сосуществование;
2) признание доктрины Монро;
3) необходимость создания международного суда для разрешения споров между странами Латинской Америки;
4) отмена рабства;
5) признание национального суверенитета друг друга;
6) необходимость разработки гарантий вышеупомянутых принципов[1].

В орбите двух основных вопросов философии интеграции — обретение независимости латиноамериканскими странами и определение путей дальнейшего государственного строительства, развивались и взгляды иных представителей интеллектуальной элиты Латинской Америки того времени: «Поколения 1837» (Хосе Марти, А. Бельо, Хуан Баутиста Альберди, Эчеверриа и т.д.) — не-

[1] Лаврецкий И.Р. Боливар. М., 1981.

формального политического кружка, состоявшего из представителей аргентинской интеллигенции, поставившего перед собой задачу создать программу национального обновления, которая исходила бы из реальных экономических и культурных особенностей страны и отвечала подлинным интересам аргентинского народа; Хосе Мариа Луис Мора в Мексике; Сиприано Хосе де ла Луса Кабальеро на Кубе; Тобиаса Баррето в Бразилии и т.д.

Стоит отметить, что применительно к данному периоду исторического развития Латинской Америки относится становление панамериканизма, в основу которого легла доктрина Монро. Данная доктрина стала результатом выступления пятого президента США Джеймса Монро перед Конгрессом в 1823 г. Ее непосредственным разработчиком выступил тогдашний государственный секретарь США Дж.К. Адамс. В ее основе лежит идея, что национально-освободительные войны, проходившие на территории Нового Света (Северной и Южной Америк), привели к установлению на данных территориях таких систем государственного устройства, которые в большей степени соответствуют прогрессивным идеям человечества, под которыми понималась идеология Просвещения, нежели системы государственного устройства, характерные для империалистических стран Старого Света. В этой связи глубинные идеологические отличия двух сторон миропорядка, старого и нового, провозглашались основой для создания демаркационной линии, призванной обеспечить суверенитет республиканских государств двух Америк. Также данная доктрина была призвана обеспечить интеграционные процессы между странами, расположенными на континентах Нового Света. Следует признать, что на практике идеи панамериканизма способствовали в будущем развитию экономического сотрудничества между США и странами Латинской Америки, но также легли в основу экспансионистской политики Штатов по отношению к своим южным соседям. В более поздние периоды исторического развития доктрина Монро и идеи панамериканизма легли в основу принципов несовместимости и первоочередности, использовавшихся США исключительно для решения собственных геополитических задач[1].

---

[1] Исэров А.А. Общественное мнение и становление внешней политики США в Латинской Америке, 1815–1829. автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2006.

Применительно к интеллектуальному развитию Российской империи в XIX в. зарождавшаяся философия интеграции не имела в качестве своей повестки вопросы обретения политической независимости, но напрямую касалась вопросов государственного строительства в контексте определения культурно-исторического пути развития страны. Определенные факты позволяют нам утверждать, что основной философский диспут, направленный на поиск уникального пути развития Российской империи в контексте сотрудничества с иными странами и общемировой истории, касался определения степени ориентированности политики государства на Западные страны, граничившие с Россией в те годы. В данном контексте наиболее показательными можно считать два направления общественно-политической мысли России XIX в.: западничество и славянофильство.

Первое из вышеуказанных направлений общественно-политической мысли, среди видных сторонников которого можно назвать А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина и некоторых других представителей передовой интеллигенции того времени, воплощало собой наибольшую преемственность ранее изложенных нами концепций, существовавших в российском государстве. Сторонники самобытного пути развития национального государства, славянофилы исходили из необходимости адаптации для развития Российской империи достижений Западной цивилизации, но исключительно в контексте и при главенствующей роли отечественной духовно-культурной специфики, основу которой, по их мнению, составляло православное христианство. В рамках данных идейных установок славянофилы исходили из необходимости освоения духовно-культурного наследия славянских народов и Византийской империи, лежавших у истоков национальной самоидентификации России[1].

Второе из вышеуказанных направлений общественно-политической мысли, среди видных сторонников которого можно назвать В.П. Боткина, М.М. Бахтина, И.С. Тургенева, С.М. Соловьева и т.д., базировалось на концепте, в соответствии с которым признавалась необходимость в преодолении искусственной, по мнению западников, дихотомии «Запад–Россия» в пользу активной инте-

[1] Баранова И.В. Исторические взгляды славянофилов: феномен общественно-политической мысли России середины XIX века и его социокультурные истоки: автореф. дис. … канд. ист. наук. Орел, 2007.

грации российского государства в состав европейского сообщества как части линейного исторического процесса по включению всего разумного человечества в состав Западной цивилизации. Стоит при этом отметить, что взгляды западников вряд ли можно считать пораженческими и антироссийскими. В этой связи наиболее точно отражающим идеи западников высказывании, по нашему мнению, можно считать следующую точку зрения, изложенную Ю.М. Лотманом: «Усвоив европейскую цивилизацию и встав на общий европейский путь, Россия, как неоднократно повторяли представители разных оттенков этого направления, пойдет по нему быстрее и дальше, чем Запад. От Петра до русских марксистов настойчиво проводилась мысль о необходимости “догнать и перегнать”… овладев всеми достижениями западной культуры, Россия, как полагали адепты этих концепций, сохранит глубокое отличие от своего “побежденного учителя”, преодолеет взрывом тот путь, который Запад совершил постепенно и, с точки зрения русского максимализма, — непоследовательно»[1].

Примечательно, что как западничество, так и славянофильство при построении своих философских идей исходило из методологии и мировоззренческих подходов, выработанных классической немецкой философией, в частности — идеализма Фридриха Вильгельма Йозефа фон Шеллинга и романтизма Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Характерным недочетом данных философских течений, по нашему мнению, можно считать практически полное игнорирование восточного вектора развития российского государства в пользу концентрации слишком значительных интеллектуальных усилий на вопросах взаимодействия и одновременно соперничества с Западным миром на духовно-идеологическом уровне.

Необходимо отметить, что подлинная философия интеграции как в Латинской Америке, так и на территории Евразии, составляющей часть российского геополитического проекта, имеет место, начиная с XX в. Именно в это время на смену империям постепенно приходит новая форма кооперации союзных государств, представленная в виде международных организаций, создаваемых на базе геополитической общности участников интеграционных процессов.

Необходимо также отметить, что не менее важной особенностью некоторых интеграционных проектов XX в. как примени-

[1] Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. СПб., 1985.

тельно к Латинской Америке, так и применительно к Евразии, является тот факт, что их создание осуществлялась на базе левых идеологических установок.

В отношении Латинской Америки левые идеи наиболее ярко выразились в философии политического движения под названием боливаризм. У истоков данного направления «левого вектора развития» Латинской Америки находилась небольшая группа молодых офицеров, давших себе название КОМАКАТЕ, под руководством будущего национального лидера Венесуэлы Уго Чавеса. На первоначальном этапе своей интеллектуальной деятельности вышеуказанная группа единомышленников пыталась адаптировать идеи Симона Боливара, историческая фигура которого была избрана революционерами в качестве символа борьбы за справедливое государственное устройство, к жизненным потребностям XX в. и вычленить из работ национального героя Латинской Америки взгляды, которые бы наилучшим образом соответствовали их собственным мировоззренческим позициям[1].

Необходимо также отметить, что формирование левых идей членов КОМАКАТЕ не могло обойтись без осмысления и частичного использования философии марксизма[2].

Применительно к взглядам на международные отношения боливаризм исходит из идеи выстраивания многополярного мира, базирующегося не на основе исключительно капиталистических отношений, но на базе политики взаимопомощи и признания незыблемости любых проявлений государственного суверенитета во внутренних делах стран-участниц интеграционных процессов. Подобные установки, как считают идеологи данного движения, не только не исключают материальной выгоды отдельно взятых государств, но, напротив, приумножают ее за счет слаженных действий всех заинтересованных сторон[3].

---

[1] Бобровников А.В. Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации // Латинская Америка. 2005. № 10.

[2] Морозов И.Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XIX века — начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Саратов, 2010.

[3] В основе изложенных представлений лежат идеалы экономического учения, получившего название Социализм XXI века. Данное экономическое учение, фундамент для которого был разработан немецким исследователем Арно Петерсом, стало программной основой для идей президента Венесуэлы Уго Чавеса. — *Прим. автора*.

Как будет показано нами в дальнейшем, боливаризм не только стал неотъемлемой частью «левого поворота» во многих странах Латинской Америки, но и лег в основу программных документов целого ряда интеграционных проектов данного региона.

В данном контексте примечательно, что революционный процесс развития международного сотрудничества и государственного строительства, по мнению сторонников боливаризма, должен протекать в рамках ненасильственной борьбы, посредством изменения идеологических установок и следующего за этим изменения экономического уклада. В этом его существенное отличие от революционных проектов Латинской Америки, таких как геваризм, фокизм, кастризм и т.д., ставивших своей целью насильственное уничтожение капиталистической системы. Общая же суть левых учений Латинской Америки лежит в неприятии капиталистической модели однополярного мира и отказе от тесного сотрудничества с капиталистическими странами в рамках крупных интеграционных проектов, что, как нам представляется, характерно и для многих идейных установок, существующих на Евразийском континенте. Из данного контекста следует, что многие латиноамериканские левые учения также характеризуются таким явлением, как альтерглобализм, который представляет собой движение за поиск альтернативных неолиберальной глобализации путей, отличных от предлагаемой Западом модели международного развития.

Применительно к исследованию левых идей, легших в основу интеграционных проектов на территории Евразии, нельзя обойти стороной опыт по созданию и функционированию одного из мощнейших межгосударственных образований прошлого века — Союза Советских Социалистических Республик, в основе идеологических установок которого лежал марксизм и интерпретации данного философско-политического учения со стороны представителей советской интеллектуальной элиты. По нашему мнению, в интеграционных проектах советских партийных деятелей можно найти два важных начала: интеграция через революцию и интеграция через объединение экономик различных государств на плановой основе.

Революционная составляющая советского проекта по международной интеграции изначально базируется на теории перманентной революции, которая на внутригосударственном уровне предполагает трансформацию буржуазно-демократической рево-

люции в революцию социалистическую, а на межгосударственном уровне — закрепление идейных установок социалистической революции в масштабах общемирового революционного процесса[1].

Экономическая интеграция советского проекта предполагает постепенное создание мировой социалистической системы хозяйства. Как утверждал еще Карл Маркс, социалистические производственные отношения, базирующиеся на общих для пролетариев различных стран мировоззренческих идеалах коммунизма, неизбежно должны привести к укоренению в международном масштабе отношений равенства, товарищеской взаимопомощи и взаимовыгодного сотрудничества суверенных социалистических государств[2]. Данная точка зрения разделялась и В.И. Лениным, писавшим, что социализм «… создаст новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве...»[3] Советский проект предполагал социалистическое разделение труда на уровне экономик национальных государств, работающих в плановом режиме, что должно стать как следствием, так одновременно и стимулом развития духовной и материальной интеграции социалистических стран. Идеалистическую цель данной интеграции, в контексте экономического развития, можно охарактеризовать как повышение материального благосостояния и культурного уровня народов социалистических стран на основе более полного использования результатов научно-технического прогресса, достижение максимальной эффективности общественного производства, базирующегося на плановой экономической модели. При этом главным методом организации экономического сотрудничества и углубления международного социалистического разделения труда является плановая деятельность стран социалистического лагеря, обеспечивающая, по мнению идеологов Советского Союза, сплочение суверенных социалистических государств, укрепле-

---

[1] В данном контексте примечательны взгляды троцкистов, полагавших, что в случае, если революционное движение вслед за Россией не одержит победы в Европе, то это будет означать поражение мирового революционного движения и ознаменует собой начало пути в направлении постепенной реставрации капитализма. — *Прим. автора*.

[2] Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 2016.

[3] Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 26. М., 1975.

ние обороноспособности и упрочение позиций содружества стран социализма в мировой экономике, равно как и в борьбе за превосходство над капитализмом во всех сферах общественной жизни. Значительная роль в вышеописанном процессе социалистической интеграции отводится межгосударственным союзам и хозяйственным объединениям. В качестве практических примеров такого рода форм международного сотрудничества можно назвать «Интерметалл», «Интерхим», «Агромаш», «СЭВ» и ряд других объединений[1].

Необходимо отметить, что применительно к интеграционным проектам, осуществляемым Российской Федерацией на территории евразийского континента, имеются идеи, альтернативные коммунизму и социализму, но при этом, как и вышеупомянутые учения, исходящие из необходимости противостояния западному миропорядку. В данном контексте одним из наиболее показательных идейных течений можно считать философию евразийства.

Передовыми разработчиками данного направления философско-правовой мысли выступили представители белогвардейской эмиграции первой волны: Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий, а также ряд других философов[2].

Важнейшим импульсом для появления вышеупомянутого движения послужила книга, написанная князем Николаем Сергеевичем Трубецким, под названием «Европа и человечество», вышедшая в 1920 г. в Софии. В данной работе автор, руководствуясь диалектическим методом Фридриха Вильгельма Гегеля, кардинально противопоставляет интересы Западной цивилизации интересам всего остального мира, по мнению данного философа, исторически призванного объединиться перед лицом всеобъемлющего «кошмара европеизации», отстояв единым фронтом свои права на национальную самобытность и государственный суверенитет[3].

Наиболее значимые и известные работы основоположников евразийства получили свое материальное воплощение в восьми

---

[1] Иваненко С.В. Экономический механизм социалистической интеграции: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 1984.

[2] Широков О.С. Исход к Востоку. Философия евразийства. М., 2008.

[3] Струков К.В. Идея космополитизма европейской культуры в книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечества» // Политика, государство и право. 2014. № 9.

«евразийских сборниках»: «Исход к Востоку. Утверждение евразийцев. Предчувствия и свершения. Книга 1» (1921 г., София); «На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2» (1922 г., Берлин); «Россия и Латинство. Сборник статей» (1923 г., Берлин); «Евразийский временник. Книга третья» (1923 г., Берлин); «Евразийский временник. Книга четвертая» (1925 г., Париж); «Евразийский временник. Книга пятая» (1927 г., Париж); «Евразийский Сборник. Книга шестая. Политика, философия, россиеведение» (1929 г., Прага); «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга седьмая» (1931 г., Париж)[1].

Важной особенностью данного направления философской мысли является четкое провозглашение необходимости выстраивания тесного интеграционного сотрудничества с восточными странами евразийского континента. Евразийцы первыми открыто заявили о положительном, по их мнению, характере данного сотрудничества, выдвинули концепцию преемственности российского государства империи Чингисхана; по аналогии со взглядами Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, они пытались представить российское государство в качестве самобытной цивилизации, способной мирным путем объединить восточные страны в рамках единого интеграционного процесса[2]. Отсюда же, по их мнению, следуют и антагонистические противоречия России с Западным миром, под влиянием идей и проблем которого Россия была втянута в череду вооруженных конфликтов и состояние гражданской войны. Применительно к евразийской интеграции на экономическом уровне евразийцы считали принципиально важным развитие сухопутных торговых путей и сопутствующей инфраструктуры, которые, в плане своего потенциала, могли бы быть противопоставлены экономике морских держав[3].

Нельзя не отметить, ввиду несомненной значимости нижеизложенного утверждения для понимания сути философских аспектов евразийской интеграции, того факта, что существенное дополнение идей классиков евразийства произошло в результате дея-

---

[1] Вахитов Р.Р. Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией. Официальный сайт интернет-библиотеки Nevmenandr.net. URL: http://nevmenandr.net.

[2] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

[3] Савицкий П.Н. Степь и оседлость. Официальный сайт интернет-библиотеки Nevmenandr.net. URL: http://nevmenandr.net.

тельности А.Г. Дугина. Среди работ, посвященных данной проблематике, можно назвать: «Основы геополитики»[1], «Основы Евразийства»[2], «Мистерии Евразии»[3]. Отличительная особенность взглядов А.Г. Дугина, отличная от классического евразийства, заключается в дифференцированном подходе к рассмотрению Западной цивилизации, в рамках которой философ выделяет атлантическую (США и Великобритания) и континентальную (материковая Европа) части. Континентальная часть Западного мира рассматривается в качестве геополитически нейтрального по отношению к российским интеграционным проектам явлением, которое, при определенных обстоятельствах, способно стать явлением положительным и активно участвовать в процессе развития континентальной экономики. При этом, в рамках дихотомии «суша–море», категорически отрицается возможность создания взаимовыгодных интеграционных проектов с англо-саксонскими странами, обладающими исключительно эгоцентристскими геополитическими устремлениями, направленными на развитие успеха «холодной войны» с целью построения однополярного миропорядка. В экономическом контексте находит дополнительное осмысление идея построения «континентальной экономики», базирующейся на следующих принципах:

1) сочетание государственного регулирования экономических процессов со свободой рыночной экономикой;
2) признания прямой зависимости степени развития экономики от степени развития духовно-культурной надстройки общества;
3) регионализация экономики с учетом культурно-исторических и географических особенностей каждой местности, с последующим выстраиванием единого и взаимовыгодного экономического пространства, доступного всем участникам рыночных отношений[4].

Говоря о позициях лидеров основных стран-участниц евразийского интеграционного проекта, следует сказать, что они были оформлены в последовательно вышедших статьях российской газеты «Известия»: «Новый интеграционный проект для Евразии —

---

[1] Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1997.
[2] Дугин А.Г. Основы Евразийства. М., 2002.
[3] Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1996.
[4] Дугин А.Г. Философия Политики. М., 2004.

будущее, которое рождается сегодня» под авторством В.В. Путина[1]; «О судьбах нашей интеграции» под авторством А.Г. Лукашенко[2]; «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» под авторством Н.А. Назарбаева[3]. Примечательно, что основные идеи авторов настоящих статей являются схожими. Во главе угла евразийской интеграции ставится эффективное межгосударственное экономическое сотрудничество, построение которого во имя материального благополучия граждан стран-участниц возможно благодаря их многолетнему культурно-историческому взаимодействию. Важно также отметить, что значительное внимание в указанных статьях уделяется вопросу о необходимости и целесообразности углубления взаимовыгодного сотрудничества стран-участниц «евразийского проекта» с Европейским союзом и многими государствами АТР; обозначаются контуры возможного лозунга построения единого экономического пространства: «от Лиссабона до Владивостока». Немаловажно, на наш взгляд, что авторы статей поднимают вопрос об утрате системой однополярного мира элементов справедливости и актуальности, а также вопрос о необходимости ее замены многополярной системой мироустройства, способной объективно отразить реалии XXI в.

Следует при этом отметить, что как в странах Латинской Америки, так и в Евразии применительно к философии интеграции имеется часть интеллектуальной элиты, стоящей исключительно на началах капиталистических ценностей и необходимости тесного сотрудничества преимущественно с Западным миром в рамках единых интеграционных проектов.

В Латинской Америке к числу данной плеяды мыслителей и политических деятелей можно отнести: Артуро Фонтейна Адуланте, Эрнандо де Сото, Карлоса Сауля Менемы, Доминго Фелипе Кавальо и т.д.[4]

---

[1] Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.

[2] Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 окт.

[3] Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.

[4] Мальцева С.Е. Взаимосвязь политики и экономики в либеральной политической мысли Латинской Америки конца XX века: на примере трудов мыслителей Чили, Перу и Аргентины: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2008.

В рамках стран-участниц евразийского интеграционного проекта, осуществляемого на постсоветской территории, к таковым можно отнести общественных деятелей 1990-х гг.: Е.Г. Гайдар, Б.Е. Немцов, Г.А. Явлинский, А.Б. Чубайс и т.д. в России; А.К. Бисенбаев в Казахстане; С.В. Гайдукевич в Белоруссии и т.д.[1]

Отражение идеологических установок в латиноамериканских и евразийских интеграционных проектах. Первым крупным и успешным интеграционным проектом на территории Латинской Америки, по нашему мнению, можно считать создание Андского сообщества наций (или Андское сообщество), основанное на общности экономических интересов и духовно-культурного развития (постоянные члены — Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу, бывшие постоянные члены — Чили и Венесуэла). Правовой фундамент данного интеграционного сообщества составило Соглашение о субрегиональной андской интеграции «Картахенское соглашение» (1969 г.). Само название фундаментального документа Андского сообщества наций отсылает нас к работам Симона Боливара. Как следует из данного документа, основная задача Андского сообщества — обеспечение суверенитета и благополучия латиноамериканских наций. В данном контексте Андское сообщество наций в качестве идеологического концепта можно считать логическим развитием тех идейных установок, которые имели место в годы провозглашения независимости Латинской Америки от иностранного влияния. В частности Андское сообщество наций представляет собой один из первых интеграционных проектов, который является попыткой ограничения негативных аспектов деятельности западных транснациональных корпораций посредством системного введения ограничительных мер экономического характера в отношении их функционирования (определение максимального размера чистой прибыли от деятельности ТНК, который ежегодно можно выводить за границу; закрепление обязательной передачи части акций/долей организации, учреждаемой иностранными инвесторами, в собственность государства, на территории которого функционирует такая организация; таможенные ограничения для иностранных товаров; запрет для иностранных инвесторов заниматься определенными видами предприниматель-

[1] Барис В.В. Тенденции и перспективы геополитического развития России на рубеже веков: автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2003.

ской деятельности на территории стран-участниц данного сообщества и т.д.)[1].

На аналогичных по своей идеологической основе началах базируется и Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ), являющаяся правопреемницей другого крупного интеграционного проекта, основой которого было создание общего свободного рынка — Латиноамериканской ассоциации свободной торговли. ЛАИ включает тринадцать стран латиноамериканского региона. Правовой фундамент данного интеграционного сообщества составил договор Монтевидео-2 (1980 г.). В основу данного интеграционного образования легла система преференциальной торговли, направленной на импортозамещение и взаимовыгодное экономическое развитие латиноамериканских стран-участниц ЛАИ, посредством установки справедливых тарифов и предоставление торговых преференций[2].

Идея общего рынка на территории Латинской Америки получила свое воплощение в организации МЕРКОСУР, представляющей собой торговый союз стран Латинской Америки[3], созданный на основе соглашения Бразилии и Аргентины 1985 г. и получившей свое развитие в Асунсьонском договоре от 1991 г. Данный договор закрепил весьма категоричный подход к проблеме регионального развития, который предполагает в качестве основного стимула экономического роста развитие единого регионального рынка, увеличение его емкости, в том числе в результате снижения барьеров входа на него иностранных участников. При этом основным приоритетом формирования единого рынка являлось соблюдение принципа конкуренции как фактора эффективности распределения региональных ресурсов. В договоре отдельно указывалось на осознание странами-участниками глобальной тенденции «консолидации крупных международных экономических пространств» и формулировалась задача эффективного включения стран в международную цепочку создания ценности. В отличие от

---

[1] Евдокимов Л.В. Интеграционные процессы в андском регионе Латинской Америки: политический аспект: автореф. дис. … канд. полит. наук. СПб., 2012.

[2] Ефремова Н.А. Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 2010.

[3] Постоянные члены: Бразилия, Аргентина, Уругвай, Венесуэла. — *Прим. автора*.

других концепций, определяющих в качестве основного стимула регионального роста организованные коллективные действия стран (в частности, реализацию совместных проектов, программ), модель МЕРКОСУР предполагала минимальное использование государственных рычагов, исключала необходимость взаимодействия стран по вопросам, не относящимся к реализации мероприятий по созданию единого рынка. Таким образом, на идейном уровне, МЕРКОСУР представляет собой сочетание концепта «открытого регионализма» (нацеленного на сотрудничество с иными государствами и привлечением иностранных инвестиций на основе свободных рыночных отношений либерального толка) и концепта «самодостаточного регионализма», предполагающего, что фундаментальной основой будущего латиноамериканских стран является общий свободный рынок, построенный на взаимовыгодных и равных партнерских отношениях его участников[1].

Дальнейшее развитие общего рынка привело к более тесному политическому и идейно-культурному взаимодействию латиноамериканских стран, что в конечном итоге выразилось в создании на базе МЕРКОСУР и Андского сообщества организации под названием Союз южноамериканских наций (УНАСУР). Основополагающий документ данной организации, Декларация Куско, закрепил, что факт создания УНАСУР отражает стремление народов Латинской Америки к интеграции, единству и строительству общего будущего. Планируется, что первое время данное сообщество будет развиваться путем политической координации действий стран-участниц, а в будущем должны быть созданы общеамериканские институты государственного управления, что является прямым отражением идей независимости и построения латиноамериканской федерации.

Следует при этом отметить, что развитие латиноамериканских интеграционных проектов во многом повторяет путь, пройденный Европейским союзом. Идеи создания межгосударственных органов управления (парламентов, судов, координационных советов и т.д.), таможенного союза, зон свободной торговли, общего свободного рынка, построенного на либерально-демократических принципах функционирования, закрепления незыблемости демократических ценностей, первоначально имели место в рамках Ма-

[1] Кошкуль Д.В. Интеграционный компромисс стран южного конуса // Вестник Финансового университета. 2015. № 3.

астрихтского договора. Таким образом, можно констатировать, что либерально-демократические установки нашли свое отражение во всех интеграционных проектах, осуществлявшихся странами Латинской Америки. Кроме того, некоторые интеграционные процессы имеют ярко выраженный панамериканский контекст.

Среди таковых организаций можно назвать Панамериканский союз, на базе которого в 1948 г. на 9-й Межамериканской конференции в Боготе (Колумбия) была учреждена Организация Американских государств (ОАГ). Устав ОАГ является прямым отражением либеральных идеологических установок. В его преамбуле закреплено, что историческая миссия американских государств заключается в предоставлении человеку свободы и благоприятных условий для развития его личности и осуществления его справедливых стремлений, представляющих собой непременное условие стабильности на территории Северной и Южной Америки. В этой связи провозглашается, что цель создания данной организации странами-учредителями направлена на достижение мира и справедливости, укрепление их солидарности и сотрудничества, защиты их суверенитета, территориальной целостности и независимости. Среди принципов функционирования данной организации провозглашены: принцип солидарности в деятельности стран-участниц ОАГ, уважение прав государств-участниц ОАГ, незыблемость норм международного права, принцип невмешательства во внутренние дела государств-участниц ОАГ, неукоснительность соблюдения ими взятых на себя обязательств, взаимное доверие и т.д. Кроме того, большое значение для интеграции между США и странами Латинской Америки играют двухсторонние экономические соглашения между США и странами Латинской Америки о создании зон свободной торговли, осуществлении преференциальной политики в некоторых сферах торговли.

Бесспорно, панамериканизм привел ко многим положительным явлениям в странах Латинской Америки. Многочисленные соглашения в области интеграции между США и странами Латинской Америки позволили увеличить товарооборот между данными странами, установить обоюдовыгодные таможенные тарифы на многие виды товаров, привлечь иностранные инвестиции для развития экономик латиноамериканских государств, созданы многие научно-исследовательские и правозащитные организации. Однако помимо развития товарооборота и, как следствие, экономического

потенциала латиноамериканских государств, деятельность ОАГ привела и к ряду негативных событий мировой истории. Это было связано с неоимпериалистической политикой Соединенных Штатов Америки, нередко использовавших экономические и иные рычаги давления для принятия односторонних по своему характеру и выгодных только лишь для США решений, нередко спорных с точки зрения международного права. Среди таковых действий можно назвать: военная интервенция США в Гватемалу (1954 г.); исключение из ОАГ Кубы и коллективное введение экономических санкций против данной страны (1962–1964 гг.); военная интервенция США в Доминиканскую республику (1965 г.) и т.д.[1]

В связи с вышеизложенным необходимо констатировать, что такие идейные явления латиноамериканской действительности, как конкиста, национально-освободительная борьба, «левый поворот», альтерглобализм и другие проявления сопротивления западной экспансии наложили неизгладимый отпечаток на сущность интеграционных проектов Латинской Америки, не позволяющий странам данного региона стать приверженцами однополярной картины мироустройства и служащий причиной постоянного развития национального самосознания и взаимного сотрудничества латиноамериканских государств в отрыве от идей панамериканизма в их западной трактовке.

Наиболее радикальной по отношению к панамериканизму и построению однополярного миропорядка организацией можно считать «Боливарианский альянс для народов нашей Америки» (АЛБА), созданный в 2009 г. и объединяющий страны Латинской Америки на началах боливаризма, социализма и альтерглобализма. Идейной основой АЛБА также является латиноамериканский национализм, который ассоциируется с противостоянием США, политической левизной и мобилизацией низших слоев общества[2].

Следует констатировать, что влияние западных либеральных идей на интеграционные проекты, организуемые на территории

---

[1] Касаткина Е.А. Роль Организации американских государств в антикубинской политике США в 1960-е — 1970-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9.

[2] Подгусков В.Н. Механизмы формирования и технологии освоения интеграционных пространств в условиях глобализации: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2010.

Евразии со стороны Российской Федерации, вне всяких сомнений, тоже достаточно велико. Это проявляется не только в копировании органов управления, существующих в рамках интеграционных проектов, специфики их функционирования, первоначального построения межгосударственной интеграции на началах торговых и таможенных союзов, но и в идейных установках Западного мира, получающих отражение в базовых документах таких объединений.

В частности, данные установки имели место при создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Среди идей, составивших идеологическую основу Соглашения 1991 г. о создании СНГ, прямо упомянуты: построение демократических правовых государств, признание и соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, государственный суверенитет, право народов на самоопределение и т.д. В то же время данный документ констатирует наличие культурно-исторической общности между народами, проживающими на территории стран, бывших членов СССР, что, по мнению его разработчиков и подписантов, должно стать фундаментом системы международных отношений[1].

Аналогичные тенденции прослеживаются и в иных интеграционных проектах и регулирующих их реализацию нормативных правовых актах. В частности, на пути к построению общего рынка между странами, бывшими участницами СССР, был подписан целый ряд международных договоров (Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 06.01.1995 г. «О таможенном союзе»; Соглашение стран СНГ от 20.01.1995 г. «О таможенном союзе»; «Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве» от 26.02.1999 г. и т.д.), в которых идеи развития общего сотрудничества на основе культурно-исторического единства и с учетом западных либерального-демократических ценностей, нашли прямое отражение.

На аналогичных идеологических установках базируется и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), выступающее в качестве логического продолжения развития идеи таможенного

[1] Михайленко А.Н. Становление и развитие Содружества Независимых Государств: политический анализ: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2003.

союза и общего рынка и учрежденное в 2000 г., ознаменовав собой продолжение интеграционных процессов на постсоветском пространстве, направленных на совершенствование континентальной экономики и воплощение концепции многополярной картины мироустройства.

Несколько более радикально в данном контексте выглядит Евразийский экономический союз (ЕАЭС), на настоящий момент представляющий собой апофеоз евразийского интеграционного проекта, осуществляемого со стороны Российской Федерации. В Договоре о создании ЕАЭС от 2014 г., который послужил юридической основой для учреждения данного интеграционного объединения, отражены следующие идеи: национального суверенитета, равноправия, соблюдения национальных интересов, признания многополярного мироустройства как наиболее справедливого, культурно-исторической общности стран-участниц ЕАЭС, экономически взаимовыгодного, равноправного сотрудничества и т.д. При этом в документе подчеркивалось, что превалирующее значение для данного проекта играет стремление стран-участниц ЕАЭС укрепить собственную экономику за счет развития идеи общего рынка на евразийском континентальном пространстве[1].

Вышеизложенный анализ позволяет нам сделать ряд выводов общего характера.

1. Как для евразийской интеграции на территории постсоветского пространства, так и для латиноамериканской интеграции характерно сильное влияние Западного мира, проявлявшееся, с одной стороны, в тесном сотрудничестве со странами Северной Америки и Европы по самому широкому спектру вопросов (экономических, политических, духовно-культурных и т.д.), а с другой стороны — в противостоянии различным формам экспансии, к которым прибегали западные партнеры.
2. Интеграционные проекты на территории Латинской Америки и Евразии строятся на либеральных концептах экономического сотрудничества, создания зон свободной торговли, общего рынка, протекционистской тарифной политике, копировании системы органов управления, характер-

[1] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2014.

ных для интеграционного процесса, протекавшего в процессе становления Европейского союза.

3. Наряду с экономическими аспектами интеграционных процессов на территории стран Евразии и Латинской Америки их основой служит единство стран-партнеров по многим вопросам культурно-исторического характера.
4. Для идейного развития стран Латинской Америки большое значение играет национально-освободительное движение, борьба за независимость латиноамериканских народов от западной агрессии, что находит прямое отражение во многих идейных течениях (боливаризм, кастризм, социализм, фокизм, альтерглобазим и т.д.), получивших свое развитие в рамках конкретных интеграционных проектов (АЛБА, Андское сообщество и т.д.).
5. Для идейного развития интеграционных проектов, осуществляемых под эгидой Российской Федерации, большое значение играет проблема дихотомии «Восток–Запад», вопросы четкой формулировки и отстаивания национальных интересов стран-участниц интеграционных проектов.
6. Экспансионистские устремления Западных стран являются фактором, удерживающим на идейном уровне страны Латинской Америки и Евразии от принятия неоимпериалистической мировоззренческой установки Соединенных Штатов Америки, при которой интересы данных стран будут сильно ущемлены, и одновременно служат мощным стимулом для активизации процессов международного сотрудничества, базирующихся на паритетных и взаимовыгодных началах.

РАЗДЕЛ 3. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Глава 8
Взаимовлияние глобализации, интеграции, трансформации государств и их конституций

(Барбоса Рамос П.Р., Баррос Пинейру Р.)

Термин «глобализация», который употребляется столь активно в настоящее время, впервые появился в 1980-е гг. на факультетах Государственного управления США, он относился к стратегиям транснациональных корпораций, в сфере чьих интересов лежала экспансия на рынки всего мира. В настоящее время глобализация приобрела много оттенков, что позволяет описывать ею практически все сферы жизни[1].

В своей синтетической форме глобализация — это экономический, политический и культурный феномен, который напрямую влияет на государство как на главный локомотив и гаранта основных прав, закрепленных в конституциях и договорах[2].

Сложно определить точный момент начала процесса глобализации, поскольку речь в данном случае идет о сложном историческом процессе, новые формы экономической и политической жизни причудливым образом переплетаются со старыми, связывая будущее и прошлое[3].

Э. Морин утверждает, что глобализация началась во время Великих географических открытий, всемерного доминирования и экспансии Западной цивилизации на всей планете[4]. При этом сформировались две оси глобализации, которые во многом противопоставлены друг другу. Первая ось глобализации основывается на порабощении

---

[1] Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003.

[2] Arnould A-J. O Direito entre Modernidade e Globalização: lições de Filosofia do direito e do Estado. — Rio de Janeiro: Renovar, 1999.

[3] Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003.

[4] Morin E. As Duas Globalizações: complexidade e comunicação, uma pedagogia do presente. 2. ed. — Porto Alegre: Sulina / Edipucrs, 2002.

завоеванных народов и цивилизаций, от чего мир начал отходить в XX в., когда на всей планете начались освободительные войны. Позже, с началом процесса деколонизации ранее угнетенных народов, протекала одновременно с экономическим доминированием США. Вторая ось глобализации противопоставлена первой, поскольку она связана с культурными процессами в странах Запада, с рождением просветительских идей и появлением понимания необходимости уважительного отношения к другим культурам.

Глобализация — это новый, по историческим меркам, процесс, он сопровождает капитализм с момента его появления, разница заключается только в интенсивности курса на глобализацию в тот или иной исторический период[1]. Этот процесс имеет прямое влияние на жизнь обычных людей, например, когда они едят продукты, привезенные с других континентов, пользуются иностранными технологиями; на жителей одних стран влияет кризис, начавшийся в других странах, поскольку финансовый сектор экономики имеет колоссальное влияние на реальный сектор.

Глобализация должна пониматься как революционный процесс, который, однако, в целом развивается медленно и постепенно, но в некоторые эпохи ускоряется. В настоящий момент процесс глобализации не окончен, равно как и процесс развития капитализма[2].

В современный период главной характеристикой процесса глобализации становится связь ранее независящих друг от друга частей земного шара: «также необходимо отметить, что мир становится все более соединенным в том смысле, что каждый регион становится частью всего мира во всем его многообразии. И соответственно, глобальный мир находится в каждой его части»[3].

Процесс глобализации оказывает влияние на все сферы жизни общества. Это основа, на которой строятся связи между странами планеты, характеризуемые наличием политической, экономической и культурной интеграции. Технологический прогресс, наложенный на все возрастающую взаимозависимость стран, а также переос-

---

[1] Aguillar F.H. Direito Econômico: do Direito nacional ao Direito Supranacional. 3. ed. — São Paulo: Atlas, 2012.

[2] Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003.

[3] Morin E. As Duas Globalizações: complexidade e comunicação, uma pedagogia do presente. 2. ed. — Porto Alegre: Sulina / Edipucrs, 2002. P. 46.

мышление ключевых основ государства — территории, суверенитета и населения — являются инструментариями этого процесса[1].

По словам А. Барбосы «феномен глобализации влечет за собой взаимодействие национальных государств и их частей, существенно меняя их форму взаимоотношений без уничтожения их идентичности»[2]. Это выражается в политическом, экономическом и культурном плане, позволяет ускорить перемещение капитала, товаров, информации и идеологий.

Так, нынешний исторический период является подходящим для усиления внимания к вопросам права, поскольку основные моральные принципы в общемировом контексте универсализируются. К примеру, из-за особенностей систем производства повышается внимание потребителей к вопросам детского труда, международные правозащитные организации занимаются вопросами нарушений прав человека, в частности вопросами пыток, экологи защищают окружающую среду вне зависимости от территориальной принадлежности[3].

Как отмечает З. Бауман, в глобализирующемся мире расстояния имеют все меньше значения, географическая удаленность становится все менее актуальной, уменьшается значение и других барьеров, государственные границы и культурные преграды стираются из-за ускорения процессов глобализации[4].

Говоря об изменениях в понимании географического пространства, Бауман добавляет, что само по себе оно осталось таким же, но изменилось его восприятие человеком, оно перестало восприниматься как ограничитель. Переосмысление произошло благодаря техническому прогрессу и ускорению скорости перемещения.

В схожей линии рассуждения Сантос рассматривает глобализацию как вопрос совместного проживания на планете, который связан не только и не столько с деятельностью индивидов, а в первую очередь с политическими процессами. Согласно Сантосу,

---

[1] Piovesan F. (Coord.). Direitos Humanos, Globalização e Integração Regional: desafios do direito constitucional internacional. — São Paulo: Marx Limonad, 2002. P. 39.

[2] Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003. P. 7.

[3] Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003. P. 7.

[4] Bauman Z. Globalização: as Consequências Humanas. — Rio de Janeiro: Jorge Zahar Editor, 1999.

нет такого участка планеты, где не было бы политического влияния, любая точка земного шара представляет интерес с точки зрения влияния, потребностей или использования государством или компанией.

А.Ж. Арну систематизирует условия, необходимые для характеристики процесса глобализации: перемещение экономической деятельности между странами; развитие рынков капитала, не имеющих связи с деятельностью стран, растущую роль транснациональных корпораций, усиленную увеличением их политического веса, помимо экономических возможностей; важность экономических соглашений между экономическими интеграционными группировками; структурные изменения, связанные с уменьшением роли государства и усилением рыночных структур и механизмов в определении национального экономического курса; гегемония неолиберальной идеологии в вопросе экономических отношений; свободный рынок и международная торговля, уменьшение направляющей и регулирующей роли государства; тенденция к всемерной защите прав человека — связующее звено в международных отношениях в политической части; появление наднациональных и транснациональных акторов, которые занимаются вопросами демократии и защиты прав человека[1].

В этом плане З. Бауман придает информационному фактору способность катализировать изменения, имея в виду то, что информация распространяется так быстро, что существует независимо от своих носителей, от географического пространства и от каких-либо других сил. Согласно Бауману, эта новая реальность, возникшая вместе с появлением киберпространства, характерна для мировых компьютерных сетей и требует от акторов приспосабливаться к актуальным техническим стандартам, которые активно развиваются и требуют все больше ресурсов на соответствие последним стандартам.

Среди общих характеристик процесса глобализации можно выделить в первую очередь следующие преимущества: ожидания работников в получении дополнительных выгод от участия в международных потоках капитала, людей, товаров и услуг; большая прозрачность в получении информации о государственном управлении и общественном контроле, поскольку практически момен-

[1] Arnould A.-J. O Direito entre Modernidade e Globalização: lições de Filosofia do direito e do Estado. — Rio de Janeiro: Renovar, 1999.

тально становится известно о нарушении прав человека и угрозы демократии; распространение технологий в разных регионах мира, что упрощает информационный, денежный и человеческий обмен, зависящий от формы использования этих ресурсов.

В противовес скорости развития рынков во всех государствах также возникают опасения распространения виртуальных преступлений, учитывая отсутствие эффективных способов контроля над действиями в Интернете. Известно, что он используется в том числе и продавцами оружия и наркотиков, которые законно не могут существовать ни на внутригосударственной, ни на международной и трансграничной арене. Речь идет о новом явлении, которое не имеет привычной структуры.

Современные международные преступления представляют собой тщательно спланированные акции, участники которых рассеяны по миру, что угрожает нескольким государствам одновременно. Речь идет о таких проблемах, как секс-туризм, возрождение рабства, отмывание денег, полученных преступным путем, распространение бесчеловечного обращения с людьми, организованная преступность и этническая мафия, наркотрафик и незаконная продажа оружия, незаконный перевоз нелегальных мигрантов, детей и женщин[1].

Для значительной части государств глобализация является «фабрикой пороков», поскольку ведет за собой такие проблемы, как рост безработицы, увеличение бедности, голода и ухудшение жилищных условий, уменьшение средних зарплат, распространение новых заболеваний, возвращение ранее побежденных болезней, сохранение детской смертности несмотря на достижения в медицине, отсутствие доступа к качественному образованию, моральное и духовное разложение[2].

Ц. Фуртадо строит образ экономической формации глобализованного мира с основой на трех важных условиях: на расширении горизонта возможностей в технологиях, на относительном увеличении части населения с новыми стандартами потребления и на взаимозависимости рынков. Эти три условия представляют собой аспекты единого исторического процесса. Глобализация рынков установится в мире независимо от политики государств.

---

[1]Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003.

[2] Santos M. Por uma Outra Globalização: do Pensamento Único à Consciência Universal. — Rio de Janeiro: Record, 2006.

В этом плане глобализация похожа на технологический императив, который запустил промышленную революцию[1].

В этом ключе многие исследователи считают процесс глобализации неизбежным, считают глобализацию чем-то, с чем государствам придется уживаться, разрабатывать стратегии выживания на фоне увеличения количества центров силы. Таким образом, А.Ж. Арну утверждает, что глобализация кажется неизбежной и непобедимой и государства начали искать в ней плюсы. Первый эффект глобализации — это разделение мира на тех, кто с разной степенью эффективности встраивается в глобализационные процессы, соглашается с ними и привыкает к ним, и на тех, кто противится данному процессу. Их начинают характеризовать как слепых фанатиков и безответственных ретроградов[2].

Как отмечает Э. Морин, глобализация в первую очередь проявляется в экономике, через которую опосредованно влияет на другие сферы жизни[3].

М. Сантос классифицирует отношения между экономикой и глобализацией, отмечает, что в настоящий исторический момент системы производства фрагментированы, существует политические единицы, не связанные с государствами и наднациональными институтами[4].

Профессор европейского права Ф.Б. Калльехон отмечает, что национальные государства имеют тенденцию к снятию барьеров, а новые властные течения могут нести угрозу установленным конституционным строям. Таким образом, власть не ограничивается только конституцией, поскольку конституция, хотя и является ядром любого национального права, в глобализованном мире занимает только промежуточное положение[5].

Согласно З. Бауману феномен ослабления национальных государств проявляется из-за инноваций и агрессивного развития киберпространства, и вместе с этим исключается возможность ка-

---

[1] Furtado C. O Capitalismo Global. — São Paulo: Paz e Terra, 1998.

[2] Arnould A.-J. O Direito entre Modernidade e Globalização: lições de Filosofia do direito e do Estado. — Rio de Janeiro: Renovar, 1999.

[3] Morin E. As Duas Globalizações: complexidade e comunicação, uma pedagogia do presente. 2. ed. Porto Alegre: Sulina / Edipucrs, 2002.

[4] Santos M. Por uma Outra Globalização: do Pensamento Único à Consciência Universal. — Rio de Janeiro: Record, 2006.

[5] Balaguer F.C.. Federalismo e Integração Supranacional. In: Ramos P.R.B. (Org.). Constituição e Federalismo no Mundo Globalizado. — São Luís: EDUFMA, 2011.

кого-либо сопротивления этим тенденциям или сомнения в них: «Детерриториализация власти идет рука об руку с все более серьезным структурированием самой территории»[1].

В этом контексте С. Кассессе отмечает, что государства не являются главными акторами в политическом аспекте международных отношений, поскольку вместе с ними на это поле выходят и транснациональные корпорации[2]. Согласно его собственным исследованиям, среди ста крупнейших экономических акторов в мире 51 корпорация и 49 государств. Объем операций корпорации General Motors превышает размер экономики таких стран, как Саудовская Аравия, Польша и Турция, а стоимость корпорации Nokia в 2000 г. превышала ВВП Финляндии в два раза.

В отношении уменьшения важности власти и суверенитета национальных государств необходимо отметить, что эти эффекты явственнее всего проявляются в первую очередь в странах третьего мира, чьи экономики в значительной степени подвержены региональным кризисам, которые ставят под угрозу оптимальное распределение капитала внутри страны. Арну отмечает также, что глобализация имеет негативные эффекты на рабочий класс, в первую очередь из-за тенденции к перемещению производств, где нужны низкоквалифицированные работники в те регионы, где ниже средняя заработная плата, что повышает безработицу в других регионах. В этом отношении Бауман подчеркивает сложность перехода к балансу в государственном контроле, учитывая, что границы между национальным и мировым рынком стираются все сильнее.

Таким образом, отмечается ослабление тех сил, которые в прошлом влияли на динамику экономических систем, у которых Фуртадо отмечает способность удерживать власть и гармонизировать общество[3]. Примером сил, которые гарантируют баланс в обществе, могут стать массовые рабочие движения времен промышленной революции, через массовые акции добивавшиеся увеличения зарплат, требуя введения протекционистских мер в экономике от государств для защиты интересов своих внутренних рынков.

Глобализация размывает роль таких сил, поскольку по мере транснационализации компании они все больше ориентируются

---

[1] Bauman Z. Globalização: as Consequências Humanas. — Rio de Janeiro: Jorge Zahar Editor, 1999. P. 2.

[2] Cassesse S. La Globalización Jurídica. — Madri: Marcial Pons, 2006.

[3] Furtado C. O Capitalismo Global. — São Paulo: Paz e Terra, 1998.

на внешние рынки в попытках избежать регулирующие механизмы своего государства. Таким образом, бизнесмены в целом стремятся избавиться от контроля государственных ведомств.

Говоря о динамике сил, которые усложняют деятельность властных органов в рамках глобализующегося мира, Бауман отмечает, что идея глобализации явно соотносится с «неизвестными силами» из теории фон Вригта, которые действуют на «нейтральной территории», находящейся вне зоны досягаемости кого-либо.

Таким образом, механизмы поддержки системы власти национальных государств в настоящее время очевидно ослаблены, находятся в стагнации и организованные массы работников, а в пользу ТНК говорят их инновационные технологии, которые влияют на баланс отношений с властью.

В момент неопределенности, который вызывает глобализация, влияние переходит тем акторам, которые способны лучше воспользоваться неопределенностью, чтобы влиять на бюрократическую организацию государства. Согласно исследованиям, концепция национальных государств находится в упадке, поскольку размывается под действием транснациональных, иностранных сил, а внешние векторы развития влияют непредсказуемо, не всегда очевидно, и их сложно спрогнозировать. Эти факторы обуславливают создание новой парадигмы, учитывающую новую реальность, в которой власть государств уменьшается, и невозможно говорить о том, что «они держат все под контролем».

Согласно Ц. Фуртадо[1] признаки недостатка контроля традиционных властных структур в эпоху глобализации следующие: уменьшение управляемости со стороны государства крупнейших экономик, что объясняется переходом капитала в США в виде инвестиций; появление ЕС по инициативе Франции изначально для экономического вовлечения Германии, что потом трансформировалось в организацию, где государства уступают национальные интересы общеблоковым; гегемония государств АТР в плане производственной дисциплины и невысоких зарплат; и, наконец, либерализаия экономик стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Ц. Фуртадо выделяет характерные черты государственной власти на фоне глобализации: неизбежность интеграционных процессов в Восточной Европе, даже при неполном выполнении це-

[1] Furtado C. O Capitalismo Global. — São Paulo: Paz e Terra, 1998.

лей соглашений; передача наднациональным органам власти больших полномочий по принятию решений и формированию экономической политики, а национальные государства концентрируют внимание и усилия на вопросах социальной сферы.

Государство имеет все меньше рычагов контроля своей национальной экономики и валюты. В этом контексте Арну утверждает, что традиционные формы регулирования экономики более не являются эффективными, правовые механизмы больше не имеют тех возможностей обеспечения контроля функционирования институтов. Соответственно, конституционное право как вид правовой науки сталкивается с серьезными трудностями, и необходимо пересмотреть ее основы в настоящий исторический момент.

Ф. Балагер характеризует нынешнюю эпоху как время, когда исследователи пытаются постичь новые реалии, имея в своем распоряжении инструментарий, созданный более двухсот лет назад, который мало менялся на протяжении поколений и функционально, и методологически[1].

Разночтения особенно заметны в традиционных определениях государства и конституции. В случае государства в настоящее время речь идет об институте, который находится в стадии серьезных изменений, затрудняющих исследования уже на протяжении многих лет, и представляет собой только часть политической власти, которая действует на общество, поскольку параллельно отмечается наличие других институтов, влияющих на общество. Относительно определения конституции необходимо иметь в виду, что оно тесно связано с понятием национального государства, гарантирует права и регулирует деятельность политической власти демократическими, плюралистичными и ответственными методами. При этом глобализация и тенденция к передаче части суверенитета наднациональным структурам создает необходимость переосмысления концептов демократии, формирования политической власти как на национальном, так и наднациональном уровне.

В этом отношении З. Бауман утверждает, что действительные настоящие хозяева нового мира не нуждаются напрямую в государственной функции, поскольку нынешние национальные прави-

[1] Balaguer F.C. Federalismo e Integração Supranacional. In: RAMOS, Paulo Roberto Barbosa (Org.). Constituição e Federalismo no Mundo Globalizado. — São Luís: EDUFMA, 2011.

тельства занимаются задачей управления делами от их лица на условиях свободной торговли и финансовых потоков, что делает экономику все менее зависимой от политического контроля, экономика становится аполитичной. Этот феномен — нечто гораздо большее, чем просто изменение в социальной структуре: «вместо вопросов о том, что должно быть сделано, мы должны активно искать, есть ли кто-то, кто может сделать то, что необходимо»[1].

Х.Р. Капеллья отмечает ощущение политического кризиса из-за глобализации, выделяя кризисы как следствие внедрения кейнсианской политики или установления неолиберальной доктрины или же их смешения. Также отмечается, что характерными чертами с технологической точки зрения являются роботизация, развитие биотехнологий, новые химические науки, разработка новых материалов. С другой точки зрения, подчеркивается кризис политических партий как политических акторов в национальном государстве[2].

Право как отрасль науки также отмечает на себе серьезные отражения данного процесса, учитывая активную экономическую перестройку государств; усиление позиций спекулятивного капитала и индексация доллара создают сеть, в которой циркулируют технологии, информация и культура. Распыление экономической деятельности по всему миру привело к увеличению людских потоков, что потребовало модернизации транспорта и размыло границы между государствами[3].

С современной точки зрения речь идет о мировом правительстве, способном учесть интересы разных стран, включенных в процесс глобализации, поскольку в нынешнее время трудности процесса очевидны ввиду неэффективности деятельности международных организаций в достижении новых целей. Среди этих целей можно выделить снижение экологических рисков, обеспече-

---

[1] Bauman Z. Globalização: as Consequências Humanas. — Rio de Janeiro: Jorge Zahar Editor, 1999. P. 64.

[2] Capella, J.R. Os Cidadãos Servos. — Porto Alegre: Fabris, 1998.

[3] См. также: Soresen G. La transformación del Estado. — Valência: Tirant Lo Blanch, 2010.

Prieto J.M.L. Guerras mundiales y globalización. In: Revista de cultura y ciencias sociales. Espanha, n. 32–33, p. 127–142, 2002.

Callejón F.B. Un jurista universal nacido en Europa. Entrevista a Peter Häberle. In: Revista de derecho constitucional europeo, Espanha, n. 13. p. 339–376, 2010.

ние технологического развития и дальнейшее уменьшение контроля над рынком.

ООН, например, показывает невозможность противостоять вызовам глобализации, а G7 в первую очередь нацелена на развитие миропорядка, выгодного наиболее развитым странам. Но государства все еще создают много проблем, в первую очередь из-за национального эгоизма. В политическом плане не существует мирового правительства, но можно говорить о глобальных социальных движениях. Таким образом, политические конфликты продолжают оставаться наиболее острыми вопросами в государствах.

В этом плане национальные государства вынуждены искать альтернативы восстановлению политического влияния, потерянного в ходе глобализации. Целью поиска является увеличение возможностей выхода на мировой рынок.

На фоне трудностей, с которыми сталкиваются государства во внешней и внутренней политике на фоне глобализации, экономическая интеграция считается экономико-политической стратегией, чьи цели заключаются в следующем: восстановить способность государств активнее принимать участие в выработке решений, искать общие решения кризисов, согласовать вопросы торговли, социальной сферы и взаимных отношений.

Ввиду достижения высоких стадий интеграции начало развиваться так называемое интеграционное право, которое подразумевает сложную систему юридических инструментов регулирования всех аспектов интеграции. Формирование экономических блоков связано с ограничениями, которые накладывает глобализация. Особенно важно то, что хотя интеграция началась сразу по завершении Второй мировой войны в Европе, Латинской Америке и Азии, только в 1990-х гг. началось углубление сотрудничества между интеграционными группировками, в частности ЕС, НАФТА и МЕРКОСУР.

Процесс регионализации дополняет глобализацию, таким образом появляется пространство для маневра в переговорах по привлечению ТНК на свои рынки, что стимулирует производственную глобализацию. Отмечается также, что помимо увеличения объемов внутриблоковой торговли, растет также и торговля между разными блоками. В основном это объясняется достижением соглашений о взаимной либерализации торгового режима.

Феномены глобализации и регионализации друг друга дополняют, по сути, являясь двумя сторонами одной медали — перераспределения власти и суверенитета.

А. Барбоса отмечает, что региональные блоки группируются по категориям от самой поверхностной до наиболее полной интеграции по следующим признакам[1]:

1. *Зона свободной торговли:* отсутствие таможенных тарифов между странами. Существующие примеры: НАФТА и АСЕАН.
2. *Таможенный союз* — это следующий этап, следующий за зоной свободной торговли. По достижении ТС формируются единые таможенные тарифы для третьих стран. Существующие примеры: МЕРКОСУР (частично), Андское сообщество, которое включает Боливию, Колумбию, Перу и Венесуэлу.
3. *Общий рынок:* устанавливается свобода перемещения людей, капитала и услуг, что влечет за собой большую координацию макроэкономической политики и законодательства (рабочего, налогового и др.) стран-участников. Существующие примеры: ЕС с 1992 по 1998 г.
4. *Экономический союз:* подразумевает создание единой валюты и общего ЦБ для всех стран-участниц соглашения. Для эффективного функционирования необходимо, чтобы страны имели схожий уровень инфляции и бюджетного дефицита. Существующие примеры: ЕС, начиная с 1999 г. ЕС — единственный на данный момент региональный блок, который прошел все стадии интеграции. Это заняло сорок лет, от заключения Римских соглашений (1975 г.), согласно которым была создана ЗСТ, до создания экономического союза. Таким образом, создание единой валюты и ЕЦБ представляют собой кульминацию долгого процесса экономической и политической интеграции европейских стран.

«Почему страны решаются на потерю части экономического суверенитета для интеграции с другими странами?»[2] Создание такого регионального рынка преследует цель улучшения условий во

---

[1] Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003. P. 51.

[2] Ibid. P. 54.

всех странах, которые участвуют в соглашении для облегченного начала процесса глобализации.

Таким образом, формирование интеграционных блоков — это политика, связанная с процессом глобализации, механизм политического контроля, частично утерянного национальными государствами, на фоне усиления экономического веса ТНК и открытия финансовых рынков, что ограничивает субъектность государства, отбирая монополию на принятие решений по налогам, протекционистским мерам, политики процентных ставок.

В компетенции национальных государств остаются только задачи поддержания систем образования и здравоохранения, проведение политики в области обеспечения занятости и социальной защиты наиболее уязвимых групп населения. На фоне постепенного уменьшения значимости государства, все больше граждан отмечало необходимость в усилении государственных структур. Если ранее главной задачей государства являлась защита личных, политических и социальных прав, то впоследствии добавилась также необходимость предотвращения расслоения общества на исключенных из процесса глобализации и тех, кто получает чрезмерные выгоды от него.

С развитием трансграничных экономических связей понятие суверенитета и контроля над национальным пространством сокращается. В новой реальности среди прочего возможен сценарий выхода ТНК из одной из стран, что ведет за собой «бегство капитала» с биржи, что провоцирует кризис в данном государстве[1].

В процессе интеграции зачастую сложно согласовать интересы всех сторон, учитывая различия в проводимой политике и конкурирующих интересах разных стран. Поэтому экономические решения принимаются через юридические акты о создании зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка или политического союза, которые предполагают создание постоянных трибуналов или трибуналов ad-hoc, а также юридических и дипломатических институтов, у коротых есть компетенция разрешения споров.

В этом отношении автоматического ограничения суверенитета не происходит, поскольку это постепенный процесс, зависящий от правительственной стратегии в области интеграции и

[1] Barbosa A.F. O Mundo Globalizado: política, sociedade e economia. 2. ed. — São Paulo: Contexto, 2003. P. 91.

глобализации. Государство соотносит внешнее влияние и внутренние реалии.

Суть ЕС, самого зрелого интеграционного объединения современности, состоит в передаче власти от национальных правительств на наднациональный уровень. В этом плане Балагер подчеркивает, что страны-участницы совместно, через наднациональные органы решают вопросы и принимают решения, которые позже встраиваются в национальные юридические системы, или эти же юридические нормы признаются через принцип примата международного права над национальным[1].

МЕРКОСУР основывается на принципах межправительственных соглашений — решения принимаются консенсусом, нет принципа автоматического применения новых правовых норм. Интеграция необходима для Бразилии и других участников блока в виду риска дальнейшего уменьшения политического веса на фоне глоаблизационных процессов и желания повысить свою значимость в принятии решений международного порядка[2].

Таким образом, современное мироустройство требует, чтобы государственная власть проводила политическую и экономическую интеграцию в ответ на глобализацию. Процесс глобализации оказывает влияние на все сферы жизни и общества. Это основа, на которой строятся связи между странами планеты, характеризующиеся наличием политической, экономической и культурной интеграции. Технологический прогресс, наложенный на все возрастающую взаимозависимость стран, а также переосмысление ключевых основ государства — территории, суверенитета и населения — являются инструментариями этого процесса. Национальному государству приходится искать возможность сотрудничества с другими государствами для противостояния тенденции уменьшения своей значимости на международной арене на фоне появления негосударственных акторов со сходными с государственными экономическими ресурсами. С другой стороны, необходимо координировать сотрудничество между внутригосударственными акторами для уменьшения неравенства, усложняющего открытие рынков.

---

[1] Balaguer F.C. Federalismo e Integração Supranacional. In: RAMOS, Paulo Roberto Barbosa (Org.). Constituição e Federalismo no Mundo Globalizado. — São Luís: EDUFMA, 2011.

[2] Ibid.

Влияние глобализации и интеграции на динамику бразильского федерализма. Характеристика бразильского федерализма. Согласно Гарсие-Пелайо федеративное устройство государства состоит в интеграции территориальных единиц в общее пространство в системе юридических отношений, установленных конституцией в политико-юридическом смысле и общих документах о правах и обязанностях для всех субъектов[1]. В этом отношении Орта утверждает, что североамериканское нововведение состоит в сложной структуре, в которой присутствует интеграция юридических норм разных штатов. Нормативная стабильность, необходимая для любого федерального государства, достигается определением типа государственного строя в конституционном документе[2].

В соответствии со структурой, разработанной федералистами[3], государство такого типа является противоположностью абсолютистским идеям распределения политической власти, имея в виду организацию власти на местах через разделение функций на три независимых органа — исполнительную, законодательную и судебную — и разделения государственной власти на разные уровни.

Рамос подтверждает эту идею, отмечая, что федерация решила проблему распределения компетенций на национальной территории, имея в виду примат центральной власти, который был зачастую невыполним в конфедерациях[4]. Так, согласно Франко Филью автономия, предоставленная штатам, муниципалитетам и федеральному округу, способствует развитию на всех уровнях, от местного до федерального, учитывает равновесие власти и свободы между ними в создании собственных норм, если они не противоречат федеральной конституции[5].

---

[1] García-Pelayo M. Derecho constitucional comparado. — Madrid: Alianza, 1987.

[2] Horta R.M. Reconstrução do Federalismo Brasileiro. Revista de Informação Legislativa. — Brasília, ano 18, n. 72, out./dez. 1981.

[3] Conferir: Hamilton, Alexander; Madison, James; JAY, John. O Federalista. Tradução de Heitor Almeida Herrera. — Brasília: Universidade de Brasília, 1984.

[4] Ramos P.R.B. (Org.). Constituição e Federalismo no Mundo Globalizado. — São Luís: EDUFMA, 2011.

[5] Filho A.M.F. Aspectos Contemporâneos do Federalismo Brasileiro. Revista Jurídica Araxá, v. 16, n. 15, ago. 2012. Disponível em; <http://www. uniaraxa.edu.br/ojs/index.php/juridica/article/view/70> Acesso em: 09 set. 2013.

Федерализм стал ключевым звеном в соответствии требованиям новой мировой повестки дня, в которой многие решения должны были приниматься быстро, что и определило успех США. В этой дискуссии Рамос отмечает характеристики, необходимые для организации федерального государства. Подчеркивается, что они не являются частью устоявшейся формулы, что федерализм не лучшая и не единственная существующая модель организации государства на настоящий момент[1].

Автор выделяет следующие характеристики федеративной организации: жесткая и четкая конституция; автономия федеральной юридической системы и системы на уровне штатов, что выражается в различии компетенций, самоуправлении, самостоятельной организации и разном финансировании для выполнения функций; нерушимость федеративных связей, выраженных в наличии Федерального Сената и Конституционного суда как гарантов функционирования системы и, наконец, возможность федерального вмешательства в случае невыполнения обязательств штатами или муниципалитетами.

Отмечается потенциал федеративной системы в обеспечении стабильности внутри крупного государства при наличии в нем серьезных географических и культурных различий, как и в случае Бразилии. Это объясняется децентрализацией власти для предотвращения ее сверхконцентрации и верности демократическим принципам. В этом плане отмечается соотнесение федеративной модели и государственных реалий Бразилии, отмечая протяженную территорию и характерные особенности географического пространства страны. Необходимо учитывать, что площадь Бразилии составляет 8 516 050 км^2, территория богата полезными ископаемыми, вся земля пригодна для сельскохозяйственного использования, поскольку отсутствуют пустыни или вечная мерзлота. Однако территория крайне протяженная, что означает большое количество вызовов в плане эффективного использования ресурсов[2].

По конституции 1891 г. (*Прим. переводчика* — в оригинале указан 1988 г. — дата принятия действующей на настоящий момент конституции) Бразилия является федерацией, и с тех пор ба-

---

[1] Ramos P.R.B. (Org.). Constituição e Federalismo no Mundo Globalizado. — São Luís: EDUFMA, 2011.

[2] Ferreira P. Curso de Direito Constitucional. 7. ed. — São Paulo: Saraiva, 1995.

ланс сил менялся в пользу федерального центра или, наоборот, штатов, в зависимости от исторического периода, что объясняет большую или меньшую централизацию. Согласно Анаклето введение федеративной системы в Бразилии до конституции 1891 г. шло параллельно с республиканским движением и влиянием Руя Барбозы, который, вдохновленный системой США, предложил первые нормативные акты, а позже участвовал в разработке конституции[1].

Н.Н. Солдана отмечает, что федеративная система в Бразилии логично вытекает из ее экономических, политических и общественных реалий. Введение конституции не было революцией или политическим движением в полной мере[2]. И.М. Коэлью в свою очередь добавляет, что конституция 1891 г. в своих социальных реалиях была определяющим фактором для выбора федеративной модели организации, который и был принят. В этом плане он дает следующий комментарий[3]: «Каковы реальные факторы, которые могут привести к политическому решению на Учредительном собрании к определению отношений между центром и регионами? Какие силы возьмут верх или должны будут взять верх во время определения нормативной модели, на которой отныне будут строиться отношения между центром, штатами и муниципалитетами после более 90 лет централизованного федерализма и малой автономии регионов? Наконец, необходимо установить, кто реально сможет создать первую Федеративную Республику в Бразилии, положить конец фактически унитарному государству, которое было рождено, согласно Паулу Бонавиндешу, 15 ноября 1889 г. на обломках монархии, и которое фактически существовало в конституции страны, хотя написано было иначе»[4].

В настоящее время основу бразильского федерализма формируют следующие составные части: федеральный центр, штаты и муниципалитеты. В этом плане Ж.А. Силва отмечает, что эти три элемента — хребет всей системы, могут определяться следующим

---

[1] Anacleto S.D.M. O Federalismo Brasileiro e a Jurisdição Constitucional. 2008. Monografia (Especialização em Direito Público). — Instituto Brasiliense de Direito Público-IDP, Brasília, 2008.

[2] Saldanha N.N. História das Ideias Políticas no Brasil. — Brasília: Senado Federal, 2001.

[3] Coelho I.M. Federalismo e descentralização. Revista de Informação Legislativa, n. 87, 23–30, 1985.

[4] Bonavides P. Ciência Política. — São Paulo: Malheiros, 2000.

образом: федеральный центр, автономные региональные объединения и муниципалитеты. В этом отношении Центр имеет общую правосубъектность, не зависящую от штатов, которым предоставляет автономию в вопросах своей юрисдикции, но каждый из них имеет равные права и одинаково подчиняется федеральной власти. Ж.А. Силва также добавляет, что именно это является основой разделения компетенций между разными уровнями федеральной власти[1].

В этом отношении С.Р. Баштуш утверждает, что данный принцип является золотым правилом, согласно которому «ничто не должно выполняться вышестоящей инстанцией, если может быть выполнено нижестоящей — предпочтительнее решать вопрос на муниципальном уровне, если это невозможно, то на уровне штата»[2].

Вызовы, поставленные глобализацией и интеграцией федеративной модели. Отталкиваясь от идеи, что федеративная модель организации государства наилучшим образом подходит Бразилии ввиду ее географических особенностей, необходимо исследовать жизнеспособность данной политической модели на фоне вызовов глобализации и растущей потребности в межгосударственной интеграции.

Глобализация прямо или косвенно влияет на все регионы в мире из-за степени проникновения и способности связывать экономики так, что у государств не остается эффективных инструментов стратегического экономического и социального планирования. Таким образом, межгосударственная интеграция является процессом, который заслуживает внимание исследователей в плане оценки причин и эффекта. Оценивается в общих чертах влияние на внутренний конституционный режим стран, участвующих в интеграции на фоне вызовов, которые ставит процесс глобализации.

Как отмечает П.Р.Б. Рамос, глобализация ставит под вопрос эффективность федеративной модели государства в плане методологии обеспечения разделения полномочий и системы сдержек и противовесов, предусмотренных конституцией. Эта эффектив-

---

[1] Silva J.A. Curso de direito constitucional. 22. ed. — São Paulo: Malheiros Editores, 2003.

[2] Bastos C.R. Curso de direito constitucional. — São Paulo: Saraiva, 2001. P. 249.

ность ограничивается из-за интенсификации процессов глобализации, что усиливает других акторов, принимающих решения, которые, в свою очередь, ослабляют традиционную роль конституции в части определения и контроля над соблюдением баланса сил ветвей власти[1].

В этом плане П. Бонавиндеш отмечает, что нынешний кризис властной организации не приписывается всей федеративной системе, а только доктринальной форме, с которой с самого начала ассоциируется данная система без учета неизбежных изменений, связанных с историческими переменами, политическими и социальными потребностями, которые имеют большее значение, чем голоса защитников классических федеральных концепций из XIX в.[2]

Частично причиной кризиса бразильской модели федерализма может являться отсутствие баланса между полномочиями центра и штатов, что негативно отражается на всей системе, так как усложняет автономное развитие различных властных уровней в федерации.

В этом отношении М.М. Соареш отмечает необходимость большего вовлечения штатов в разработку политики, учитывая, что в последнее время они постепенно теряли бюджетные поступления в пользу увеличения финансирования муниципалитетов. Согласно автору, федеральный центр получил полномочия координировать межправительственные отношения и формирование социальной политики, а муниципалитетам одновременно были переданы полномочия по исполнению этой политики, что уменьшило полномочия властей штатов. У штатов должны быть полномочия определения экономического и социального развития на региональном уровне, который должен разрабатываться совместно с муниципалитетами. В качестве решения проблемы автор предлагает реформы в системе связи между центром, штатами и муниципалитетами для более сбалансированного распределения функций[3].

Т. Празереш в свою очередь отмечает, что централизация политики наблюдается в области международных связей, что выражается в исключительном праве президента подписывать между-

---

[1] Ramos P.R.B. (Org.). Constituição e Federalismo no Mundo Globalizado. — São Luís: EDUFMA, 2011.

[2] Bonavides P. Ciência Política. — São Paulo: Malheiros, 2000.

[3] Soares M.M. Desafios do Federalismo Brasileiro. Em Debate, Belo Horizonte, v. 5, n. 5, p. 23–29, dez. 2013.

народные договоры[1]. В связи с этим Фернанда Виейра Котзиас отмечает, что подобная централизация вызвана невозможностью в достаточной мере отвечать интересам всех штатов государства, однако в этом отношении предпринимаются усилия[2].

Согласно Ф.В. Котзиас, штаты начали выходить на международную арену для поиска партнеров, способных сгладить внутренние различия, ускорить развитие территории, что очевидно на фоне активизации глобализации. Пока еще международная деятельность штатов не отражена в конституции, там не прописаны полномочия штатов в этом вопросе, что оставляет всю такую деятельность в правовом вакууме. В этом ключе видятся 2 сценария: или увеличение суверенитета штатов и разрешение им участия в международных делах в той или иной мере, или же усиление централизации[3].

Е.С. Альбукерке отмечает, что динамика глобализации не согласуется с конституционными ограничениями, которые испытывают штаты и регионы, как, например, невозможность разработки собственного законодательства в сфере внешней торговли или невозможность заключения международных договоров. Автор добавляет, что включение бразильских штатов в международные процессы укрепит, а не ослабит политический вес государства на международной арене[4].

Наконец, Ф.Д. Алмейда дополняет, что проблема сверхконцентрации политической и финансовой власти в руках федерального правительства подрывает идею федерализма. Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛА) советует развитие межрегиональных связей и формирование новых структур сотрудничества между регионами, углубляя децентрализацию, на фоне вызовов глобализации[5].

---

[1] Prazeres T. Por uma atuação constitucionalmente viável das unidades federadas brasileiras. In: Vigevani T. et al (Org.). A dimensão subnacional e as relações internacionais. — São Paulo: EDUC, 2004.

[2] Kotzias F.V. O Federalismo e a Esfera Internacional. In: Lus Gentium. Teoria e Comércio no Direito Internacional. — Santa Catarina: Universidade Federal de Santa Catarina, 2009.

[3] Ibid.

[4] Albuquerque E.S. As Relações Federativas no Sistema Internacional Globalizado. Sociedade e Território, Natal, v. 22, nº 1, p. 32–45, jan./jun. 2010.

[5] Almeida F.D. Considerações sobre os rumos do federalismo nos Estados Unidos e no Brasil. Revista de Informação Legislativa. 1987, p. 96/57.

Франсиско Филью отмечает, что штатам и муниципалитетам недостает автономных прав ввиду чрезмерной концентрации полномочий в руках федерального центра, а система передачи законодательных полномочий находится в кризисе. Отмечается необходимость большей самостоятельности тех уровней власти, которые ближе к народу, что позволит сбалансировать распределение полномочий между центром и муниципалитетами со штатами. Эти институциональные изменения увеличат и вовлечение граждан в политические процессы[1].

Схожим образом с концентрацией компетенций и полномочий в федеральном центре происходит и концентрация бюджетных средств в руках Бразилиа, хотя известно, что эффективное предоставление государственных услуг происходит как раз на уровне штатов или муниципалитетов. Главным вызовом федерализму в условиях глобализации является необходимость внутренней перестройки таким образом, чтобы включить штаты и муниципалитеты в систему принятия решений, формирования бюджета и использования этих средств.

Таварес в этом отношении отмечает, что бразильский федерализм имеет третий уровень политической власти с четко прописанными в конституции полномочиями — это муниципалитеты. Они — самый близкий к народу уровень власти, они наиболее компетентны в выполнении локальных задач. Однако несмотря на автономию в вопросах организации, управления, администрации и финансов, муниципалитеты сталкиваются с трудностями в предоставлении услуг, учитывая ограничения в создании собственной финансовой базы, что вызывает зависимость от федеральных трансфертов или трансфертов штатов. Таким образом, учитывая, что на муниципалитеты ложится наибольшая нагрузка со стороны общества в политическом и финансовом отношении, необходимо гарантировать минимальные условия для проведения ими социальной политики. Автор также предлагает вариант сотрудничества с вышестоящими федеральными органами в технических, административных и финансовых вопросах[2].

---

[1] Filho F. Aspectos Contemporâneos do Federalismo Brasileiro. Revista Jurídica Araxá, v. 16, n. 15, ago. 2012. Disponível em. URL: http://www.uniaraxa.edu.br/ojs/index.php/juridica/article/view/70. Acesso em: 09 set. 2013.

[2] Tavares A.S. O federalismo cooperativo no Brasil: o perfil do Estado brasileiro segundo a Constituição Federal de 1988. 2009. Monografia (Especializa-

Таким образом, автономия муниципальных органов власти теоретически имеет потенциал увеличения эффективности государственного управления, однако на данный момент необходимо эту автономию укрепить, особенно в финансовом вопросе. А. Таварес добавляет, что, несмотря на децентрализацию, предусмотренную конституцией 1988 г., увеличение количества муниципалитетов, на которые надо распределять бюджетные средства, существенно снижает способность каждого из них в отдельности самостоятельно генерировать финансовые средства, что делает муниципалитеты зависимыми от денежных поступлений из штатов и федерального бюджета[1].

В этом отношении получение автономии муниципалитетами спровоцировало конкуренцию между соседними территориальными образованиями, а не их сотрудничество. Конкуренция между ними возникает из-за региональных различий, необходимости развивать свои локальные экономики, что вписывается в неолиберальную парадигму и подчеркивают несоответствие практической политики и внутренним и внешним интересам. Таким образом, государство частично передает свои прежние характеристики рынку[2].

Ф. Котзиас отмечает, что обычно федерализм работает в крупных по площади странах, где практически всегда существуют трудности в установлении унитарной администрации, которая в равной степени отвечала бы интересам всех территориальных единиц. Соответственно, практика показывает, что привилегированное положение отдельных ведомств по отношению к другим провоцирует состязательность и усложняет процесс сотрудничества. Как следствие многие муниципалитеты развиваются недостаточно быстро, что усложняет им получение финансовых, социальных и культурных ресурсов[3].

ção em Instituições e Processos Políticos do Legislativo). — Centro de Formação, Treinamento e Aperfeiçoamento da Câmara dos Deputados, Brasília, 2009, 55f. Disponível em: file:///c:users/bibliotecário(a)/downloads/federalismo-cooperativo-schettino%20(1).pdf. Acesso em: 20 out. 2015.

[1] Ibid.

[2] Lima J.S.; Nery M.G.S. Federalismo e Localismo no Brasil. In: I Congresso Brasileiro de Geografia Política, Geopolítica e Gestão do Território, 2014, Rio de Janeiro. Anais... Rio de Janeiro: Letra1, 2014.

[3] Kotzias F.V. O Federalismo e a Esfera Internacional. In: Lus Gentium. Teoria e Comércio no Direito Internacional. — Santa Catarina: Universidade Federal de Santa Catarina, 2009.

П.Р. Лозада, формулируя соображения по поводу федеративной системы, выделяет вызовы, стоящие перед бразильским федерализмом, и отмечает, что ассиметричное развитие является причиной напряженности в межправительственных отношениях внутри государства, а сама система — механизм урегулирования исторически существовавших противоречий в экономических возможностях, эффективности сбора налогов и управления разных штатов, что отражается в региональном неравновесии и социальных различиях в стране[1].

В этом отношении Ж. Лима и М. Нери подтверждают факт, что бразильский федерализм состоит в том числе и в политической, культурной, экономической, природной неоднородности, сложности и противоречиях, которые сопровождают создание национального государства. В данном контексте Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛА) отмечает ярко выраженную ассиметричность социально-экономическое развития как одно из препятствий социальному развитию, сложность государственного аппарата и размеры прямого управления государственными корпорациями, систему государственных финансов как особые характеристики бразильского федерализма. Графики, приведенные ниже, разработаны Бразильским институтом географии и статистики. Они показывают существующую неравномерность развития разных регионов федерации.

Região	PIB	População	Território
Região Sudeste	55,41%	42%	10,60%
Região Norte	5,40%	8%	45,20%
Região Centro-oeste	9,57%	7%	18,90%
Região Nordeste	13,40%	28%	18,20%
Região Sul	16,28%	14%	6,80%

Рис. 1. Региональные различия
Источник: IBGE 2011

[1] Losada P.R. Desafios do Federalismo Brasileiro. [S.l.]. 2014. Disponível em: http://www.portalfederativo.gov.br/biblioteca-federativa/eventos/documentos/6a-reuniao-do-conselho-estategico-do-fof/ap-_federalismo_brasileiro.pdf. Acesso em: 15 jan. 2016.

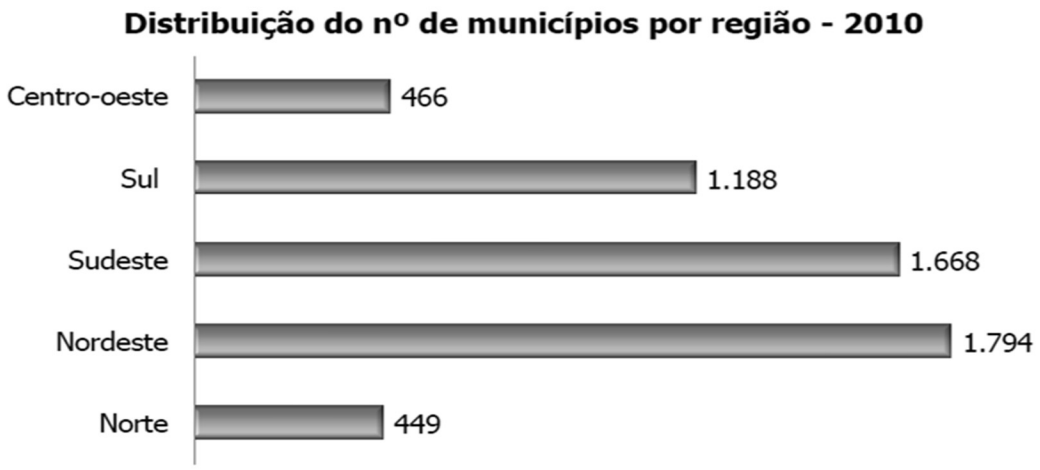


Рис. 2. Распределение муниципалитетов по регионам
Источник: IBGE 2010

Франко Филью отмечает назревшую необходимость переформатировать федерализм на интеграционных началах, который помимо задачи продвижения сотрудничества между уровнями федеральной власти будет способен эффективно их связать, нивелируя сложности интеграции внутри национальной территории: «таким образом, необходимо создать эффективную систему распределения финансовых, законодательных, административно-технических полномочий, особенно в отношении муниципального уровня»[1]. Этот аргумент ведет к пониманию срочной необходимости создания структур, которые будут жизнеспособны в условиях неблагоприятных последствий глобализации, поскольку стандарты государственного управления в условиях интеграции делают национальные экономики более конкурентоспособными, помимо их адаптации к условиям естественного отбора, происходящего из либерализации рынков.

Ф. Балагер предупреждает о необходимости практической и действенной интеграции в Южной Америке, особенно в Бразилии — стране, в которую поступают серьезные инвестиции в агропромышленный комплекс, что вынуждает проводить интеграцию с соседними странами. Это необходимо, чтобы Южная Америка была в большей степени представлена в мировых процессах в настоящем и будущем, учитывая, что большая часть современных экономических исследований указывает на смещение

[1] Filho A.M.F. Aspectos Contemporâneos do Federalismo Brasileiro. Revista Jurídica Araxá, v. 16, n. 15, ago. 2012. Disponível em. URL: http://www.uniaraxa.edu.br/ojs/index.php/juridica/article/view/70. Acesso em: 09 set. 2013.

центра экономической силы из США в азиатско-тихоокеанский регион[1].

А. Таварес отмечает, что кооперативный федерализм уже был установлен в Бразилии по конституции 1988 г. Выражаясь точнее, ст. 23 и 24 описывают общие и особые полномочия, подразумевают совместные действия всех трех уровней федерации. Таким образом, сотрудничество проходит двумя направлениями. Первый — федеральный, централизованный вариант. Второй — на уровне штатов и муниципалитетов, который адаптируется к реалиям региона и может адаптировать решения, поступающие из центра. Для того чтобы этот процесс функционировал, необходимо повсеместное укрепление каждого участника этого процесса, чтобы у них были одинаковые условия, а также ответственность за предпринимаемые действия в сферах их компетенций[2].

Таким образом, как отмечает автор, кооперативный федерализм характеризуется концентрацией политической власти в первую очередь на высшем уровне, но при этом происходит активное взаимодействие с другими уровнями власти, что выражается в теории и практике наличия и исполнения общих и независимых друг от друга функций.

В этом отношении Ф. Котизас добавляет, что в глобализующемся мире требуется новая модель федерализма, которая была бы способна отойти от состязательности между разными уровнями власти и выдвинуть на первый план сотрудничество, что создало бы возможности укрепления демократии и эффективной помощи гражданам на местах. С другой стороны, она же отмечает нежелание государств перейти от традиционной федеральной модели построения власти и принять новые черты, соответствующие глобализующемуся миру. Это объясняется в первую очередь страхом перед возможностью исчезнове-

---

[1] Balaguer F.C. Federalismo e Integração Supranacional. In: RAMOS, Paulo Roberto Barbosa (Org.). Constituição e Federalismo no Mundo Globalizado. — São Luís: EDUFMA, 2011.

[2] Tavares A.S. O federalismo cooperativo no Brasil: o perfil do Estado brasileiro segundo a Constituição Federal de 1988. 2009. Monografia (Especialização em Instituições e Processos Políticos do Legislativo)- Centro de Formação, Treinamento e Aperfeiçoamento da Câmara dos Deputados, Brasília, 2009, 55f. Disponível em: file:///c:users/bibliotecário(a)/downloads/federalismo-cooperativo-schettino%20(1).pdf. Acesso em: 20 out. 2015.

ния национального государства на фоне происходящих трансформаций[1].

Субсекретариат Федеративных отношений, орган, являющийся частью Секретариата межинституциональных отношений[2], выделяет следующие вызовы федерализму в эпоху глобализации:

1) усиление кооперативного федерализма;
2) создание на практике переговорных институтов среди разных уровней федеральной власти;
3) усиление организации управленческой деятельности муниципалитетов, штатов, федерального округа и федерального правительства.

А. Шеттино считает, что это новый федерализм, построенный на кооперативных началах, началах сотрудничества, признает, что каждая часть правительства должна сотрудничать с другими для конкретизации действий и координации общего административно-политического процесса[3].

При рассмотрении ситуации в Бразилии в контексте глобализации и отношений между экономическими блоками появляется вопрос: в какой степени модель распределения власти в федеральном государстве способна обеспечить социальное развитие?

Такой сценарий требует создания новых стандартов в государственном управлении, причем в большей степени связанных между собой, поскольку конкуренция определяет необходимость более тесного сотрудничества с другими странами: необходим отход от неудавшихся протекционистских стратегий. В федератив-

---

[1] Kotzias F.V. O Federalismo e a Esfera Internacional. In: Lus Gentium. Teoria e Comércio no Direito Internacional. — Santa Catarina: Universidade Federal de Santa Catarina, 2009.

[2]Conferir: Secretaria de relações institucionais. Subchefia de Assuntos Federativos. Losada. Paula Ravanelli. Desafios do Federalismo Brasileiro. [S. l.]. 2014. Disponível em: http://www.portalfederativo.gov.br/biblioteca-federativa/eventos/documentos/6a-reuniao-do-conselho-estategico-do-fof/ap-_federalismo_brasileiro.pdf. Acesso em: 15 jan. 2016.

[3] Tavares A.S. O federalismo cooperativo no Brasil: o perfil do Estado brasileiro segundo a Constituição Federal de 1988. 2009. Monografia (Especialização em Instituições e Processos Políticos do Legislativo). — Centro de Formação, Treinamento e Aperfeiçoamento da Câmara dos Deputados, Brasília, 2009, 55f. Disponível em: file:///c:users/bibliotecário(a)/downloads/federalismo-cooperativo-schettino%20(1).pdf. Acesso em: 20 out. 2015.

ном государстве, таком, как Бразилия, конституционные перемены должны затронуть всю структуру, включая все уровни власти, в новой системе государственного управления, приспособленного к действиям в условиях новых вызовов и способного предоставить гражданам достойную модель организации, которая в силах выполнять задачи общественного договора.

Можно заключить, что федеративная модель должна быть направлена в сторону большего сотрудничества, сочетать централизацию и распределение полномочий таким образом, чтобы эффективнее сглаживать ассиметричное развитие страны и лучше распределять имеющиеся ресурсы.

Глава 9
Процессы интеграции в области прав человека в Латинской Америке и Евразии

(Залоило М.В., Малютин Н.С., Оррего О.Г.)

Интеграционные процессы в сфере прав человека в Латинской Америке. Межамериканская система в области прав человека представляет собой основу продвижения и защиты прав человека на американском континенте. Она предоставляет гражданам стран региона, чьи права были нарушены их государством, законодательную основу и возможность судебного рассмотрения дел для защиты своих прав.

Законодательными основами данной системы являются Американская декларация прав и обязанностей человека, принятая в 1948 г. (известная как Устав Организации Американских государств) и Американская конвенция по правам человека, подписанная в 1969 г. и вступившая в силу в 1978 г. Из-за наличия двух основополагающих документов и большого числа дополнительных соглашений специфического содержания, принятых в последние годы, Межамериканская система прав человека является уникально сложной в сравнении с региональными системами прав человека в других частях мира.

Межамериканская система располагает несколькими механизмами действия через два своих исполнительных органа: Межамериканская комиссия по правам человека (Comisión Interamericana de Derechos Humanos (CIDH)) и Межамериканский суд по правам человека (Corte Interamericana de Derechos Humanos (CorteIDH)). В целом Межамериканская система прав человека дала региону нормативную и институциональную совокупность механизмов обеспечения выполнения странами своих обязательств, предусмотренных текстом Американской декларации прав и обязанностей человека.

В вопросе прав человека в регионе Межамериканская система столкнулась с серьезными вызовами, обусловленными историческим контекстом развития. В отличие от, например, европейской системы прав человека, которая развивалась по большей части в сообществе стран с устойчивым демократическим режимом и сильными независимыми судебными органами, межамериканская

система должна была противостоять военным диктатурам[1], жестоким репрессиям, угрозам судебной власти и различным нарушениям прав человека[2].

Таким образом, Межамериканскую систему прав человека можно представить как форму региональной интеграции, которая поспособствовала укреплению демократии. Это стало возможно благодаря адаптации внутренней практики государств к стандартам в уважении прав человека, согласованных в многостороннем формате на международном и региональном уровнях.

Возможно, только в Европе в большей степени, чем в Латинской Америке разработаны столь сложные формы в системе защиты прав человека на региональном уровне[3].

---

[1] После подписания Американской конвенции в 1948 г. следующие страны стали управляться диктатурами: Аргентина — 1955–1958 (Эдуардо Лонарди, Педро Эухенио Арамбуру), 1962–1963 (Хосе Мария Гидо), 1966–1970 (Хуан Карлос Онганиа), 1970–1971 (Роберто Марсело Левингстон), 1971–1973 (Алехандро Агустин Лануссе), 1976–1983 (Хохе Рафаэль Видела, Роберто Виола, Леопольдо Галтьери). Боливия: 1971–1978 (Уго Бансер). Бразилия: 1964–1985 (Умберто де Аленкар Каштелу Бранку). Чили: 1973–1989 (Аугусто Пиночет). Колумбия: 1953–1957 (Густаво Рохас Пиниллья). Куба: 1952–1954 (Фулгенсио Батиста), 1959–2008 (Фидель Кастро). Эквадор: 1963–1966 (Рамон Кастро Хихон), 1972–1976 (Гилльермо Родригес Лара). Гватемала: 1954–1957 (Карлос Кастилльо Армас). Гаити: 1957–1986 (Семья Дувалиер). Никарагуа: 1937–1979 (Семья Сомоса). Панама: 1968–1981 (Омар Торрихос), 1980–1989 (Раваэль Нориега). Парагвай: 1954–1989 (Афредо Строесснер). Перу: 1948–1950 (Мануэль Артуро Одриа Аморетти), 1968–1980 (Хуан Веласко Альварадо), 1992–1993 (Альберто Фухимори). Доминиканская Республика: 1930–1961 (Рафаэль Трухилльо). Уругвай: 1973–1985 (Хосе Мария Бордаберри и др.). Венесуэла: 1952–1958 (Маркос Перес Хименес).

[2] Para leer más sobre el poder judicial en América Latina y la influencia del Sistema Interamericano, véase Pásara, L. (2003) «Justicia, régimen político y sociedad en América Latina”». Politica y Gobierno (México), 10, 2, 413–426; Acuña, Carlos, y Alonso, Gabriela. (2011). La Reforma Judicial en América Latina: Un estudio político-institucional de las REFORMAS judiciales en Argentina, Brasil, Chile y México.; Mesas Redondas laReforma Constitucional en Materia de Derechos Humanos de la ONU: Enfoque en la Administración de Justicia, Carmona, J. T. U., y Elías, A. E. (2012) .Reforma constitucional en materia de Derechos Humanos: Un Enfoque en la Administración de Justicia. México: Tribunal Superior de Justicia del Distrito Federal, Instituto de Estudios Judiciales.

[3] Gardini, Gian Luca, Lambert, Peter W. (2011). Unity and diversity in Latin American visions of regional integration. (Palgrave Macmillan.) Palgrave Macmillan.

Даже если эти региональные особенности должны были стать выражением единства и солидарности, они стали отражением действительного уважения различий и монолитности всего латиноамериканского континента. Даже несмотря на наличие якобы идеологической схожести режимов, в регионе наблюдается конкуренция разных инициатив, чьи повестки зачастую в корне отличаются[1].

Концепция национального суверенитета оспаривается не только из-за глобализации в сфере прав человека, что является центральной темой работы, но и из-за влияния глобализационных процессов в экономике начиная с 1990-х и 2000-х гг. Причины были многократно и всесторонне исследованы, а основной вывод состоит в том[2], что, несмотря на относительно невысокую значимость региона Латинской Америки и Карибского бассейна в общемировой системе, его юридическая традиция исторически способствовала «большей урегулированности международного порядка, развитию важных нововведений в области международного права, способствовала мирному решению межгосударственных споров и отказу от использования силы в международных отношениях через деятельность различных международных организаций на основе уважения принципов национального суверенитета, невмешательства во внутренние дела и мирного разрешения споров»[3].

Действительно, защита и уважение норм международного права как механизм предотвращения вмешательства извне ставит

---

[1] Al respecto véase los trabajos de Serbin, A. (2011). Regionalismo y soberanía nacional en América Latina: lecciones aprendidas y nuevos desafíos. Anuario Ceipaz, (4), 137–178.; Portales, C. (2014). ¿A dónde va el multilateralismo en las Américas? Proyectos superpuestos en un período de cambios globales. El hemisferio en transformación: Regionalismo, multilateralismo y políticas exteriores en un entorno cambiante, 35. Y por último Malamud, A. (2014). El contexto del diálogo jurídico interamericano: fragmentación y diferenciación en sociedades más prosperas. Bogdandy, A. v., Fix-Fierro, H. y Morales Antoniazzi, M., coords., Ius Constitutionale Commune en América Latina. Rasgos, potencialidades y desafíos. México: UNAM, 107–124.

[2] Véase por ejemplo los casos explicados en Ribeiro, C. C. N. (2016). Overlapping regionalism e proliferação de instituições na América Latina: complementariedade e fragmentação nas agendas regionais. Y en Portales, C. (2013). Where is multilateralism going in the americas?: overlapping organizations in a period of global change. Lua Nova: Revista de Cultura e Política, (90), 203–241.

[3] Serbin, A. (2011). Regionalismo y soberanía nacional en América Latina: lecciones aprendidas y nuevos desafíos. Anuario Ceipaz, (4), p. 140.

регион на место одного из самых спокойных в мире, поскольку исторически в Латинской Америке не было «большого числа военных конфликтов в недавнем прошлом, в сравнении с другими регионами расходы бюджета на оборону небольшие, при этом возможность противостоять кризисам, которые могут иметь место на региональном уроне, дипломатическими средствами доказана и каждый раз увеличивается. Однако одновременно с этим этот регион является и самым проблемным с точки зрения социального насилия, криминала, одним из самых неравных с социально-экономической точки зрения, присутствует серьезное неравенство и распространено социальное отстранение. Однако наряду с этим в своем подавляющем большинстве страны континента начиная с 1980-х гг. смогли перейти к демократии»[1].

С момента создания Организации Американских государств (ОАГ) в 1948 г. страны-участники приняли ряд международных инструментов, которые отразились на нормативной базе региональной системы защиты прав человека[2].

Документами, на которых основываются полномочия и функции Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского суда по правам человека, а также обязательства стран-участников, являются Американская декларация прав и обязанностей человека и Американская конвенция по правам человека.

Принятая в 1948 г. в Боготе (Колумбия), Американская декларация прав и обязанностей человека[3] является первым в мире международным документом общего характера в области прав человека.

---

[1] Heine, J. (Jэanuary 01, 2006). Between a Rock and a Hard Place: Latin America and Multilateralism after 9/11. Multilateralism Under Challenge? : Power, International Order, and Structural Change, 481–503. P. 499.

[2] Полный список базовых документов в области прав человека по проблематике прав человека в межамериканской системе. URL: http://www.oas.org/es/cidh/mandato/documentos_basicos.asp

[3] Страны-участники Устава ОАГ: Антигуа и Барбуда, Аргентина, Багамы, Барбадос, Белиз, Боливия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Доминикана, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Гренада, Гватемала, Гайана, Гаити, Гондурас, Ямайка, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сент-Китс и Невис, Санта-Люсия, Сент-Висент и Гренадины, Суринам, Тринидад и Тобаго, Соединенные Штаты Америки, Уругвай и Венесуэла. URL: http://www.cidh.oas.org/Basicos/English/Basic22b.CharterOAS_ratif.htm

В первой части декларации закреплен исчерпывающий список гражданских и политических прав и список дополнительных социальных, культурных и экономических прав для стран, подписавших данный документ. Во второй части конкретизированы обязанности граждан стран-подписантов[1].

И хотя Американская декларация прав и обязанностей человека не является договором о присоединении, но Межамериканская комиссия и Межамериканский суд считают, что «в настоящее время Американская декларация является источником международных юридических обязательств для стран-членов ОАГ»[2].

Декларация представляет Межамериканской системе инструменты действия (через Межамериканскую комиссию), например, доклады о странах и индивидуальные механизмы жалоб по возможным нарушениям прав человека. Хотя Декларация не включает юридических оснований, согласно которым на участников декларации распространяется юрисдикция Межамериканского суда по правам человека, через Межамериканскую комиссию по правам человека при подтверждении того, что из-за действия или бездействия государства права человека или отдельных групп оказались под угрозой страны, не входящие в Межамериканский суд, можно привлечь к ответственности[3].

Американская конвенция по правам человека — Пакт Сан-Хосе (1969)[4], была подписана в Сан-Хосе, в Коста-Рике, в 1969 г., однако вступила в силу только в 1978 г., когда 21-я страна (при

---

[1] http://www.oas.org/es/cidh/mandato/Basicos/declaracion.asp

[2] Al respecto véase Ver CIDH, Resolución Nº 3/87, Caso 9647, James Terry Roach y Jay Pinkerton (Estados Unidos), Informe Anual de 1986 a 1987, el 22 de septiembre de 1987, párrs. 46-49; CIDH, Informe No. 51/01, Caso 9903, Rafael Ferrer-Mazorra (Estados Unidos), Informe Anual 2000 4 de abril de 2001; I / A Corte IDH, Interpretación de la Declaración Americana de los Derechos y Deberes del Hombre en el marco del artículo 64 de la Convención Americana sobre Derechos Humanos. Opinión Consultiva OC-10/89, 14 de julio de 1989. Serie A No. 10, párr. 35–45. Véase también el artículo 20 del Estatuto de la CIDH. Disponible en: http://www.cidh.org/basicos/english/Basic1.%20Intro.htm #_ftn4

[3] Véase Pinto, M. (2004). El derecho internacional: Vigencia y desafíos en un escenario globalizado. Mexico, D.F: Fondo de Cultura Económica.

[4] https://www.oas.org/dil/esp/tratados_B-32_Convencion_Americana_sobre_Derechos_Humanos.htm

этом страна-член ОАГ) сдала в депозитарий ратификационную грамоту[1].

Конвенция определяет права и свободы людей, особенно останавливаясь на гражданских и политических правах. В 1988 г. был подписан первый Дополнительный протокол к Межамериканской конвенции по правам человека — «Об экономических, социальных и культурных правах», известный также как Сальвадорский протокол[2], который на данный момент ратифицировало 13 государств[3].

Из 34 стран-участников ОАГ 24 ратифицировали Межамериканскую конвенцию по правам человека, 21 государство признает юрисдикцию Межамериканского суда, 9 признают компетенцию Межамериканской комиссии по правам человека получать и расследовать сообщения одного государства с заявлениями о том, что другое государство (подписавшее и ратифицировавшее Межамериканскую конвенцию) нарушило права человека, закрепленные в этой конвенции.

С момента ратификации Межамериканской конвенции были разработаны и подписаны другие документы. Например, Межамериканская конвенция по предотвращению и запрету пыток[4], протокол к Межамериканской конвенции по правам человека о запрещении смертной казни[5], Межамериканская конвенция по предотвращению, наказанию и искоренению насилия в отношении женщин (известна как Беленская конвенция)[6], Межамериканская

---

[1] Para ver el estado de firmas y ratificaciones de la Convención a la fecha: https://www.oas.org/dil/esp/tratados_B-32_Convencion_Americana_sobre_Derechos_Humanos_firmas.htm

[2] http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-52.html

[3] Para ver el estado de firmas y ratificaciones del protocolo a la fecha: http://www.oas.org/juridico/spanish/firmas/a-52.html

[4] Disponible en: http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-51.html Estado de firmas y ratificaciones a la fecha: http://www.oas.org/juridico/spanish/firmas/a-51.html

[5] Disponible en: http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-53.html Estado de firmas y ratificaciones a la fecha: http://www.oas.org/juridico/spanish/firmas/a-53.html

[6] Disponible en: http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-61.html Estado de firmas y ratificaciones a la fecha: http://www.oas.org/juridico/spanish/firmas/a-61.html

конвенция по насильственному исчезновению людей[1], Межамериканская конвенция по устранению дискриминации по отношению к инвалидам[2], Межамериканская конвенция против всех форм дискриминации и нетерпимости[3] и Межамериканская конвенция против расизма, расовой дискриминации и других форм нетерпимости[4].

Межамериканская комиссия по правам человека. Цель и суть комиссии основывается на «поиске соединения режима личной свободы и социальной справедливости, основанном на уважении к основным правам человека, которые не появляются из-за наличия гражданства определенной страны, а являются неотъемлемыми для любого человека»[5].

Межамериканская комиссия составляется из 7 граждан стран-членов ОАГ, выбираемых Генеральной Ассамблеей, организации из списка кандидатов, представленных каждым государством-участником ОАГ.

Комиссия в своей деятельности руководствуется двумя документами: Американской декларацией прав и обязанностей человека (продвигают ее применение особенно в тех 10 странах, входящих в ОАГ, которые не подписали Американскую декларацию по правам человека) и Американской конвенцией по правам человека (в отношении стран, которые ее подписали).

В области продвижения и защиты прав человека комиссия имеет разъяснительную функцию (выпускает комментарии и рекомендации), консультационную функцию (консультирует госу-

---

[1] Disponible en: http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-60.html Estado de firmas y ratificaciones a la fecha: http://www.oas.org/juridico/spanish/firmas/a-60.html

[2] Disponible en: http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-65.html Estado de firmas y ratificaciones a la fecha: http://www.oas.org/juridico/spanish/firmas/a-65.html

[3] Disponible en: http://www.oas.org/es/sla/ddi/tratados_multilaterales_interamericanos_A-69_discriminacion_intolerancia.asp Estado de firmas y ratificaciones a la fecha: http://www.oas.org/es/sla/ddi/tratados_multilaterales_interamericanos_A-69_discriminacion_intolerancia_firmas.asp

[4] Disponible en: http://www.oas.org/es/sla/ddi/tratados_multilaterales_interamericanos_A-68_racismo.asp Estado de firmas y ratificaciones a la fecha: http://www.oas.org/es/sla/ddi/tratados_multilaterales_interamericanos_A-68_racismo_firmas.asp

[5] Del Preámbulo de la CADH

дарства по вопросам осуществления прав человека), контрольную функцию (в соответствии с обязанностью рассматривать жалобы граждан в отношении государств, где нарушаются права человека, у которых больше нет инстанций в национальной судебной системе, куда возможно обратиться).

С момента вступления в силу Американской конвенции по правам человека Комиссия разделяет свои надзорные функции с Межамериканским судом по правам человека. Так же как и на раннем этапе развития европейской региональной правозащитной системы, в межамериканской возможна ситуация, при которой граждане подают ходатайство в Комиссию о рассмотрении жалобы, а уже этот орган решает передавать или нет данное дело в суд.

Порядок процедуры в Межамериканской комиссии по подаче заявления о нарушении прав человека

1. Получения ходатайства или заявления.

Жалоба должна быть представлена в отношении одного или нескольких стран-членов ОАГ, должно быть доказано, что государство (государства) нарушило какое-либо из прав человека, указанных либо в Американской декларации, либо в конвенции по правам человека, равно как в другом применимом международном документе. Нарушение прав человека может быть результатом действия, бездействия или молчаливого согласия страны-члена ОАГ.

2. Рассмотрение ходатайства или заявления Исполнительным секретариатом Межамериканской комиссии по правам человека.

После подачи ходатайства или заявления оно передается на изучение Исполнительным секретариатом Комиссии. После рассмотрения п. 3 и 4 (следующие за этапом, известным под названием «этап допустимости») определят, возможно ли принять данное заявление.

На все заявления, поданные в Межамериканскую комиссию по правам человека, выдается ответ.

3. Отправка предположительно ответственному государству уведомления о даче ответа.

4. Решение о допустимости разбирательства на основе обмена информацией.

5. Передача заявления (в случае принятия).

На этом этапе процесса Комиссия анализирует показания и доказательства сторон. У комиссии есть возможность запросить больше информации, доказательств и документов как у государства, так и у истцов.

6. Предложение истцу и государству прийти к соглашению.

7. Досудебное соглашение.

Досудебное соглашение — результат воли государства и истцов, выраженный в проведении переговоров, направленных на решение проблемы без необходимости выноса судебного решения по предмету спора. Этот процесс всегда проходит под наблюдением Комиссии.

8. Отказ от досудебного соглашения или отсутствие соглашения.

Когда невозможно прийти к досудебному соглашению, Комиссия решает, имело или не имело место нарушение прав человека государством, после анализа прения сторон.

9. Комиссия выносит рекомендации государству восстановить нарушенные права.

Рекомендации направляются с целью остановить нарушения прав человека, чтобы разъяснить факты официального расследования для гарантии возмещения нанесенного ущерба, изменения законодательства или других дополнительных действий для гарантии соблюдения нарушенных прав.

10. Комиссия направляет рекомендации и устанавливает крайний срок их исполнения.

11. Государство выполняет рекомендации.

12. Завершение дела.

13. Государство не выполняет рекомендации.

В этом случае Комиссия извещает об опубликовании дела или о передаче дела в Межамериканский суд по правам человека (в случае, если государство признает компетенцию суда по ст. 62 Американской конвенции по правам человека).

14. В случае, если государство не признает юрисдикцию суда, существуют «консультативные полномочия», которые распространяются на любое государство-член ОАГ, согласно ст. 64 Американской конвенции по правам человека. В итоге дело отправляется на публикацию в годовом отчете ОАГ.

Межамериканский суд по правам человека. Межамериканский суд по правам человека — это независимый судебный

орган, чьи решения имеют обязательный характер для стран, подписавших Американскую конвенцию по правам человека.

Суд исполняет арбитражные и консультативные функции в рассмотрении конкретных случаев нарушения прав человека, которые доложены либо Комиссией, либо страной-членом ОАГ (с 2009 г.)[1]. Также суд выражает свое особое мнение по вопросам юридической трактовки Американской конвенции по просьбам других органов ОАГ или стран-членов этой организации.

Межамериканский суд не может напрямую рассматривать индивидуальные жалобы. Жалоба должна сначала пройти через комиссию, после этого она направляется на судебный процесс в Суде, и уже Суд определяет, были ли нарушены права и свободы, прописанные в Американской конвенции по правам человека.

Порядок подачи иска в Межамериканский суд[2]:

1. Межамериканская комиссия по правам человека представляет перед Судом жалобу:

- представляется доклад согласно ст. 35 Американской конвенции по правам человека;
- о деле уведомляется канцелярия, судьи, государство-ответчик и истец.

2. Представление жалобы перед судом государством:

- с 2009 г. государство согласно ст. 36 Американской конвенции может ходатайствовать о возбуждении дела;
- в этом случае уведомляются: канцелярия, судьи, Комиссия, государство-ответчик и истец.

3. После принятия жалобы истец имеет 60 дней для представления фактов, доказательств, свидетелей и улик.

4. Обвиняемое государство имеет 60 дней на ответ, представляет возможные возражения, которые могут отразиться на решении Суда.

5. Открытие судебного разбирательства и представление окончательного списка свидетелей:

- возможен отвод свидетелей и приглашенных экспертов. Суд решает, принимать ли во внимание ходатайство об отводе.

---

[1] Ст. 36 Межамериканской конвенции.

[2] Disponible en http://www.corteidh.or.cr/index.cfm?&CFID=639518&CFTOKEN=92876965

6. Слушания начинаются с представления оснований для обвинений.

7. После слушаний заслушивается обвинение.

8. Комиссия представляет свои окончательные наблюдения.

9. Судьи допрашивают представителей обвиняемого государства, истцов и представителей Межамериканской комиссии.

10. Суд выносит окончательное решение.

Документы ОАГ: тематические доклады[1]. ОАГ среди многообразия своих документов предлагает различные тематические доклады для простоты охвата тем, которыми занимаются Межамериканская комиссия и Межамериканский суд по правам человека.

Женщины

Как Комиссия, так и Суд неоднократно высказывались по поводу прав женщин на континенте. Рассматривались темы от общего состояния в сфере прав женщин[2], право женщин на свободу от дискриминации и насилия (например, ситуация с правами женщин в Сьюдад-Хуарес в Мексике[3] и на Гаити[4]), дискриминация женщин и насильственное отношение к ним во время вооруженных конфликтов (в частности, ситуация в Колумбии[5]), доступ к правосудию женщинам, ставшими жертвами насильственных действий[6], в особенности в отношении жертв сексуального насилия в Центральной Америке[7], доступ женщин к образовательным и здравоохранительным услугам[8], равноправие в семейных, трудовых и политических вопросах (в особенности ситуация с этими правами в Чили[9]), услуги здравоохранения для матерей (с точки зрения

---

[1] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/mandate/basic_documents.asp

[2] Disponible en: http://www.cidh.org/countryrep/Mujeres98-en/Tableof Contents.htm

[3] Disponible en: http://www.cidh.org/annualrep/2002eng/chap.vi.juarez.htm

[4] Disponible en: http://cidh.oas.org/countryrep/Haitimujer2009eng/Haiti Women09.toc.htm

[5] Disponible en: http://www.cidh.org/countryrep/ColombiaMujeres06eng/ TOC.htm

[6] Disponible en: http://www.cidh.org/women/Access07/tocaccess.htm

[7] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/women/docs/pdf/WOMEN% 20MESOAMERICA%20ENG.pdf

[8] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/women/docs/pdf/SEXUAL VIOLENCEEducHealth.pdf

[9] Disponible en: http://www.cidh.org/countryrep/Chilemujer2009eng/Chile women2009toc.eng.htm

прав человека)[1], профессиональное образование для женщин (которые ищут равноправия через гарантию своих социальных и культурных прав)[2], участие женщин в политике[3], доступ к информации о здоровье, репродуктивной системы[4] и законодательные нормы, связанные с равноправием полов и прав женщин на континенте[5].

Дети и семейное право

Хотя данная тема отражена в аспекте прав женщин (правовая помощь матерям) или в вопросе прав рабочих-мигрантов и их семей, интересны права детей в целом, право детей на семью, альтернативную опеку для создания в Западном полушарии[6], системы защиты прав ребенка[7] от телесных наказаний и соблюдение прав детей и подростков в целом[8].

Мигранты

Вопрос с мигрантами в Межамериканской системе рассматривается с нескольких сторон. Во-первых, вопрос прав работающих мигрантов и их семей в регионе[9]. Во-вторых, миграция в Соединенные Штаты Америки (в особенности ограничение этого процесса[10]) и миграция в контексте социальной мобильности в Мексике[11].

---

[1] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/women/docs/pdf/Maternal Health2010.pdf

[2] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/women/docs/pdf/Women DESC2011.pdf

[3] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/women/docs/pdf/POLITICAL part.pdf

[4] http://www.oas.org/en/iachr/women/docs/pdf/womenaccessinformation reproductivehealth.pdf

[5] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/women/docs/pdf/REGIONAL st.pdf

[6] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/children/docs/pdf/Report-Right-to-family.pdf

[7] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/children/docs/pdf/Juvenile Justice.pdf

[8] Disponible en: http://www.cidh.org/Ninez/CastigoCorporal2009/Castigo Corporal.TOC.htm

[9] Disponible en: http://www.cidh.org/Migrantes/migrantes98eng.htm

[10] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/migrants/docs/pdf/Migrants 2011.pdf

[11] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/migrants/docs/pdf/Report-Migrants-Mexico-2013.pdf

Право на историческую правду

Несмотря на важность темы для континента из-за процессов по восстановлению исторической памяти и справедливости после свержения многочисленных латиноамериканских диктатур, эта тема начала затрагиваться в рамках Межамериканской системы относительно недавно. В докладе определено правовое поле на историческую правду в межамериканской системе прав человека и национальные практики и обязательства государств, которые выходят из уважения права на историческую правду[1].

Индейское население

На континенте с наибольшим процентом индейского населения в мире межамериканская система защиты прав человека занимается многими вопросами в этом отношении. Основной акцент сделан на общем состоянии в области прав индейского населения в Западном полушарии[2], самоизоляции индейских племен[3], праве на земли, исторически принадлежащие племени, равно как и на недра[4], а также на ситуации с «центрами насильственного содержания», как форме современного рабства (в частности, с индейцами гуарани, проживающими в боливийской части региона Чако[5]).

Незаконные задержания, лишение свободы и права сотрудников органов правопорядка

Права заключенных[6], превентивное заключение и ситуация с правозащитниками[7] были предметом исследования в рамках правозащитной системы. Также идут исследования об ограничении и запрещении смертной казни в Западном полушарии[8], а также га-

---

[1] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/reports/pdfs/Right-to-Truth-en.pdf

[2] Disponible en: http://www.cidh.org/Indigenas/TOC.htm

[3] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/indigenous/docs/pdf/Report-Indigenous-Peoples-Voluntary-Isolation.pdf

[4] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/indigenous/docs/pdf/Ancestral Lands.pdf

[5] Disponible en: http://www.cidh.org/pdf%20files/ACCESS%20TO%20JUSTICE%20DESC.pdf

[6] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/pdl/docs/pdf/PPL2011eng.pdf

[7] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/defenders/docs/pdf/defenders 2011.pdf

[8] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/docs/pdf/deathpenalty.pdf

рантии независимости сотрудников судебной системы от властных структур[1].

Ксенофобия и расизм

При том, что вопросы, связанные с правами коренного населения и с правами мигрантов, выделяются в отдельные группы, доклады по расизму касаются в первую очередь потомков африканцев в целом в регионе[2], а также касаются ситуации с дискриминацией по расовому признаку в отдельных странах, например в Колумбийской республике[3].

Свобода слова

Этой теме каждый год посвящен отдельный доклад. Межамериканская система защиты прав человека представляет повестку дня в сфере защиты свободы слова[4], правовые рамки свободы доступа к информации как неотъемлемого права на получение информации[5]. Помимо этого в отчетах предложены способы свободного и инклюзивного распространения информации[6] и различные материалы с основной информацией по данной проблематике[7]. Наконец, проведены специальные исследования по теме убийств журналистов на почве их профессиональной деятельности[8].

Экономические, социальные и культурные права.

В межамериканской системе прав человека экономические, социальные и культурные права являются и обычными, и кодифи-

---

[1] Disponible en: http://www.oas.org/es/cidh/defensores/docs/pdf/Justice-Operators-2013.pdf

[2] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/afro-descendants/docs/pdf/AFROS_2011_ENG.pdf

[3] Disponible en: http://www.cidh.org/countryrep/ColombiaAfrodescendientes.eng/ColombiaAfros2009Toc.eng.htm

[4] Disponible en : http://www.oas.org/en/iachr/expression/docs/publications/Hemispheric%20%20Agenda%20Eng%20FINAL%20portada.pdf

[5] Disponible en: http://www.oas.org/en/iachr/expression/docs/publications/ACCESS%20TO%20INFORMATION%20FINAL%20CON%20PORTADA.pdf

[6] http://www.oas.org/en/iachr/expression/docs/publications/Broadcasting%20and%20freedom%20of%20expresion%20FINAL%20PORTADA.pdf

[7] http://www.oas.org/es/cidh/expresion/docs/cd/acceso_informacion/OAS_Interactive.pdf

[8] http://www.cidh.org/relatoria/section/Asesinato%20de%20Periodistas%20INGLES.pdf

цированными, что установило систему защиты в рамках системы разбирательств[1] и ежегодных отчетов[2].

Таким образом, при том, что продвижение и защита прав человека — это обязанность каждого правительства, межамериканская система создала механизмы международного контроля, институты, которым государства обязаны регулярно отчитываться, включая институты, юрисдикция которых не зависит от признания юрисдикции Межамериканского суда по правам человека. Со временем Межамериканской системе удалось утвердить стандарты и договоренности в отношении принципа уважения прав человека, которые должны быть признаны и выполняться государствами под контролем наднациональных институтов Западного полушария.

От региональной интеграции в сфере прав человека главную пользу получают не государства, а люди. И очевидно, что действия Межамериканской системы защиты прав человека улучшили положение меньшинств и людей, чьи права были нарушены на всем континенте.

Процессы интеграции в области прав человека в Евразии. Вопрос интеграции государств в рамках евразийского пространства едва ли можно назвать новым в современной правовой науке, тем более с учетом сравнительно молодой истории независимого Российского государства. В то же время серьезные конституционно-правовые исследования по данной тематике до настоящего времени отсутствуют. Вероятно, данное обстоятельство обусловлено большим уклоном в сторону международно-правового характера построения межгосударственных отношений в период «парада суверенитетов», в то время как в настоящее время опасения по данному вопросу несколько ослабли, что, в свою очередь, позволило более трезво и эффективно взглянуть на вопросы межгосударственной интеграции, в том числе в вопросах защиты прав и свобод человека.

Система защиты прав и свобод человека в рамках СНГ. После распада СССР и образования на евразийском пространстве новой региональной структуры — Содружества Независимых Государств — неоднократно предпринимались попытки укрепить

---

[1] http://www.cidh.org/pdf%20files/ACCESS%20TO%20JUSTICE%20DESC.pdf

[2] http://cidh.org/pdf%20files/Guidelines%20final.pdf

данное объединение реальными, именно конституционно-правовыми связями, позволяющими говорить о создании некоего квазигосударственного образования в противовес создаваемым или уже созданным европейским аналогам.

Безусловно, основой новых интеграционных процессов на постсоветском пространстве стала необходимость укрепления (а, по сути, восстановления прежних) экономических связей между государствами региона. Между тем в 1995 г. был сделан важный шаг в установлении региональной системы защиты прав и свобод человека — подписание Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека[1]. В соответствии со ст. 34 указанной Конвенции в рамках СНГ учреждался специализированный орган — Комиссия по правам человека СНГ (КПЧ СНГ), уполномоченная осуществлять контроль за исполнением Конвенции. Между тем, как показывает практика, деятельность данной Комиссии едва ли можно назвать продуктивной, поскольку, по данным официального сайта Исполнительного комитета СНГ, Комиссия не рассмотрела ни одного обращения по вопросам нарушения Конвенции[2]. Кроме того, низкая эффективность данного института даже становилась объектом внимания Европейского Суда по правам человека[3].

В то же время ряд положений, принятых в формате Конвенций СНГ, полноценно имплементировался в национальную правовую систему Российской Федерации, что подтверждается широкой практикой их применения. В особенности это касается установления избирательных прав и стандартов проведения демократических выборов. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации, анализируя национальное избирательное законодательство, нередко прибегает к стандартам, закрепленным в соответствующей Конвенции СНГ[4] (см., например: постановления

---

[1] СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489. Стоит отметить, что эта Конвенция не была принята единодушно государствами-участниками СНГ.

[2] Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=11298 (дата обращения: 09.08.2016).

[3] Решение ЕСПЧ от 02 июня 2004. Дело «О компетенции Европейского Суда вынести консультативное заключение» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Заключена в г. Кишиневе 07 октября 2002) // СЗ РФ. 2005. № 48. Ст. 4971.

от 22 апреля 2013 г. № 8-П[1]; от 27 июня 2013 г. № 15-П[2]; от 26 июня 2014 г. № 19-П[3]; от 1 июля 2015 г. № 18-П[4]; от 22 декабря 2015 г. № 34-П[5]). Нередко к избирательным стандартам СНГ обращается и Центральная избирательная комиссия Российской Федерации[6].

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П «По делу о проверке конституционности ст. 3, 4, п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259, ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта “з” п. 9 ст. 30, п. 10 ст. 75, пунктов 2 и 3 ст. 77 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, ч. 4 и 5 ст. 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобами граждан А.В. Андронова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2013 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 ст. 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и пункта 3 ч. 1 ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Дубкова» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.06.2014 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 18 ст. 35 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, пункта 4 ст. 10 и пункта 2 ст. 77 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и пункта 3 ст. 7 Закона Ивановской области “О муниципальных выборах” в связи с жалобой граждан А.В. Ерина и П.В. Лебедева» // СЗ РФ. 2014. № 27. Ст. 3849.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2015 № 18-П «По делу о толковании статей 96 (ч. 1) и 99 (ч. 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 28. Ст. 4335.

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 ст. 33 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и ч. 8 ст. 32 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданина К.С. Янкаускаса» // СЗ РФ. 2015. № 52 (ч. I). Ст. 7683.

[6] См., например: Постановление ЦИК России от 20.05.2015 № 283/1668-6 «О Рекомендациях по обеспечению реализации избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении

Стоит также отметить, что помимо закрепления избирательных прав и стандартов в нормативном регулировании Содружества, активное развитие получило закрепление целого перечня социально-экономических прав, что обусловлено, в первую очередь, экономическим характером самого объединения. В частности, это касается вопросов защиты прав потребителей, трудовых прав работников, прав, возникающих из пенсионных отношений и отношений социальной защиты и т.д. Как правило, для фиксации подобных прав используется практика заключения отдельных соглашений по конкретному вопросу.

Между тем, подобный подход к нормативному регулированию прав и основных свобод человека на субрегиональном уровне (а именно заключение отдельных соглашений по конкретному вопросу) едва ли представляется удачным, поскольку наряду с дисперсностью регулирования присутствует также проблема, связанная с разной степенью «дисциплины подписаната», при которой разные соглашения, в том числе по схожим вопросам, подписывают разные государства, при этом не формируется единого нормативного массива в области прав человека в рамках Содружества, а по сути, возникает множественное многостороннее международно-правовое регулирование указанных отношений, что едва ли способствует усилению интеграционных процессов внутри конкретного субрегионального объединения.

Защита прав человека в ЕАЭС. Интеграция в рамках ЕАЭС имеет преимущественно экономический характер. Исходя из Договора о ЕАЭС, Союз представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции. Как отмечают Р.А. Касьянов и Е.А. Торкунова, цель создать политический союз, по крайней мере, на данном этапе перед государствами-участниками Договора о ЕАЭС не стоит, так же как не стоит задача защищать права человека и основные свободы. «В современном мире именно экономические и финансовые интересы заставляют государства менять свою внутреннюю и внешнюю политику,

---

выборов в Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2015. № 5; Постановление ЦИК России от 11.05.2016 № 6/51-7 «О Разъяснениях порядка деятельности иностранных (международных) наблюдателей при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» // Вестник ЦИК России. 2016. № 9 и др.

начинать или заканчивать торговые войны, отчаянно бороться за уважение своих законных прав или, наоборот, добровольно отказываться от части суверенитета в рамках интеграционного строительства. Но в определенный момент совокупность экономических и финансовых интересов должна быть дополнена комплексом интересов конкретного человека. Строгое соблюдение прав и свобод человека становится фактором, который предопределяет возможность перехода к более высоким формам интеграции»[1].

Более того, по словам Я.С. Кожеурова, разведение экономической интеграции и прав человека крайне опасное с точки зрения перспектив интеграции на евразийском пространстве. «Если вопросы защиты прав человека останутся за скобками как основополагающих документов ЕАЭС, так и практики Суда Союза, эта ниша тут же будет заполнена национальными судами (в первую очередь конституционными) и ЕСПЧ. Однако опасно не это, а то, что таким образом серьезной угрозе подвергнется единство и автономность правопорядка ЕАЭС, а значит, и сама евразийская интеграция»[2].

В Договоре о ЕАЭС косвенно затрагивается правозащитная тематика: это касается ст. 60 «Гарантии защиты прав потребителей», ст. 97 «Трудовая деятельность трудящихся государств-членов», ст. 98 «Права и обязанности трудящегося государства-члена». Обеспечение в рамках внутреннего рынка ЕАЭС свободы движения лиц, товаров, услуг и капиталов имеет косвенное отношение к реализации прав и свобод человека, например, в рамках свободы осуществления предпринимательской деятельности. Имеются и другие примеры, но в общем правозащитная тематика не относится к целям Договора о ЕАЭС[3]. Необходимая институциональная база для защиты прав и свобод человека в ЕАЭС отсутствует. В компетенцию Суда ЕАЭС, закрепленную Статутом Суда ЕАЭС, соответствующие вопросы не входят. На правовом пространстве ЕАЭС отсутствует и единый каталог прав и свобод

---

[1] Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 56.

[2] Кожеуров Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского Суда по правам человека и Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 189.

[3] Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве. С. 57.

человека, что может стать препятствием на пути выстраивания правозащитного механизма в рамках ЕАЭС. Способствовать выстраиванию такого механизма могут реальные успехи в области экономической интеграции, так как «по мере расширения и усложнения регулируемых общественных отношений возможно столкновение интеграционных интересов ЕАЭС и частных интересов конкретной личности. Чем быстрее будет развиваться экономическая интеграция, тем большую актуальность приобретает вопрос о необходимости гарантировать права человека на уровне Союза»[1].

В литературе предлагается использовать уже наработанные правозащитные механизмы, имеющие место в рамках СНГ (речь идет о Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.). Предлагается также, что функции органа, осуществляющего контроль за реализацией положений названной Конвенции, мог бы со временем выполнять Суд ЕАЭС[2].

Однако имеются и иные альтернативы.

К примеру, Ж.Д. Бусурманов, ссылаясь на действие в настоящее время различных континентальных и региональных конвенций, деклараций и хартий, которые отражают своеобразие и особенность в вопросах обеспечения и гарантирования прав человека на их уровнях[3], в своих работах обосновывает Евразийскую концепцию прав человека как одно из интегрирующих начал ЕАЭС и разработку и принятие Евразийской Декларации прав человека и народов — регионального документа в области прав человека, отражающего как особенные, так и универсальные взгляды и подходы государств-участников ЕАЭС.

Предлагаемая Евразийская Декларация прав человека и народов, по мнению Ж.Д. Бусурманова, — «это попытка отстоять право на собственное понимание собственных, евразийских ценностей, на стремление обладать правом евразийским народам оставаться самими собой, желанием бережно относиться к национальным культурам, политико-правовым традициям и опыту. Стержневой

---

[1] Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве. С. 57.

[2] Там же. С. 57, 60.

[3] Бусурманов Ж.Д. Евразийский экономический союз как новая гуманистическая ценность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4.

идеей этой Декларации является привнесение в мировое сообщество фундаментальных ценностей: евразийской диалогичности, терпимости, миролюбия, сотрудничества, сохранение народов в контексте всего человечества, обеспечение евразийского геополитического баланса. Главная отличительная черта Евразийской Декларации — провозгласить право на цивилизационную идентичность, право иметь историческую память, право обладать национальным духом.

Завершающая исключительность новой Евразийской Декларации заключается в том, что она выстроена на соответствующей Евразийской концепции прав человека, утверждающей, что соблюдение основных прав и свобод человека предполагает помимо прав и свобод обязательность взаимных обязанностей и ответственности между людьми, обществом и государством. Только наличие баланса интересов личности и общества способствует реальному осуществлению как индивидуальных, так и коллективных прав и свобод»[1].

В связи с предполагаемой разработкой Евразийской Декларации прав человека и народов уместна постановка вопроса о создании Евразийского суда по правам человека. В совокупности названная Декларация и Евразийский суд по правам человека могли бы заменить несостоявшиеся и не заработавшие, по мнению Ж.Д. Бусурманова, Конвенцию СНГ о правах и основных свободах человека (1995 г.) и Положение о Комиссии по правам человека СНГ (1993 г.), которые не были подписаны такими государствами-членами СНГ, как Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. «Евразийская Декларация прав человека и народов и Евразийский суд по правам человека, формирующиеся на иной идейной основе, смогли бы стать реальными политико-правовыми инструментами в области прав человека и народов на континентальном евразийском пространстве. Отсутствие названного регионального суда способствует тому, что страны новой демократии, СНГ вынуждены постоянно попадать в положение оправдывающейся стороны перед Европейским судом по правам человека, для которого, естественно, непонятны те или иные особенности евразийских государств. Более того, для Евразийского

[1] Бусурманов Ж.Д. Евразийская Декларация прав человека и народов как ответ на новые вызовы современности // Право и государство. 2015. № 1. С. 71–72.

союза государств, образованного по континентальному, материковому принципу, создается возможность иметь свой суд по правам человека, подобный суду стран европейского континента»[1].

Проработку вопроса о создании судебной структуры, функционально аналогичной Европейскому суду по правам человека, в беседе с газетой «Известия» еще в 2015 г. анонсировал Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас, отметивший, в частности, что с учетом политизированных решений, принимаемых в последние годы в ЕСПЧ, в рамках ЕАЭС необходима непредвзятая альтернатива подобным судебным органам[2].

Председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в интервью информационному агентству «Интерфакс» 11 декабря 2013 г. положительно оценил перспективу создания Евразийского суда по правам человека[3]. В частности, В.Д. Зорькин отметил, что ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны, и не стоит априори отвергать предложения о создании новых межгосударственных юрисдикционных инстанций по защите прав, поскольку такие институты могут создать дополнительные правовые гарантии соблюдения и восстановления прав. Помимо этого он предположил, что не стоит опасаться того, что органы международного правосудия будут «конкурировать» между собой за заявителей, если результатом такого рода конкуренции станет более оперативная и при этом эффективная защита прав и свобод. «В этой связи, — подчеркнул В.Д. Зорькин, — опасения, касающиеся некоего “отделения” или “отдаления” в этом случае от существующих в общеевропейском правовом поле наднациональных институтов судебной защиты не имеют под собой оснований».

---

[1] Бусурманов Ж.Д. Права человека через призму евразийства. URL: http://www.enu.kz/repository/repository2014/prava-cheloveka-cherez-prizmu.pdf

[2] URL: http://kolokolrussia.ru/novosti/v-evraziyskom-souze-poyavitsya-analog-suda-po-pravam-cheloveka#hcq=55syY5q

[3] «Путь права требует разума, воли и ответственности». Интервью В.Д. Зорькина информационному агентству «Интерфакс». URL: http://www.interfax.ru/interview/346291

Глава 10
Частное лицо в системе публичных интеграционных правоотношений

(Рафалюк Е.Е.)

Вопрос о включении физического и юридического лица в состав субъектов международного публичного права является дискуссионным. Юридическая доктрина по международному праву демонстрирует неоднозначность подходов к расширению субъектного состава международного права за счет включения частных лиц.

В научной дискуссии по поводу включения частных лиц[1] (физических лиц) в состав субъектов международного права традиционно присутствуют противники причисления физических лиц к субъектам международного права (Ю.М. Колосов, И.И. Лукашук, С.В. Черниченко, А. Фердросс и др.) и сторонники их отнесения к таковым (К.А. Бекяшев, Ж. Ссель, Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин и др.). Аргументы противников в большей степени основаны на том, что субъект международного права должен быть носителем суверенных прав и обязанностей, первоисточником которых является суверенитет, что является неотъемлемым атрибутом государства. Сторонники в целом сходятся в том, что на субъектов международного права возможно распространить понимание субъекта права, принятое в общей теории права, т.е. идентифицировать понятие субъекта международного права с юридической возможностью участия в правоотношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, и обладания необходимыми для этого правами и обязанностями[2].

Вопрос о международной правосубъектности частных юридических лиц решается из тех же посылок, что и вопрос о международной правосубъектности индивидов[3]. Касательно юридических лиц возникал вопрос о международной правосубъектности транс-

---

[1] Выделение в составе частных лиц физических и юридических основывается на делении отраслей права на публичные и частные, исходит из римского права, в силу чего статус лиц, имеющих равное правовое положение, регулируется на основе использования невластного, диспозитивного метода правового регулирования.

[2] Кузнецова И.С. Правосубъектность индивида в международном праве // elib.bsu.by. С. 52.

[3] Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010. С. 340.

национальных корпораций, который однако не был решен положительно, так как деятельность ТНК регулируется внутренним законодательством государства пребывания и нет оснований для их регулирования только лишь международным правом, хотя в зарубежной доктрине выдвигаются концепции квазимеждународного права или права международных компаний (Б. Ченг, Х Кок, У. Магнус, П. Винклер фон Маренфельс), которое создается ТНК и осуществляется с помощью механизма ими же созданного.

Следует отметить также и существование международного юридического лица, учреждаемого государствами, статус которого определяется учредительными документами, носящими международный характер, и наделенного иммунитетами от юрисдикции национальных государств; в данном случае мы не можем не признать наличия черт международной правосубъектности у таких субъектов.

В настоящее время распространена концепция, согласно которой физические лица наделены «ограниченной международной правосубъектностью в соответствии с нормами международного права, предоставляющими им locus standi в некоторых международных судах по правам человека и устанавливающими их ответственность за совершение международных преступлений»[1].

К выводу об ограниченной правосубъектности частных лиц приходит А. Кассезе, который предлагает различать правосубъектность государств и индивидов как различные: «В целях различения положения индивидов и положения государств можно утверждать, что, в то время как государства обладают собственной международной правоспособностью, индивиды обладают ограниченным locus standi в международном праве»[2].

Ограниченная международная правосубъектность физического лица (является прямым адресатом норм международного права о правах человека и международного гуманитарного права, может быть привлечен к международной уголовной ответственности за совершение международного преступления) позволяет говорить о нем как об особом субъекте международного права[3].

---

[1] Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010. С. 337.

[2] Cassese A. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 85.

[3] «Основные субъекты международного права — государства. В отличие от индивидов они не только обладают правами и обязанностями по международному праву, но и создают его нормы. Поэтому индивид являет-

Одна из основных проблем, касающих закрепления за частными лицами статуса субъектов международного права, связана не столько с наделением частных лиц правами и обязанности по международному праву, сколько с обеспечением их соответствующими средствами реализации и защиты. Так, И.И. Лукашук писал, что «есть существенные сомнения в том, что такое признание (признание индивида субъектом международного права — *Прим. авт.*) явилось бы лучшим способом обеспечения прав человека. Индивид едва ли смог бы пользоваться своими правами наряду с государствами. Необходимо учитывать специфику правового статуса индивида, находящегося в сфере действия суверенной власти государства, а также его реальные возможности защищать свои права на международном уровне»[1]. Э.Х. де Аречага по этому вопросу отмечал: «Реальным доказательством международной правосубъектности индивида явилось бы предоставление ему не только определенных прав и привилегий, но и средств для обеспечения их принудительного осуществления и соблюдения, а также возможностей защиты этих прав от своего собственного имени, без посредничества государства»[2].

Таким образом, в дискуссии по поводу отнесения частного лица к субъектам международного права все более широко утверждается концепция ограниченной правосубъектности физических лиц, построенная на том, что они являются прямыми адресатами норм о правах человека, имеют возможность обращаться в отдельные международные суды, а также могут быть субъектами международной уголовной ответственности.

Сегодня мы не можем не признать изменений в правовом положении частного лица, прежде всего физического лица в между-

---

ся особым субъектом международного права с ограниченной правосубъектностью, так как в международных отношениях он может нести лишь те конкретные права и обязанности, которые предоставлены ему международным договором или иным источником международного права. Особенностью положения индивида остается то, что несмотря на возможность непосредственного и самостоятельного осуществления международно признанных прав, все-таки часть из них личность реализует через посредство государства» (Кузнецова И.С. Правосубъектность индивида в международном праве // elib.bsu.by. С. 57).

[1] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2007. С. 37.

[2] Аречага Э.Х. де. Современное международное право. М., 1983. С. 259–260.

народном праве, которое получило возможность непосредственно участвовать в отдельных видах отношений, регулируемых международным правом. Однако такие трансформации не повлияли на закрепление за человеком того же правового статуса, который имеется у государства при участии во всем комплексе международных отношений. В противном случае это привело бы к пересмотру самой сущности международного права как международного публичного права.

Об изменении самого «качества» международных отношений с участием индивида говорит Я.С. Кожеуров: «Выход некоторых отношений с участием индивидов на новый уровень правового регулирования происходит на основе желания и соглашения самих государств. <…> Государства добровольно ограничивают свой суверенитет в целях наиболее эффективного регулирования отношений, затрагивающих интересы всего мирового сообщества. <…> То, что происходит определенное частичное совмещение предметов международного и внутригосударственного регулирования, не означает смешения международного и национального права. Ведь помимо предмета правового регулирования отличительным признаком системы права является и способ регулирования, а он в международном праве остается прежним — в его основе лежит способ создания норм международного права — согласование воль государств, межгосударственное соглашение»[1].

Соглашаясь с тезисом автора о частичном совмещении предметов международного и внутригосударственного регулирования, можно поспорить с автором в том, что способ регулирования в международном праве остается прежним, он также меняется. Помимо традиционного метода регулирования международного права посредством согласования воль государств («децентрализованный» метод) можно отметить появление «централизованного» (единоличного) метода регулирования общественных отношений, применяемого в интеграционных объединениях государств. Такой метод является производным от децентрализованного метода регулирования, так как сами государства-члены интеграционного объединения приходят к соглашению о передаче определенной сферы внутригосударственной компетенции на наднациональный уровень. Однако данный метод при регулировании интеграцион-

[1] Кожеуров Я.С. О международной правосубъектности индивида. URL: www.msal.ru

ных отношений в рамках региональных интеграционных объединений приобретает черты самостоятельного, автономного метода регулирования.

Развитие международной экономической интеграции потребовало правового обеспечения экономических отношений между государствами. Постепенно сложился новый вид правоотношений, так называемые интеграционные правоотношения, представляющие собой возникающие на основе норм интеграционного права общественные отношения, участники которых имеют субъективные права и юридические обязанности.

Под интеграционным правом[1] в данном случае понимается комплекс норм, регулирующих отношения в области интеграции (т.е создание и функционирование самих организационно-правовых форм интеграции, а также правила, определяющие правовое регулирование в сферах, переданных на общий уровень регулирования, например, таможенно-тарифное регулирование).

Так, в экономическом союзе на общий (наднациональный) уровень регулирования могут быть переданы такие сферы общественных отношений, как таможенно-тарифная сфера и нетарифное регулирование, техническое регулирование, общие принципы и правила конкуренции, государственные (муниципальные) закупки, защита прав потребителей, обращение лекарственных средств и медицинских изделий, применение санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер, торговля услугами, осуществление инвестиций, энергетика, транспорт, интеллектуальная собственность и др.[2] Предполагается, что правовое регулирование в данных сферах осуществляется на наднациональном уровне посредством принятия унифицированных правовых актов, при этом национальное законодательство применяется субсидиарно.

Наднациональные правовые акты распространяют свое действие не только на публично-правовые лица (государства и органы интеграции), но и на частные лица (юридические и физические). Например, таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе осуществляется на основе Таможенного кодекса Таможенного союза, которое распространяется на всю террито-

---

[1] Об интеграционном и коммунитарном праве см. подробнее гл. 4 настоящей монографии.

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // СПС КонсультантПлюс.

рию Таможенного союза и на субъектов публичного и частного права, т.е. на всех лиц, перемещающих товары через таможенную границу Таможенного союза, осуществляющих их перевозку по единой таможенной территории Таможенного союза под таможенным контролем, временное хранение, таможенное декларирование, выпуск и использование в соответствии с таможенными процедурами, проведение таможенного контроля, уплату таможенных платежей, а также распространяется на властные отношения между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения указанными товарами[1].

Так же и Протоколы о техническом регулировании (Приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.), о защите прав потребителей (Приложение № 13 к Договору о ЕАЭС) касаются не только публичных лиц, но и частных лиц, например, «изготовителей», «исполнителей», под которыми понимаются организации независимо от формы (вида) собственности, а также физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, развитие международной экономической интеграции привело к постановке вопроса о включении частных лиц, прежде всего, физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц в состав субъектов международных интеграционных правоотношений.

Следующим доводом в пользу наличия у частных лиц ограниченной международной правосубъектности можно считать наделение их прямыми и непосредственными правами и обязанностями на основании правовых актов, принимаемых в сферах, переданных на наднациональное регулирование, а также предоставление им права на обращение в судебные инстанции интеграционных объединений (Суд ЕС, Суд ЕАЭС и др.).

В основе правового обеспечения интеграции лежит международный договор, традиционный источник международного публичного права, представляющий собой результат согласования воль суверенных государств. Международный договор решает принципиальные вопросы создания и функционирования интеграционного объединения: регламентирует его цели и задачи, систему органов, определяет часть компетенции, передаваемой на

[1] Пункт 1 ст. 1 Таможенного кодекса Таможенного союза (Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г.).

наднациональный уровень, называет направления общей, согласованной и скоординированной политики и др. Так, в Договоре о ЕАЭС этому вопросу посвящен отдельный раздел II — Основные принципы, цели, компетенция и право Союза.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС право Союза образуют:

- Договор о ЕАЭС;
- международные договоры в рамках Союза;
- международные договоры Союза с третьей стороной;
- решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

В ст. 6 Договора о ЕАЭС не закреплено правила о прямом действии решений органов ЕАЭС, более того, п. 1 данной статьи предусматривает, что решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. Таким образом, устанавливается положение, согласно которому данные правовые акты будут инкорпорированы в национальное законодательство посредством механизма, установленного на внутригосударственном уровне.

Однако в Положении о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС; п. 13) сказано, что «Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов».

В данном случае мы видим уже другую картину: решения Евразийской экономической комиссии обладают непосредственным применением на территориях государств-членов ЕАЭС, а значит, для их введения в действие не требуется применения «традиционного» имплементационного механизма. Это свидетельствует о наличии элементов наднациональности в ЕАЭС, про-

являющихся в том числе в установлении непосредственного действия решений ЕЭК.

Анализ решений ЕЭК показывает, что они были приняты по вопросам, затрагивающим различные сферы хозяйственной деятельности, и распространяют свое действие в том числе на частных лиц. Например, решение Комиссии Евразийского экономического союза от 14.10.2010 № 422 «О форме таможенной декларации на транспортное средство и Инструкции о порядке ее заполнения» определяет порядок заполнения таможенной декларации на транспортное средство в письменной форме. Исходя из текста документа ясно, что Инструкция предназначена для заявителя (декларанта), которым может быть как физическое лицо, так и, например, индивидуальный предприниматель (осуществляющий перевозку товаров).

А решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 46 «О Порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии» от 19 марта 2013 г. определяет порядок рассмотрения обращений заявителей, под которыми, согласно данному акту, понимаются зарегистрированные в соответствии с законодательством государства-члены Таможенного союза и Единого экономического пространства или третьего государства юридическое либо физическое лицо в качестве предпринимателя (хозяйствующий субъект).

Решения Коллегии ЕЭК[1] о классификации тех или иных товаров применяются предпринимателями при классификации данных товаров на основе Товарной номенклатуры внешнеэкономической

[1] Решение Коллегии ЕЭК от 8 декабря 2015 г. № 165 «О классификации водно-спиртового раствора формальдегида по Единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС», Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 декабря 2015 г. № 164 «О классификации биметаллического радиатора отопления по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 1 декабря 2015 г. № 156 «О классификации листов из композитного материала, имитирующего природный камень, по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» и др.

деятельности (ТН ВЭД) ЕАЭС при подаче таможенной декларации Таможенного союза.

Таким образом, даже из приведенного небольшого перечня правовых актов видно, что решения ЕЭК действуют в отношении частных лиц и не требуют принятия каких-либо внутригосударственных актов для их введения в действие, так как они обладают непосредственным применением на территории государств-членов ЕАЭС. Следовательно, частные лица становятся участниками интеграционных правоотношений в силу распространения на них прав и обязанностей, закрепленных данными решениями.

Хозяйствующим субъектам (юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям), осуществляющим свою деятельность на территории Таможенного союза либо единого рынка, как правило, предоставляется право на обращение в суд интеграционного объединения.

Так, согласно Статуту Суда ЕАЭС (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС) хозяйствующие субъекты могут обращаться в Суд ЕАЭС с заявлением об обжаловании решений, а также действий (бездействия) Комиссии ЕАЭС, если такое решение или его отдельные положения или соответственно действие (бездействие) Комиссии повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта[1].

---

[1] «39. Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза…

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В других интеграционных объединениях перечень оснований, по которым частные лица могут обращаться в интеграционные суды, расширен. Например, правом на обращение в Андский суд с исками о недействительности в отношении решений и резолюций органов Сообщества обладают помимо государств-членов Андского сообщества, Совета министров иностранных дел, Комиссии, Генерального секретариата, физические и юридические лица. Частные лица могут предъявлять иск об аннулировании в том случае, если оспариваемый акт нарушает их субъективные права или законные интересы[1].

Физические или юридические лица, права которых нарушены неисполнением своих обязательств государством-членом Андского сообщества, также могут обращаться в Генеральный секретариат и в Суд в соответствии с процедурой по искам о неисполнении, предусмотренной Договором о создании Андского суда[2].

Кроме того, если Андский совет министров иностранных дел, Комиссия Андского сообщества или Генеральный секретариат отклоняются от осуществления деятельности, которая является обязательной в силу закрепления в правопорядке Андского сообщества, данные органы, государства-члены или физические и юридические лица могут требовать выполнения таких обязательств; если же в течение 30 дней ходатайство о выполнении обязательств не будет удовлетворено, заявитель вправе обратиться в Суд в порядке иска о бездействии[3].

Частные лица могут договориться о передаче в арбитраж Андского суда споров, которые возникают из применения или толко-

---

Для целей настоящего Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства».

[1] См. ст. 17–19 Договора о создании Суда Андского сообщества от 10 марта 1996 г. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=29&tipo=SA&title=tribunal-de-justicia-de-la-comunidad-andina

[2] См. ст. 25 Договора о создании Суда Андского сообщества от 10 марта 1996 г. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=29&tipo=SA&title=tribunal-de-justicia-de-la-comunidad-andina

[3] См. ст. 37 Договора о создании Суда Андского сообщества от 10 марта 1996 г. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=29&tipo=SA&title=tribunal-de-justicia-de-la-comunidad-andina

вания положений, содержащихся в контрактах частного права и регулируемых правопорядком Андского сообщества[1]. Частные лица могут обратиться в Секретариат Суда для рассмотрения в порядке административного арбитража споров, возникающих из применения или толкования положений, содержащихся в контрактах частного права и регулируемых правопорядком Сообщества[2].

В компетенцию Андского суда входит рассмотрение трудовых споров, которые могут возникнуть в органах или институтах Андской системы интеграции[3]. В данном случае имеются в виду споры, возникающие между органами и институтами Андской системы интеграции и ее служащими.

Субъектами Европейского союза (ЕС) выступают не только государства, входящие в его состав, но и непосредственно юридические лица и граждане западноевропейских стран. Последние получили такой статус во многом благодаря судебной практике[4]. В основном иски, поданные частными лицами, рассматривает Трибунал (бывший Трибунал первой инстанции Суда ЕС). К ведению Трибунала относятся, в том числе:

- иски в связи с судебным контролем об аннулировании актов и в связи с бездействием, предъявленные частными лицами или компаниями в соответствии со ст. 263 и 265 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС);
- иски в связи с недоговорной ответственностью (из возмещения вреда), предъявленные частными лицами и компаниями в соответствии со ст. 268 ДФЕС;
- иски в связи с контрактами, предъявленные частными лицами и компаниями в соответствии со ст. 272 ДФЕС.

Трудовые споры между органами Союза и их служащими по первой инстанции рассматриваются специализированным Трибу-

---

[1] См. ст. 38 Договора о создании Суда Андского сообщества от 10 марта 1996 г. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=29&tipo=SA&title=tribunal-de-justicia-de-la-comunidad-andina

[2] См. ст. 39 Договора о создании Суда Андского сообщества от 10 марта 1996 г. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=29&tipo=SA&title=tribunal-de-justicia-de-la-comunidad-andina

[3] См. ст. 40 Договора о создании Суда Андского сообщества от 10 марта 1996 г. URL: http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=29&tipo=SA&title=tribunal-de-justicia-de-la-comunidad-andina

[4] Самович Ю.В. Право на обращение в Европейский суд по правам человека. М., 2016. С. 52.

налом по делам гражданской службы в соответствии со ст. 270 ДФЕС. Лиссабонский договор (2007 г.) увеличил права физических и юридических лиц по обращению за защитой в Суд ЕС:

1) частным лицам предоставлено право оспаривать регламентарные акты ЕС (абз. 4 ст. 263 ДФЕС), например, регламенты Совета о фиксировании цен на сельскохозяйственную продукцию и о других мерах в сфере общей сельскохозяйственной политики Союза;
2) Суд ЕС уполномочен контролировать правомерность решений, которыми вводятся ограничительные меры против физических и юридических лиц (абз. 2 ст. 275 ДФЕС)[1].

Динамика обращений хозяйствующих субъектов в Суд ЕАЭС на протяжении 2015–2016 гг. (см. схему далее) показывает достаточно большое число обращений частных лиц в судебный орган Союза. Между тем в 2016 г. выросло число обращений в Суд публичных лиц, поэтому о соотношении числа заявлений, поступивших от частных либо публичных субъектов, можно будет судить по прошествии времени, когда сформируется более продолжительная практика деятельности интеграционного суда.

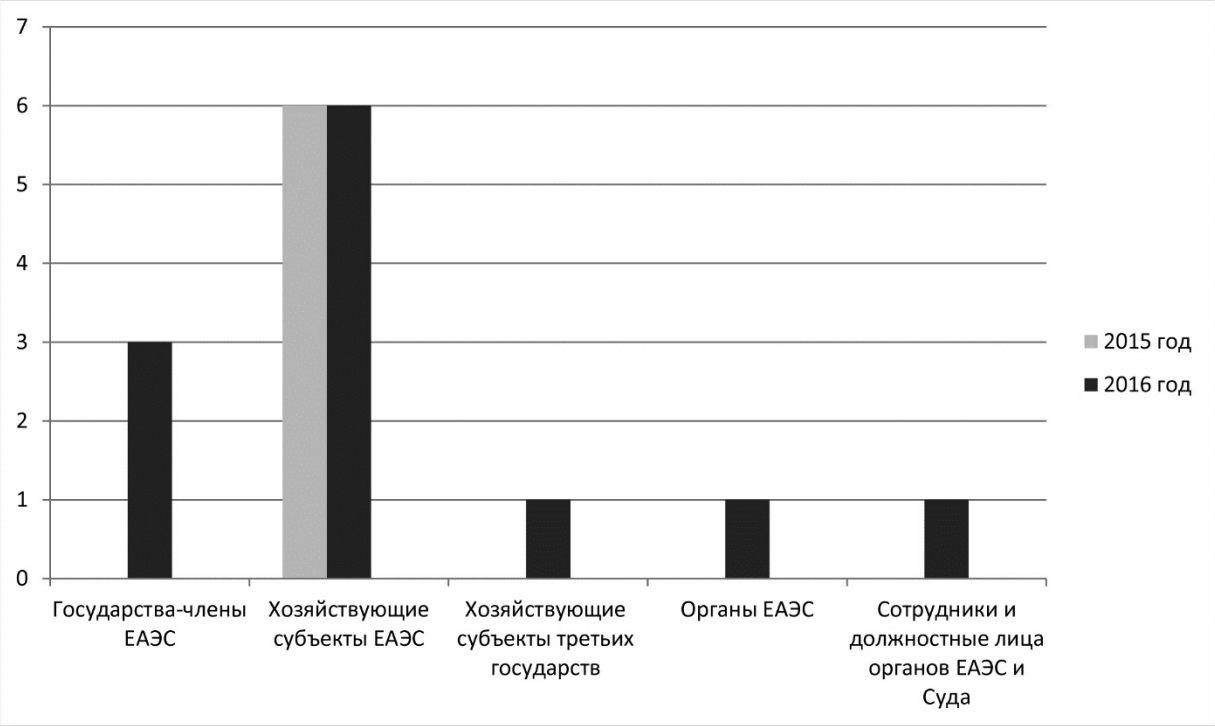
В 2015 г. число хозяйствующих субъектов, направивших в Суд ЕАЭС заявления о разрешении спора, было 6. В 2016 г. их стало 7, при этом 4 заявления об обжаловании ранее вынесенных решений Коллегии Суда ЕАЭС. Кроме того, в 2016 г. было подано 1 заявление о разъяснении решения органа Союза, связанного с трудовыми правоотношениями, от сотрудников и должностных лиц органа ЕАЭС (Евразийской экономической комиссии). Количество заявлений от публичных лиц в 2016 г. возросло: от государств-членов ЕАЭС поступило 3 заявления; от органов ЕАЭС — 1 заявление.

Итак, вышеописанное положение дел свидетельствует о «наработке» практики обращения в Суд ЕАЭС: если в первый год работы Суда (2015 г.) заявителями были только хозяйствующие субъекты, то в 2016 г. в Суд обращались государства-члены ЕАЭС, сотрудники и должностные лица органа ЕАЭС (ЕЭК) и орган ЕАЭС (ЕЭК).

---

[1] Самович Ю.В. Указ. соч. С. 53–54.

Субъекты обращений в Суд ЕАЭС в 2015–2016 гг.[1]



Проявившийся интерес и в то же время «настороженное» отношение хозяйствующих субъектов к Суду ЕАЭС свидетельствуют о постепенном формировании практики рассмотрения дел Судом Союза с участием частных лиц. Механизм защиты прав частных лиц в интеграционном судебном органе непрост. Хозяйствующий субъект, обжалуя решение, действие (бездействие) интеграционного органа, вступает в спор с публичным лицом, и ему необходимо доказать, что неправомерное решение либо действие (бездействие) органа интеграции повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза его прав и законных интересов.

На трудность отстаивания своей позиции в Суде ЕАЭС влияет и несовершенство правовых актов Союза, которые в некоторых случаях не позволяют однозначно установить, обладает ли частное лицо тем или иным правом, обязанностью, обеспечены ли они юридической ответственностью.

Примером наличия пробела в правовом закреплении статуса частных лиц (в части наличия права на обращение в ЕЭК за проведением мониторинга) может служить дело по заявлению инди-

[1] Данные о деятельности Суда ЕАЭС приведены по состоянию на ноябрь 2016 г.

видуального предпринимателя (ИП) К.П. Тарасика[1]. ИП Тарасик Константин Петрович обратился в Суд ЕАЭС с заявлением о признании оспариваемого бездействия ЕЭК не соответствующим международным договорам в рамках ЕАЭС и нарушающим его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Коллегия Суда ЕАЭС 28 декабря 2015 г. вынесла решение об отказе в удовлетворении заявления ИП К.П. Тарасика Тогда предприниматель обратился в Суд с заявлением об обжаловании решения Коллегии Суда от 28 декабря 2015 г. и в обоснование своего несогласия с вышеупомянутым решением привел ряд доводов. Один из доводов касался неисполнения возложенных на ЕЭК функций по контролю и мониторингу исполнения международных договоров и решений Комиссии в соответствии со ст. 18 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г.

Коллегия Суда в своем решении от 28 декабря 2015 г. постановила, что «при отсутствии прямого запрета на направление в Комиссию требования по проведению мониторинга для хозяйствующих субъектов, они могут быть не только источниками информации, но и поводом проведения мониторинга. Однако для начала установленной процедуры хозяйствующему субъекту необходимо представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена существуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза и Таможенного союза, в государствах-членах Союза складывается разная практика применения международных договоров. ИП К.П. Тарасиком в Комиссию не представлены доказательства неисполнения Республикой Казахстан международно-правовых обязательств в рамках ТС и ЕЭП, отсутствия единообразной практики применения международных договоров государствами-членами Союза» (стр. 17–18 решения Коллегии Суда). В итоге Коллегия Суда пришла к выводу, «что

[1] Решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 г. по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии. URL: http://courteurasian.org/page-24051; Решение Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 г. об обжаловании решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 г.; Особое мнение судьи Т.Н. Нешатаевой об оспаривании бездействия ЕЭК. URL: http://courteurasian.org/page-24161

непроведение Комиссией мониторинга и контроля по доводам ИП К.П. Тарасика не может считаться неправомерным бездействием» (стр. 19 решения Коллегии Суда).

Апелляционная палата Суда ЕАЭС согласилась с выводами Коллегии Суда в части мониторинга (см. п. 8.7 решения от 3 марта 2016 г.). «По мнению Апелляционной палаты, если субъектом обращения в Комиссию с просьбой об инициировании процедуры мониторинга и контроля является хозяйствующий субъект, то conditio sine qua non (необходимым условием) для совершения Комиссией юридически значимых действий должны быть достаточные и объективно обоснованные сведения о нарушении прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Факты отсутствия таких сведений, их непредставления, а равно отсутствия самого нарушения не порождают встречной обязанности Комиссии проводить мониторинг и контроль в соответствии с подпунктом 4 п. 43 Положения о Комиссии, поскольку ex facto jus oritur (право возникает из факта)» (стр. 19 решения Апелляционной палаты Суда).

Принимая во внимание решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 г. и решение Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 г., представляется возможным отметить по поводу мониторинга следующее. Анализ нормативной правовой базы Таможенного союза и ЕАЭС в области мониторинга и контроля свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствует какой-либо международно-правовой акт, закрепляющий общие положения о порядке и правилах проведения Комиссией мониторинга и контроля, определяющий круг субъектов, управомоченных инициировать мониторинг и контроль, устанавливающий требования к рассмотрению запроса о проведении данных процедур и порядке его изучения и оформления ответа и др.

Нормы Положения о Комиссии (Приложение № 1 к Договору о Союзе) (п. 24, 43, 52, 55) показывают, что в данных пунктах отсутствуют правила о порядке и процедуре проведения мониторинга и контроля, а также о субъектах, имеющих право их инициировать. К функциям и полномочиям Совета Комиссии отнесено рассмотрение результатов мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза (подп. 4 п. 24 Положения о Комис-

сии). Коллегия Комиссии осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства-члены о необходимости их исполнения (подп. 4 п. 43 Положения о Комиссии).

Не были закреплены положения о процедуре, порядке осуществления мониторинга и контроля, а также их субъектах и в Договоре о ЕЭК от 18 ноября 2011 г., действовавшем до вступления в силу Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.

Таким образом, можно говорить о наличии пробела в правовом регулировании процедуры проведения мониторинга и контроля, осуществление которых возложено на Комиссию, что создает правовую неопределенность для хозяйствующих субъектов и тем самым влияет на эффективность защиты ими прав в рамках ЕАЭС. Нормативно на уровне Союза не установлено, обладает ли хозяйствующий субъект правом на обращение за проведением мониторинга и контроля к Комиссии, какие требования предъявляются к его обращению, какие документы и доказательства он должен представить, в какой форме и в какие сроки ему должен быть предоставлен ответ.

Вопрос об осуществлении мониторинга и контроля уже был предметом рассмотрения в Суде Евразийского экономического сообщества (далее — Суд ЕврАзЭС). Так, Апелляционная палата Суда ЕврАзЭС в своем решении от 7 октября 2014 г.[1] постановила, что «Комиссии следует принимать заявления хозяйствующих субъектов о начале процедуры мониторинга и осуществлять мониторинг, но лишь в том случае, если подателем заявления о начале мониторинга представлены достаточные доказательства нарушения его прав и законных интересов, явившиеся следствием неединообразного применения одних и тех же норм права. Непредставление хозяйствующим субъектом таких доказательств оправдывает отказ в проведении мониторинга» (стр. 12 решения Суда ЕврАзЭС от 7 октября 2014 г.).

---

[1] Решение Суда Евразийского экономического сообщества от 7 октября 2014 г. «Об оставлении без изменения Решения Суда Евразийского экономического сообщества от 30.05.2014, которым было отказано в удовлетворении жалобы об оспаривании действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии по отказу в направлении запроса в Суд Евразийского экономического сообщества о толковании и разъяснении применения международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза».

На момент подачи обращения в Комиссию заявитель (ИП К.П. Тарасик) мог реализовать свое право на защиту своих прав и законных интересов в судебном и внесудебном порядке посредством обращения в Суд ЕврАзЭС[1] и в Комиссию[2] как к органу досудебного урегулирования спора, но не в полном объеме, так как отсутствие правовой определенности в вопросе о процедуре проведения мониторинга и контроля повлияло на то, что заявитель не смог использовать все возможные способы защиты своих прав в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

По сути, положения о мониторинге и контроле, закрепленные в Положении о Комиссии, являются неприменимыми для хозяйствующих субъектов в силу того, что их формулировки адресованы прежде всего публичным субъектам межгосударственной интеграции, а их конкретизация применительно к частным субъектам отсутствует, что влияет на эффективность защиты хозяйствующими субъектами своих прав и законных интересов, так как не позволяет им в полной мере реализовать все возможные способы защиты нарушенных прав и законных интересов в рамках Таможенного союза и ЕАЭС.

Неотъемлемым элементом международного правового статуса частных лиц является ответственность. В Договоре о ЕАЭС, так же как и в Таможенном кодексе Таможенного союза, большинство норм, устанавливающих права и обязанности субъектов интеграции, не обеспечены санкциями за их нарушение.

Анализируя нормы Договора о ЕАЭС и Таможенного кодекса Таможенного союза, можно увидеть, что в них содержатся отсылочные нормы к национальному законодательству об установлении юридической ответственности, например:

---

[1] Порядок рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденный Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013 г. № 46.

[2] Статут Суда Евразийского экономического союза от 5 июля 2010 г., Договор об обращении в Суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 9 декабря 2010 г.

№	*Название акта, номер статьи*	*Содержание*
1	Абз. 5 п. 5 Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг (Протокол № 18 к Договору о ЕАЭС)	В случае неуплаты, неполной уплаты косвенных налогов, уплаты таких налогов с нарушением срока, установленного настоящим пунктом, налоговый орган взыскивает косвенные налоги и пени в порядке и размере, **установленных законодательством государства-члена,** с территории которого экспортированы товары, а также применяет способы обеспечения исполнения обязательств по уплате косвенных налогов, пеней и меры ответственности, **установленные законодательством этого государства-члена**.
2	П. 8 Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг (Протокол № 18 к Договору о ЕАЭС)	Если представленные налогоплательщиком сведения о перемещении товаров и уплате косвенных налогов не соответствуют данным, полученным в рамках установленного между налоговыми органами государств-членов обмена информацией, налоговый орган взыскивает косвенные налоги и пени в порядке и размере, предусмотренных **законодательством государства-члена,** с территории которого экспортированы товары, а также применяет способы обеспечения исполнения обязательств по уплате косвенных налогов, пеней и меры ответственности, **установленные законодательством этого государства-члена**.
3	П. 37 Протокола о порядке регулирования закупок (Приложение № 25)	В целях обеспечения прав и законных интересов лиц в сфере закупок, а также осуществления контроля за соблюдением законодательства государства-члена о закупках каждое из государств-членов в соответствии **со своим законодательством** обеспечивает наличие уполномоченных регулирующих и (или) контролирующих органов власти в сфере закупок.
4	П. 2 ст. 6 Таможенного кодекса Таможенного союза	Система таможенных органов, их права, обязанности и ответственность, а также условия прохождения службы в таможенных органах определяются **законодательством государств-членов Таможенного союза**.
5	П. 3 ст. 7 Таможенного кодекса Таможенного союза	Таможенные органы государств-членов Таможенного союза ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях и привле-

№	*Название акта, номер статьи*	*Содержание*
		кают лиц к административной ответственности в соответствии **с законодательством государств-членов Таможенного союза.**
6	Ст. 189 Таможенного кодекса Таможенного союза	Декларант несет ответственность в соответствии с **законодательством государств-членов Таможенного союза** за неисполнение обязанностей, предусмотренных ст. 188 настоящего Кодекса, а также за заявление недостоверных сведений, указанных в таможенной декларации, в том числе при принятии таможенными органами решения о выпуске товаров с использованием системы управления рисками.
7	Ст. 207 Таможенного кодекса Таможенного союза	Ответственность за несоблюдение условий и требований таможенной процедуры несет декларант в соответствии **с законодательством государств-членов Таможенного союза.**
8	Ст. 224 Таможенного кодекса Таможенного союза	1. При недоставке товаров и документов на них в таможенный орган назначения перевозчик несет ответственность в соответствии **с законодательством государства-члена Таможенного союза**, таможенным органом которого товары помещены под таможенную процедуру таможенного транзита. 2. За неисполнение своих обязанностей при перевозке товаров в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, за исключением случая, указанного в п. 1 настоящей статьи, перевозчик несет ответственность **в соответствии с законодательством государства-члена Таможенного союза**, на территории которого выявлено нарушение.

До настоящего времени унификация даже самых общих вопросов и подходов к установлению юридической ответственности на уровне международных договоров или актов Союза не была произведена, что осложняет формирование полной «триады» правового статуса частных лиц (права, обязанности, ответственность).

Только в отдельных статьях Договора о ЕАЭС содержатся нормы, постановляющие о необходимости гармонизации законодательства об ответственности государств-членов Союза. Например, в подп. 9 п. 4 Протокола о мерах, направленных на проведе-

ние согласованной валютной политики (Приложение № 15 к Договору о ЕАЭС) закреплено, что в целях сближения законодательства государств-членов, регулирующего валютные правоотношения, и принятия мер либерализации государства-члены обеспечивают гармонизацию норм об ответственности за нарушение валютного законодательства государств-членов.

В отдельных статьях Договора о ЕАЭС предусматривается иной подход к закреплению юридической ответственности.

Например, в ст. 98 Договора о ЕАЭС имеется «традиционная» для международного частного права привязка «места совершения работы»: трудящиеся государства-члена и члены семей обязаны соблюдать законодательство государства трудоустройства, уважать культуру и традиции народов государства трудоустройства, нести ответственность за совершенные правонарушения в соответствии с законодательством государства трудоустройства.

А п. 3 ст. 33 Договора о ЕАЭС устанавливается механизм межгосударственной ответственности за выполнение обязательств по заключаемым государствами-членами Союза международным договорам в области внешнеторговой политики: «3. <…> Союз несет ответственность за выполнение обязательств по заключаемым им международным договорам и реализует свои права по этим договорам».

Следующая проблема, касающаяся характеристики правового статуса частных лиц, заключается в ограниченной компетенции международных региональных судов. Компетенция Суда ЕАЭС и Экономического суда СНГ не позволяет рассматривать споры с участием физических лиц. Однако необходимость в защите своих прав, предоставленных интеграционными соглашениями, возникает не только у хозяйствующих субъектов, но и у граждан государств-членов интеграционных объединений. Так, в 2015 г. в Суд ЕАЭС поступило 5 обращений от граждан государств-членов Союза, тогда как в 2016 г. (по состоянию на ноябрь) — 9. Обращения граждан касаются вопросов сотрудничества государств в области социального обеспечения, содействия в назначении льготных пенсий, порядка перемещения товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, определения размера заработка для назначения пенсий военнослужащим в связи с перетарификацией должностей, порядка регистрации при пересечении государственной границы и др.

В Экономическом Суде СНГ практикуется использование механизма, когда Исполнительный комитет СНГ обращается в Экономический суд СНГ по запросу гражданина в защиту его прав. Так, Экономический Суд СНГ рассмотрел ряд дел о толковании отдельных положений Соглашения о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств-участников СНГ от 15 мая 1992 г., в том числе, решение ЭС СНГ от 6 февраля 2009 г. № 01-1/2-08, консультативное заключение ЭС СНГ от 12 апреля 2012 г. № 01-1/4-11, консультативное заключение от 27 мая 2014 г. № 01-1/5-13[1] по запросу Исполнительного комитета СНГ на основании обращения в него граждан государств-членов СНГ.

Представляется, что в рамках ЕАЭС также должен быть налажен канал взаимодействия граждан и органов ЕАЭС, например, посредством рассмотрения обращений, поступающих от физических лиц, Комиссией либо посредством обращения государств в Суд ЕАЭС с запросом о разъяснении по запросу предпринимателей.

---

[1] Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств обратился в Экономический суд Содружества Независимых Государств (далее — Экономический суд, Суд) с запросом о толковании ст. 1 Соглашения о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 мая 1992 г. (далее — Соглашение от 15 мая 1992 г., Соглашение).

Основанием запроса послужило обращение бывшего военнослужащего внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Казахстан, из которого следует, что компетентные органы государства по месту постоянного жительства отказали ему в просьбе о первичном назначении пенсии за выслугу лет, ссылаясь на то, что такая пенсия должна назначаться в государстве по месту увольнения военнослужащего со службы, и лицо, прибывшее на постоянное место жительства из другого государства-участника Соглашения, которому при увольнении не была назначена пенсия, оснований для назначения ему пенсии за выслугу лет не имеет. Исполнительный комитет СНГ просит разъяснить: имеют ли военнослужащие государств-участников Соглашения, уволенные с военной службы и прибывшие на постоянное место жительства в другое государство-участник Соглашения, право на первичное назначение пенсии за выслугу лет в соответствии с законодательством государства нового места жительства, если по законодательству государства места прохождения службы они не приобрели права на назначение пенсии за выслугу лет. URL: http://sudsng.org/download_files/rh/2014/zk_01-1_5-13_20140527.pdf

Таким образом, нельзя не признать того, что субъектами международных интеграционных правоотношений являются хозяйствующие субъекты (предприниматели и юридические лица). Существующие пробелы в нормативно-правовом закреплении правового статуса хозяйствующих субъектов негативно отражаются на реализации предоставленных им прав и обязанностей в системе международной региональной интеграции. Правовой статус хозяйствующих субъектов как участников интеграции более четко определен, чем правовой статус физических лиц — граждан государств-членов интеграционного объединения, которые не всегда наделены правом на обращение в судебные интеграционные органы. Таким образом, правовой статус частных лиц в интеграционных правоотношениях только формируется.

Глава 11
Тенденции и особенности гармонизации и унификации частного права в условиях евразийской интеграции

(Муратова О.В.)

Интенсификация трансграничного движения товаров, услуг и капиталов привела к необходимости создания единого рынка и, следовательно, взаимодействию хозяйственных механизмов разных стран. Вместе с тем даже в условиях глобализации формирование подобного единого всемирного экономического пространства представляется невозможным в силу существенных отличий в правовых системах государств[1]. Интеграционные процессы охватывают отдельные страны с различной степенью интенсивности. В рамках общего интеграционного потока выделяются группы стран, которые наиболее тесно связаны историческими, географическими, экономическими, политическими, культурными, религиозными и иными узами и интересами. На базе таких общностей возникают региональные и субрегиональные интеграционные межгосударственные объединения[2]. В настоящее время в мире насчитывается около 20 международных экономических объединений интеграционного типа[3]. Среди них можно выделить следующие: в Западной Европе — Европейский союз (ЕС)[4] и Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ)[5]; в Северной Америке — Североамериканскую зону свободной

---

[1] См. подробнее: Перевалов В.Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 7–14.

[2] См. подробнее: Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 42–52.

[3] См. подробнее: Международные экономические отношения: Учебник для вузов/ Е.Ф. Жуков, Т.И. Капаева, Л.Т. Литвиненко и др.; под ред. проф. Е.Ф. Жукова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.

[4] Европейский союз включает 28 стран: Австрию, Бельгию, Болгарию, Великобританию (23 июня 2016 г. в Великобритании состоялся референдум, по итогам которого было принято решение о выходе Великобритании из ЕС), Венгрию, Германию, Грецию, Данию, Ирландию, Испанию, Италию, Кипр, Латвию, Литву, Люксембург, Мальту, Нидерланды, Польшу, Португалию, Румынию, Словакию, Словению, Финляндию, Францию, Хорватию, Чехию, Швецию, Эстонию.

[5] Европейская ассоциация свободной торговли включает 4 страны: Исландию, Лихтенштейн, Норвегию, Швейцарию.

торговли (НАФТА)[1]; в Азиатско-тихоокеанском регионе — Азиатско-тихоокеанскую зону экономического сотрудничества (АТЭС)[2]; в Азии — Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)[3]; в Латинской Америке — Латино-американскую ассоциацию интеграции (ЛАИ)[4], Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР)[5], Андское сообщество[6]; в Африке — Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС)[7] и Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС)[8]. Рост числа региональных интеграционных объединений свидетельствует о том, что путем совместных усилий можно достичь больших экономических успехов в каждом из договаривающихся государств.

Россия также является участником значительного количества региональных и субрегиональных интеграционных объединений. Особое значение для нашей страны имеют те из них, которые созданы на постсоветском пространстве, поскольку в данном случае экономическая интеграция выступает основным, если не единственным, способом, позволяющим занять утраченные бывшими

---

[1] Североамериканская зона свободной торговли включает 3 страны: Канаду, Мексику, США.

[2] Азиатско-тихоокеанская зона экономического сотрудничества включает 21 страну: Австралию, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Канаду, Китай, Корею, Индонезию, Малайзию, Мексику, Новую Зеландию, Папуа — Новую Гвинею, Перу, Россию, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили, Японию.

[3] Ассоциация государств Юго-Восточной Азии включает 10 стран: Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

[4] Латиноамериканская ассоциация интеграции включает 11 стран: Аргентину, Боливию, Бразилию, Венесуэлу, Колумбию, Мексику, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор.

[5] Общий рынок стран Южной Америки включает 6 государств: Аргентину, Боливию, Бразилию, Венесуэлу, Парагвай, Уругвай.

[6] Андское сообщество включает 4 страны: Боливию, Колумбию, Эквадор, Перу.

[7] Экономическое сообщество государств Западной Африки включает 15 стран: Бенин, Буркина-Фасо, Гамбию, Гану, Гвинею, Гвинею-Бисау, Кот-д'Ивуар, Кабо-Верде, Либерию, Мали, Нигер, Нигерию, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того.

[8] Экономическое сообщество стран Центральной Африки включает 10 стран: Анголу, Бурунди, Габон, Демократическую республику Конго, Камерун, Конго, Сан-Томе и Принсипи, Центральноафриканскую Республику, Чад, Экваториальную Гвинею.

союзными республиками зарубежные рынки, а также сохранить национальную промышленность в условиях жесткой конкурентной борьбы с иностранным капиталом, действующим на их территории[1]. В числе таких интеграционных объединений следует назвать Союзное государство России и Белоруссии[2], Содружество Независимых Государств (далее — СНГ), Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС).

Образование самостоятельных государств на месте некогда единого государства — СССР — привело к значительному нарушению связей в правовом регулировании частноправовых отношений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, что отрицательно сказалось на развитии экономики и в конечном итоге на благосостоянии народов этих государств[3]. Основными целями интеграции в рамках евразийского пространства[4], как следует из Договора о ЕАЭС, являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики (ст. 4)[5]. Достижение указанных целей невозможно без проведения согласованной законодательной политики в отдельных сферах, т.е. без сближения правовых систем.

---

[1] См. подробнее: Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 134–138.

[2] Союзное государство учреждено в соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства», который вступил в силу 26 января 2000 г.

[3] Менглиев Ш.М. Объективная необходимость гармонизации правовых систем стран СНГ // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2. С. 156–165.

[4] Об этапах евразийской интеграции см.: Дроздова С.А. Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз: историко-правовой аспект этапов интеграции // Таможенное дело. 2013. № 1. С. 2–4; Дроздова С.А. Таможенный союз и Единое экономическое пространство — основа формирования Евразийского экономического союза // Таможенное дело. 2014. № 4. С. 12–15.

[5] См. подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции.

Под сближением правовых систем понимают целенаправленную деятельность, которая ставит задачей создание, введение в действие при посредстве международно-правовых механизмов и обеспечение применения сходных или идентичных правовых предписаний, обеспечивающих стирание различий в правовой регламентации отношений определенного рода для удобства осуществления транснациональных отношений[1]. Такое сближение осуществляется посредством двух взаимосвязанных, но различающихся по своему содержанию процессов — унификации и гармонизации права[2].

Унификация частного права разных государств и государственных образований — закономерность развития частного права[3]. Унификация права означает создание полностью единообразных норм — правил поведения сторон в том или ином гражданском правоотношении, о применении которых договорились государства в разработанных ими специально для этих целей актах международно-правового характера, и которые являются готовыми к применению[4]. В качестве основных инструментов унификации и форм, в которых воплощаются унифицированные нормы, могут выступать интеграционные конвенции (т.е. конвенции, в

---

[1] Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 19.

[2] Международное частное право: Учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 93.

[3] См. подробнее: Проблемы унификации международного частного права; Международное частное право: учеб. пособие для бакаларов / отв. ред. Н.И. Марышева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012; Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей / под ред. И.О. Хлестовой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2013; Муратова О.В. Проблемы унификации международного частного права в рамках СНГ и ЕврАзЭС и способы их решения на примере ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4. С. 703–708; Отдельные виды обязательств в международном частном праве / под ред. Н.Г. Дорониной, И.О. Хлестовой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2014; Мажорина М.В. Современные тенденции развития права международной торговли // Журнал российского права. 2014. № 4.

[4] Маковский А.Л. Вопросы теории международно-договорной унификации права и состав международного частного права // Материалы Торгово-промышленной палаты СССР. Вып. 34. М., 1983. С. 26–33.

текст которых включены единые самоисполнимые нормы, рассчитанные на возможность их непосредственного применения для регулирования соответствующих отношений), акты подобные регламентам ЕС[1] (т.е. нормативные акты, которые имеют общее действие, являются обязательными в полном объеме и подлежат прямому применению во всех государствах-участниках), а также международные обычаи[2].

В этой связи значительный интерес представляет опыт Европейского союза как интеграционного объединения, добившегося наибольших успехов в сфере унификации частного права посредством использования инструментов вторичного права[3]. К вторичному праву ЕС относятся документы, принимаемые в соответствии с его учредительными договорами. Самым распространенным и наиболее значимым источником вторичного права является правовой акт. Так, ст. 288 Договора о функционировании Европейского союза 1957 г. (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) выделяет 5 видов правовых актов: регламент, директива, решение, рекомендация и заключение. Указанные документы представляют собой наиболее динамичный институт правовой системы, выступающий регулятором соответствующих общественных отношений в рамках ЕС. Именно нормами вторичного права обеспечивается реальное функционирование Европейского союза, а также свобода перемещения лиц, товаров, услуг, капиталов и др.

Примерами успешной унификации частного права (международного частного права) в рамках ЕС могут служить следующие акты:

- Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) от 17 июня 2008 г. № 593/2008 «О праве, подлежащем приме-

---

[1] Об источниках права ЕС см. подробнее: Белоусова О.В. Источники правового регулирования в рамках Европейского союза: унификация международного частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6. С. 140–145; Белоусова О.В. Унификация законодательства Европейского союза в сфере международного частного права: аналитический обзор // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 2. С. 142–163.

[2] См. подробнее: Современное международное частное право в России и Евросоюзе.

[3] См., например: Муратова О.В. Унификация коллизионных норм международного частного права в Европейском союзе // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 25–28.

нению к договорным обязательствам» (далее — Регламент Рим I). Регламент Рим I заменил Римскую конвенцию от 19 июня 1980 г. «О праве, подлежащем применению к договорным отношениям» (далее — Римская конвенция 1980 г.). Как справедливо отмечается в литературе[1], конвертация Римской конвенции 1980 г. в Регламент Рим I явилась вполне логичным шагом, поскольку принятие актов вторичного права увеличивает степень унификации, создает условия для единообразного толкования таких актов в суде ЕС, а также налагает обязательства по применению унификационных коллизионных норм на новых членов ЕС;

- Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) от 11 июля 2007 г. 864/2007 «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (далее — Регламент Рим II);
- Регламент Европейского Совета от 18 декабря 2008 г. № 4/2009 «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, а также сотрудничестве в области алиментных обязательств»;
- Регламент Европейского совета от 20 декабря 2010 г. № 1259/2010 «О продвинутом сотрудничестве в области определения права, применимого к разводу и раздельному проживанию супругов»;
- Регламент Европейского парламента и Совета от 4 июля 2012 г. № 650/2012 «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, а также принятии и приведении в исполнение аутентичных инструментов по вопросам наследования и о создании европейского сертификата на наследство»;
- Регламент Совета Европейского союза от 13 ноября 2007 г. № 1393/2007/ЕС «О предоставлении между государствами-членами судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам»;
- Регламент Совета Европейского союза от 8 октября 2001 г. № 2157/2001 «О Европейском акционерном обществе (SE)»;

[1] Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / А.И. Абдуллин, Н.М. Артемьева, Д.В. Афанасьев и др.; под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. С. 65.

- Регламент Совета Европейского союза от 22 июля 2003 г. № 1435/2003/ЕС «О Европейском кооперативном обществе (SCE)» и др.

Другим механизмом сближения правовых систем является гармонизация права, которая предполагает создание сходных (при разной степени идентичности) правовых предписаний. Инструментами гармонизации служат международные договоры, содержащие примерные формулировки тех вариантов регулирования, которые должны быть установлены на национальном уровне; модельные акты (кодексы, законы); акты интеграционных объединений подобные директивам ЕС (т.е. акты, обязательные для каждого государства-участника в отношении результата, который требуется достичь, в то время как формы и способы достижения результата государства-участники вправе выбирать самостоятельно). Принятие директив способствует созданию единых правовых рамок в тех сферах отношений, где присутствует административно-правовой метод регулирования[1]. В частности, нормы, посвященные основам статуса физических и юридических лиц (за исключением вопросов создания европейских, наднациональных, организаций) и трудовым отношениям в рамках европейского правового поля унифицированы в большей степени путем директив, поскольку при регламентации таких отношений необходимо применение норм административного, таможенного и других отраслей публичного права государств-членов.

В целом схожий правовой инструмент был предусмотрен и в Евразийском экономическом сообществе (далее — ЕврАзЭС). В ЕврАзЭС сближение правовых систем, как было заявлено в ст. 7 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г., осуществлялось посредством принятия Межпарламентской ассамблеей, в том числе основ законодательства в базовых отраслях права, основополагающих нормативных правовых актов Сообщества, устанавливающих единые для государств-членов начала правового регулирования в соответствующих сферах общественных отношений. Однако за весь период существования ЕврАзЭС были разработаны только концепции

[1] См. подробнее: Власова Н.В., Залоило М.В. Конкретизация положений директив ЕС в законодательстве государств-членов ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5. С. 851–857.

основ законодательства, направленные на упрощение процедур перемещения товаров, услуг, лиц и капиталов между государствами-членами, в частности: Концепция основ законодательства ЕврАзЭС об инвестициях (одобрена постановлением Бюро МПА ЕврАзЭС от 6 апреля 2010 г. № 9), Концепция основ транспортного законодательства ЕврАзЭС (одобрена постановлением Бюро МПА ЕврАзЭС от 16 июня 2003 г. № 4–11), Концепция основ таможенного законодательства ЕврАзЭС (одобрена постановлением Бюро МПА ЕврАзЭС от 16 июня 2003 г. № 5) и др.

Трансформация ЕврАзЭС в ЕАЭС стала следующим шагом евразийской интеграции. Согласно Договору о ЕАЭС право Союза составляют: Договор о ЕАЭС; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения органов ЕАЭС.

Как следует из ст. 2 Договора о ЕАЭС, решение — акт, содержащий положения нормативно-правового характера, а распоряжение — это акт, имеющий организационно-распорядительный характер. Вместе с тем решения органов Союза подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. В Договоре о ЕАЭС также отсутствуют положения об обязательной силе и прямом действии таких актов. Кроме того, Договором о ЕАЭС не определено, устанавливают ли решения органов ЕАЭС единообразные нормы или являются лишь ориентиром для национальных законодательств государств-членов в отношении результата, который требуется достичь. Представляется, что такая неопределенность едва ли будет способствовать сближению правовых систем. Таким образом, основным инструментом гармонизации остается международный договор, что означает необходимость выполнения государствами-членами процедур ратификации и внесения соответствующих изменений во внутреннее законодательство, а также возможность сделать соответствующую оговорку.

В рамках СНГ гармонизация частного права осуществляется преимущественно посредством принятия международных договоров и модельных актов — кодексов и законов, представляющих собой образцы, рекомендуемые государствам для принятия. К таким модельным актам относятся: Рекомендательный законодательный акт от 18 марта 1994 г. «Об общих принципах правового регулирования иностранных инвестиций в государствах-участни-

ках Межпарламентской ассамблеи», Модельный Гражданский кодекс для государств-участников СНГ (ч. 1 от 29 октября 1994 г.; ч. 2 от 13 мая 1995 г.; ч. 3. от 17 февраля 1996 г.), Модельный устав железных дорог от 3 апреля 1999 г., Модельный закон от 9 декабря 2000 г. «О свободных экономических зонах», Модельный закон от 14 апреля 2005 г. «О лизинге», Модельный закон от 25 ноября 2008 г. «Об электронной торговле», Модельный Таможенный кодекс для государств-участников СНГ от 25 ноября 2008 г., Модельный Торговый кодекс для государств-участников СНГ от 3 декабря 2009 г., Модельный Кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ от 7 апреля 2010 г. и др. Однако следует отметить невысокую эффективность такого способа гармонизации, поскольку государства при разработке национального законодательства могут использовать, например, различные редакции модельных актов, вследствие рекомендательного характера которых внесение изменений в национальное законодательство не является обязательным для государств, использовавших старые редакции. Так, например, 17 февраля 1996 г. была принята ч. 3 Модельного Гражданского кодекса для государств-участников СНГ (далее — Модельный ГК), 16 июня 2003 г. была утверждена новая редакция раздела V «Интеллектуальная собственность» ч. 3 Модельного ГК, а 7 апреля 2010 г. был принят Модельный Кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ, что не влечет автоматически внесения изменений в национальное законодательство участвующих стран.

Более того, как справедливо отмечает А.А. Богустов[1], в некоторых сферах модельное законодательство СНГ бессистемно и противоречиво. К примеру, структура и содержание Модельного ГК исключают саму возможность возникновения дуализма частного права. Так, п. 4 ст. 1 Модельного ГК устанавливает, что гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. Однако впоследствии был принят и Модельный торговый кодекс для государств-участников СНГ, п. 1 ст. 1 которого закрепляет, что он регулирует как отношения, «возникающие между лицами, осуществляющими торговую деятельность, или с их участием», так и отношения, «связанные с государственным регулированием торго-

[1] Богустов А.А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ. С. 23.

вой деятельности». Таким образом, Модельный торговый кодекс не только пытается вывести торговые отношения из сферы гражданско-правового регулирования, фактически вводя не свойственный правовым системам ряда государств-участников СНГ (в том числе России) дуализм частного права, но и применяет публично-правовые методы для их регулирования наряду с частноправовыми. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что, не являясь оптимальным средством решения задачи экономической интеграции, модельное законодательство тем не менее позволяет достичь некоего правового компромисса, что можно считать первым шагом на пути гармонизации законодательства стран-участниц СНГ. Следует также согласиться с точкой зрения А.А. Каширкиной и А.Н. Морозова, что залог успешной реализации модельных законов коренится не только в их природе, но и в наличии политической воли использовать и применять такие акты, в проработанности текстов модельных законов, своевременности их принятия, их необходимости для той или иной сферы общественных отношений[1].

Таким образом, основным направлением гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции является правовое регулирование сферы обязательственных отношений как материальными, так и коллизионными нормами, о чем свидетельствует опыт ЕС и СНГ. В данном случае применительно к гражданско-правовым отношениям можно говорить не только о гармонизации, но и об унификации права. Еще одним важным направлением гармонизации является сотрудничество по вопросам международного гражданского процесса, что объясняется необходимостью создания эффективного механизма правовой помощи, в том числе по гражданским и торговым делам, в рамках трансграничного пространства правосудия. Так, в рамках евразийского региона действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее — Минская конвенция). Минская конвенция направлена на обеспечение защиты в судах этих стран граждан СНГ и других лиц, если они проживают в стране-участнице, а также юридических лиц; устанавливает надежное правовое сотрудничество судов и других учреждений юстиции. Минская конвенция охватывает широкий круг вопросов в сфере гражданского процесса: пра-

[1] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: проблемы и перспективы.

вовая защита граждан и юридических лиц, порядок сношений при оказании правовой помощи, исполнение поручений учреждений юстиции, действительность документов, предоставление информации о праве, разграничение компетенции судов, признание и исполнение иностранных судебных решений, а также вопросы применения права (в основном коллизионные нормы) и вопросы уголовного процесса.

7 октября 2002 г. большинством стран СНГ, участвующих в Минской конвенции, была подписана в г. Кишиневе новая Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее — Кишинtвская конвенция), нормы которой в области гражданского процесса в основном воспроизводят положения Минской конвенции. Для стран, ратифицировавших Кишиневскую конвенцию, она заменила собой в отношениях между этими странами Минскую конвенцию (Россия пока не ратифицировала Кишиневскую конвенцию). Для арбитражных (хозяйственных) судов стран СНГ большое значение имеет Киевское соглашение 1992 г. (подробнее о нем см. § 1 раздела 2).

Представляется, что в рамках евразийского пространства унификация процессуального законодательства осуществляется с перспективой создания единого правового поля в сфере гражданского судопроизводства[1]. Такой процесс во многих случаях осуществляется более эффективно на региональном уровне или в рамках интеграционных объединений, что доказывает опыт СНГ и ЕС. Во многом это объясняется тем, что особенностью международного права современной эпохи является тенденция к регионализму, выражающаяся в стремлении государств объединяться в экономические союзы в целях ускорения экономического развития участвующих в союзе государств[2].

Гармонизация правового регулирования международной торговли (иностранных инвестиций, внешней торговли, валютного или таможенного регулирования) в рамках экономических союзов невозможна без достижения определенного единообразия не только

---

[1] См. подробнее: Щукин А.И. Вопросы подсудности в международных договорах с участием России: монография. М.: Проспект, 2015.

[2] Доронина Н.Г. Актуальные проблемы международного частного права // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 122; см. также: Хлестова И.О. Унификация права в Скандинавских странах // Проблемы совершенствования советского законодательства // Труды. Вып. 40. М., 1987. С. 126.

частноправовых, но и публично-правовых норм. Различия в правовом регулировании иностранных инвестиций, внешней торговли, финансовых услуг обусловлены прежде всего особенностями осуществления внешнеэкономической политики государств и способами ее реализации в соответствующем законодательстве. В меньшей степени развитию торговых отношений между лицами разной государственной принадлежности в указанных сферах деятельности препятствуют различия в правовом регулировании гражданско-правовых отношений[1]. Однако в данном случае речь может идти только о проведении согласованной внешнеэкономической политики путем принятия государствами-участниками интеграционного объединения административно-правовых мер определенной направленности.

Экономическая интеграция государств ввела в практику систему наднационального регулирования, согласно которой функции, переданные наднациональным органам, позволяют управлять экономикой государства извне. Пределы наднационального регулирования определяются теми полномочиями, которые государства-участники интеграционного процесса передают наднациональному регулятору как единому центру, принимающему решения по выработке согласованной экономической политики, обязательные на территории всех государств, составляющих единое экономическое пространство[2]. Видимость простоты создается, если не принимать во внимание вопросы государственного суверенитета[3]. Вместе с тем постепенно государственный суверенитет перестает быть абсолютной категорией, а государства в рамках международного сотрудничества ограничивают свой суверенитет на взаимной и добровольной основе, преследуя прежде всего экономические интересы[4]. Безусловно, экономическая интеграция предполагает едино-

---

[1] См. подробнее: Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6.

[2] См. подробнее: Козырин А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС // Реформы и право. 2013. № 3. С. 3–8.

[3] См. подробнее: Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства.

[4] См. подробнее: Клюев П.А. Европейская интеграция и ее влияние на суверенитет государств-членов Европейского союза // Юридические науки. 2006. № 4.

образие не только норм частного права, но и, как было отмечено выше, норм публичного (административного) права, от степени согласованности которых во многом и зависят успехи интеграционного объединения.

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости поиска баланса при обращении к конкретным видам инструментов сближения правовых систем в рамках интеграционного объединения. Представляется, что модельное законодательство может являться ориентиром для принятия в будущем юридически обязательных актов. Международные договоры, акты, аналогичные директивам ЕС, — единственно возможные средства достижения согласия по вопросам публично-правового характера. Акты, аналогичные регламентам ЕС, — наиболее оптимальный инструмент унификации частного права в условиях региональной экономической интеграции.

Глава 12
Развитие семейного законодательства на латиноамериканском и евразийском пространстве (на примере Бразилии и России)

(Барбиери В.Б.)

Законодательство в области защиты прав детей и подростков на латиноамериканском и евразийском пространстве имеет схожие черты, выражающиеся прежде всего в несоответствии между декларированием и закреплением норм в этой области и их применением и практическим воплощением в жизнь.

Признавая, что частноправовая сфера наиболее сложно поддается процессу межгосударственной унификации, необходимо обратить внимание на возможность принятия в рамках интеграционных объединений минимальных общих стандартов в области защиты прав детей и несовершеннолетних, которым должно соответствовать национальное законодательство государств-членов сообщества. Отдельные шаги в этом направлении уже принимались[1], но их явно недостаточно. Следует отметить и целесообразность разработки рекомендаций по повышению эффективности исполнения принимаемых внутригосударственных законов в области защиты прав несовершеннолетних.

Семья, как базовая ячейка общественной организации, играет важную роль в организации и преобразовании общества в целом. История права продемонстрировала тот факт, что некоторые наиболее значительные факторы изменения самого понятия и

[1] См., например, Постановление Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества № 15-10 «О Рекомендациях по гармонизации национального законодательства государств-членов ЕврАзЭС в социальной сфере (на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств)»; Постановление Бюро Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 28 мая 2004 г. № 9 «О Концепции Основ законодательства ЕврАзЭС об образовании (на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств и с учетом положений Болонской декларации, 1999 г.)»; Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних (Заключено в г. Минске 25.05.2006); Протокол о внесении изменений в Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания от 7 октября 2002 г. и др.

формы создания семей представляют собой также факторы преобразования политики, экономики и права определенной эпохи.

И именно в связи с признанной важностью семьи, выступающей в качестве движущей силы преобразования самого общества, настоящая глава представляет собой попытку проведения сравнительного исследования правового регулирования в области защиты прав детей и подростков в Бразилии и России.

В Бразилии на протяжении всей ее истории проблема беспризорных детей стояла очень остро. При этом можно разделить историю данной проблемы на два этапа: первый — до начала XVIII в., когда подавляющее число беспризорных детей были белыми. На втором этапе, начавшемся в XIX в., большая часть беспризорников уже состояла из темнокожих[1].

Во времена рабства судьба детей-рабов была незавидной: их ждали издевательства, жестокое обращение, сексуальное насилие. Поэтому нередки были случаи, когда матери убивали своих младенцев, чтобы избавить их от будущих мучений. Однако случаи, когда рабыни бросали своих детей, достаточно редки, так как они считались частной собственностью, наследством и рабочей силой. Однако с начала XVII в. на фоне массовой бедности большей части населения количество детей, брошенных у дверей домов, церквей, просто на улицах и даже в кучах мусора начало становиться проблемой[2].

Первые законы о детях и подростках в Бразилии были унаследованы от ордонансов Филиппа II. Они стали применяться, когда португальский двор переместился в Рио-де-Жанейро в 1808 г., что стало первым этапом Бразильской Империи[3].

---

[1] Abreu W.F. O trabalho de socialização de meninos de rua em Belém do Pará: um estudo sobre a República do Pequeno Vendedor. Tese apresentada ao Programa de Pós-Graduação em Educação do Departamento de Educação da PUC-RIO, sob a orientação da Profª Drª Maria Apparecida C. Mamede Neves. 2010. Disponível em: http://www.maxwell.vrac.puc-rio.br/Busca_etds.php?strSecao=resultado&nrSeq=15941@1, Acesso em: 23 set. 2016.

[2] Poletto L.B. A (des)qualificação da infância: a história do Brasil na assistência dos jovens. IX Seminário de Pesquisa em Educação da Região Sul (ANPED SUL), 2012. Disponível em: http://www.ucs.br/etc/conferencias/index.php/anpedsul/9anpedsul/%20paper/viewFile/1953/32. Acesso em: 23 set. 2016.

[3] Portal Brasil. “Desde 1808, jovens têm responsabilidade penal no Brasil”. Cidadania e Justiça. 14 de abril de 2015. Disponível em: http://www.brasil.

На фоне жизни детей-рабов жизнь детей свободных подданных не была принципиально лучше. Из-за патриархальной системы, руководствовавшейся указаниями церкви и традицией, воспитание детей сопровождалось жестокими физическими наказаниями. Это вместе с такими распространенными в то время болезнями, как свинка, корь и повсеместное наличие паразитов, вело к высокой детской смертности. Страдания, которые испытывали дети, приводили к появлению психологических проблем, в частности к заиканию. А как домашнее обучение, так и учеба в церковных школах была направлена на уничтожение индивидуальности ребенка, превращая их в смиренных и пассивных взрослых.

Во времена Империи внимание к преступлениям начинает повышаться, началось применение репрессивной политики, ужесточение наказаний для внушения населению страха перед нарушением закона. Ордонансы Филиппа II устанавливают, что люди до 7 лет не подвергаются уголовному преследованию. С 7 до 17 лет отношение к правонарушителям такое же, как и к взрослым, но с некоторыми исключениями и послаблениями при вынесении приговоров. С 17 до 21 лет люди считались «молодыми взрослыми», их можно было осудить на смертную казнь. Важным исключением является фальшивомонетчество, за которое предусматривалась смертная казнь с 14 лет[1].

Первая бразильская Конституция, принятая в 1824 г., не оговаривает специально вопрос защиты прав детей и подростков. Только в восьмом разделе, посвященном общим положениям, записано о гарантии гражданских и политических прав. В ст. 179 были перечислены права граждан, в том числе единственная конституционная норма, которая могла быть применима к детям, — это п. XXXII о гарантии начального образования всем гражданам[2].

---

gov.br/cidadania-e-justica/2015/04/desde-1808-jovens-tem-responsabilidade-penal-no-brasil. Acesso em: 17 set. 2016.(c)

[1] Amin A.R. Evolução histórica do direito da criança e do adolescente. In Curso de direito da criança e do adolescente: aspectos teóricos e práticos. Katia Regina Ferreira Lobo Andrade Maciel (coordenação). 6.ed. rev. e atual. conforme Leis n. 12.010/2009 e 12.594/2012. São Paulo: Saraiva, 2013. p.45

[2] Coelho B.L.M. A proteção à criança nas constituições brasileiras: 1824 a 1969. Revista de Informação Legislativa. Brasília a. 35 n. 139 jul./set. 1998. Disponível em: http://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/390/r139-07.pdf. Acesso em: 19 set. 2016.

С появлением Уголовного кодекса Бразильской Империи в 1830 г. начала применяться психологическая экспертиза для определения наказания. Лица младше 14 лет не подвергались уголовному преследованию, однако в отдельных случаях дети в возрасте 7–14 лет могли направляться в исправительные дома, где их могли держать до 17 лет[1].

Из-за отсутствия достаточного количества исправительных домов лиц в возрасте до 14 лет зачастую отправляли во взрослые тюрьмы[2].

Несмотря на все это, именно в имперский период начались первые попытки улучшить ситуацию с бедными детьми, но не с точки зрения гуманитарных соображений, а из-за того, что большое количество беспризорных детей на улицах создавало общественный дискомфорт. Поэтому были созданы многочисленные приюты, которые содержало правительство. Главной целью провозглашалось предоставление начального образования, но за этим скрывалась форма дискриминации и сегрегации детей, их фактически исключали из общества[3].

Первый УК Соединенных Штатов Бразилии 1890 г. практически не претерпел изменений, только полное отсутствие уголовного преследования было увеличено до возраста в 9 лет, а психологическая экспертиза продолжала применяться к лицам 9–14 лет[4].

Первая республиканская Конституция Бразилии 1891 г. в отношении защиты детей была похожа на имперскую, в ней дети и подростки не выделялись в особую группу[5].

С провозглашением Республики в 1889 г. положение детей поменялось мало: они продолжали восприниматься как основа создания нации, но не имели каких-либо прав. Политика в начале

---

[1] Amin A.R. Evolução histórica do direito da criança e do adolescente… 2013. pp. 45–46.

[2] Liberati W.D. Adolescente e ato infracional: medida socioeducativa é pena? 1.ed. São Paulo: Malheiros, 2012. P. 42.

[3] Poletto L.B. A (des)qualificação da infância: a história do Brasil na assistência dos jovens. IX Seminário de Pesquisa em Educação da Região Sul (ANPED SUL), 2012. Disponível em: http://www.ucs.br/etc/conferencias/index.php/anpedsul/9anpedsul/%20paper/viewFile/1953/32. Acesso em: 23 set. 2016.

[4] Amin A.R. Evolução histórica do direito da criança e do adolescente… 2013. P. 46.

[5] Liberati W.D. Adolescente e ato infracional… 2012. P. 41.

республиканского периода была направлена на то, чтобы убрать всех бродяг с улиц столицы вне зависимости от пола и возраста. В 1902 г. было принято постановление о заключении малолетних преступников в исправительные колонии[1].

Необходимо отметить, что в Бразилии на рубеже XIX и XX вв. большая часть населения жила в бедности и нищете, особенно темнокожие, которые после освобождения из рабства стали включаться в общую статистику. Однако недостаточные темпы индустриализации не позволяли полностью обеспечить рынок труда рабочими местами для всех, кто переселялся из деревень в города, поэтому в городах началась фавелизация, увеличилась безработица и ухудшилась криминогенная обстановка[2].

У детей и подростков было два пути: либо им приходилось работать на тяжелых и опасных работах без нормированного рабочего дня и за нищенскую зарплату, либо они шли в большие города воровать, попрошайничать и грабить. А государственные школы все еще были редкостью, и в них могли учиться только дети из относительно благополучных семей[3].

Начиная с XX в., на фоне увеличения количества беспризорных детей начинает признаваться необходимость социальных реформ. Решением проблемы стало смещение акцентов на предотвращение распространения беспризорных детей: «если семьи и закон не делают достаточно для улучшения ситуации, государство должно помочь через программы поддержки бездомных детей»[4].

Общественное мнение разрывалось между двумя идеями: или уважать права детей, или отгородиться от них[5].

Неспешность принятия первого Кодекса о правах детей можно объяснить тремя причинами. Во-первых, Первая мировая война отодвинула все разговоры о правах детей на второй план. Во-

---

[1] Abreu M., Martinez A.F.. Olhares sore a criança no Brasil: perspectivas históricas. Editora Universidade Santa Úrsula, Rio de Janeiro, 1997. P. 27.

[2] Westin R. Até 1927, crianças iam para a cadeira. Jornal do Senado. Brasília, terça-feira, 7 de julho de 2015. Disponível em: https://www12.senado.leg.br/institucional/arquivo/arquivos-pdf/ate-lei-de-1927-criancas-iam-para-a-cadeia. Acesso em: 17 set. 2016.

[3] Там же.

[4] Garcez S.M.. O novo direito da criança e do adolescente. Campinas, SP: Editora Alínea, 2008. P. 33.

[5] Amin A.R. Evolução histórica do direito da criança e do adolescente… 2013. P. 46.

вторых, патриархальный уклад общества, в том числе и в высших слоях, был причиной того, что сенаторы и депутаты не хотели терять абсолютную власть над своими семьями, поскольку Кодекс о правах детей серьезно поменял бы ситуацию, позволив государству вмешиваться в семейные отношения. В-третьих, Кодекс предполагал создание целой инфраструктуры исправительных учреждений, школ и судов, что повлекло бы повышение налогов[1].

Судья Жозе Кандиду Альбукерке Мелльо Матос, отвечавший за создание первого Особого суда по делам несовершеннолетних, также является и автором Кодекса зашиты прав ребенка (декрет-закон №17.943-А от 12 октября 1927 г.). Поэтому данный законодательный акт часто называют Кодексом Мелльо Матоса. Была создана система «социального действия» по суду над несовершеннолетними, что подразумевало под собой предупредительные мероприятия, принудительное воспитание детей, совершивших преступление[2].

По данному законодательству судья не признавал несовершеннолетнего виновным, а назначал исправительные меры. В то время термины «малолетний бездомный» и «малолетний преступник» имели широкое распространение. Поскольку Кодекс о правах детей давал детям и подросткам мало прав, но предусматривал много наказаний, он стал синонимом драконовского закона.

В 1934 г. была принята первая Конституция в истории страны, в которой была отмечена необходимость заботы государства о правах детей. В ст. 138[3] Конституции 1934 г. записано, что в компетенцию федерации, штатов и муниципалитетов входит забота о

---

[1] Westin R. Até 1927, crianças iam para a cadeira. Jornal do Senado. Brasília, terça-feira, 7 de julho de 2015. … Acesso em: 17 set. 2016.

[2] Liberati W.D. Adolescente e ato infracional: medida socioeducativa é pena? 1.ed. São Paulo: Malheiros, 2012. P. 44.

[3] Статья 138: в обязанности Союза, штатов и муниципалитетов входит:

- обеспечение инвалидов, создание специальных служб и других социальных служб;
- стимулирование образования;
- помощь матерям и детям;
- помощь многодетным семьям;
- защита подростков от эксплуатации и оставления без присмотра;
- принятие административных и законодательных норм для защиты нравственности среди детей, социальной гигиены, препятствующей распространению заразных заболеваний.

детстве и материнстве, защита детей от эксплуатации, оставления без физической, моральной или интеллектуальной опеки[1].

В Конституции 1937 г. были расширены гарантии прав детей и подростков, а также других наименее защищенных слоев населения. Социальная служба начинает заниматься новыми программами поддержки; Декрет-законом № 3.799/1941 создается служба помощи несовершеннолетним. В этот момент защита детства была сопряжена со сломом традиционных семейных связей и защитой прав детей через семьи в сторону защиты этих прав со стороны официальных органов[2].

С 1940 г., после разработки нового Уголовного кодекса, ускорились реформы в области государственной политики в отношении несовершеннолетних. Была выдвинута идея пересмотра Кодекса защиты прав детей, его актуализирования, придания ему социальной (исправительной, предупредительной), а не репрессивной направленности[3].

Конституция 1946 г. закрепила более широкие принципы защиты основных прав и свобод детей и подростков, согласно ее ст. 164[4] помощь матерям, детям и подросткам обязательна на всей территории государства[5].

Вопрос с правами детей перестал иметь высокую социальную значимость после военного переворота 1964 г. Этот вопрос стал рассматриваться через призму доктрины защиты национальной безопасности, как и многие другие вопросы социальной сферы. В целом вся социальная политика была сведена к минимуму[6].

Именно по этой причине конституционное измерение прав детей также откатилось на несколько десятилетий.

---

[1] Lamenza F. Os direitos fundamentais da criança e do adolescente e a discricionariedade do Estado. Barueri, SP: Minha Editora, 2011. P. 4.

[2] Amin A.R. Evolução histórica do direito da criança e do adolescente. … 2013. P. 47–48.

[3] Abreu M., Martinez A.F. Olhares sore a criança no Brasil: perspectivas históricas. Editora Universidade Santa Úrsula, Rio de Janeiro, 1997. P. 30.

[4] Статья 164 — на территории всей страны помощь материнству, детству и подросткам обязательна. Подробные положения должны быть установлены законом.

[5] Lamenza F. Os direitos fundamentais da criança... P. 5.

[6] Poletto L.B. A (des)qualificação da infância: … 2012. Acesso em: 23 set. 2016.

Конституция 1967 г. оставила вопросы прав детей и подростков на втором плане, поскольку п. 4 ст. 167[1] де-факто вывел гарантию их прав из конституционного поля[2].

Конституция 1969 г. (конституционная поправка № 1 к Конституции 1967 г.) считается самой авторитарной за всю бразильскую историю. Несмотря на длинный список личных прав, изложенных в ст. 153, она содержит способы ограничения этих прав. Минимальный возраст, с которого можно работать, был снижен до 12 лет, а согласно ст. 175[3] была предусмотрена разработка закона о защите прав детей и подростков. Однако из-за нечетких формулировок применение данного закона было затруднено[4].

Конституция 1969 г. имела прямое влияние на обновленный Кодекс о защите прав несовершеннолетних.

Вопреки начавшимся в 1940-е гг. послаблениям в отношении беспризорных детей новый Кодекс о защите прав несовершеннолетних, вышедший в 1979 г., вновь утвердил концепцию ненормальности криминализированных несовершеннолетних. Также было расширено количество причин вмешательства государства: оставление детей, домашнее насилие, бедность, сиротство[5].

Доктрина «непредвиденной ситуации» явилась прогрессом по отношению к предыдущей практике. На несовершеннолетних стало распространяться не только уголовное право. Появилась особая отрасль права, которая начала заниматься детьми в случаях наличия «социальной патологии», исходящей не только из поведения несовершеннолетнего. Было признано, что отклонения в поведении могли иметь причину в семье, например, из-за жестокого обращения, в обществе из-за бедности[6].

---

[1] Статья 167. Семья представляет собой брак и имеет право на защиту со стороны власти. § 4. Закон устанавливает помощь матерям, детям и подросткам.

[2] Lamenza F. Os direitos fundamentais da criança … P. 5.

[3] Ст. 175. Семья представляет собой брак и имеет право на защиту со стороны власти. § 4. Положения о помощи детям, матерям и подросткам, а также положения об образовании устанавливаются отдельным законом.

[4] Coelho B.L.M. A proteção à criança nas constituições brasileiras: 1824 a 1969. Revista de Informação Legislativa. Brasília a. 35 n. 139 jul./set. 1998. Disponível em: http://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/390/r139-07.pdf. Acesso em: 19 set. 2016.

[5] Abreu M., Martinez A.F. Olhares sore a criança no Brasil: … 1997. P. 31–32.

[6] Liberati W.D. Adolescente e ato infracional: medida socioeducativa é pena? 1.ed. São Paulo: Malheiros, 2012. P. 93–94.

Согласно парадигме Кодекса о защите прав детей выделялись несовершеннолетние, имеющие семьи, получающие образование, а другие — без доступа к средствам существования, находящиеся вне системы, маргиналы[1].

Несовершеннолетние бразильцы были разделены на две категории: с одной стороны — лишенные средств к существованию, не имеющие семьи. Именно им должны помогать государственные органы. Вторая группа — дети родителей среднего класса и людей с высоким достатком, чьи проблемы решались в семье без вмешательства государственных органов.

К концу военной диктатуры гражданские активисты и руководители учреждений, входящих в Национальный фонд благосостояния несовершеннолетних или аналогичные учреждения на уровне штатов, начали компанию по привлечению внимания к условиям содержания детей и подростков в интернатах. Речь шла о жестоком обращении, физическом и сексуальном насилии, применении психотропных препаратов и проведении необоснованных хирургических вмешательств. Все это делалось для потери несовершеннолетними способности критически мыслить и своей индивидуальности[2].

Начиная с 1980-х гг., на волне демократизации началась перестройка бразильского общества на новых принципах мобилизации и организации, которые позволили сформировать новую политико-юридическую систему. В этом контексте начала строиться и система защиты прав детей и подростков на новых принципах[3].

С политической точки зрения было необходимо вновь утвердить демократические ценности, которые были забыты на время военной диктатуры. В области личных отношений необходимо было перестроить общество на более справедливых, братских и либеральных началах. В этом аспекте очень большое влияние оказали движения в послевоенной Европе, направленные на создание гражданского общества. Начался переход от авторитарной системы к системе, ставящей во главу угла человеческое достоинство[4].

---

[1] Lamenza F. Os direitos fundamentais da criança … P. 11.

[2] Gomide P.I.C. Menor infrator: a caminho de um novo tempo. 2.ed., 11.reimpr. Curitiba: Juruá, 2012. P. 17.

[3] Naves R., Gazoni C. Direito ao futuro: desafios para a efetivação dos direitos das crianças e dos adolescentes. São Paulo: Imprensa Oficial do Estado de São Paulo, 2010. P. 33.

[4] Amin A.R. Evolução histórica do direito … P. 49.

Так называемая Доктрина всемерной защиты была принята федеральной Конституцией 1988 г. Она была принята на внеочередной сессии Учредительного собрания, за принятие высказалось 435 чел., против — 8. Текст бразильской Конституции, принятой в октябре 1988 г., в области прав детей предвосхитил Конвенцию по правам ребенка, которая была принята на сессии Генеральной ассамблеи ООН 20 ноября 1989 г.[1]

Доктрина всемерной защиты принесла с собой новое видение гарантий прав, заменив собой старую парадигму дискреционного права. Согласно новой концепции, дети и подростки стали субъектами права, а не объектами, зависящими от своих родителей или органов попечения, как было в предыдущую эпоху[2].

Всемерная защита должна пониматься как защита, которая в полной мере гарантирует удовлетворение развития личности человека, будь то путем материальной, моральной или юридической поддержки[3].

Дети и подростки стали группой, которая получает особую защиту ввиду того, что они развиваются биологически, психологически и социально до 18 лет и на протяжении этого периода имеют право на особые условия и права, которые им гарантирует конституция страны. Семья и государство имеют обязательства по защите и борьбе с нарушениями прав детей.

Под влиянием Конституции был принят Статут о правах ребенка и подростка, имеющий статус федерального закона, который призван уточнять и разъяснять конституционные нормы в этой сфере. Согласно последним исследованиям этот закон можно обозначить как бразильскую версию Конвенции по правам ребенка. Именно Бразилия стала первой страной Латинской Америки, которая внедрила текст Конвенции в национальное право[4].

---

[1] Saraiva J.B.C. Adolescente em conflito com a lei: da indiferença à proteção integral: uma abordagem sobre a responsabilidade penal juvenil. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2003. P. 53.

[2] Oliveira R.A. O adolescente infrator em face da Doutrina da Proteção Integral. São Paulo: Fiuza Editores, 2005. P. 47.

[3] Elias R.J. Comentários ao Estatuto da Criança e do Adolescente: Lei n. 8.069, de 13 de julho de 1990. 4.ed. São Paulo: Saraiva, 2010. P. 12.

[4] Saraiva J.B.C. Adolescente em conflito com a lei: da indiferença à proteção integral: uma abordagem sobre a responsabilidade penal juvenil. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2003. P. 60.

Статут о правах ребенка и подростка меняет всю систему, переводит вопрос из исправительной и репрессивной плоскости в правозащитную плоскость. Признаются и вновь утверждаются конституционные принципы гарантии и защиты прав детей и подростков[1].

Статут устанавливает подсистему всемерной защиты прав детей и подростков. Он предусматривает механизмы, правила и принципы гражданского, административного, уголовного, трудового и процессуального характера для наилучшей защиты прав детей и подростков, содействия развитию их навыков, а также для выведения их отношений с семьей, обществом и государством в правовое поле.

Многие компоненты современной системы защиты детей в России берут начало во времена Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Самый важный из них — система детских домов, созданная в первой половине прошлого века на фоне большого количества сирот из-за Первой мировой и Гражданской войн. Была выстроена система предоставления жилья и образования детям-сиротам[2].

После развала СССР в России увеличилось количество беспризорников. К 1995 г., согласно оценкам, около 300 тыс. детей не имели постоянного места жительства по тем или иным причинам: они могли сбежать из дома из-за жестокого обращения, из-за того, что родители-алкоголики перестали им уделять внимание, или потому, что они стали сиротами. Исследования показывают, что в то время значительная часть беспризорных детей имела родителей, но они жестоко с ними обращались. Это объясняется сложностью контроля надзорных органов над соблюдением прав детей в семьях[3].

---

[1] Andrade L.B.P. Educação infantil: discurso, legislação e práticas institucionais [online]. São Paulo: Editora UNESP; São Paulo: Cultura Acadêmica, 2010. 193 p. ISBN 978-85-7983-085-3. Disponível em: http://books.scielo.org/id/h8pyf/pdf/andrade-9788579830853-07.pdf. Acesso em: 22 de set. 2016. P. 93.

[2] Law library of Congress. Children's rights: international and national laws and practice. Disponível em: https://www.loc.gov/law/help/child-rights/pdfs/childrensrights-russia.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

[3] Rudnicki A.A. The development of Russia's child protection and welfare system. Disponível em: https://www2.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya%20archive/GWASHU_DEMO_20_1/0M68882RR3WM363J/0M68882RR3WM363J.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

Зашита прав детей и подростков законными средствами в России имеет много особенностей и получила развитие в разных направлениях. Права детей регулируются Конституцией, Гражданским кодексом, Семейным кодексом, Гражданским процессуальным кодексом, Кодексом об административных правонарушениях, Законом о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию[1].

Конституция Российской Федерации утверждает, что права и свободы человека признаются и гарантируются в соответствии с международным правом. Государством гарантируется защита жизни и достоинства, а также защита детства, материнства и семьи[2].

В свою очередь Гражданский кодекс РФ базируется на признании равноправия людей. Одним из его главных принципов является недопустимость вмешательства в частную жизнь, что напрямую связано со сложностью установления нарушения прав детей[3].

Семейный кодекс защищает права детей, в том числе нормой о защите от жестокого обращения родителей. Семейный кодекс обязывает заявлять в надзорные органы о случаях жестокого обращения с детьми или о случаях, когда жизнь и здоровье детей находятся в опасности, а эти органы, в свою очередь, обязаны принимать соответствующие меры. Кодекс предусматривает возможность лишения родительских прав в случае жестокого обращения[4].

Политика в области защиты детей также регулируется Трудовым кодексом, Жилищным кодексом, Уголовным кодексом, Уголовно-исполнительным кодексом, Федеральными законами о гос-

---

[1] Popov A., Jeffery M. Protection of Children by Russian Legislation: possible risks of providers and owners of the websites on th internet. Disponível em: https://www.law.uw.edu/media/1391/russia-intermediary-liability-of-isps-child-protection.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

[2] Huntley S.S. Russian Legislation on the Protection of Children Against Sexual Abuse and Sexual Exploitation: a Review. 2013. International Centre for Missing & Exploited Children. Disponível em: http://www.icmec.org/wp-content/uploads/2015/10/Russian_Legislation_on_Protection_of_Children_Against_Sexual_Abuse_and_Exploitation_FINAL.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

[3] Popov A., Jeffery M. Protection of Children by Russian Legislation…

[4] Huntley S.S. Russian Legislation on the Protection of Children Against Sexual Abuse and Sexual Exploitation: a Review...

ударственной поддержке семьям, имеющим детей, о государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений, о государственной социальной помощи и многими другими законодательными актами[1].

Глава 31 Гражданского процессуального кодекса РФ закрепляет возможность лишения права граждан в возрасте от 14 до 18 лет свободно распоряжаться собственным заработком в случае необходимости предотвращения употребления алкоголя или наркотиков[2].

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», принятый 21 июля 1998 г., полностью повторяет все положения Конвенции о правах ребенка ООН[3].

Однако защита прав детей все еще остается серьезной проблемой в России, в особенности в свете все большего включения несовершеннолетних в криминальную деятельность. На решение сложившейся ситуации направлено большое количество государственных программ и нормативных актов, в обществе и внутри семей идет активная дискуссия проблемы, но ввиду недостатка финансирования и ограничений работы неправительственных организаций многие из принятых законов не работают на практике[4].

Помимо этого некоторые авторы отмечают, что Россия еще не подписала значимые международные инструменты защиты прав детей от сексуального насилия, например, Дополнительный протокол к Конвенции о правах детей о продаже несовершеннолетних, о детской проституции и порнографии, а также Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации[5].

---

[1] Law library of Congress. Children's rights: international and national laws and practice. Disponível em: https://www.loc.gov/law/help/child-rights/pdfs/childrensrights-russia.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

[2] Popov A., Jeffery M. Protection of Children by Russian Legislation: possible risks of providers and owners of the websites on th internet...

[3] Law library of Congress. Children's rights: international and national laws and practice. Disponível em: https://www.loc.gov/law/help/child-rights/pdfs/childrensrights-russia.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

[4] Law library of Congress …

[5] Huntley S.S. Russian Legislation on the Protection of Children Against Sexual Abuse and Sexual Exploitation: a Review. 2013. International Centre for Missing & Exploited Children. Disponível em: http://www.icmec.org/wp-content/uploads/2015/10/Russian_Legislation_on_Protection_of_Children_Against_Sexual_Abuse_and_Exploitation_FINAL.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

После иллюстрации обширных законодательных нововведений в области защиты прав детей в Бразилии и России приходится с грустью отмечать, что они во многом все еще остаются на бумаге.

Так, проблема практического применения законодательно гарантированных прав остро стоит в Бразилии по причине серьезных противоречий в общественной, политической и экономической жизни. Например, из 21 млн детей в возрасте до 7 лет только 27% получают какое-либо дошкольное образование[1].

Данные, опубликованные ЮНИСЕФ, показывают двойственность ситуации: с 1990 по 2013 г. количество детей школьного возраста, которые не получали образования, сократилось в Бразилии на 64%. Однако несмотря на все успехи более 3 млн детей не могут посещать занятия (в первую очередь речь идет о наименее обеспеченных слоях темнокожих и индейцев).

Несмотря на то что с 2007 по 2014 г. количество работающих детей в возрасте 5–15 лет сократилось на 44%, в Бразилии 1,7 млн детей этой возрастной группы все еще работает на постоянной основе. С 2004 по 2013 г. количество случаев передачи ВИЧ в возрасте от 15 до 19 лет увеличилось на 53%. С 1990 по 2014 г. число убийств бразильцев в возрасте до 19 лет увеличилось более чем в два раза, с 5 до 11,1 тыс. случаев в год. Иными словами, в 2014 г. в Бразилии убивали по 30 детей и подростков в день. В зоне наибольшего риска — бедные темнокожие и метисы, живущие в городах или городских агломерациях, чаще всего в фавелах. Такая депрессивная ситуация в этой сфере ставит Бразилию на второе место в мире после Нигерии (ЮНИСЕФ) среди стран с наибольшим количеством убийств людей в возрасте до 19 лет.

Поразительно, но такое ухудшение статистики совпадает с самым либеральным за всю историю Бразилии законодательством в отношении детей.

Из того же отчета ЮНИСЕФ можно сделать вывод о возможных причинах столь серьезных проблем в данной сфере. В первую очередь это связано с неэффективным государственным управлением в ювенальной сфере, а также с тем, что условия жизни значительной части несовершеннолетних зависят от государства.

---

[1] Kramer S. Infância, cultura contemporânea e educação contra a barbárie. In Infância, educação e direitos humanos. Luiz Cavalieri Bazilio, Sonia Kramer. São Paulo: Cortez, 2003. P. 97.

В Бразилии необходимо внедрять практическую политику, направленную на преодоление географического, социального и этнического дисбаланса в данной сфере.

Проблемы Бразилии и России в отношении защиты прав детей и подростков во многом схожи.

Несмотря на то что в Конституции России подразумевается эффективная имплементация международных норм в сфере защиты прав детей, реальность в России такова, что их внедрение на практике во многом затруднено. Работники образования и социальных служб, отвечающих за работу с несовершеннолетними, зачастую игнорируют основные права человека и международные нормы в области прав детей. А в российских вузах отсутствуют широкие дискуссии по этим проблемам[1].

Экономический кризис 1990-х гг. серьезно повлиял на ситуацию с правами детей. До 2003 г. выплаты социальных пособий на содержание детей постоянно задерживались, а если и выплачивались вовремя, то не имели заметного позитивного эффекта. Ситуация была осложнена распадом сложившейся системы социальной защиты. С 1994 по 2003 г. количество детей в России уменьшилось на 4,4 млн чел., около 80% детей испытывали проблемы со здоровьем[2].

Система защиты прав детей в России сталкивается с серьезными трудностями. Количество детей в приютах высокое, только малый процент из них усыновляется, большая часть детей остается в интернатах, где не получает достаточных возможностей для развития. Недостаточны способы контроля над соблюдением прав детей в семьях.

В завершении исследования поставленного вопроса следует отметить, что в западных правовых системах семья рассматривается как основа общества, охраняется как собственно организация, а также как пространство развития ее членов.

Тем не менее верным является то, что правовое регулирование семьи отвечает интересам правящего строя страны, который воспроизводит в нормативных правовых документах поддержание статуса-кво, имитирующего собственную социальную динамику.

---

[1] Law library of Congress. Children's rights: international and national laws and practice. Disponível em: https://www.loc.gov/law/help/child-rights/pdfs/childrensrights-russia.pdf. Acesso em: 29 set. 2016.

[2] Ibid.

Когда члены семьи придают новые цвета и оттенки выполняемым ими социальным ролям, придавая движущую силу преобразованию самого права, становится, наконец, возможным увидеть проблески великих преобразований в собственной социально-политической и экономической структуре общества, как показал XXI в. в условиях гендерного равенства.

Усилия, предпринимаемые государством в рамках улучшения ситуации с защитой прав детей, не должны рассматриваться однобоко. Необходимо иметь в виду, что Россия — огромная страна, которая все еще испытывает на себе экономические последствия перехода от социализма к капитализму. Отсутствие значительных успехов должно быть подвергнуто сравнительному анализу с другими странами, где успехи в сфере защиты прав детей скромны, но при этом внешние и внутренние условия были более благоприятными. Поэтому столь интересно сравнение с Бразилией, которое показывает наличие проблемы с практическим применением законодательства о правах детей и подростков в нынешнем столетии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ: ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОГНОЗНЫЕ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ

(Власова Н.В., Залоило М.В., Монтаньо Галарза Ц., Муратова О.В. (Белоусова), Пареха Кукалон Ф., Рафалюк Е.Е.)

1. Интеграционные процессы, являющиеся общей чертой общественно-исторического развития конца XX — первой половины XXI вв., характерны для стран Евразии и Латинской Америки. В каждом из регионов данные процессы имеют свои исторические корни, проявляются в особенностях форм межгосударственной интеграции, различном правовом обеспечении и экономических условиях.

Констатируя географическую отдаленность латиноамериканского и евразийского регионов и признавая уникальность интеграции в каждом из них, следует отметить схожие черты в ее характеристике: длительный исторический путь развития, противоречивость и сложность, многоуровневость и многовекторность интеграции.

Сопоставимость общих и особенных черт в развитии латиноамериканской и евразийской интеграции создает предпосылки для проведения сравнительно-правового и сравнительно-исторического анализа.

2. Общей характеристикой в развитии евразийской и латиноамериканской интеграции является опора на национальную идею единства наций, апеллирование к особому культурно-историческому типу развития.

Сосуществование различных культурных начал в пространстве Латинской Америки, исходящих от местного населения и привнесенных иностранными завоевателями, обусловили становление и развитие латиноамериканской правовой семьи как своеобразной, отличной от других правовых семей, и формирование особого типа культуры как основы интеграционного сотрудничества

государств. Национальная идея единства латиноамериканских наций вызревала в условиях колониального господства, а после окончания войн за независимость стали обосновываться проекты о политическом единении суверенных латиноамериканских государств. С тех пор мысль о создании латиноамериканского союза государств стала постоянной компонентой в региональном политическом дискурсе.

На постсоветском пространстве после распада СССР в качестве идейной основы построения нового формата межгосударственного сотрудничества России и бывших союзных республик была взята концепция Евразии как особой цивилизации, имеющей собственный культурно-исторический путь развития, основанный на духовных традициях народов, проживающих на ее территории.

3. К схожим чертам в развитии латиноамериканской и евразийской интеграции следует отнести «сосуществование» многочисленных интеграционных объединений, различающихся по своему организационно-правовому устройству и реализуемым задачам. В Латинской Америке это, например, Андское сообщество, МЕРКОСУР, Карибское сообщество, Центральноамериканское сообщество. Кроме того, присутствуют «сложные» формы интеграционного сотрудничества, например, Южноамериканское сообщество наций (УНАСУР), включающее в свой состав несколько интеграционных объединений.

4. Для евразийского пространства также характерно наличие различных форматов регионального международного сотрудничества, отмечается быстрый переход от одной формы интеграции к другой (например, Содружество Независимых Государств, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийское экономическое сообщество, Евразийский экономический союз). Все это свидетельствует, с одной стороны, о некоторой неустойчивости интеграционных процессов, с другой стороны — о постоянном развитии интеграции, о поиске наилучших форм сотрудничества, о привлечении новых партнеров к интеграции.

5. Региональная экономическая интеграция системно отражается в праве, его отраслях и институтах. Развитие интеграционных правоотношений как вида общественных отношений, регулируемых правом, влияет на эволюцию общеправовых концепций суверенитета государства, системы разделения властей, продвижение доктрины перераспределения внутригосударственных полно-

мочий в пользу наднациональных органов и становление общих сфер наднационального регулирования.

6. Право меняется под воздействием развития общества, так как новые общественные отношения нуждаются в регулировании правом, что способствует модификации правовой теории. Интеграция, имеющая в своей основе экономическое сближение различных государств, влияет на трансформацию теории международного публичного и частного права.

В международном публичном праве под влиянием интеграции модифицируется состав источников за счет появления актов органов международных региональных интеграционных объединений и иных источников права интеграционных объединений (международные договоры об интеграции и др.). Развитие источников права интеграционных объединений привело к формированию обособленной правовой системы «права интеграционных объединений», действующей на основе особых принципов (прямого действия, непосредственного применения, верховенства). С включением в число субъектов интеграционных правоотношений частного лица (хозяйствующего субъекта), наделяемого правами и обязанностями по международному региональному интеграционному праву, изменяется состав субъектов международного публичного права посредством включения в него юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, правовой статус которых формируется. Традиционный метод международного публичного права (согласования воль и децентрализации) в условиях интеграции дополняется методом централизации, реализующимся в исполнении органами интеграционных объединений своих полномочий.

В международном частном праве интеграция проявляется в совершенствовании теории гармонизации и унификации права: модифицируются их методы и способы, появляются новые сферы (финансовые рынки, предоставление услуг, инвестиции, энергетика, интеллектуальная собственность и др.).

Изменения в международном публичном и частном праве приводят к еще более тесному их сближению и взаимодействию, которое проявляется в правовом обеспечении четырех основных свобод общего рынка (свобода движения товаров, капитала, услуг, рабочей силы) посредством комплекса международных правовых регуляторов, имеющих как публичную, так и частную правовую природу.

Таким образом, интеграция обусловила появление нового вида правоотношений — интеграционных, возникающих в связи и по поводу интеграции и регулируемых как непосредственно правом международного регионального интеграционного объединения, так и международным публичным и международным частным правом.

7. Интеграция латиноамериканских государств, ведущая свое начало с XIX в., продолжается в XXI в. Факторами, осложняющими латиноамериканскую интеграцию, являются: общая экономическая и политическая нестабильность государств региона, асимметрии в экономико-политическом, правовом развитии и ресурсном обеспечении, а также внешние обстоятельства (мировые экономические кризисы, давление США). На современном этапе интеграционные процессы в Латинской Америке характеризуются динамизмом, однако они ослаблены вновь вспыхнувшей политической нестабильностью в ряде стран региона (Бразилия, Парагвай и др.), а также финансово-экономическими трудностями, вызванными волнами мирового экономического кризиса. Несмотря на заимствование опыта интеграции в Европейском союзе, интеграционные объединения латиноамериканских стран во многом самобытны, что проявляется, например, в использовании механизма координационного сотрудничества (а не наднациональности) в МЕРКОСУР, создании особых органов управления (например, Консультативный совет коренных народов в Андском сообществе, Консультативный андский совет по труду и др.), развитии доктрины интеграционного и коммунитарного права в трудах латиноамериканских юристов. Потенциал латиноамериканской интеграции раскрыт не полностью; новым витком в ее движении может стать установление связей с региональными интеграционными объединениями других континентов (например, в Европе, Евразии, Азии), а также развитие более тесного экономического взаимодействия с США.

8. Латиноамериканским реалиям присуща прерывистость политических процессов. Отражением все еще слабой сплоченности общества является то, что политический курс редко остается прежним при смене правительства. Практически полное отсутствие государственной политики, дорожных карт на средне- и долгосрочную перспективу, что отбивает желание и волю к переменам у народа — негативные черты, присущие государствам ре-

гиона. Импульсивный характер стратегии и политики характерен для региональной интеграции в Латинской Америке.

Характеристика латиноамериканских реалий связана и с тем, что приоритет региональной интеграции как в прикладной политике, так и в теоретических стратегиях государств находится на низком уровне. Без сомнения, существует несколько факторов, определяющих такой низкий уровень, однако сложность разработки долгосрочных стратегий в этом политическом контексте является одной из главных, поскольку наднациональная интеграция — это медленный процесс, который требует стабильности и континуитета в политике. В этом отношении заметен контраст латиноамериканского опыта как с реалиями европейского пространства, так и с риторикой первых лиц латиноамериканских государств, поддерживающих курс на интеграцию.

Следующая характеристика — это иностранное влияние на латиноамериканскую интеграцию. В середине XX в., пока Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна формировала предложения по созданию регионального латиноамериканского рынка, ГАТТ и Правительство США предлагали совершенно противоположное. Вместе с влиянием подписания Римских соглашений, которые поспособствовали скорейшей интеграции в Европе, это внешнее влияние привело к замедлению континентальной интеграции, а европейские методы оказались неприменимы для региона.

Латиноамериканская интеграция имеет скачкообразный характер и на настоящем этапе находится в состоянии неопределенности. Неопределенность обусловлена сосуществованием различных схем интеграции, чьи цели и задачи переплетаются, а во многих случаях противоречат друг другу. На фоне существования таких долгосрочных интеграционных механизмов, как ЛАИ, АС и МЕРКОСУР, появились новые группировки с менее ясными целями и ограниченной институциональной системой, как УНАСУР, АЛБА и Тихоокеанский альянс. Отсутствие преемственности в политике, низкий приоритет интеграции в практическом аспекте и влияние неприменимых в местных реалиях форм интеграции ведет к тому, что на современном этапе все процессы, по сути, заморожены, имеется большое количество опасений и противоположных точек зрения, что усложняет прогнозирование.

9. Андское сообщество — самое продвинутое интеграционное объединение в Америке не только из-за внутренней институциональной и юридической структуры, но и из-за конкретных шагов, которые выходят за рамки экономического сотрудничества. В этом отношении организация принесла ощутимые выгоды участникам, которые были, однако, поняты не полностью и только в отдельных аспектах. Возможно, поэтому правительства и большая часть предпринимателей не способствовали активному развитию процесса, что обуславливает плачевное состояние, в котором Сообщество находится в настоящий момент. На фоне этих бесспорных реалий ожидается, что государства-участники АС срочно предпримут действия, необходимые для переосмысления интеграции, для того, чтобы ее углубить и достичь более эффективной наднациональной структуры. Это особенно важно на фоне вызовов и угроз нынешнего столетия и наличия других мощных интеграционных групп. Необходимо оптимизировать и синхронизировать внешнюю политику стран-членов АС, уважать достигнутые соглашения, повышать роль интеграционного права. Если правительства не реагируют на вызовы конкретными решениями и не берут на себя ответственность в области внешней политики, то народы стран субрегиона будут находиться в постоянном страхе экономических потрясений и изоляции от остального мира при потере позиций на международных рынках, что негативно отразится на роли государства, которое должно заботиться о своих гражданах.

10. Интеграция государств на евразийском пространстве представляет собой масштабный социальный феномен. С точки зрения юридической науки она выражается в усилении взаимодействия и взаимопроникновении правовых систем государств, входящих в евразийский регион.

Евразийская интеграция после распада Советского Союза прошла несколько базовых этапов в своем развитии:

1) образование Содружества Независимых Государств (1991 г.);
2) создание Таможенного союза (1995, 1999, 2007 гг.);
3) создание Единого экономического пространства (1999, 2003 гг.);
4) учреждение Евразийского экономического сообщества (2000 г.);
5) создание Евразийского экономического союза (2014 г.).

11. Интеграция государств на евразийском пространстве предопределена их общей историей, особенно в период существования СССР. Распад Советского Союза побудил ставшие независимыми государства к укреплению сотрудничества с целью противостоять вызовам нового времени (прежде всего экономическим). Однако с момента объявления об интеграции государств на постсоветском пространстве до ее фактической реализации прошло более двадцати лет. На начальном этапе создания и деятельности СНГ стремление большинства постсоветских государств к интеграции скорее декларировалась, нежели реально воплощалось в жизнь. В связи с этим обьединение и сотрудничество государств в рамках СНГ до перехода некоторых из них к созданию Таможенного союза именуется в литературе «не столько интеграцией, сколько координацией их деятельности».

Объединение государств на евразийском пространстве в рамках СНГ, Таможенного союза, Евразийского экономического сообщества, Единого экономического пространства продемонстрировало различный уровень интеграции — от отказа от идей наднационализма в СНГ до приобретения наднациональных полномочий Евразийской экономической комиссией в ЕврАзЭС, неравномерность и неоднолинейность интеграционных процессов, различный субъектный состав образуемых интеграционных объединений (к примеру, из пяти государств-членов ЕврАзЭС участниками Таможенного союза и Единого экономического пространства стали только три государства).

С созданием Евразийского экономического союза интеграция на евразийском пространстве перешла на качественно иной уровень, методы «двустороннего и группового регулирования» интеграционных процессов были заменены на «системное многостороннее регулирование».

12. Приоритетным направлением развития ЕАЭС в настоящее время является углубление экономических отношений с другими интеграционным объединениями и международными организациями, а также третьими странами. 29 мая 2015 г. было подписано Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам — с другой стороны. 31 мая 2016 г. главы государств-членов ЕАЭС на саммите в Астане приняли решение о начале переговоров с Сербией об унификации

торгового режима, итогом которых должно стать создание зоны свободной торговли между Сербией и ЕАЭС. 20 декабря 2016 г. в Москве на заседании Консультативного совета по взаимодействию Евразийской экономической комиссии и Делового совета ЕАЭС обсуждались параметры переговоров с Китаем в рамках подготовки Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой (в октябре 2016 г. состоялся первый полноформатный раунд переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем), а также проект сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Помимо Китая и Сербии, ЕАЭС определил для себя еще пять государств для приоритетного внешнего сотрудничества: Израиль, Индия, Иран, Египет и Южная Корея. Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на пленарном заседании российско-японского бизнес-диалога в декабре 2016 г., сообщил о планах обсудить на экспертном уровне вопрос формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией.

13. Современные интеграционные объединения делятся на межгосударственные союзы двух типов: координационного и наднационального. В объединениях координационного типа решения принимаются на основе согласования воль государств посредством достижения консенсуса или большинством голосов. Наднациональные интеграционные объединения характеризуются следующими чертами:

1) право органа, организации или сообщества обязывать своих членов без их согласия и против их согласия путем принятия обязательных решений большинством голосов;
2) право своими решениями обязывать и управомочивать физические или юридические лица или государственные органы государств-членов непосредственно без трансформации этих решений в национальное право государств;
3) наделение правом принимать решения, указанные в п. 1 и 2, непредставительных органов, т.е. органов, состоящих из независимых от государств международных чиновников;
4) право органа и организации на вмешательство в важные вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государств.

14. В зависимости от формы обеспечения экономической интеграции интеграционные объединения подразделяются на: зону свободной торговли, единое экономическое пространство, таможенный союз, общий рынок, экономический союз.

Основными формами латиноамериканской экономической интеграции на современном этапе остаются зона свободной торговли и таможенный союз. Общий рынок — явление формирующееся, несмотря на его провозглашение в уставных документах МЕРКОСУР и Андского сообщества.

Евразийский экономический союз представляет собой объединение, развивающееся по наднациональному типу.

Формами обеспечения евразийской экономической интеграции выступают Таможенный союз, Единое экономическое пространство и формирующийся общий рынок. Помимо отмены таможенных пошлин во взаимной торговле, что является основой зоны свободной торговли, в рамках ЕАЭС также действует единый таможенный тариф в торговле с третьими странами, формируются единые рынки товаров, услуг и капиталов и завершается формирование единого рынка в целом, т.е. осуществляется функционирование экономического союза.

15. Тип интеграционного объединения (координационное/наднациональное) и форма обеспечения экономической интеграции характеризуют индивидуальную модель интеграционного объединения.

Современные государства находятся в поиске наилучших форм интеграционного сотрудничества, что выражается в учреждении новых моделей интеграционных объединений, основанных на соглашениях между ними.

16. Вызовы времени, связанные в том числе с подписанием 4 февраля 2016 г. в Окленде (Новая Зеландия) Австралией, Брунеем, Вьетнамом, Канадой, Малайзией, Мексикой, Новой Зеландией, Перу, США, Сингапуром, Чили и Японией Соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства и подготовкой проекта Соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве между ЕС и США, диктуют необходимость более тесного правового сотрудничества между государствами евразийского региона, что обусловливает важность создания наднационального правового регулирования (коммунитарного права) в рамках ЕАЭС с опорой на соответствующую наднациональную

институциональную структуру, а в перспективе — трансформацию ЕАЭС в более сплоченное интеграционное объединение наднационального типа, преследующее цели формирования единой экономической, валютной, социальной, культурной, а также скоординированной внешней политики. Перспективный этап развития евразийской интеграции связан с преобразованием Евразийского экономического союза в Евразийский союз, созданием таких новых институтов, как Евразийский парламент, Евразийский суд по правам человека, формированием самостоятельного наднационального правопорядка.

17. Вопросы формирования гармонизированного правового пространства в рамках интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки имеют большое значение. При этом для достижения целей экономической интеграции вне зависимости от региона необходима гармонизация и унификация международного частного права.

В условиях построения единого экономического пространства повышается роль унификации публичного права, обеспечивающего таможенно-тарифное, налоговое, антимонопольное правовое регулирование.

18. Основу интеграционного сотрудничества государств Андского сообщества и сближения законодательств образует Картахенский договор, определяющий цели и задачи субрегиональной андской интеграции. Среди механизмов достижения целей Договора названо постепенное согласование экономической и социальной политики и сближение национального законодательства в соответствующих областях (пп. “b” ст. 3 Картахенского соглашения).

К инструментам унификации права в Андском сообществе относятся: учредительный международный договор о субрегиональной андской интеграции (Картахенское соглашение), другие учредительные международные договоры (о создании Суда, Парламента), решения органов Андского сообщества, международные соглашения, заключаемые государствами-членами Андского сообщества между собой в процессе интеграции.

Гармонизация и унификация права в МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки) является актуальной задачей развития и совершенствования интеграционного объединения. Подписание Асунсьонского договора, учредившего МЕРКОСУР,

наметило основу для создания общего рынка, установив в ст. 1 Договора средства для достижения этой цели, гарантируя свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов. Свободное движение товаров означает товарообмен между государствами, который нуждается в гармонизации законов в соответствующих сферах, и, как записано в ст. 1 Договора в ее финальной части, «обязанности государств-участников гармонизировать свои законодательства в соответствующих сферах, чтобы достичь укрепления процесса интеграции». Гармонизация законодательства государств, входящих в МЕРКОСУР, осуществляется различными методами: унификации права, простого сближения, координации внутригосударственного законодательства стран-участниц МЕРКОСУР.

В МЕРКОСУР и в Андском сообществе приняты и действуют унифицированные акты в области таможенно-тарифного регулирования. Внесение многочисленных поправок и изменений в данные документы свидетельствует о развитии таможенно-тарифного регулирования в направлении устранения имеющихся барьеров, а значит, и постепенное движение к созданию общего рынка. Также следует отметить, что унифицированные правовые акты («Гармонизация таможенных режимов» (2007 г.) в Андском сообществе и Таможенный кодекс МЕРКОСУР (2010 г.)) были приняты в рассматриваемых интеграционных объединениях не так давно, что указывает на наличие развивающегося единого таможенного правового пространства.

19. На данный момент, исходя из перечня источников права ЕАЭС (источники первичного права: международные договоры (Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной); источники вторичного права: акты органов ЕАЭС (решения и распоряжения органов ЕАЭС)), можно говорить о формировании интеграционного права Союза, обеспечивающего сам механизм интеграции, но пока не о формировании коммунитарного права.

В отличие от СНГ, где унификация и гармонизация охватывает частное и публичное право, в ЕАЭС сближение правовых систем государств-членов касается преимущественно публично-правовых вопросов. Наряду с жестким публично-правовым правовым регулированием в рамках ЕАЭС предлагается формирование гибких частноправовых норм, изложенных в актах мягкого права, основу которого могут составить Принципы Евразийского частного права.

20. Коммунитарное право представляет собой автономную правовую систему, применяемую на основе принципов прямого действия, непосредственного применения и верховенства над нормами внутреннего права государств-членов интеграционного объединения.

Коммунитарное право сформировалось на основе идеи создания общего права, регулирующего отношения внутри интеграционного объединения.

Латиноамериканская правовая доктрина различает «коммунитарное право» и «интеграционное право». Интеграционное право есть совокупность норм, правил и ценностей, которые регулируют процессы интеграции и таким образом обеспечивают их развитие. Когда же интеграционное право приобретает черты наднациональности, заключающиеся в применении на основе особых принципов как автономная правовая система, появляется коммунитарное право, являющееся эволюционной категорией от интеграционного права. Следовательно, коммунитарное право — возвышенная (или развитая) форма интеграционного права.

Преломляя теорию права Г. Кельзена к исследованию правовой природы коммунитарного права, можно заключить, что оно представляет собой результат эволюции международного права, пребывающего в более централизованной форме.

В российской правовой доктрине интеграционное право понимается как межотраслевой комплекс норм, относящийся к разным правовым системам, отраслям и правовым институтам.

21. Субъектами международных интеграционных правоотношений являются хозяйствующие субъекты (индивидуальные предприниматели и юридические лица). Существующие пробелы в нормативно-правовом закреплении правового статуса хозяйствующих субъектов, в частности, в области ответственности, негативно отражаются на реализации предоставленных им прав и обязанностей в системе международной региональной интеграции. Правовой статус хозяйствующих субъектов как участников интеграции более четко определен, чем правовой статус физических лиц — граждан государств-членов интеграционного объединения, которые не во всех интеграционных объединениях наделены правом на обращение в судебные интеграционные органы. Представляется, что в рамках Евразийского экономического союза

должен быть налажен канал взаимодействия граждан и органов ЕАЭС (например, посредством рассмотрения обращений, поступающих от физических лиц), Евразийской экономической комиссии, либо посредством обращения государств в Суд ЕАЭС с запросом о разъяснении по запросу предпринимателей. Таким образом, правовой статус частных лиц в интеграционных правоотношениях только формируется.

22. Основным направлением гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции является правовое регулирование сферы обязательственных отношений как материальными, так и коллизионными нормами, о чем свидетельствует опыт ЕС и СНГ. В данном случае применительно к гражданско-правовым отношениям можно говорить не только о гармонизации, но и об унификации права. Еще одним важным направлением гармонизации является сотрудничество по вопросам международного гражданского процесса, что объясняется необходимостью создания эффективного механизма правовой помощи, в том числе по гражданским и торговым делам, в рамках трансграничного пространства правосудия. Представляется, что в рамках евразийского пространства унификация процессуального законодательства осуществляется с перспективой создания единого правового поля в сфере гражданского судопроизводства.

Гармонизация правового регулирования международной торговли (иностранных инвестиций, внешней торговли, валютного или таможенного регулирования) в рамках экономических союзов невозможна без достижения определенного единообразия не только частноправовых, но и публично-правовых норм. Различия в правовом регулировании иностранных инвестиций, внешней торговли, финансовых услуг обусловлены прежде всего особенностями осуществления внешнеэкономической политики государств и способами ее реализации в соответствующем законодательстве. В меньшей степени развитию торговых отношений между лицами разной государственной принадлежности в указанных сферах деятельности препятствуют различия в правовом регулировании гражданско-правовых отношений. Однако в данном случае речь может идти только о проведении согласованной внешнеэкономической политики путем принятия государствами-участниками интеграционного объединения административно-правовых мер определенной направленности.

Экономическая интеграция государств ввела в практику систему наднационального регулирования, согласно которой функции, переданные наднациональным органам, позволяют управлять экономикой государства извне. Пределы наднационального регулирования определяются теми полномочиями, которые государства-участники интеграционного процесса передают наднациональному регулятору как единому центру, принимающему решения по выработке согласованной экономической политики, обязательные на территории всех государств, составляющих единое экономическое пространство. Видимость простоты создается, если не принимать во внимание вопросы государственного суверенитета. Вместе с тем, постепенно государственный суверенитет перестает быть абсолютной категорией, а государства в рамках международного сотрудничества ограничивают свой суверенитет на взаимной и добровольной основе, преследуя прежде всего экономические интересы. Безусловно, экономическая интеграция предполагает единообразие не только норм частного права, но норм публичного (административного) права, от степени согласованности которых во многом и зависят успехи интеграционного объединения.

Представляется, что модельное законодательство может являться ориентиром для принятия в будущем юридически обязательных актов. Международные договоры, акты, аналогичные директивам ЕС, — единственно возможные средства достижения согласия по вопросам публично-правового характера. Акты, аналогичные регламентам ЕС, — наиболее оптимальный инструмент унификации частного права в условиях региональной экономической интеграции.

23. Наличие постоянного суда или системы разрешения споров является неотъемлемым элементом интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки.

Несмотря на наличие нескольких региональных международных судов в Латинской Америке (Андский суд, Постоянный апелляционный суд МЕРКОСУР, Центральноамериканский суд, Карибский суд), учрежденных с целью «защиты» интеграционного правопорядка, их организационная структура, компетенция, порядок формирования, статус решений лишены единообразия. В этом их своего рода уникальность и своеобразие в сравнении с другими интеграционными судами (например, Суд ЕС, Суд ЕАЭС и др.).

Система разрешения споров в МЕРКОСУР по своей организационной структуре, по сути, представляет собой сочетание внесудебных (переговоры), арбитражных (третейские группы ad-hoc) и судебных средств разрешения споров (Постоянный апелляционный суд МЕРКОСУР), тогда как Андский суд является постоянным и единственным органом Андского сообщества. Главным судебным органом Системы центральноамериканской интеграции является действующий на постоянной основе Центральноамериканский суд (единственный в своем роде).

Компетенции интеграционных судов Латинской Америки настолько различны, что нельзя найти двух судов с абсолютно одинаковой компетенцией. Компетенция Андского суда наиболее приближена к компетенции Суда Европейского союза (рассматривает иски о недействительности (аннулировании), иски о неисполнении, иски о бездействии, о преюдициальном толковании права). Тогда как Постоянный апелляционный суд МЕРКОСУР не наделен правом преюдициального толкования вообще. А Центральноамериканский суд, помимо всех прочих полномочий, может проводить сравнительные исследования законодательства стран Центральной Америки для достижения гармонии и разработки проектов единообразных законов.

Латиноамериканские интеграционные суды прошли достаточно длительный исторический путь своего формирования, в процессе которого их компетенция и организационная структура совершенствовались. При этом точка в этом процессе еще не поставлена, так как в МЕРКОСУР, например, планируется к 2019 г. создание единого наднационального суда (по типу Суда ЕС).

Андский суд был учрежден на основе Картахенского соглашения от 26 мая 1969 г., однако фактически начал функционировать в 1984 г. и в 2014 г. он отметил свое 30-летие. То есть по времени своего создания Андский суд близок ко времени формирования Суду ЕС (в 1952 г. — Суд Европейского объединения угля и стали, с 1958 г. — Суд Европейских сообществ). Затем компетенция Андского суда не раз менялась (Трухильский протокол от 10 марта 1996 г.; Договор об учреждении Суда Андского сообщества от 10 марта 1996 г., Статут Суда Андского сообщества от 22 июня 2001 г.).

Центральноамериканский суд был создан 20 декабря 1907 г. (старейший международный суд) и просуществовал до 1917 г.

Однако уже в своем новом виде и с новой компетенцией Центральноамериканский суд (как Суд Центральноамериканского сообщества) был образован в декабре 1991 г.

Это же относится и к системе разрешения споров в МЕРКОСУР. В 1991 г. на основе Асунсьонского договора была создана временная модель разрешения споров, характеризующаяся прямыми межгосударственными переговорами. Затем на основе дополнительного Бразильского протокола также 1991 г. были предусмотрены арбитражные суды ad-hoc и только в 2002 г. (с подписанием Протокола Оливос) был создан Постоянный апелляционный суд МЕРКОСУР.

Латиноамериканские интеграционные суды по своему замыслу учреждались с целью разрешения споров, возникающих из соглашений об интеграции и производных от них документов, формирования единообразного права и практики его применения в интеграционном объединении, т.е. с целью защиты основ интеграционного правопорядка. Деятельность каждого из судов на сегодняшний день более или менее эффективна (по количеству дел — наибольшее рассмотрено Андским судом).

Между тем каждый из судов с различной степенью успешности способствует реальному продвижению интеграции. Несмотря на все усилия, предпринимаемые судами и другими органами интеграционных объединений, пока недостижимыми остаются главные задачи региональной интеграции: повышение благосостояния населения, обеспечение свободы передвижения хозяйствующих субъектов и трудовых мигрантов, товаров и услуг.

В сравнении с латиноамериканскими интеграционными судами, Суд ЕАЭС наиболее близок к Андскому суду. Хотя компетенция Суда ЕАЭС была резко сокращена после реформы (в сравнении с Судом ЕврАзЭС), создание такого органа является необходимым, так как с его помощью осуществляется толкование международных договоров и решений органов ЕАЭС, оценка решений и действий (бездействия) ЕЭК на предмет соответствия международному договору и др., что способствует выработке единообразного правового регулирования в рамках ЕАЭС.

24. Принимая во внимание, что Россия и страны Латинской Америки выступают в качестве стратегических партнеров, между которыми усиливается межгосударственное сотрудничество в самых различных областях, целесообразно развивать сотрудниче-

ство между интеграционными объединениями Евразии и Латинской Америки.

Одним из первых шагов к такому взаимодействию является разработка соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и МЕРКОСУР. Между тем формат взаимодействия двух региональных международных организаций должен быть шире и включать различные направления, что обусловлено наличием огромного экономического потенциала, который в совокупности составляет более 7% мировой экономики с общим населением свыше полумиллиарда человек.

Перспективным с точки зрения экономики представляется заключение международных соглашений о создании зон свободной торговли между ЕАЭС и региональными интеграционными объединениями Латинской Америки (например, Андским сообществом).

Целесообразно вести работу в области обмена опытом функционирования органов интеграционных объединений (комиссий, судов и др.) Латинской Америки и Евразии (ЕАЭС, СНГ) в виде направления официальных делегаций, проведения стажировок по обмену, проведения совместных научно-практических семинаров, организации делового общения посредством использования информационных технологий (интернет-конференции) и др.

Следует организовывать совместные научно-исследовательские проекты, направленные на углубленное изучение экономико-правовых систем государств Евразии и Латинской Америки, их сопоставление, разработку общих рекомендаций и стратегий развития.

Углубление сотрудничества в рамках двух континентов будет способствовать продвижению нового формата многополярного управления, усилению «весомости» от совместного участия стран Евразии и Латинской Америки в международном политическом общении и при принятии решений в международных организациях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abreu M., Martinez A.F. Olhares sore a criança no Brasil: perspectivas históricas. Editora Universidade Santa Úrsula, Rio de Janeiro, 1997.

Abreu, Waldir Ferreira de. O trabalho de socialização de meninos de rua em Belém do Pará: um estudo sobre a República do Pequeno Vendedor. Tese apresentada ao Programa de Pós-Graduação em Educação do Departamento de Educação da PUC-RIO, sob a orientação da Profª Drª Maria Apparecida C. Mamede Neves. 2010. Disponível em: http://www.maxwell.vrac.puc-rio.br/Busca_etds.php?strSecao=resultado&nrSeq=15941@1.

Acuña, Carlos, y Alonso, Gabriela. (2011). La Reforma Judicial en América Latina: Un estudio político-institucional de las REFORMAS judiciales en Argentina, Brasil, Chile y México.

AJA, Eliseo. El Estado Autonómico: federalismo y hechos diferenciales. Madrid: Alianza Editorial, 2003.

Al respecto véase los trabajos de Serbin, A. (2011). Regionalismo y soberanía nacional en América Latina: lecciones aprendidas y nuevos desafíos. Anuario Ceipaz, (4).

Alberto Pérez Calvo, "Características del nuevo Constitucionalismo latinoamericano", en Materiales sobre neoconstitucionalismo y nuevo constitucionalismo latinoamericano, Claudia Storini y José Francisco Alenza, directores, Navarra, ARANZADI, 2012.

Alexy R. *Teoria dos direitos Fundamentais.* São Paulo: Malheiros, 2008.

Alfonso G.N. Parlamentario del Mercosur, Presidente Delegación Paraguay. supranacionalidad efectiva reparará imperfecciones del Mercosur // http://www.parlamentodelmercosur.org/innovaportal/file/7252/1/supranacionalidad-reparara--imperfecciones-del-mercosur.pdf

Amin, Andrea Rodrigues. Evolução histórica do direito da criança e do adolescente. In Curso de direito da criança e do adolescente: aspectos teóricos e práticos. Katia Regina Ferreira Lobo Andrade Maciel (coordenação). 6.ed. rev. e atual. conforme Leis n. 12.010/2009 e 12.594/2012. São Paulo: Saraiva, 2013.

Anderson G. La relevancia política del federalismo en el siglo XXI. In: España y modelos de federalismo: Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, nº 204, 2010. pp. 37–53.

Andrade L.B.P. Educação infantil: discurso, legislação e práticas institucionais [online]. São Paulo: Editora UNESP; São Paulo: Cultura Acadêmica, 2010. 193 p. ISBN 978-85-7983-085-3. Disponível em: http://books.scielo.org/id/h8pyf/pdf/andrade-9788579830853-07.pdf.

Araujo L.A.D. Característicos comuns do federalismo. BASTOS, Celso. (Coordenador). Por uma nova federação. São Paulo: Editora Revista dos Tribunais, 1995. pp. 39–52.

Araujo M.L.C. de. Federalismo e princípio da simetria: entre unidade e diversidade. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010. pp. 513–549.

Argentina. Constitucion de la Nacion Argentina, 1994. Disponível em: http://www.constitution.org/cons/argentin.htm. Acesso em: 25/10/2015.

Arnold R. Los conceptos fundamentales del federalismo alemán. Ejemplo para la reforma española? In: La España de las autonías. Reflexiones 25 años después. RUIZ-GALLEGOS, Manuel Balado (Director); BLASCO, Joan Lerma y ESCUDERO, Pio García. Barcelona: Bosch, 2005. pp. 781–793.

Aron R . Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1984.

Arteaga W.K. La necesidad de la integración y el orden y ordenamiento jurídico comunitario. Testimonio comunitario. Primera edición. Quito-Ecuador. 2004.

Badia J.F.. El Estado unitário, el Estado federal y el Estado regional. Madrid: Editorial Tecnos, 1978.

Bagehot W. La constitución inglesa. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2010.

Baggio R.C. Federalismo no contexto da nova ordem global: perspectivas de (re) formulação da federação brasileira. Curitiba: Juruá, 2006.

Baracho, José Alfredo de Oliveira. Direito processual constitucional: aspectos contemporâneos. Belo Horizonte: Fórum, 2006.

Barbosa, Rui. Os atos inconstitucionais do congresso e do executivo ante a justiça federal. Capital Federal: Companhia Impressora 7, 1893.

Barriga López, Leonardo. Comprendio Integración y Mercados Económicos, Editorial Pedro Jorge Vera, Quito-Ecuador, 2001.

Barroso, Luís Roberto. O controle de constitucionalidade no direito brasileiro: exposição sistemática da doutrina e análise crítica da jurisprudência /– 6. ed. rev. e atual. — São Paulo: Saraiva, 2012.

Benitez, Gisela Maria Bester. O controle de constitucionalidade jurisdicional nos países do Mercosul e a amplitude democrática do acesso à justiça constitucional. Análise comparativa no âmbito do direito processual constitucional. ANUARIO DE DERECHO CONSTITUCIONAL LATINOAMERICANO/2003. Disponivel em: http://www.juridicas.unam.mx/publica/librev/rev/dconstla/cont/2003/pr/pr13.pdf. Acesso em 28/10/2015.

Bernanrdes W.L.M. Federação e federalismo. Belo Horizonte: Del Rey, 2010.

Bielschowsky, Ricardo. Cincuenta años del pensamiento de la CEPAL: una reseña / en Cincuenta años de pensamiento en la CEPAL, Vol. I. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL. Fondo de Cultura Económica: Santiago de Chile. 1998.

Binenbojm G. *A nova jurisdição constitucional brasileira*: legitimidade democrática e instrumentos de realização. Rio de Janeiro: Renovar, 2004.

Bonavides P. *Direito constitucional.* 11. ed. São Paulo: Malheiros, 2001.

Bonavides P. Jurisdição constitucional e legitimidade (algumas observações sobre o Brasil). Estudos Avançados, nº 18, 2004. Disponível em: http://www.scielo.br/pdf/ea/v18n51/a07v1851.pdf. Acesso em: 25/10/2015

Borowski M. *La estructura de los derechos fundamentales.* Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2003.

Brasil. Constituição da República Federativa do Brasil, promulgada em 1988. Disponível em: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicaocompilado.htm. Acessado em 27/05/2014.

Brenda Luciana Maffei. El derecho comunitario: un análisis a partir de la perspectiva kelseniana o direito comunitário: uma análise a partir da perspectiva kelseniana. Rev. secr. Trib. perm. revis. Año 4, Nº 8; Agosto 2016.

Bruno S. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner // The European Journal of International Law Vol. 20 no 2. 2009.

Caetano, Gerardo. Breve historia del MERCOSUR en sus 20 años. Coyunturas e instituciones (1991–2011) / En Caetano, Gerardo (coordinador). MERCOSUR 20 años. CEFIR: Montevideo. 2001.

Callejon F.B. A divisão territorial do poder num contexto supranacional: o exemplo da Espanha na União Europeia. In:

TAVARES, André Ramos et al. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Callejon F.B. A divisão territorial do poder num contexto supranacional: o exemplo da Espanha na União Europeia. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Callejon F.B. *A projeção da constituição sobre o ordenamento jurídico.* São Paulo: Saraiva, 2014.

Callejon F.B. Administración única y Estado Autonómico. Santiago de Compostela: Escola Galega de Administración Pública, 1993.

Callejon F.B. Capacidad creativa y limites del legislador em relación com los derechos fundamentales. Lagrantía del contenido esencial del derechos. Actas del Congreso sobre Derechos Constitucionales y Estado Autonómico organizado por El grupo de Estudios sobre la forma de Estado de la Universidad de Barcelona. Barcelona: Cedecs editorial.

Callejon F.B. Derecho constitucional y Estado em un mundo globalizado. Conferencia impartida el día 24 de enero de 2011, dentro de los actos de la Festividad del patrón de la Facultad de Derecho de la Universidad de Granada.

Callejon F.B. El status constitucional de la reforma y la fragmentación del poder constituyente. In: La democracia constitucional — estúdios em homenaje al Profesor Francisco Rubio Llorente. Madrid: centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2002.

Callejon F.B. Fuentes del derecho, espacios constitucionales y ordenamientos jurídicos. Revista española de Derecho Constitucional, año 23, nº 69, 2003.

Callejon F.B. La constitucionalizaciós del Estado Autonómico. Murcia: Asamblea Regional de Murcia, nº 09, 1997.

Callejon F.B. Las ciudades autônomas en el Estado Auonómico. In: MORODO, Raul & VEJA, Pedro de (Directores). Estudios de teoria del Estado y Derecho Constitucional em honor de Pablo Lucas Verdú. Tomo IV, 2000.

Callejon F.B. Las competências de la Unión Europea y los princípios de subsidiariedad y proporcionalidad. Revista de Estudios Autonómicos, nº 4, 2003.

Callejon F.B. Las cuestiones institucionales em la STC 31/2010, de 28 de junio. In: El cronista del estado Social y Democrático de

Derecho. El Tribunal Constitucional y el Estatut. Madrid: Portal Derecho, n. 15, 2010.

Callejon F.B. Los conflictos normativos entre El derecho estatal y El derecho autonômico. Revista de las Cortes Generales. Madrid: Cortes Generales, nº 19, 1990.

Callejon F.B. Poder judicial y comunidades autônomas. Revista de Derecho Político, n. 47, 2000.

Callejon F.B. Un jurista universal nacido en Europa. Entrevista a Peter Häberle. In: Revista de derecho constitucional europeo, Espanha, n. 13, 2010.

Callejon F.B. (coordinador). Manual de Derecho Constitucional. 5ª ed. Madrid: Tecnos, Vol. I, 2010.

Campos P.B. En los orígenes del federalismo: la formación del modelo norteamericano. In: REYES, Aragón; CAMPO, Javier Jiménez y ECHAVARRÍA, Juan J. Solazábal. La democracia constitucional. Estudios en homenaje al profesor Francisco Rubio Llorente. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Vol. II, 2002.

Cappelletti, Mauro. O controle judicial de constitucionalidade das leis no direito comparado. 2ª ed. — Tradução: Aroldo Plínio Gonçalves. — Porto Alegre: Sergio Antônio Fabris Editor: 1999.

Carbonell A.R.H. El patrón federal como referencia propuesta de nuestras reformas territoriales. In: España y modelos de federalismo. Madrid. Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, n. 204, 2010.

Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera. La autonomía del derecho comunitario andino y su relación con el derecho internacional. Rev. secr. Trib. perm. revis. Año 4, Nº 8; Agosto 2016.

Carvalho M.H.P. de. Hermenêutica constitucional: métodos e princípios específicos de interpretação. Florianópolis: Obra Jurídica, 2008.

Cassese A. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Castro K.P. de & Afonso J.R. Gasto social no Brasil pós 1988. Uma análise sob a ótica da descentralização fiscal. Revista de Política, Planejamento e Gestão de Saúde. ABRASCO, n. 1, jul/set, 2009.

Cepal. El regionalismo abierto en América Latina y el Caribe / Naciones Unidas. Comisión Económica para América Latina y el Caribe: Santiago de Chile. 1994.

César Montaño Galarza, "Ecuador y la integración. Una revisión a la posición oficial", en Revista de Derecho FORO, No. 11, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador / CEN, 2009.

César Montaño Galarza, “Las relaciones internacionales y los tratados en la Constitución de Bolivia de 2009: una respuesta innovadora”, en Innovación y continuismo en el modelo constitucional boliviano de 2009, Roberto Viciano Pastor y Claudia Storini, editores, Valencia, Tirant lo Blanch, 2016.

Cfr. Germánico Salgado, El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica, segunda edición, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional, 2007.

Cock V.S. Federalismo en teoria y práctica. El caso español como proceso federal — estúdio de la autonomia regional y local em los sistemas federales. Curitiba: Juruá, 2010.

Coelho B.L.M. A proteção à criança nas constituições brasileiras: 1824 a 1969. Revista de Informação Legislativa. Brasília a. 35 n. 139 jul./set. 1998. Disponível em: http://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/390/r139-07.pdf.

Cooley T. Princípios gerais de Direito Constitucional. dos Estados Unidos da América do Norte. São Paulo: revista dos Tribunais, 1982.

Corwin E.S. A Constituição Norte-Americana e seu significado atual. Rio de Janeiro: Jorge Zahar Editor, 1959.

Cunha júnior, Dirley da. O Princípio do “Stare Decisis” e a decisão do Supremo Tribunal Federal no controle difuso de constitucionalidade. Leituras complementares de direito constitucional: controle de constitucionalidade. Salvador: JusPODIVM, 2007

Cunha Junior D. A separação das funções estatais ante uma nova dogmática constitucional: a necessidade de uma revisão da teoria clássica da separação de poderes. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Dallary D. de A. O Estado Federal. São Paulo: Ática, 1986.

Danilenko G.M. (1999) The Economic Court of the Commonwealth of Independent States. New York University Journal of International law & Politics. №. 4.

Democracy and pluralism in Muslim Eurasia. Yaacov Ro’I (editor). Frank Cass, London, 2004.

Diniz M.H. *Direito civil brasileiro.* V.1. São Paulo: Saraiva, 1989.

Dolhnikoff M. O pacto imperial: origens do federalismo no Brasil. São Paulo: Globo, 2007.

Duverger M. Instituciones políticas y derecho constitucional. Barcelona: Editorial Ariel, 1984.

Dworkin R. Apud OMMATI, José Emílio Medauar. A teoria jurídica de Ronald

Dworkin R. *Levando os direitos a sério.* São Paulo: Martins Fontes, 2002.

Dworkin R. O império do direito. Tradução: Jefferson Luiz Camargo. — São Paulo: WMF Martins Fontes, 2007.

Dworkin R.: o direito como integridade. In: CATTONI, Marcelo (coord.). *Jurisdição e hermenêutica constitucional.* Belo Horizonte: Mandamentos, 2004.

Echavarria J.J.S.. El patrón federal como referencia propuesta de nuestras reformas teritoriais.In: España y modelos de federalismo: Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, nº 204, 2010.

Ekmekdjian M.A. Introducción al Derecho Comunitario Latinoamericano, 2 da. Edición Editorial Desalma, Buenos-Aires, Argentina, 1996.

Elazar D.J. Exploración del federalismo. Barcelona: Editorial Hacer, 1990.

Elias R.J. Comentários ao Estatuto da Criança e do Adolescente: Lei n. 8.069, de 13 de julho de 1990. 4.ed. São Paulo: Saraiva, 2010.

Engaña C. Derechos humanos y empresas: una relación dificil. De la oposición a la convergencia. Cuadernos de Epoca, Serie Integración Económica. Buenos Aires — Madrid. 2001.

Engaña C. Derechos humanos y empresas: una relación dificil. De la oposición a la convergencia. Cuadernos de Epoca, Serie Integración Económica. Buenos Aires — Madrid. 2001.

Engaña C. Derechos humanos y empresas: una relación dificil. De la oposición a la convergencia. Cuadernos de Epoca, Serie Integración Económica. Buenos Aires — Madrid. 2001.

Feldstein de Cárdenas S.L., Scotti L.B. Armonización legislativa en el MERCOSUR: La interacción entre el Derecho Internacional Privado y el Derecho Comparado [Электронный ресурс]. URL: www.caei.com.ar.

Ferrajoli L. Constitucionalismo principialista e constitucionalismo garantista. In: Ferrajoli L.; Streck L.L.; Trindade A.K. (org.). *Garantismo, hermenêutica e (neo)constitucionalismo*: um debate com Luigi Ferrajoli. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2012.

Figueiredo M. O modelo federal brasileiro: sua história, sua regulamentação e seu sistema de recursos financeiros. Revista da procuradoria Geral do Município de Vitória. Vitória, v. 2, n. 1, 2010. pp. 17–38.

Freitas J. A melhor interpretação constitucional *versus* a única resposta correta. In: SILVA, Virgílio Afonso (org.). *Interpretação constitucional.* São Paulo: Malheiros, 2005.

French-Davis, Ricardo. El Pacto Andino: un modelo original de integración // El Trimestre Económico. 1976. № 170.

Freyre, Gilberto. Casa-Grande & senzala: formação da família brasileira sob o regime da economia patriarcal. 48ª ed. São Paulo: Global, 2003.

Gadamer H-G. *Verdade e Método:* traços fundamentais de uma hermenêutica filosófica. Petrópolis/RJ, Editora Vozes, 1997.

Gallardo C.G. La Corte de Justicia de la Comunidad Centroamericana y la consulta prejudicial. Seminario sobre "La Consulta Prejudicial". Granada. Nicaragua. 9-10 de octubre. 2006.

Garcez S.M. O novo direito da criança e do adolescente. Campinas, SP: Editora Alínea, 2008.

Garcia-Pelayo M. Derecho constitucional comparado. Madrid: Alianza Editorial, 1987.

Gardini, Gian Luca, Lambert, Peter W. (2011). Unity and diversity in Latin American visions of regional integration. (Palgrave Macmillan.) Palgrave Macmillan.

Gomes, Laurentino. A família na história do Brasil. Revista IBDFAM. Novembro de 2013. Entrevista.

Gomide P.I.C. Menor infrator: a caminho de um novo tempo. 2.ed., 11.reimpr. Curitiba: Juruá, 2012.

Häberle P. *Hermenêutica constitucional.* Porto Alegre: Sergio Antonio Fabris Editor, 1997.

Habermas J. *Direito e democracia:* entre facticidade e validade. V. I. Rio de Janeiro: Tempo Brasileiro, 1997.

Hamilton, Madison e Jay. Sobre a Constituição dos Estados Unidos. Tradução de E. Jacy Ribeiro. São Paulo: IBRASA, 1964.

Hart H.L.A. *O conceito de direito.* Lisboa: Fundação, 1961.

Hechos clave en las relaciones CAN — MERCOSUR // http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=111&tipo=TE&title=mercosur

Heine, J. (Jэanuary 01, 2006). Between a Rock and a Hard Place: Latin America and Multilateralism after 9/11. Multilateralism Under Challenge? : Power, International Order, and Structural Change.

Henkin Louis, Lecture, That "S" Word Sovereignty, and Globalization, and Human Rights, Et Cetera (1999).

Herkenhoff J. B. *Como aplicar o direito.* Rio de Janeiro, Forense, 1986.

Herrera Orlando Mejía. Los métodos alternos de solución de controversias comerciales entre los estados miembros del sistema de la integración centroamericana (SICA) // Revista Española de Derecho Internacional. Núm. LX-1, Janeiro 2008.

Hesse K. *Elementos de direito constitucional da República Federal da Alemanha.* Porto Alegre: Sergio Antonio Fabris Editor, 1998.

http://pdba.georgetown.edu/Parties/Venezuela/Leyes/constitucion.pdf

Huntley S.S. Russian Legislation on the Protection of Children Against Sexual Abuse and Sexual Exploitation: a Review. 2013. International Centre for Missing & Exploited Children. Disponível em: http://www.icmec.org/wp-content/uploads/2015/10/Russian_Legislation_on_Protection_of_Children_Against_Sexual_Abuse_and_Exploitation_FINAL.pdf.

Juan Gabriel Tokatlian, "¿Unasur pierde el norte?", en El País, 7 de mayo de 2014, en: http://elpais.com/elpais/2014/04/23/opinion/1398278994_215974.html

Karen E. Bravo. CARICOM, the Myth of Sovereignty, and Aspirational Economic Integration // http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=996443.

Karl L. *Metodologia da ciência do direito.* 2. ed. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 1983.

Kaser, Karl. Patriarchy after Patriarchy: gender relations in Turkey and in the Balkans, 1500–2000. LIT Verlag, Berlim, 2008.

Kelsen, Hans. Jurisdição constitucional. Introdução e revisão técnica Sergio Sérvulo da Cunha. São Paulo: Martins Fontes, 2003.

Kelswn H. *Teoria pura do direito.* São Paulo: Martins Fontes, 2006.

Kramer S. Infância, cultura contemporânea e educação contra a barbárie. In Infância, educação e direitos humanos. Luiz Cavalieri Bazilio, Sonia Kramer. São Paulo: Cortez, 2003.

Kugelmas E. & Sola L. La construcción del federalismo democrático em Brasil. Revista de Economía. Madrid, nº 810, 2003.

Lamenza F. Os direitos fundamentais da criança e do adolescente e a discricionariedade do Estado. Barueri, SP: Minha Editora, 2011.

Lascaris Constantino Historia de las ideas en Centroamerica. San Jose, 1970.

Law library of Congress. Children's rights: international and national laws and practice. Disponível em: https://www.loc.gov/law/help/child-rights/pdfs/childrensrights-russia.pdf.

Liberati W.D. Adolescente e ato infracional: medida socioeducativa é pena? 1.ed. São Paulo: Malheiros, 2012.

Llanos Mansilla H. El Derecho de la Integración en el ordenamiento jurídico interno. Direito e sociedade. Vol. I. Juruá Editora, Curitiba, 1998.

Luciana B. Scotti. Instrumentos de integración juridical en el Mercosur: El rol del Derecho Internacional privado // Academia 2015 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/5194909/INSTRUMENTOS_DE_INTEGRACI%C3%93N_JUR%C3%8DDICA_EN_EL_MERCOSUR_EL_ROL_DEL_DERECHO_INTERNACIONAL_PRIVADO.

Luis Fernando Arnau Lopez. Ordemamiento jurídico básico para la constitución de la zona libre de comercio de Sudamerica// Universidad Andina Simón Bolívar de Bolivia. Facultad de Integración. Maestría de Integración y Comercio Internacional [Электронный ресурс]. URL: http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/BO-INT-0007.pdf

Madaleno, R. *Curso de direito de família*. Rio de Janeiro: Forense, 2011.

Manual de Procedimientos del Sistema Andino de Solución de controversias. Lima. 2008 // www.comunidadandina.org.

Marcelo Rozas Garay. UNASUR — Un nuevo modelo de cooperación e integración // http://www.mercojuris.com/category/doctrina/?id=8110

Marinov E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Counties // International Institute of Social and Economic Sciences. Prague. 2014.

Martínez P.B., Perotti A.D. La teoría del acto aclarado ¿resulta necesaria su aplicación en el marco de la interpretación prejudicial Andina? Quito-Buenos Aires. 13 de mayo de 2003.

Martínez Puñal A. El Sistema Institucional del Mercosur: de la intergubernamentalidad hacia la supranacionalidad. Santiago de Compostela. 2005.

Martos J.A.M. La inclusión de los nombres de las Comunidades Autónomas. In: La reforma del Estado autonómico — jornadas sw Estudio sobre el Informe del Consejo de Estado. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, nº 180 (Cuadernos y Debates), 2007.

Martos J.A.M. Las relaciones entre ordenamientos em España: los límites a la aplicación autonómica del Derecho Europeo. In Balaguer M.L. (Ed). XXV aniversario de la Constitución Española. Propuestas de reformas. Servicio de publicaciones — Centro de Ediciones de la Diputación Provincial de Málaga (CEDMA), 2004.

Mas J.T. El Estado de las Autonomías y los hechos diferenciales. In La España de las autonías. Reflexiones 25 años después. Ruiz-Gallegos M.B. (Director); Blasco J.L. y Escudero P.G.. Barcelona: Bosch, 2005.

Mello C.A.B.de. O poder normativo do Executivo no Brasil. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Mendes, Gilmar Ferreira. Curso de Direito Constitucional. MENDES, Gilmar Ferreira; Branco P.G.G. São Paulo: Saraiva, 2008.

Menendez I.V. El Estado de las autonomías. La nueva etapa federal de la organización territorial del Estado em la Constitución Española de 1978. In La España de las autonías. Reflexiones 25 años después. Ruiz-Gallegos, Manuel Balado (Director); Blasco J.L. y Escudero P.G.. Barcelona: Bosch, 2005.

Mesas Redondas laReforma Constitucional en Materia de Derechos Humanos de la ONU: Enfoque en la Administración de Justicia, Carmona, J. T. U., y Elías, A. E. (2012) .Reforma constitucional en materia de Derechos Humanos: Un Enfoque en la Administración de Justicia. México: Tribunal Superior de Justicia del Distrito Federal, Instituto de Estudios Judiciales.

Midón Mario A. R. Derecho De La Integración. Aspectos institucionales del Mercosur. Buenos Aires. 1998.

Mora R. Ch. La Corte de Justicia de la Comunidad Centroamericana. Managua: Imprimátur. 2000.

Moraes A. Federação brasileira: necessidade de fortalecimento das competências dos Estados-membros. In: TAVARES, André Ramos, Leite G.S. e Sarlet I.W. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

MOREIRA, Eduardo Ribeiro. Neoconstitucionalismo e teoria da interpretação. In: MOREIRA, Eduardo Ribeiro; GONÇALVES JÚNIOR, Jerson Carneiro; BETTINI, Lucia Helena Polletti (org.). *Hermenêutica constitucional:* homenagem aos 22 anos do grupo de estudos Maria Garcia. Florianópolis: 2010.

MORENO, Luis. La federalización de España. Poder político y territorio. Madrid: Siglo XXI, 2008.

MÜLLER, Friedrich. *Discours de la méthode jurídique.* Paris: Presses Univesitaires de France, 1996.

Naves R., Gazoni C. Direito ao futuro: desafios para a efetivação dos direitos das crianças e dos adolescentes. São Paulo: Imprensa Oficial do Estado de São Paulo, 2010.

Nessa linha: Bauman Z. Globalização: as Consequências Humanas. Rio de Janeiro: Jorge Zahar Editor, 1999.

Netto Lôbo, Paulo Luiz. A repersonalização das relações de família. *Jus Navigandi*. n. 307. ano 9. Teresina, 10.05.2004. Disponível em: [http://jus.com.br/revista/texto/5201].

Oliveira R.A. O adolescente infrator em face da Doutrina da Proteção Integral. São Paulo: Fiuza Editores, 2005.

Overlapping regionalism e proliferação de instituições na América Latina: complementariedade e fragmentação nas agendas regionais. Y en Portales, C. (2013).

Pampillo Baliño J. P. La integración americana. Expresión de un nuevo derecho global. Reflexiones y propuestas filosóficas, históricas y jurídicas para un nuevo derecho común americano, México, Porrúa / Escuela Libre de Derecho, 2012.

Paraguai. Constitucion de la Republica del Paraguay, 1993. Disponível em: http://www.constitution.org/cons/paraguay.htm.

Pásara, L. (2003) "Justicia, régimen político y sociedad en América Latina". Politica y Gobierno (México), 10.

Peralta R.A. La Corte Centroamericana de Justicia: Organo principal y permanente del Sistema de Integración Centroamericana // Seminario "La Normativa Jurídica del SICA y la Consulta Prejudicial" 22 de marzo. 2007.

Perotti A. D. Algunas consideraciones sobre la interpretacion prejudicial obligatoria en el derecho andino. Buenos Aires 2001 // http://www.comunidadandina.org.

Picazo P.G. Teoría breve de relaciones internacionales. Madrid, 2006.

Poletto L.B. A (des)qualificação da infância: a história do Brasil na assistência dos jovens. IX Seminário de Pesquisa em Educação da Região Sul (ANPED SUL), 2012. Disponível em: http://www.ucs.br/etc/conferencias/index.php/anpedsul/9anpedsul/%20paper/viewFile/1953/329.

Poletto, Letícia Borges. A (des)qualificação da infância: a história do Brasil na assistência dos jovens. IX Seminário de Pesquisa em Educação da Região Sul (ANPED SUL), 2012. Disponível em: http://www.ucs.br/etc/conferencias/index.php/anpedsul/9anpedsul/%20paper/viewFile/1953/329.

Popov A., Jeffery M. Protection of Children by Russian Legislation: possible risks of providers and owners of the websites on th internet. Disponível em: < https://www.law.uw.edu/media/1391/russia-intermediary-liability-of-isps-child-protection.pdf>.

Portal Brasil. "Desde 1808, jovens têm responsabilidade penal no Brasil". Cidadania e Justiça. 14 de abril de 2015. Disponível em: http://www.brasil.gov.br/cidadania-e-justica/2015/04/desde-1808-jovens-tem-responsabilidade-penal-no-brasil.

Portales, C. (2014). ¿A dónde va el multilatera-lismo en las Américas? Proyectos superpuestos en un período de cambios globales. El hemisferio en transformación: Regionalismo, multilateralismo y políticas exteriores en un entorno cambiante.

Prieto J.M.L. Guerras mundiales y globalización. In: Revista de cultura y ciencias sociales. Espanha, n. 32–33, 2002.

Protocolo de Montevideo sobre Compromiso con la Democracia en el MERCOSUR (Ushuaia II). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/2485/1/ushuaia_ii.pdf

Puñal A. El Sistema Institucional del Mercosur: de la intergubernamentalidad hacia la supranacionalidad. Santiago de Compostela. 2005.

R.D. e Iglesia D.O.: Solución de controversias en el Mercosur. Buenos Aires. 1995.

Ramirez J.M.P. Las reformas estatutarias y el nuevo sistema autonómico de fuentes del Derecho. Madrid: Civitas, 2007.

Ramón Tamames, Estructura Económica Internacional, Madrid, Alianza, 1999.

Ramos D.T. O federalismo assimétrico. Rio de janeiro: Forense, 2000.

Regis A. O novo federalismo brasileiro. Rio de Janeiro: Forense, 2009.

Requejo F. Federalismo plurinacional y pluralismo de valores: el caso español. Traducción de Olga Torres Hostench. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2007.

Reseña histórica // http://www.comunidadandina.org/Resena.aspx

Roberto Ruiz Díaz Labrano. La salida de un Estado Miembro en el proceso de integración. El Reino Unido y la Unión Europea; Werner Miguel Kühn Baca. Aspectos jurídicos y perspectivas políticas de una posible retirada de la Unión Europea por parte del Reino Unido // Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión. 2016. № 8. http://www.revistastpr.com/index.php/rstpr/issue/view/13

Rodriguez M.A. Las Conferencias Interamericanas especializadas en Derecho Internacional Privado (CIDIP). Boletin Electronico, no. 7 (bol7.htm) // [Электронный ресурс]. URL: http://sala.clacso.org.ar.

Rolla G. El Estado Autonómico. La experiencia española desde la óptica del regionalismo italiano. In Balaguer M.L. (Ed). XXV aniversario de la Constitución Española. Propuestas de reformas. Servicio de publicaciones — Centro de Ediciones de la Diputación Provincial de Málaga (CEDMA), 2004.

Rudnicki A.A. The development of Russia's child protection and welfare system. Disponível em: https://www2.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya%20archive/GWASHU_DEMO_20_1/0M68882RR3WM363J/0M68882RR3WM363J.pdf.

Ruffia P.B. di. Derecho constitucional. Madrid: Editorial Tecnos, 1987.

Salgado G. El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica, segunda edición, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional, 2007.

Salgado, Germánico. El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica (segunda edición). Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional: Quito. 2007.

Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad // Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979.

Salgado, Germánico. Integración latinoamericana y apertura externa // Revista de la CEPAL. 1990. № 42 (diciembre).

Salgado, Germánico. La integración económica en países en desarrollo y la función de una planificación industrial conjunta // Nueva Sociedad. 1975. № 17.

Saraiva J.B.C. Adolescente em conflito com a lei: da indiferença à proteção integral: uma abordagem sobre a responsabilidade penal juvenil. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2003.

Sarmento D. O neoconstitucionalismo no Brasil: riscos e possibilidades. In: Fellet A.L.F.; Paula D.G. de; Novelino M. *As novas faces do ativismo judicial.* Salvador: Juspodivm, 2011.

Savigny F.K. System des beutigen Römischen Rechts. V.I.1840. Apud KARL, Larenz. *Metodologia da ciência do direito.* 2. ed. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 1983.

Schwartz B. Direito Constitucional Americano. Rio de Janeiro: Forense, 1966.

Serbin, A. (2011). Regionalismo y soberanía nacional en América Latina: lecciones aprendidas y nuevos desafíos. Anuario Ceipaz, (4).

Slaibi Filho, Nagib. Breve história do controle de constitucionalidade. Nagib Slaibi Filho. Rio de Janeiro, ago. 2004. Disponível em: http://www.nagib.net/artigos_texto.asp?tipo=2&area=1&id=40.

Soresen G. La transformación del Estado. Valência: Tirant Lo Blanch, 2010.

Souza C. Federalismo, desenho constitucional e instituiçoes federativas no Brasil pós-88. Revista de Sociologia e Política da Universidade Federal do Paraná. Curitiba, n. 24, 2005.

Souza N.O. Controle de Constitucionalidade — Do juízo de primeiro grau à Suprema Corte. Revista de Direito Constitucional e Internacional, vol. 38. São Paulo: RT, 2002.

Streck L.L. *Hermenêutica jurídica e(m) crise:* uma exploração hermenêutica da construção do Direito. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2011.

Streck L.L. Jurisdição constitucional e hermenêutica: uma nova crítica do direito. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2002.

Streck L. Neoconstitucionalismo e pós-positivismo. In: Ferrajoli L.; Streck L.; Trindade A.K. (org.). *Garantismo, hermenêutica e (neo)constitucionalismo*: um debate com Luigi Ferrajoli. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2012.

Tavares A.R. Aporias acerca do condomínio legislativo no Brasil: uma análise a partir do STF. In: Tavares A.R. LEITE, George Salomão e Sarlet I.W. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Una nueva etapa del Mercosur. http://www.mercosur.org.uy

Uruguai. Constitucion de la Republica. Disponível em: http:// www.oas.org/juridico/mla/sp/ury/sp_ury-int-text-const.html.

Véase Pinto, M. (2004). El derecho internacional: Vigencia y desafíos en un escenario globalizado. Mexico, D.F: Fondo de Cultura Económica.

Véase por ejemplo los casos explicados en Ribeiro, C. C. N. (2016).

Venezuela. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela, 1999. Disponível em: http://pdba.georgetown.edu/Parties/Venezuela/Leyes/constitucion.pdf.

Vergottini G. de. Derecho constitucional comparado. Traducción e introduccción por Pablo Lucas Verdú. Madrid: Espasa-Calpe, 1985.

Watts R.L. España: una federación multinacional encubierta? In: España y modelos de federalismo: Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, nº 204, 2010. pp. 55–81.

Westin R. Até 1927, crianças iam para a cadeira. Jornal do Senado. Brasília, terça-feira, 7 de julho de 2015. Disponível em: https://www12.senado.leg.br/institucional/arquivo/arquivos-pdf/ate-lei-de-1927-criancas-iam-para-a-cadeia.

Where is multilateralism going in the americas?: overlapping organizations in a period of global change. Lua Nova: Revista de Cultura e Política, (90).

Wionczek, Miguel S. 1964. La historia del Tratado de Montevideo // Integración de América Latina. Fondo de Cultura Económica / En Wionczek, M. (editor). 1964.

Wolfe, Christopher. La transformacion de la interpretacion constitucional. Tradução de: Maria Gracia Rubio de Casas y Sonsoles Valcácel. - 1. - ed. Madri: Civitas, 1991.

Wroblewski J. *Constitución y teoria general de la interpretación jurídica.* Madrid: Editorial Civitas, 1985.

Y por último Malamud, A. (2014). El contexto del diálogo jurídico interamericano: fragmentación y diferenciación en sociedades más prosperas. Bogdandy, A. v., Fix-Fierro, H. y Morales Antoniazzi, M., coords., Ius Constitutionale Commune en América Latina. Rasgos, potencialidades y desafíos. México: UNAM.

Авдеев К.Е. Становление латиноамериканской цивилизации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2010.

Аксенов А.Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ. М., 2012.

Акулов Д.М. Региональная экономическая интеграция в сфере международного права // Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Д.И. Фельдмана, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 11–12 октября 2012 г. / А. Абай, А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин и др.; ред. коллегия И.А. Тарханов, А.И. Абдуллин, Г.И. Курдюков, Р.Ш. Давлетгильдеев. М., 2014.

Аречага Э.Х. де. Современное международное право. М., 1983.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

Астапов К.Л. Формирование единого экономического пространства в государствах–участниках СНГ. URL: http://www.iep.ru/files/text/confer/2004_09_13-14/astapov_ru.pdf.

Баранова И.В. Исторические взгляды славянофилов: феномен общественно-политической мысли России середины XIX века и его социокультурные истоки: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Орел, 2007.

Барис В.В. Тенденции и перспективы геополитического развития России на рубеже веков: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003.

Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003.

Бевеликова Н.М. Развитие интеграционных процессов в Азии: правовой подход // Российский юридический журнал. 2014. № 1.

Беликова К.М. Институциональная структура и источники права ЕС и МЕРКОСУР: сравнительно-правовой аспект // Международное право и международные организации. 2013. № 1.

Белоусова О.В. Источники правового регулирования в рамках Европейского союза: унификация международного частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6.

Белоусова О.В. Унификация законодательства Европейского союза в сфере международного частного права: аналитический об-

зор // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 2.

Бобровников А.В. Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации // Латинская Америка. 2005. № 10.

Богустов А.А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ // Российская юстиция. 2012. № 3.

Босовец С.М. Правовое регулирование интеграции между Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной: к вопросу о соотношении ЕврАзЭС и ЕЭП // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 2.

Бургете А.Р., Дерюгина А.В. Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., 1965.

Бусурманов Ж.Д. Евразийская декларация прав человека и народов — поиск разрешения межцивилизационных противоречий // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3.

Бусурманов Ж.Д. Евразийская Декларация прав человека и народов как ответ на новые вызовы современности // Право и государство. 2015. № 1.

Бусурманов Ж.Д. Евразийский экономический союз как новая гуманистическая ценность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4.

Бусурманов Ж.Д. Права человека через призму евразийства. URL: http://www.enu.kz/repository/repository2014/prava-cheloveka-cherez-prizmu.pdf.

Быкова Е.В. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Российский судья. 2013. № 9.

Валеев Р.М., Курдюков Г.И. Международное право. Особенная часть. М., 2010.

Вахитов Р.Р. Труды классиков евразийства и ситуация с их публикацией. Официальный сайт интернет-библиотеки Nevmenandr.net. URL: http://nevmenandr.net/.

Ведель И.А., Безбородов Ю.С. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы // Международное публичное и частное право. 2014. № 1.

Власова Н.В. Правовые проблемы интеграции на евразийском пространстве в современных условиях // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики / сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Т. 1. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2015.

Власова Н.В., Залоило М.В. Конкретизация положений директив ЕС в законодательстве государств-членов ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5.

Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Вопросы%20и%20ответы%20по%20Соглашению%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf.

Воробьев В.В. Этапы формирования Содружества Независимых Государств в 1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249).

Гинзбург Ю.В. Этапы экономической интеграции на постсоветском пространстве // Публично-правовые исследования (электронный журнал). 2014. № 3.

Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пилолкин. М., 2004.

Гулевич В.А. Гноссеологические основы интеграции евразийского пространства // Международная конференция «Евразийский вектор развития: проблемы и перспективы». Официальный сайт журнала «Международная жизнь». URL: https://interaffairs.ru/.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 1992.

Рене Д., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999.

Долгов С.И. Общее экономическое пространство — новый интеграционный формат в условиях глобализации // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 9.

Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. 2013. № 10.

Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6.

Дроздова С.А. Таможенный союз и Единое экономическое пространство — основа формирования Евразийского экономического союза // Таможенное дело. 2014. № 4.

Дроздова С.А. Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз: историко-правовой аспект этапов интеграции // Таможенное дело. 2013. № 1.

Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1996.

Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1997.

Дугин А.Г. Основы евразийства. М., 2002.

Дугин А.Г. Русская вещь: В 2 т. М., 2001.

Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.

Евдокимов Л.В. Интеграционные процессы в андском регионе Латинской Америки: политический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2012.

Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

Евразийский временник. Книга пятая. Париж, 1927.

Евразийский временник. Книга третья. Берлин, 1923.

Евразийский временник. Книга четвертая. Париж, 1925.

Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М., 2014.

Ефремова Н.А. Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

Жумабаева М.Е., Бородаев В.Е. Евразийский экономический союз: правовая характеристика // Международный правовой курьер. 2016. № 1.

Залоило М.В. Правовое пространство евразийских интеграционных объединений: история становления, современное состояние и тенденции развития // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики / сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Т. 1. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2015.

Зинченко Н.Н. Региональные особенности правового регулирования процессов внешней трудовой миграции (на примере стран-участниц Содружества Независимых Государств) // Lex russica. 2013. № 9.

Зиядулаев Н.С. ЕАЭС: между политикой и экономикой // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11.

Иваненко С.В. Экономический механизм социалистической интеграции. Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 1984.

Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2014.

Исполинов А. Договор о Евразийском союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕврАзЭС (ч. 1) // https://zakon.ru/blog/2014/06/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1

Исполинов А.С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. 2015. № 1.

Исэров А.А. Общественное мнение и становление внешней политики США в Латинской Америке, 1815–1829. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2006.

Калиш Я.В. Договор о Евразийском экономическом союзе // Обозреватель — Observer. 2014. № 12.

Каминская Н.В. Влияние глобализационных тенденций на становление региональных правовых систем // Международное право. 2014. № 2.

Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12.

Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11.

Каримов И.А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Ташкент, 1996.

Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 2016.

Касаткина Е.А. Роль Организации американских государств в антикубинской политике США в 1960-е — 1970-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9.

Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5.

Каширкина А.А. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография / отв. ред. А.Я. Капустин. М., 2012.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2010. № 2.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография. М., 2014.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8.

Кашкин С.Ю., Четвериков А. О. Основы интеграционного права. М., 2014.

Кембаев Ж.М. Правовые аспекты экономической интеграции на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы развития // Правоведение. 2007. № 3.

Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. № 2.

Кембаев Ж.М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2016. № 2.

Кириевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911.

Клюев П.А. Европейская интеграция и ее влияние на суверенитет государств — членов Европейского союза // Юридические науки. 2006. № 4.

Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3.

Кожеуров Я.С. Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: «смотр правовых сил» // Российский юридический журнал. 2016. № 4.

Кожеуров Я.С. О международной правосубъектности индивида. URL: www.msal.ru.

Кожеуров Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского Суда по правам человека и Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11.

Козырин А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС // Реформы и право. 2013. № 3.

Козырин А.Н. Приватизация в России: правовое измерение // Реформы и право. 2012. № 2.

Колосов Ю.М. К вопросу о примате международного права // Международное право в современном мире. М., 1991.

Кошкуль Д.В. Интеграционный компромисс стран южного конуса // Вестник Финансового университета. 2015. № 3.

Кузнецова И.С. Правосубъектность индивида в международном праве. URL: elib.bsu.by.

Курс международного права: В 7 т. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире / М.П. Бардина, С.А. Войтович, Ю.М. Колосов и др. М., 1993.

Лебедев С.Н. Унификация правового регулирования международных хозяйственных отношений (некоторые общие вопросы) // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей. Труды кафедры международного частного и гражданского права МГИМО. М., 1979.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 26. М., 1975.

Ливенцев Н.Н., Костюнина Г.М. Интеграция в Латинской Америке // Международная экономическая интеграция. М., 2006.

Лобер В.Л. Рост и укрепление региональных интеграционных структур в Западном полушарии // Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / Под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова, Л.О. Терновой. М., 2007.

Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. СПб., 1985.

Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 окт.

Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2007.

Лукьянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. 2012. № 9.

Мажорина М.В. Современные тенденции развития права международной торговли // Журнал российского права. 2014. № 4.

Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.

Маковский А.Л. Вопросы теории международно-договорной унификации права и состав международного частного права // Материалы Торгово-промышленной палаты СССР. Вып. 34. М., 1983.

Мальцева С.Е. Взаимосвязь политики и экономики в либеральной политической мысли Латинской Америки конца XX века: на примере трудов мыслителей Чили, Перу и Аргентины: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.

Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М., 2015.

Международное частное право: учеб. пособие для бакаларов / отв. ред. Н.И. Марышева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

Международное частное право: Учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

Международное частное право: учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть / А.И. Абдуллин, Н.М. Артемьева, Д.В. Афанасьев и др.; под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. М., 2011.

Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства: научное издание / Н.Г. Доронина, В.Ю. Лукьянова, Н.Г. Семилютина, О.И. Тиунов. М., 2012.

Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза / К.А. Бекяшев и др. — М., 2015.

Международные экономические отношения: Учебник для вузов / Е.Ф. Жуков, Т.И. Капаева, Л.Т. Литвиненко и др.; под ред. проф. Е.Ф. Жукова. М., 2000.

Менглиев Ш.М. Объективная необходимость гармонизации правовых систем стран СНГ // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2.

МЕРКОСУР и ЕАЭС обсуждают меморандум о взаимопонимании. URL: http://eurasiatx.com/mercosur-and-eeu-to-sign-a-cooperation-agreement-soon-2/?lang=ru

МЕРКОСУР приостанавливает членство Парагвая и принимает Венесуэлу [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/world/20120629/688313037.html

Михайленко А.Н. Становление и развитие Содружества Независимых Государств: политический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М., 2013.

Моисеев А. Демократия дала сбой в Парагвае // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. URL: http://ref.interaffairs.ru/read.php?item=8610

Морозов И.Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XIX века — начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2010.

Муратова О.В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции // Журнал российского права. 2015. № 12.

Муратова О.В. Проблемы унификации международного частного права в рамках СНГ и ЕврАзЭС и способы их решения на примере ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4.

Муратова О.В. Унификация коллизионных норм международного частного права в Европейском союзе // Российская юстиция. 2014. № 3.

На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. Берлин, 1922.

Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.

Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8.

Обуховский В.В. Теории международной экономической интеграции // Экономика XXI века. 2007. № 1.

Олтеану О.М. Правовой механизм эволюции ЕЭС к наднациональным федеративным структурам // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 1.

Отдельные виды обязательств в международном частном праве / под ред. Н.Г. Дорониной, И.О. Хлестовой. М., 2014.

Перевалов В.Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 5.

Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей

использования опыта Европейского союза // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5.

Подгусков В.Н. Механизмы формирования и технологии освоения интеграционных пространств в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). — М., 2005.

Право интеграции и коммунитарное право. Официальный сайт Постоянного апелляционного суда МЕРКОСУР. URL: http://www.tprmercosur.org/es/index.htm

Правовое пространство и человек: монография / Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. М., 2012.

Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС): Монография / под ред. В.Ю. Лукьяновой. М., 2012.

Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012.

Принципы Европейского договорного права / пер. А.Т. Амирова, Б.И. Пугинского // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2005. № 3, 4.

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А.С. Комарова. М., 2013.

Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М., 2012.

Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М., 2000.

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.

Путь права требует разума, воли и ответственности. Интервью В.Д. Зорькина информационному агентству «Интерфакс». URL: http://www.interfax.ru/interview/346291

Рафалюк Е.Е. Аксиологический подход в международном праве // Журнал российского права. 2015. № 10.

Рафалюк Е.Е. Интеграционные процессы: опыт России и Бразилии // Журнал российского права. 2013. № 12.

Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. 2014. № 3.

Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового

пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6.

Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1.

Рафаэль Альберто Патригнани. АЛКА и МЕРКОСУР в интеграционных процессах Латинской Америки. // Обозреватель — Observer. 2006. № 12.

Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М., 2015.

Россия и Латинство. Сборник статей. Берлин, 1923.

Рыжов В.Б. Международно-правовые модели региональной экономической интеграции (Европейский союз, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС) // Международное публичное и частное право. 2006. № 4.

Савицкий П.Н. Степь и оседлость. Официальный сайт интернет-библиотеки Nevmenandr.net. URL: http://nevmenandr.net/.

Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / под ред. В.А. Туманова. М., 2003.

Самович Ю.В. Право на обращение в Европейский суд по правам человека. М., 2016.

Сафиуллин Д. Статус Экономического суда Содружества Независимых Государств и юридическая сила его решений // Хозяйство и право. 1998. № 7.

Словарь международного права / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др.; отв. ред. С.А. Егоров. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.

См.: Luciana B. Scotti. Instrumentos de integración juridical en el Mercosur: El rol del Derecho Internacional privado // Academia 2015 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/5194909/INSTRUMENTOS_DE_INTEGRACI%C3%93N_JUR%C3%8DDICA_EN_EL_MERCOSUR_EL_ROL_DEL_DERECHO_INTERNACIONAL_PRIVADO.

Смоляков В.А. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточноазиатской моделей) // Вестник ХГАЭП. 2010. № 3 (48).

Современное международное частное право в России и Евросоюзе: монография. Кн. 1 / под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М., 2013.

Соколова Н.А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // Lex Russica. 2015. № 11.

Спартак А.Н. Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века // Российский экономический вестник. № 6.

Стрельников К.А. Правовая глобализация: основные тенденции // Юридический мир. 2008. № 10.

Струков К.В. Идея космополитизма европейской культуры в книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечества» // Политика, государство и право. 2014. № 9.

Тевелева В.Н. Интеграция правовых систем как форма сотрудничества государств [Электронный ресурс] http://media.miu.by/files/store/items/uses/xvii/mim_uses_xvii_31007.pdf

Тиунов О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8.

Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010.

Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М., 2003.

Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга седьмая. Париж, 1931.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999.

Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей / под ред. И.О. Хлестовой. М., 2013.

Хабриева Т.Я. О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47).

Чичкин А. Интеграционный потенциал СНГ еще даже не раскрыт, а не то что исчерпан. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2015-03-19--integracionnyj-potencial-sng-esche-dazhe-ne-raskryt-a-ne-to-chto-ischerpan-17150

Шабалов П. «Не сошлись характерами. Всеамериканской зоны свободной торговли пока не будет» // Труд. 2005. № 207.

Шапкина Г.С. Правовое регулирование поставок в рамках СНГ // Закон. 1995. № 6.

Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 2001.

Шибаева Е.А. Право международных организаций: Вопросы теории. М., 1986.

Шинкарецкая Г.Г. К вопросу об Экономическом суде Содружества Независимых Государств // Евразийский юридический журнал. 2009. № 7.

Шинкарецкая Г.Г. Суд СНГ — не судебное учреждение? // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42.

Широков О.С. Исход к Востоку. Философия евразийства. М., 2008.

Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы Договора о Евразийском экономическом союзе // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 4.

Шумский В.Н. Юридическая сила актов высших органов Содружества Независимых Государств // Журнал российского права. 2006. № 7.

Энтин М.Л. Суд Европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987.

Энциклопедия юриста. URL: http://eyu.sci-lib.com/article 0000664.html

Янков В.В. Глобализация в сфере публичного права: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д., 2009.

Официальные интернет-ресурсы

1. Официальные интернет-ресурсы интеграционных объединений

- Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств: http://cis.minsk.by/
- Официальный сайт Андского сообщества: www.comunidadandina.org
- Официальный сайт МЕРКОСУР: http://www.mercosur.int/
- Официальный сайт Европейского союза: http://europa.eu/

2. Официальные Интернет-ресурсы ЕАЭС

- Сайт Евразийского экономического союза: http://www.eaeunion.org/

- Сайт Евразийской экономической комиссии: http://www.eurasiancommission.org/

3. Правовые Интернет-ресурсы стран ЕАЭС

- Национальный правовой Интернет портал Республики Беларусь: http://www.pravo.by/
- Официальный Интернет-портал правовой информации Российской Федерации: http://pravo.gov.ru/

4. Официальные Интернет-ресурсы судебных органов интеграционных объединений

- Официальный сайт Суда ЕАЭС: http://courteurasian.org/
- Официальный сайт Экономического суда СНГ: http://sudsng.org/
- Официальный сайт Суда Андского сообщества: www.tribunalandino.org.ec
- Официальный сайт Постоянного апелляционного суда МЕРКОСУР: http://www.tprmercosur.org
- Официальный сайт Центральноамериканского суда: http://portal.ccj.org.ni/CCJ2/Default.aspx?tabid=66
- Официальный сайт Карибского суда: http://www.caribbeancourtofjustice.org/judgments-proceedings/original-jurisdiction-judgments
- Официальный сайт Суда Европейского союза: http://curia.europa.eu

Научное издание

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Монография

Подписано в печать 10.12.2016. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,94. Уч.-изд. л. 24,35.
Тираж 500 экз. Заказ № 00000
Цена свободная.

ООО «Издательский Центр РИОР»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В.
Тел.: (495) 280-38-67. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: info@rior.ru http://www.rior.ru